

Сергей Соловьев

БУДУЩЕ СВОБОДЫ

Немецкая демократия

в США и за их пределами

Fareed Zakaria

**The Future of Freedom:
Illiberal Democracy
at Home and Abroad**

W. W. Norton & Company
New York, 2003

Фарид Закария

**Будущее свободы:
нелиберальная демократия
в США и за их пределами**

Перевод с английского
под редакцией В.Л. Иноземцева

Научно-издательский центр «Ладомир»
Москва, 2004

Фарид Закария

Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Ладомир, 2004. — 383 с.
ISBN 5-86218-437-6

Книга главного редактора американского журнала «Ньюсуик интернэшнл» Фариды Закарии стала заметным событием в мировой политологии и активно обсуждается зарубежными экспертами. Автор считает, что на Западе получили распространение искаженные и дезориентирующие представления о содержании и смысле демократии. Налицо смешение процессов демократизации и либерализации, отождествление свободных выборов и справедливо-го политического устройства. Однако демократия характеризует лишь форму правления, а не глубинные черты социальной организации, и потому не является ни самоцелью, ни воплощением общественно-политического идеала. Демократическую систему правления нельзя считать абсолютным благом, она может быть и нелиберальной, вести к тирании большинства или служить укреплению власти авторитарных правителей. Стратегия навязывания демократии другим странам, взятая на вооружение правительством Соединенных Штатов, ошибочна и не способна гарантировать прогресс и свободу в современном мире.

Для политологов, социологов, историков, экономистов, специалистов в области международных отношений, а также широкой общественности.

ISBN 5-86218-437-6

© Fareed Zakaria. Текст, 2003
© Fareed Zakaria. Предисловие
к русскому изданию, 2004
© Центр исследований
постиндустриального
общества, 2004
© В.Л. Иноземцев. Вступительная
статья, 2004
© «Ладомир», 2004

Содержание

<i>В.Л. Иноземцев. Свобода и демократия: что выше?</i>	VII
<i>Предисловие к русскому изданию</i>	XXXIX
<i>Слова благодарности</i>	LII
Введение. Эпоха демократии	1
1. Краткая история человеческой свободы	18
2. Извилистая стезя	52
3. Нелиберальная демократия	87
4. Особенности ислама	123
5. Избыток демократии	171
6. Упадок авторитета власти	216
Заключение. Что делать	264
Послесловие. 51-й штат	286
<i>Примечания</i>	294
<i>Указатель</i>	304

Свобода и демократия: что выше?

«Не говори: “Отчего это прежние дни были лучше нынешних?”» – написано в книге Екклесиаста, – потому что не от мудрости своей ты спрашиваешь об этом»¹. Эти слова нередко воспринимаются как откровение, хотя с гораздо большим основанием их можно считать частью исповеди. Во многом Екклесиаст был прав; его прославленная фраза служит и будет вечно служить бальзамом, залечивающим раны тех, кто потерпел фиаско в поисках личного счастья. Но если адресовать содержащийся в ней вопрос тем, кто ищет блага не для себя, а для ближних, то целебная истина превращается в очевидную ложь. Потому что нынешние дни действительно далеко не всегда оказываются лучше прежних, и потому что поиск объяснений этого – не печальный удел человеческого рода, но лишь свидетельство его неистребимого стремления к совершенству.

Очень часто в текстах, относящихся к самым разным эпохам и принадлежащих авторам, между которыми трудно найти нечто общее, приводятся слова их далеких предшественников, преисполненные горького сарказма по отношению к современникам. Такой прием считается отличным средством доказать, что если античные философы клеймили римских тиранов так же, как нынешние правозащитники – руководство китайской Коммунистической партии, а престарелый монах описывал упадок нравов в Италии XIII века почти в тех же выражениях, что и сегодняшние журналисты – моральную

¹ Екклесиаст: 7, 10.

распущенность в современной Москве, то на деле никакой деградации не происходит, а человечество, как и тот ветер, о котором говорил Екклесиаст, «кружится, и кружится, и возвращается на круги своя». И потому те, кто находит в себе силы отринуть эту убаюкивающую идеологию и действительно пытается понять, «отчего это нынешние дни стали хуже прежних», заслуживают похвалы общества. А те, кому удастся хоть сколько-нибудь приблизиться к убедительному ответу – признательности и благодарности своих современников.

Вполне возможно, что в моих словах содержится элемент преувеличения, но я все же рискну утверждать, что своей работой «Будущее свободы» Фарид Закария, 40-летний американский интеллектуал, индеец по происхождению и мусульманин по вероисповеданию, если и не ответил на вопрос Екклесиаста, то по крайней мере доказал, что он исполнен актуального смысла. В небольшой книге, написанной языком, понятным любому, кто читает ежедневные газеты и смотрит телевизионные новостные программы, он обратился к бесчисленному множеству сюжетов – исторических, религиозных, экономических, этнографических, политических и нравственных, – чтобы развеять один из величайших мифов нашего времени – миф о тождестве свободы и демократии.

Родившийся в шумном, многонациональном Бомбее, главном экономическом и финансовом центре Индии, и в юности уехавший учиться в далекую Америку, Фарид Закария с отличием закончил Йельский университет, а вскоре блестяще защитил диссертацию в Гарварде. Затем последовало приглашение в журнал «Форин афферс», где за несколько лет он достиг поста заместителя главного редактора, который недавно сменил на должность главного редактора «Ньюсуик интернэшнл», всемирно известного еженедельника, издающегося суммарным тиражом в 3,5 миллиона экземпляров (с конца мая этого года выходит и русская версия «Ньюсуик»). Особенности биографии Ф. Закарии, его знания и таланты позволяют ему быть желанным собеседником, а зачастую и оппонентом, американских профессоров и арабских шейхов, японских предпринимателей и европейских интеллектуалов, африканских диктаторов и всемирно известных правозащитников. Вникая в их

аргументацию, постигая их позиции, он формирует собственное видение мира – во всем его многообразии, переплетении проблем, реальности тех или иных перспектив. Мира, который он, родившийся в самой многонаселенной, а живущий в самой могущественной из демократических стран, стремится обезопасить от современной демократии.

Основная мысль, которую Ф. Закария пытается донести до читателя, состоит в том, что в сознании людей, населяющих современный западный мир, происходит *пугающее смешение смысла демократии и либерализма, либерализма и свободы, свободы и справедливого политического устройства*. В результате возникает представление о тождественности «демократии» и «хорошего правительства» – представление, делающее термин «демократия» аналитически бесполезным (см. с. 8). Однако демократия может быть и нелиберальной, может служить укреплению власти авторитарных правителей, что и происходит, например, в большинстве постсоветских государств (см. с. 98–99). Более того; она вполне может препятствовать прогрессу свободы, о чем свидетельствует история большинства африканских стран, где демократические преобразования обернулись неэффективным управлением и привели к власти откровенно диктаторские режимы (см. с. 104).

Демократия, доказывает Ф. Закария, не только не воплощает в себе какого-то абсолютного блага; она принципиально не может быть навязана целому ряду обществ и не является средством достижения многих весьма благородных целей. Например, «демократия попросту нежизнеспособна в обстановке яростно отстаиваемых этнических предпочтений» (с. 118), то есть там, где большинство и меньшинство, по сути, известны заранее и не подвержены существенной динамике. Демократический метод оценки самых насущных задач с неизбежностью приведет к предпочтению благ настоящих благам будущим и тем самым затруднит, или сделает вообще невозможным, принятие стратегически правильных решений, требующих сиюминутных жертв; автор блестяще доказывает это на примере функционирования таких далеких от демократичности институтов, как центральные банки развитых стран (см. с. 268, 275) или судебная система (см. с. 10). Поэтому

развитие демократии не обязательно ведет к расширению свободы; напротив, результатом «демократизации демократии», инципированной в Соединенных Штатах в конце 1960-х годов, «стал серьезный дисбаланс в американской политической системе: теперь в ней больше демократии, но меньше свободы» (с. 172).

Означает ли это, что всемерное развитие и распространение демократии, на которое сделали ставку правительства большинства западных стран, и прежде всего – Соединенных Штатов, не является универсальным инструментом прогресса свободы? Да, отвечает автор, это так. Именно поэтому его книга называется «Будущее свободы» – вот что в наши дни поставлено на карту. Будущее демократии безоблачно до тех пор, пока все болезни демократии излечиваются только одним лекарством – еще большей демократией (см. с. 265). Но этого нельзя сказать о свободе, поскольку ни свобода одного человека, ни даже свобода многих не делает свободным все общество, в то время как способность большинства навязать меньшинству свою волю ни в коей мере не противоречит принципам демократии.

Для Ф. Закарии демократия не является ни самоцелью, ни воплощением общественно-политического совершенства – в первую очередь потому, что она характеризует форму правления, а не глубинные черты социальной организации. Справедливости ради необходимо отметить, что этот тезис вовсе не нов; в свое время еще Платон называл тимократию, олигархию, демократию и тиранию четырьмя «формами организации государства»², а Аристотель еще более категорично утверждал, что существуют три основные формы правления – монархия, аристократия и полиция³, и три «производные от них, извращенные формы» – тирания, олигархия и демократия⁴, хотя иногда упоминал и другие, например, охлократию⁵. Если говорить в этих терминах, Ф. Закарии близки воззрения Аристотеля: он, фактически, утверж-

дает, что, во-первых, оптимальной формой политического устройства является *полиция* (или, выражаясь более современным языком – республика); во-вторых, она естественным образом выросла из *аристократической* системы; в-третьих, *демократия* представляет собой не альтернативу республике, а не более чем ее дополнение; в-четвертых, бесконечная «демократизация демократии» приводит к *охлократии* и, в конечном итоге, к тирании. Но это очевидное сходство логики взглядов современного американского аналитика и классика древнегреческой философии нисколько не принижает значения предпринятого Ф. Закарией исследования; напротив, оно лишь раз доказывает преемственность общественного развития и плодотворность переосмысливания идей, идущих из глубины столетий.

Именно республика, воплощающая основные идеи либерализма и стоящая на страже прав человека, и является, по мнению автора, той моделью общественно-политического устройства, усвоение которой столь необходимо в современном мире.

Каковы же идеалы и принципы республиканизма? Он базируется на постулате, согласно которому «у людей есть определенные естественные (или “неотъемлемые”) права и... в целях обеспечения таких прав правительства... должны принимать базовый закон, устанавливающий пределы их собственных полномочий» (с. 9). К этим правам относятся право человека на жизнь и собственность, свобода высказывать собственное мнение, исповедовать ту или иную религию, а также право на равное применение ко всем гражданам норм закона и беспристрастность суда. Их защита обеспечивается законом, или конституцией. Либеральная доктрина предусматривает также, что в идеальной республике допускается тот или иной уровень народного представительства и создается система сдержек и противовесов – как правило, в виде разделения законодательной, исполнительной и судебной властей. Демократия, тем более в нынешних ее формах, не является необходимым элементом конституционного либерализма.

Демократические выборы – это «существенное, но не единственное достоинство государственной системы... Экономи-

² Платон, *Государство*, 544с.

³ См.: Аристотель, *Политика*, 1279 а33–37.

⁴ Аристотель, *Политика*, 1279 б4–10.

⁵ См.: Аристотель, *Политика*, 1307 а21–23.

ческие, гражданские и религиозные свободы составляют основу человеческого достоинства и автономии. И если несмотря на ограниченность демократии правительство стабильно наращивает предоставление таких свобод, его не следует относить к диктатурам» (с. 167). Демократическая система не может и не должна ориентироваться на слепое следование воле большинства; в нее необходимо встраивать «определенные формальные и неформальные ограничения, которые, [пусть даже] частично ущемляя энергию и динамизм, обеспечивали бы иные добродетели – такие как транспарентность, честность, беспристрастность и стабильность» (с. 219). *Современная республика*, настаивает Ф. Закария, – это та форма организации общества и власти, которая может создать «разумный баланс между эффективным управлением и демократическим контролем (курсив мой. – В.И.)» (с. 281). По существу, это идеальное определение того типа социального устройства, который необходим для преодоления нарастающих повсюду в мире неуправляемости и хаоса.

Особого внимания заслуживает развернутый в книге глубокий анализ ключевых моментов европейской истории, в частности – перехода от греческой системы общественного устройства к римской; распада Западной Римской империи и сохранения доминирующей роли Римского епископа как главы объединяющей континент христианской религии; противостояния светской и духовной власти в период раннего средневековья; конфликта между монархами и аристократией; эпохи Реформации и первых буржуазных революций. Этот анализ приводит автора к двум принципиальной важности выводам: с одной стороны, утверждает он, «подъем христианской церкви [ставшей противовесом мирской власти] – первейший источник свободы на Западе, а значит и в мире» (с. 20); с другой – имевший место «в европейской истории конфликт между аристократией и монархией стал еще одним великим противостоянием... [которое] помогло возникновению, причем опять-таки естественным путем, исходных предпосылок свободы» (с. 28). Таким образом, история свободы по своей сути была историей борьбы, и расширение пространства свободы происходило спонтанно, а не по какому-либо плану. На-

против, демократия организована по четкому плану и поддерживается соответствующими институтами. Система же, по определению, не может сложиться раньше хаоса. Следовательно, «свобода появилась на Западе гораздо раньше, чем демократия; именно свобода привела к возникновению демократии, а не наоборот» (с. 20).

Это убедительный и важный вывод. Но если мы с ним соглашаемся, то следует, далее, признать, что законы, устанавливаемые для гарантирования свобод, должны приниматься только теми, кто привержен принципу их соблюдения, а сами эти люди – избираться той частью граждан, которая имеет представление о том, как они смогут такими свободами воспользоваться. Таким образом, логично предположить, что демократия могла возникнуть не «снизу», а «сверху», то есть «глас народа» был «услышан» лучшими его представителями, когда сам народ в абсолютном своем большинстве «безмолвствовал». Как отмечает Ф. Закария, конституционные либеральные республики XIX – начала XX веков действительно не были демократиями в современном понимании этого слова. Даже после знаменитой реформы британского избирательного закона в 1832 году правом голоса стали обладать лишь 2,7 процента (!) взрослого населения страны; в те же недалекие по историческим меркам времена в «самой демократичной» стране – Соединенных Штатах – этот показатель достигал 5 процентов взрослого населения (см. с. 42). Однако это не повод отказывать США и Великобритании в демократизме; процесс развивался поступательно (подробнее см. с. 42–44), и в конце концов даже та подавляющая часть американской элиты, которую составляли протестанты англосаксонского происхождения, на протяжении двух столетий задававшие тон политической жизни США, приняла идею всеобщего избирательного права, причем в трудных для себя обстоятельствах: «Столкнувшись [в 60-е годы XX века] с выбором между собственными привилегиями и идеалами, она предпочла последние» (с. 259). Следствием стали резкое усиление давления общественного мнения на выборных политиков, отказ от долгосрочных целей в политических программах и значительное расширение практики референдумов. Но прямое волеизъяв-

ление народа – эта экстремальная форма демократии – обнажает и все ее недостатки; Ф. Закария напоминает своим читателям о том, что афиняне вполне демократическим образом вынесли Сократу смертный приговор (см. с. 21), и замечает: «Во времена, когда короли правили путем издания указов, политика не отличалась совершенством. Ситуация ничуть не лучше, когда тем же занимается народ» (с. 213).

Таким образом, расширение пространства человеческой свободы стало следствием, с одной стороны, продолжительной политической борьбы между духовной и светской властью, между сеньорами и их вассалами, между «третьим сословием» и аристократией и, с другой стороны, философского осмысления принципов функционирования общества, в ходе которого, собственно, и родилась идея «естественного права». Формой, обеспечивавшей этот поступательный прогресс свободы, было гражданское общество. Оно могло быть как аристократическим, так и демократическим. Разумеется, Ф. Закария отдает предпочтение демократическому гражданскому обществу перед аристократическим, но не демократии как таковой перед гражданским обществом как таковым. Следовательно, развитие демократии не должно, во-первых, предшествовать становлению основ гражданского общества и, во-вторых, подрывать этих основ.

Это развитие часто именуют демократизацией, и данный термин вполне адекватно отражает глубинную сущность процесса. Демократия развивается как форма правления в гражданском обществе, и поэтому на протяжении весьма долгого исторического периода – по крайней мере, до завершения Второй мировой войны, никто и никогда не ставил своей целью «*демократизировать*» то или иное общество. Демократизация – внутренне противоречивый процесс, в ходе которого демократия либо привносится в социум, который может быть к ней не готов, либо становится самоцелью, разрушающей либеральный конституционализм гражданского общества. По сути, именно эти два варианта «демократизации» и волнуют автора в наибольшей степени.

Начнем с *первого*, относящегося, разумеется, прежде всего к развивающимся странам.

Значительное число современных государств, полагает Ф. Закария, не готово к усвоению демократических принципов. Это обусловлено как низким уровнем хозяйственного развития, когда для большинства населения политические свободы вообще не являются приоритетным вопросом, так и специфической структурой народного хозяйства, позволяющей государству не заботиться о повышении эффективности собственной деятельности. На большинство таких стран Запад оказывает политическое давление с целью ускорить их «демократизацию». Результатом становится построение иллюзорной демократии, представляющей собою одну из наиболее опасных и порочных политических практик современности. Режимы, «в которых перемешаны выборность и авторитаризм», Ф. Закария называет «нелиберальными демократиями (illiberal democracies)» (с. 89).

Первым примером нелиберальной, и даже тоталитарной, демократии, автор называет республику, порожденную Великой Французской революцией 1789 года, где «государство оказалось выше общества, демократия – выше конституционализма, а равенство – выше свободы» (с. 59). В современном мире он относит к числу нелиберальных демократий большинство посткоммунистических государств (включая Россию), ряд стран Латинской Америки, таких как Венесуэла, а также большинство африканских государств. Что объединяет все эти страны, на первый взгляд столь различные? В каждой из них население имеет возможность избирать органы представительной власти, однако избирательные законы и конституционные нормы фактически препятствуют учету политиками народного волеизъявления. В большинстве этих стран *de jure* или *de facto* действует однопартийная система (см. с. 92), исполнительная власть имеет практически неограниченные полномочия, экономика контролируется государством или уполномоченными им олигархами, ограничена свобода прессы, отсутствует независимая судебная система, а мнение оппозиционных групп последовательно игнорируется. Согласно подсчетам экспертов, на которые ссылается Ф. Закария, число таких нелиберальных демократий на протяжении последних пятнадцати лет выросло в несколько раз – с 22 процентов всех стран мира

в 1990 году до почти 50 процентов в конце десятилетия (см. с. 99).

При этом нелиберальные демократии не отличаются ни политической, ни экономической эффективностью, так как правящие элиты складываются не по меритократическому принципу. Основой нелиберальной демократии служит либо популизм (как в России или Венесуэле), либо жесткий контроль над политической жизнью (как в большинстве африканских стран). Как то, так и другое оказывается возможным благодаря отсутствию обеспеченного и самостоятельного «среднего класса»; нередко поэтому нелиберальная демократия становится следствием преждевременной демократизации. Старт демократическим преобразованиям может быть дан в совершенно различных обстоятельствах (см. с. 66–67), но опыт показывает, что если среднедушевые доходы населения «демократизируемых» стран не превышали 3 тысяч долларов в год, на протяжении 8–15 лет после начала реформ они угасали или обращались вспять (см. с. 64). Запуск процессов «демократизации» в таких условиях (в частности, в России, большинстве постсоветских республик, Венесуэле и Индонезии) приводил к дерегулированию экономики, снижению ее эффективности и падению уровня жизни; в результате в политике *de facto* укреплялись авторитарные тенденции, но *de jure* отступление от демократических норм не декларировалось (подробнее см. с. 48, 64, 121 и др.). Таким образом устанавливалась нелиберальная демократия. Как я полагаю, никакая иная страна не может быть лучшим примером этого процесса, чем современная Россия, и российские читатели не по книгам знают, как формируются подобные тенденции.

Рассуждая о причинах становления нелиберальной демократии, Ф. Закария не пытается искать их в «культуре» того или иного народа («культуры неоднородны, – пишет он, – каждый найдет в них то, что ищет... Ищите старательнее – и в большинстве культур вы найдете любые необходимые [для объяснения особенностей исторического пути интересующей вас страны] признаки» (с. 47–48); не ищет он объяснений и в авторитарных наклонностях отдельных правителей (см. с. 92–93, 95–98 и др.). Фундаментом нелиберальных демократий он

считает структуру экономики соответствующих стран – как правило, основанную на сырьевом секторе. «Правительствам стран, располагающих изобильными ресурсами недр, – утверждает Ф. Закария, – богатство достается слишком легко; они распоряжаются им как бы “по доверенности”. Они жируют, получая доход с продажи минерального сырья или нефти; им не приходится решать куда более сложную задачу создания рамочного законодательства и институтов, способствующих процветанию всей нации (курсив мой. – В.И.)» (с. 71).

Главные опасности, которые таит в себе нелиберальная демократия, состоят, с одной стороны, в том, что народ, видящий, как власти манипулируют его мнением, приходит к глубокому разочарованию в демократии как таковой (см. с. 284); с другой – в том, что ее экономические основы не побуждают к хозяйственной модернизации, а это приводит к постепенному отставанию в экономической сфере и порождает в людях чувство «отверженности» (см. с. 145).

По мнению Ф. Закарии, главное достоинство капитализма состоит не в том, что он обеспечивает гражданам благосостояние и богатство, а в том, что не может функционировать без предоставления им реальной свободы. «Подлинное преимущество Запада, – пишет он, – состоит в том, что сама его история привела к учреждению институтов и обычаев, которые... трудно воспроизвести с листа в иных обществах» (с. 48). Трудно не копировать демократические атрибуты, а воспитывать в людях чувство свободы. Ибо «сами по себе деньги не приносят свободы; необходимо, чтобы благосостояние было заработано» (с. 68). И там, где богатство надо зарабатывать, либеральная суть демократии имеет критически важное значение. Там же, где богатство дается легко, демократическая мишура не приносит значимых результатов. Приводимые в книге расчеты показывают, что на протяжении периода 1971–1989 годов в 97 развивающихся государствах темпы экономического роста были обратно пропорциональны их обеспеченности минеральным сырьем и ресурсами (см. с. 69–70). Наиболее отчетливо это прослеживается на примере арабских стран, и на соответствующих страницах книги легко увидеть фразы, которые не могут не тронуть любого российского читателя.

«Наблюдая арабский мир в середине XX столетия, когда он только освободился от колониальной зависимости от европейских метрополий, — пишет Ф. Закария, — вряд ли было можно предположить, что ему предстоит превратиться в болото... Бейрут, Дамаск, Каир и Багдад были более развиты в культурном и коммерческом отношениях, отличались большей прогрессивностью, нежели большинство других азиатских и африканских столиц. Это объяснимо. В конце концов, арабы принадлежат к великой цивилизации с долгой историей научных, философских и военных побед, [которые они] одерживали в войнах с величайшими державами того времени» (с. 137). Сегодня же это богатые страны, управляемые авторитарными режимами, которые используют получаемые от продажи нефти доходы прежде всего на укрепление собственной власти и внутренней безопасности. Разумеется, это не соответствует западной модели развития. Именно «эта смесь чувств гордости и неудачливости составляет суть “арабской проблемы”». Она преграждает путь экономическому развитию и затрудняет политический прогресс. Америка считает переход к эпохе модернити делом исключительно благим — и для Америки в основном так и было. Но для арабского мира это означало одно поражение за другим. Все избранные пути — социализм, светскость, национализм — приводили в тупик... Арабы разочаровались в Западе, в то время как им следовало бы разочароваться в собственных лидерах» (с. 147). Соответственно хочется спросить: неужели Россия была отсталой страной в те же 1950-е годы? Разве Москва не была центром если не мировой политики, то мощного международного коммунистического движения, провозглашавшиеся которым цели были, между прочим, плодом развития западной философской традиции? Разве Россия не есть центр великой цивилизации, ведущей свое начало от традиций Византии? Неужели еще в XIX веке русские ученые, писатели и композиторы не сделали открытий и не создали шедевров, которыми до сих пор гордится весь мир? И что, кроме тонко подмеченной индийским мусльманином «смеси чувств гордости и неудачливости» составляет сегодня суть «российской проблемы»? Разве наше разочарование Западом, наше упорное неприятие его ценностей

не порождены тем, что страна «проморгала» эпохальные перемены последних десятилетий, в чем виноваты лишь ее собственные лидеры, и по сей день предпочитающие нелиберальную демократию либеральному конституционализму? Над этими вопросами необходимо задуматься всем нашим согражданам, которым близки судьбы страны, которые не могут и не хотят мириться с превращением некогда великой державы в сырьевой придаток западного мира, которые понимают, что высшей социальной ценностью и источником подлинного благосостояния является свобода, только свобода и ничего, кроме свободы.

Однако Ф. Закария отнюдь не выступает за насаждение демократии западного типа во всех незападных обществах. Напротив, он подчеркивает (и это мы уже отмечали), что преждевременный переход к демократии способен привести к серьезным экономическим трудностям и политической неустойчивости и как следствие — породить авторитарные и диктаторские режимы. В своей книге он убедительно иллюстрирует это на примере Венесуэлы и ряда африканских государств (см. с. 96, 104 и др.), показывает, в частности, что все демократические эксперименты в Африке окончились неудачами, и сегодня «эффективное управление необходимо [странам континента] в большей мере, нежели демократия» (с. 97). Выбор, который, по мнению американского политолога, должны сделать для себя развивающиеся страны, — это выбор *между нелиберальной демократией и либеральной автократией*.

Либеральная автократия, или, на более высокой ступени развития, либеральный конституционализм, оказывается более эффективным путем становления, как это ни парадоксально, либеральной демократии. Так и не ответив на вопрос, насколько помогала или мешала демократизация хозяйственному развитию бедных стран, многие аналитики вынуждены были прийти к тому, что «на протяжении последних 50 лет практически все “истории успеха” в развивающемся мире происходили при либеральных авторитарных режимах, будь то на Тайване, в Южной Корее, Сингапуре, Чили или даже в Китае» (с. 278). По сути, подчеркивает Ф. Закария, все эти страны, лидеры которых не переставали разглагольствовать о том,

что ведут свои государства «своим» путем, учитывающим все особенности азиатской или латиноамериканской культур, на деле уверенно копируют лишь «[незначительно модифицированную] версию европейской модели: капитализм и верховенство закона в первую очередь, а демократия – во вторую» (с. 48). В результате они добились впечатляющих хозяйственных успехов, и на протяжении последних полутора десятилетий перешли к демократии – причем гораздо более устойчивой и эффективной, чем та, что имеет место, например, в Индии. «Как и в Западной Европе, – пишет Ф. Закария, – ...автократии, проводившие либерализацию, заложили фундамент стабильных либеральных демократий» (с. 49). Даже Китай, настаивающий на своей приверженности социалистическим идеалам и руководящей роли Коммунистической партии, также придет к подобному результату и будет прав, если не поддается на призывы Запада к немедленной демократизации, пойдет по избранному пути постепенно и с известной осторожностью (см. с. 83).

Либеральные автократии, доказывает Ф. Закария, являются собой гораздо более эффективный (если не единственно возможный) путь формирования предпосылок, необходимых для установления либерального демократического режима. В качестве примера того, как приходят в упадок демократии, имевшие все шансы на успех, но не сумевшие обеспечить своей стране должного вектора развития, он приводит свою родную Индию. Индийский национальный конгресс, который в свое время привел страну к независимости, в конечном счете установил «квазилиберальную демократию». Она основывалась на британской приверженности независимости судебной власти, на свободе слова и высоком личном авторитете лидеров Конгресса, таких как Джавахарлал Неру и Индира Ганди (см. с. 112–114). Но в 1975 году Верховный суд вынудил И. Ганди подать в отставку, выявив мелкие нарушения, допущенные партией в ходе избирательной кампании (см. с. 113). По мере активизации избирателей и появления альтернативных партий индийская демократия пришла в упадок, превратилась в своеобразный механизм популистского волеизъявления, причем на выборах большинство партий нередко использует

откровенно националистические лозунги, а многие депутаты и представители местной власти, мягко говоря, не отличаются порядочностью (см. с. 109–112 и др.).

Таким образом, анализируя опыт развивающихся стран, Ф. Закария приходит к выводу, что вероятность построения подлинно либеральной демократии оказывается гораздо выше там, где ей предшествовал либеральный авторитаризм, а не там, где укрепилась нелиберальная демократия. Будущее свободы – это будущее либерализма, а не демократии. Однако, как можно убедиться, читая сегодня газеты и книги, смотря теле- и слушая радиопередачи, с этим выводом не спешат согласиться в западных странах, особенно в США, которые крайне озабочены тем, как ускорить демократизацию в тех государствах, где господствуют монархические или авторитарные режимы. Но, прежде чем оценивать вероятность успехов Соединенных Штатов в этой области, остановимся на той части книги, которая посвящена некоторым странам «особенностям» самой американской демократии.

Речь, по сути, идет о *втором* варианте «демократизации», все более характерном для развитых западных стран.

Суть этого «отклонения от генеральной линии» автор суммирует в положении, которым открывается заключительная часть его книги: «XX столетие, – пишет он, – отмечено двумя важнейшими тенденциями: регулированием капитализма и дерегулированием демократии» (с. 264). На пути этой интересующей нас тенденции практически не существует никаких препятствий, так как ни одна из традиционно влиятельных социальных сил не может аргументированно оппонировать ей, не изменяя своему идеологическому кредо. Ф. Закария обращает внимание на очевидную связь демократизации и коммерциализации, непреодолимую в условиях общества массового потребления. «Ныне люди по большей части существуют в качестве потребителей; именно это определяет их власть, поэтому коммерциализация стала оборотной стороной демократизации... Двойственная природа демократизации – наделение людей властью как граждан и как потребителей – позволяет объяснить, почему мало кто осмеливается критиковать происходящую в обществе трансформацию. *С позиций левых,*

трудно осуждать культуру среднего человека. Правые не могут признать, что капитализм способен привести к дурным последствиям – даже в сфере культуры. И те, и другие не хотят согласиться с тем, что... люди могут сделать неправильный выбор (курсив мой. – В.И.)» (с. 241). Крут замыкается. Никто не готов признать, что демократии может быть слишком много. Но об этом предупреждает сама действительность; не случайно Ф. Закария четко формулирует одну из главных проблем современных западных обществ: «Сегодня нам необходима такая политика, в которой демократии было бы не больше, а меньше» (с. 274).

Однако сегодня, когда на Западе, и в первую очередь в США, демократия объявлена высшей ценностью, любые действия, которые могут быть восприняты как ее ограничение, обречены на провал. По мере расширения круга избирателей, по мере того как все больше правительственных постов становится выборными, по мере усиления влияния средств массовой информации на потенциальных избирателей – по мере всего этого развивается и процесс, который Ф. Закария называет рабелепством лидеров перед народом (см. с. 178). Не отрицая значения народовластия, он подчеркивает, что мнение большинства не всегда оказывается верным, и, что не менее важно, общественную поддержку могут получать предложения, на деле являющиеся взаимоисключающими – такие, например, как снижение налогов и повышение пособий малоимущим (см. с. 210). Поэтому укрепление и развитие народовластия далеко не всегда сопровождается предсказуемой и четкой политикой правительства, а когда «складывается впечатление, что правительство не способно разумно или логично подходить к определению своих приоритетов и расходов,... люди уже не верят, что оно способно решать новые проблемы» (с. 190).

Пытаясь выйти из этого порочного круга, американцы инициировали практику референдумов, призванных стать высшим проявлением прямого народного волеизъявления. Особенно далеко в этом направлении продвинулись власти штата Калифорния. Если в 1960-е годы в тех или иных штатах или в США в целом было проведено 88 референдумов, то в 1990-е – уже 378 (см. с. 204–205). В результате бюджет Кали-

форнии оказался вне контроля законодательного собрания штата: около 85 процентов всех расходов надлежало направлять на те нужды, которые были определены в ходе референдумов (см. с. 210). Результат известен: штат оказался в финансовом кризисе, губернатор-демократ Г. Дэвис в октябре 2003 года был отозван, а новым губернатором избран (простым большинством из более чем 50 кандидатов) известный голливудский актер А.Шварценеггер, прежде никогда политикой не занимавшийся.

Отзыв калифорнийского губернатора и избрание на его место актера произошли уже после того, как книга Ф. Закарии вышла в свет, и эти события как нельзя лучше доказывают правоту автора, обеспокоенного быстрым скатыванием американского общества от политики партийной к политике, если так можно сказать, «личностной». Соглашаясь с выводом историка американской демократии К. Росситера, согласно которому «нет Америки без демократии, демократии без политики, политики без партий», Ф. Закария добавляет: «Его утверждение справедливо применительно к любой стране. Без партий политика становится игрой отдельных личностей, групп интересов и диктаторов» (с. 92). Сегодня же успех партии зависит от известности ее лидера, а сами партии «оказываются в тени своих кандидатов» (с. 195). Приходится лишь удивляться, что это происходит в Америке – стране с вековыми демократическими традициями: ведь все это россияне имели возможность наблюдать на протяжении полутора десятилетий собственной «демократизации»; у нас в стране есть «партия Путина», «партия Жириновского», «партия Явлинского», но не было и нет ни праволиберальной, ни социал-демократической, ни, похоже, уже и коммунистической партий. «И это только начало, – предупреждает автор. – По мере того, как политические партии будут деградировать дальше, богатство и/или известность станут привычными средствами для избрания на высшие посты» (там же). Возразить, как говорится, нечего.

Но даже если демократизация и не принимает столь «экстремальных» форм, она тем не менее постепенно разрушает то относительно закрытое политическое сообщество, которое

десятилетиями управляло западными странами. «Аристократическая либеральная демократия» уступает место «народной демократии», которая нередко оказывается демократией только по своему названию. Развенчав саму прежнюю идею элитарности, признает Ф. Закария, «мы породили политику, которую проводят теневые элиты. Они ни перед кем не несут ответственности, не отзывчивы на чужие нужды и часто вообще не озабочены общественными интересами» (с. 215). Не приемля элитарности, общество сохраняет элиты, но при этом элиты неподотчетные и формируемые по, мягко говоря, не вполне определенным признакам (подробнее см. с. 251–263). Неустойчивость таких элит порождает у их представителей стремление извлечь из своего положения максимальные материальные (а для иных у них просто не хватает воображения) выгоды; «право, – цитирует Ф. Закария слова известного американского юриста М. Льюиса, – уступило двум главным американским инстинктам – демократизации и коммерциализации (которые зачастую совпадают)» (с. 247). Жаль, что только эти элементы западного стиля поведения охотно перенимают даже антизападно настроенные российские «элиты».

Как следствие, в обществе возникают и быстро консолидируются «группы интересов», отражающие позиции как крупных финансово-промышленных структур, так и отдельных регионов, этнических групп или иных меньшинств. В условиях, когда роль политических партий оказывается сведенной на нет, такие лоббистские команды обретают огромное влияние. Ф. Закария приводит примеры наиболее впечатляющих результатов, которых добиваются отдельные лоббистские группировки – от ассоциации производителей хлопка до представителей этнических меньшинств (подробнее см. с. 185–186, 192–193 и др.). Прямые субсидии и налоговые льготы, предоставленные в результате подобных действий отдельным категориям предпринимателей и граждан, кажутся на первый взгляд незначительными, но в целом они поражают воображение: «По итогам 2001 года [налоговые льготы] составили в совокупности более 550 миллиардов долларов недополученных федеральным правительством налогов» (с. 276), что составляет, добавим мы, около пятой части всех расходов федерального бюд-

жета. «Реформы, предназначавшиеся для того, чтобы привести к власти большинство, – резюмирует автор, – породили власть меньшинства» (с. 183; подробнее см. с. 189–190), и, как мне кажется, в пореформенной России найдется не много людей, которые не были бы готовы подписаться под этими словами.

За внешним фасадом благополучия Ф. Закария видит крах «американской мечты». Обращаясь к идеалам, вдохновлявшим отцов-основателей Соединенных Штатов, он вспоминает идеи Дж. Мэдисона, по мнению которого «сила Америки заключалась в том, что страна была *республикой*, а не *демократией* в чистом виде (курсив мой. – В.И.). Это означало, что выработка государственной политики осуществлялась не напрямую, под воздействием эмоций или чьих-то узкогрупповых интересов. Путем “делегирования власти” группе граждан, выбранных остальным населением, становилось возможным “фильтровать и расширять общественные взгляды, пропуская их через орган управления, избранный из числа граждан, чья мудрость помогает наилучшим образом разглядеть истинные интересы страны, чьи патриотизм и приверженность справедливости не будут принесены в жертву временным или каким-либо частным соображениям”» (с. 273). Между тем именно эта система сдержек и противовесов, необходимая для нормального функционирования любого общества, разрушается сегодня не только в нелиберальных демократиях, но и в самых развитых демократических странах. Везде, где даже из самых лучших побуждений реформаторы стремятся расширить доступ граждан к участию в управлении государственными делами, возникают разновидности мажоритарной системы, когда незначительное большинство граждан, пришедших на выборы, дарует правительству карт-бланш на проведение политического курса, который может не только быть ошибочным и опасным, но который может на деле не поддерживаться большинством населения страны (подробнее см. с. 169).

Но даже если большинство, к которому апеллируют те или иные претенденты на выборные должности, и впрямь является большинством, то вполне вероятно, что оно формируется под влиянием тех, кого Ф. Закария называет «профессионалами власти» – активистами, идеологами, работниками средств

массовой информации (см. с. 198). «Ирония ситуации, – пишет он, – [состоит] в том, что прежние элиты гораздо точнее представляли мнение... страны, нежели сегодняшние профессиональные активисты», отчасти и потому, что они «отличались высокой социальной ответственностью... в силу исключительной прочности своего положения» (с. 198, 252). Современные общества, приспособившие принципы конкуренции, вполне эффективные в условиях рыночной экономики, к социальным отношениям, породили жестко поляризованную и предельно конкурентную среду, в которой «элиты включаются в решение каких-то вопросов... исключительно с эгоистических позиций, причем обычно только тогда, когда это их непосредственно затрагивает» (с. 253). Если переформулировать эту проблему несколько иным образом, она сведется к вопросу о том, почему *экономический либерализм* породил не столько *либеральную*, сколько *экономизированную* демократию. И этот факт, все шире признаваемый в последнее время, действительно вызывает серьезное беспокойство.

Граждане современных либеральных демократических стран утрачивают способность ориентироваться в историческом и социальном пространстве, существенно отличающемся от того, в каком им выпало жить. Расширяя материальные возможности человека и обеспечивая ему влияние на общественные процессы, неограниченная демократия примитивизирует его представления о нравственных нормах и моральных устоях иных обществ. Интереснейшие страницы своей книги Ф. Закария посвятил истории катастрофы «Титаника», когда были спасены все женщины (кроме добровольно оставшихся на корабле со своими мужьями) и дети, занимавшие каюты первого класса, и 80 процентов женщин и детей, путешествовавших вторым классом, в то время как 70 процентов мужчин-пассажиров первого и 90 процентов мужчин-пассажиров второго классов утонули. Среди менее обеспеченных пассажиров в числе выживших оказались практически одни мужчины. Эта статистика безусловно свидетельствует о наличии у представителей высшего общества того времени неписаного «кодекса чести» (см. с. 262–263). Но в вышедшем на экраны кинотеатров фильме Д. Камерона зрителям преподнесли со-

вершенно иную картину, показав богатых пассажиров, расталкивавших всех на пути к шлюпкам. И автор с сожалением констатирует, что в данном случае искажение истины было не случайным (как, например, наличие канистры для бензина в императорской колеснице в фильме «Гладиатор»), а вполне осознанным: «У кинематографистов было веское основание исказить историю: *сегодня в нее никто не поверил бы* (курсив мой. – В.И.)» (с. 263). Современные элиты демократических стран так же демократичны, как и их граждане. Их представители обладают намного большими возможностями, но не большими способностями, чем средние обыватели. И последние в некотором смысле даже рады этому. «Когда лидеры общества жили в соответствии со своими (не общества [!] – В.И.) идеалами, им воздавали почести. Если они не соответствовали этим идеалам, общество выражало глубокое разочарование. Сегодня мы, напротив, ожидаем от власти имущих очень немногого – поэтому они редко нас разочаровывают» (с. 263). Сказанные применительно к демократической и эгалитаристской Америке, эти слова в такой же степени относятся, увы, и к пореформенной России, причем не исключено, что они намного более точно, чем десятки аналитических исследований, позволяют осмыслить результаты прошедших недавно парламентских, а тем более – президентских, выборов.

Таким образом, оба варианта «демократизации» – как тот, который оказывается преждевременным и приводит к формированию *нелиберальных (illiberal)* демократий, так и тот, который порождает то, что мы назвали бы *излишне либеральной (extraliberal)* демократией, – не свободны от недостатков. Разумеется, изъяны излишне либеральной демократии менее глубоки и легче поддаются лечению, чем пороки демократии нелиберальной (здесь напрашивается простая аналогия: чтобы избавиться от избыточного веса при ломящихся от избытка товаров полках магазинов, людям нужна лишь некоторая сила воли, а для того, чтобы не умереть от голода в полупустынной местности, необходимо много чего еще, причем вполне материального). Но в наше время крайне актуальной проблемой становится не столько развитие каждого из типов демократии, сколько их взаимодействие друг с другом и с теми

народами, социальная система которых в принципе не является демократической.

Острота этой проблемы обусловлена отнюдь не тем, что развивающиеся страны едва ли оправдывают такое свое название, представляя собой территории политической анархии, скатывающиеся к экономическому коллапсу, – то, что недавно один из авторитетных экспертов по теории развития назвал «неуправляемыми хаотическими сообществами»⁶. Гораздо, на мой взгляд, важнее тот факт, что в развитых странах люди, не способные осознать даже тот уклад жизни, который всего столетие назад существовал в их собственных обществах, тем более не в состоянии понять ситуацию за рубежом, не используя шаблонов, применяемых ими в отношении собственной страны. Так, напоминая читателям те критические замечания, которые американцы нередко отпускают в адрес Китая и других восточноазиатских стран, Ф. Закария утверждает, что «в настоящее время Восточная Азия представляет собой смесь либерализма, олигархии, демократии, капитализма и коррупции – то есть весьма напоминает Запад примерно в 1900 году... [и потому] нельзя судить о новых демократиях на основании стандартов, которым большинство западных стран категорически не соответствовало» всего несколько десятилетий тому назад (с. 50).

Однако Соединенные Штаты Америки по-прежнему стремятся максимально расширить «зону демократии», не обращая внимания на то, что «само по себе упование на демократию не является решением проблем. Должен существовать способ заставить демократическую систему работать таким образом, чтобы она не приводила к печальным результатам» (с. 279). Предпосылкой же устойчивой демократии является свобода. Поэтому демократия всегда развивалась исходя из внутренних потребностей того или иного общества, а не в силу пожеланий более «просвещенных» соседей. Именно необдуманное стремление распространить демократические режимы повсюду в мире и стало причиной резкого обострения международной обстановки в последние годы.

Менее всего Западу понятны те страны арабского мира, которые, используя имевшиеся в их недрах природные богатства, смогли обеспечить своему населению определенный уровень благополучия, не развивая элементов гражданского общества. Попытка вестернизации, предпринятая в 1960-е годы прогрессивными арабскими лидерами, в первую очередь – египетским президентом Г.А. Насером, – в значительной мере по этой причине не распространилась далее тех стран, где добыча природных ресурсов не была основой национальной экономики – сначала Сирии, а затем, «на излете», Ирака. Парадоксально, но именно эти страны оказались в эпоху «холодной войны» в антизападном лагере, в то время как Соединенные Штаты стали союзниками наиболее одиозных монархических режимов Персидского залива (см. с. 138–141).

Когда Египет и Сирия встали на путь модернизации, в этих странах возникло консервативное оппозиционное движение, черпавшее силы в идеологии ислама. Ф. Закария имеет все основания утверждать, что «повседневная жизнь большинства мусульман не подтверждает представлений о том, что эта вера по своей сути является антизападной и враждебной современным веяниям» (с. 131); основная проблема, по его мнению, заключалась в том, что и сами арабские реформаторы, и Запад совершили две грубейших ошибки в своем отношении к новым фундаменталистским течениям в исламе. Египетское руководство со времен Насера начало жестокое подавление исламизма; были запрещены соответствующие организации, арестованы и даже казнены их лидеры, что вызвало ответную реакцию со стороны Саудовской Аравии, предпринявшей финансирование этих сект и движений. Западные же страны, и в первую очередь Соединенные Штаты, не смогли уяснить коренного отличия мусульманской религии от, например, католицизма, заключавшегося в том, что «в исламе никогда не было какой-то единой иерархии священников, которой подчинялись бы во всем [мусульманском] мире» (с. 155), и потому атаки на «исламистов» были по сути безадресны и неэффективны, в результате чего переродились во враждебное отношение Запада к исламскому миру.

Исламские фундаменталисты, проповедники реакционных

⁶ См.: Rivero, Oswaldo de. *The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century*, London, New York: Zed Books, 2001, p. 147.

и безумных с точки зрения современного западного обывателя идей, стали быстро обретать на Ближнем Востоке значительное влияние. Им удалось свергнуть режим шаха в Иране, именно они возглавили террористические организации, провозгласившие своей целью отомстить Израилю за его военные победы над арабами, они же координировали борьбу против советских войск в Афганистане. Разумеется, они были отнесены к врагам западного мира, что и стало роковой ошибкой американских политиков.

По мнению Ф. Закарии, именно жесткая оппозиция монархических и авторитарных режимов исламскому фундаментализму вкупе с поддержкой самих этих режимов со стороны США обеспечивает исламистам образ защитников интересов народа. Как следствие, народные массы арабских стран сегодня гораздо более консервативны, чем их нередко прозападно настроенные короли и эмиры (см. с. 124), которых американцы по-прежнему учат развивать демократические тенденции. Более дальновидные политики – те, кто находится у власти в Пакистане, Бангладеш или Турции, – осознали, что некоторые послабления в отношении фундаменталистов и предоставление им возможности участвовать в выборах способны публично продемонстрировать несостоятельность их программ, показать народу, что «муллы способны читать проповеди, но не в состоянии править страной» (с. 158). Их действия имели успех, но не нашли последователей. Между тем трудно не согласиться с Ф. Закарией, считающим, что «если бы сложившиеся в [арабских] странах режимы лишь частично приоткрыли политическое пространство и заставили своих оппонентов-фундаменталистов преодолевать практические затруднения вместо того, чтобы только рассказывать сказки, они быстро лишили бы экстремистов привлекательности» (там же). Но надеяться на это не приходится. Терроризм вышел за пределы арабского мира, и события 11 сентября 2001 года придали и без того малопредсказуемому ходу событий совершенно непрогнозируемое направление.

Для демократий, установившихся в западном мире, борьба с терроризмом – исключительно сложная, если не неразрешимая, задача (см. с. 266). Необходимо сделать ответы на уда-

ры террористов столь адресными и обеспечить им такую легитимность, чтобы они не вызывали нового всплеска антизападных настроений. «Иными словами, – пишет Ф. Закария, – следует уничтожать терроризм, а не воспроизводить его;.. в противном случае формируется порочный круг насилия: репрессии порождают экстремизм, который вызывает необходимость еще больших репрессий» (с. 267). Не менее важно, в то же время, отказаться от намерений, которые декларируются сегодня западными правительствами в качестве цели их ближневосточной политики, и в первую очередь – от параноидальной заикленности на навязывании странам региона демократических институтов: «Прежде всего Запад должен признать, что *не стремится установить на Ближнем Востоке демократию – по крайней мере, пока не стремится* (курсив мой. – В.И.). Мы хотим сначала конституционного либерализма, а это вовсе не одно и то же» (с. 161). Только доказав народам и правящим режимам Ближнего Востока, что *демократия безопасна для их мира*, можно снизить уровень террористической опасности и тем самым достойно ответить на один из наиболее радикальных вызовов нашей эпохи.

Но разве выработка адекватной тактики борьбы с терроризмом дает ответ на вопрос о том, каково будущее свободы? Разумеется, нет. Тем не менее, заключительная глава, названная автором «Что делать», как и вся книга, свидетельствуют, что у автора есть достаточно четкое видение оптимального пути развития современной цивилизации. Попытаемся сформулировать его в нескольких коротких тезисах.

Во-первых, считает он, не следует драматизировать ситуацию и предпринимать экстренные, а потому с большой вероятностью и непродуманные, шаги. Терроризм привлекает к себе столь большое внимание национальных правительств в первую очередь потому, что бросает государствам *военный* вызов; но в сфере *экономики, торговли, движения капитала и социальной политики* государства уже давно теряют свои позиции, отдавая командные высоты транснациональным компаниям, международным организациям или, как в Европе, национальным органам власти. Сегодня, считает Ф. Закария, следует пересмотреть общий подход к проблеме взаимоотно-

шений государства и общества, и именно в рамках такого пересмотра оценить роль и значение демократии в современном мире.

Во-вторых, демократия в нынешних условиях гораздо более эффективна как *форма контроля над властью*, реализующей политику конституционного либерализма, чем как *инструмент выборов тех, кто будет реализовывать эту власть*. Различия между англо-американской и континентальной моделями общественного устройства, которые многие исследователи склонны сводить лишь к различиям в системах права и судопроизводства, на деле оказываются более глубокими и фундаментальными. Излишний «этатизм» континентальной системы, как вытекает из рассуждений Ф. Закарии, отчасти обусловлен тем, что европейцы раньше осознали, что никакой «кодекс чести» не может стать надежной защитой от искушений демократии. Поэтому в том, что в последнее время американские «политики и чиновники стали шумно требовать более пристального надзора и регулирования, чтобы выявить и поставить вне закона то, что прежде лишь подразумевалось как не соответствующее этическим нормам», автор видит «еще один, вероятно неизбежный, шаг в переходе от англо-американской модели неформального регулирования к системе государственного регулирования, принятой в континентальной Европе» (с. 251).

В этой связи, и это в-третьих, Ф. Закария высказывается в пользу расширения полномочий и сфер компетенции организаций, которые, нередко будучи формально недемократическими, на деле служат проводниками в жизнь политики конституционного либерализма, который, как мы уже отмечали, оказывается более важным гарантом свободы, нежели демократия. Примером может служить Европейский Союз, базовые институты которого выступают гарантами прав и свобод европейских граждан (см. с. 271–272), а также структуры, подобные Всемирной торговой организации, эффективно способствующие развитию справедливых торговых отношений, так необходимых для экономического прогресса (см. с. 272–274). Те, кто критикует подобные структуры, «по-видимому... не осведомлены о проблемах, делающих необходимыми выборы

ные институты, и не замечают того факта, что эти органы чутки к пожеланиям своих демократически избранных хозяев» (с. 271). Это важное положение находит убедительное подтверждение в том факте, что итоги многих демократических выборов последнего времени оказались крайне спорными.

В-четвертых, свобода невозможна без толерантности, в то время как демократия не только может легко без нее обходиться, но порой эффективно эксплуатирует не самые лучшие человеческие черты и наклонности. В той же степени, в какой демократия есть форма народовластия, она есть и инструмент борьбы за власть, а в этой борьбе слишком часто участвуют люди, считающие, что цель оправдывает средства. Именно поэтому «в новых демократических обществах тенденция к обострению конфликтов обескураживает своим постоянством. Причина здесь проста: когда общество открывается, и политики начинают бороться за власть, они обращаются к избирателям, хватаясь за то, что оказывается самым простым и доходчивым, а именно – групповую солидарность в противостоянии с некоей другой группой», в силу чего «на многочисленных выборах, проводившихся сразу после падения коммунизма в Советском Союзе и бывшей Югославии выигрывали националистически настроенные сепаратисты» (с. 116, 117). Можно добавить, что это имеет место не только в «новых демократических обществах»; сами Соединенные Штаты, и это убедительно иллюстрируют работы ведущих американских социологов⁷, быстро превращаются в структурированное общество. Ф. Закария с сожалением отмечает, что демократия, если она не избавится от своих недостатков, «может лишиться своей опоры – нашей лояльности» (с. 284). Это, конечно, звучит красиво, но *парадокс демократии заключался и поныне заключается в том, что наша лояльность к ней обусловлена использованием ею, пусть и в ограниченном и допустимом масштабе, нашей нелояльности к себе подобным*, а это гораздо хуже нелояльности к абстрактным принципам, какими бы благородными они ни были.

Согласно известному афоризму Уинстона Черчилля, де-

⁷ См., напр.: Huntington, Samuel P. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*, New York: Simon & Schuster, 2004.

мократия не есть идеальная форма правления, но лучше нее человечество ничего не придумало. Между тем тот же Черчилль, когда в годы Второй мировой войны один из британских парламентариев посоветовал ему «держать ухо обращенным к земле», имея в виду, что правительству следовало бы обращать больше внимание на изменяющиеся настроения в обществе, ответил коллеге, что «британской нации было бы крайне неприятно взирать на своих лидеров, обнаруженных в подобной позиции» (см. с. 178). И премьер был прав. В последнее время высказывается все больше сомнений в самоценности демократии, в ее способности удержать общество от расколов и дисбаланса, в ответственности политиков, стремительно забывающих о бывших традициях и кодексах, безжалостно отбрасывающих опыт прошлого, готовых беспринципно отстаивать собственную выгоду и не слишком озабоченных судьбой будущих поколений.

Демократией очаровывались многие; но, пожалуй, не меньше было и тех, кто *post factum* подводил неутешительные итоги «демократизации демократии». Ф. Закария стал одним из первых авторов, кто предпринимает достойную самых высоких оценок попытку проанализировать ее недостатки до того, как они проявятся в социальных конфликтах и катаклизмах. Его вывод о том, что широко применявшееся в первые послевоенные десятилетия понятие «свободный мир» более адекватно отражает сущность западного сообщества, чем понятие «мир демократии», заслуживает самого пристального внимания. Пришла пора признать, что прогресс свободы сегодня не тождественен успехам демократии. Но именно свобода сделала Запад Западом, именно борьба против грубой силы, в том числе и против силы большинства, обеспечила торжество закона и права, вызвала к жизни сложные и громоздкие, но при этом эффективные и справедливые, структуры гражданского общества.

«Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» – записано в статье 1 Всеобщей декларации прав человека. Но не в способностях, верованиях, принципах, страстях и стремлениях. Исторический опыт свидетельствует, что наиболее быстро и гармонично развивались те

общества, в которых не попирались права граждан, но и не ограничивались возможности для реализации их способностей. Сегодня демократия не может обеспечить такой гармонии. Демократизация ведет к предпочтению известности – славе, богатства – справедливости, заискивания перед невежеством – поиску истины, пресмыкания перед посредственностью – возвышению над толпой. Лидеры все чаще прибегают к тому, чтобы не убеждать общество в своей правоте, а манипулировать им, проникаясь психологией большинства и незаметно для себя перенимая не только его способ мышления, но и меру его невежества. Демократия действительно обеспечивает людям равные права, и с этой точки зрения она представляется великим историческим достижением. Но она также провоцирует в людях претензию на равенство способностей, и с этой точки зрения оказывается мощным тормозом исторического прогресса.

Демократическая система возникла как дополнение к гражданскому обществу, обеспечившему людям свободу. Она служила и должна служить поддержанию основ этого. Если по тем или иным причинам демократические принципы оказываются несовместимыми с принципами либерального конституционализма, если власть народа оборачивается властью толпы, то «демократизация» заслуживает того, чтобы признать ее вредной и резко ограничить дальнейшую ее экспансию. Как отмечает Ф. Закария, «институты и подходы, сохранявшие либеральный демократический капитализм Запада, создавались веками. Уже в течение нескольких десятилетий они приходят в упадок. Однако если мы от них откажемся, восстановить их будет трудно» (с. 283), или даже невозможно, добавим мы.

На этом хотелось бы закончить. Разумеется, читатель найдет в представляемой книге гораздо больше интересных и глубоких мыслей, чем мне удалось отметить в этой и без того несколько затянувшейся вступительной статье. Но некоторым извинением этой затянутости может, как я надеюсь, служить то, что еще не будучи знаком ни с трудами Фарида Закарии, ни с ним лично, я выражал подобную же озабоченность излишней увлеченностью западных, а вместе с ними и некото-

рых российских авторов, идеологией демократичности⁸. И, встречая в книге Ф. Закарии выводы, поразительно похожие на те, к которым когда-то приходил я сам, я испытываю не досаду, а изрядное удовлетворение заочным диалогом с единомышленником. Это пробуждает во мне еще большее восхищение свободой, которой всегда обладает исследователь, и, не разочаровываясь в демократии, я вполне отдаю себе отчет в том, что наши взгляды могут и не завоевать признания большинства.

*Владислав Иноземцев,
июль 2004 года*

*Памяти Пола Хлебникова
и всех отважных журналистов,
погибших в России*

Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами

⁸ См.: Иноземцев, В.А. «Вечные ценности» в меняющемся мире. Демократия и гражданское общество в новом столетии» в: *Свободная мысль-XXI*, 2001, № 8, с. 42–61.

Предисловие к русскому изданию

В книге, представляемой российскому читателю, я попытался в популярной и доступной форме рассказать о свободе и демократии, их содержании и истоках, а также о том, как на протяжении многих столетий – начиная с античных времен и до наших дней – они утверждались в различных обществах и определяли различные типы государственного устройства.

Актуальность затронутых в книге вопросов очевидна. Сейчас во всем мире активно обсуждаются проблемы строительства свободного общества, пути перехода от авторитаризма к демократии. Многие страны, находящиеся на разных ступенях экономического и политического развития, имеющие свои этнокультурные и религиозные особенности, – от Индонезии до Боснии и России – стремятся стать либеральными демократиями. Но добиться этого удастся не всем, и даже в тех случаях, которые внушают определенный оптимизм, налицо различия в темпах и успешности продвижения по избранному пути. Поэтому нужно разобраться в том, как соотносятся свобода и демократия, какие факторы способствуют, а какие – препятствуют их развитию и воплощению в жизнь.

Я убежден, что во второй половине XX века демократизация стала центральной тенденцией мирового развития. Демократическая волна, под которой я понимаю широкий комплекс обусловленных этой тенденцией явлений, затронула все сферы жизни современного человека – не только политическую, но и экономическую, финансовую, юридическую, культурную и религиозную.

Вместе с тем в последние десятилетия люди начали понимать, что народовластие, или демократическую систему правления, не следует абсолютизировать и примитивизировать, поскольку это чревато перерождением общественно-государственного устройства и преобладанием частных интересов многочисленных меньшинств над общими интересами большинства. Об этом со всей очевидностью свидетельствует опыт Соединенных Штатов – страны, которую многие считают образцом современной либеральной демократии. Выдающийся американский философ Джон Дьюи еще в 1927 г. провозгласил, что единственным лекарством от болезней демократической системы является ее развитие в направлении еще большей демократии. И действительно, общественное мнение Америки рассматривает демократию как инструмент, применимый в любых условиях и способный разрешить буквально все проблемы, стоящие на пути общественного прогресса.

В США доминирует мнение, что чем больше демократии, тем лучше. Однако, как я показываю в своей книге, доведение этой идеи до абсурда – что может быть проиллюстрировано на примере Калифорнии, где начиная с 1990-х годов многие важнейшие решения стали приниматься посредством референдума, то есть методами прямой демократии, – ведет к снижению эффективности демократической системы и даже ее дискредитации. То же самое прослеживается и на федеральном уровне, особенно в центре законодательной власти – Конгрессе, который вынужден принимать законы и поправки к ним в условиях жесткого давления со стороны окопавшихся в Вашингтоне лоббистских группировок. Именно поэтому частные и сиюминутные интересы все чаще берут верх над долгосрочными целями общенационального характера. Результатом становится существенное снижение авторитета государственной власти на всех уровнях и во всех ее проявлениях.

Основная проблема заключается в размывании и, в конечном счете, фактическом исчезновении в процессе всепроникающей демократизации того слоя гражданственно мыслящих и дальновидных профессионалов – политиков, предпринимателей и юристов, – которые готовы принять на себя ответственность за судьбы своей страны и ее народа. Речь идет

о своего рода «демократической аристократии», или «элите» в том смысле, в каком использовал это понятие Алексис де Токвиль, – о той социальной группе, которая в XVIII–XIX столетиях и в первой половине XX века обеспечивала высокую эффективность и устойчивость системы американской демократии. В своей книге я призываю к восстановлению и укреплению механизмов «делегированной демократии», наделяющей избранных народом политических деятелей определенным иммунитетом от капризов изменчивого общественного мнения и воздействия групп особых интересов, что позволяет им сосредоточиться на стратегических проблемах общенациональной значимости.

Проведенный мною анализ соотношения свободы и демократии вызвал живую реакцию в Америке, где стал предметом обсуждения на страницах как популярных, так и элитарных изданий. Хотя большинство отзывов оказались положительными, со стороны неоконсерваторов мои идеи встретили активное неприятие. Тем не менее, я надеюсь, что сумел побудить многих американцев к переосмыслению их представлений об устройстве современной цивилизации и помог им лучше понять реалии того мира, в котором они живут.

Масла в огонь подлили и события, развернувшиеся в последнее время в Ираке. Как следует из логики моего исследования и как я подчеркивал во многих других своих выступлениях, мое отношение к развитию – или строительству – демократии в этой стране и на Ближнем Востоке в целом существенно отличается от того, что доминирует в администрации президента Дж. Буша.

Сразу оговорюсь: речь идет не о провозглашаемых целях. Я полностью согласен с президентом в том, что необходимо помогать государствам Ближнего Востока в деле развития демократии. Это соответствовало бы интересам всех народов планеты. Терроризм, с угрозой которого сталкиваются сейчас практически все страны, действительно исходит преимущественно с Ближнего Востока, где общества утратили четкие ориентиры и цели развития и, по сути, перестали нормально функционировать. В регионе возник своего рода порочный круг: правящие в арабских странах авторитарные и репрес-

сивные политические режимы подавляют любое проявление инакомыслия и оппозиции, порождая тем самым ультрарадикальные фундаменталистские движения, не останавливающиеся перед насилием. Этот замкнутый круг можно разорвать только с помощью демократических реформ, перехода к большей социальной и политической открытости. В разворачивании этих процессов немалую роль может сыграть внешний фактор, как это уже имело место в Германии и Японии после Второй мировой войны.

Но у меня есть расхождения с нынешней администрацией в вопросе выбора средств достижения поставленных целей. Я убежден, что строительство подлинной демократии – длительный и сложный процесс. Военные методы играют в нем наименьшую роль; при этом они нередко оказываются контрпродуктивными. Неизмеримо более важно постепенное выстраивание институтов, способных защитить человека от произвола власти. Этот процесс имеет массу проявлений – от основополагающих конституционных реформ до проведения экономических преобразований и организации постоянных культурных обменов. Конечная цель такого процесса – в формировании легитимного государства, которое подразумевает самоограничение власти, а также гражданского общества, принимающего и поддерживающего культуру демократии.

Вместе с тем не теряет своей актуальности задача искоренения радикального исламского фундаментализма. Это необходимо не только для обеспечения глобальной безопасности, но и для сохранения и спасения самой мусульманской религии и культуры. Радикальный ислам – это силовая доктрина, и ему должно быть нанесено военное поражение. С «Аль-Каидой» и подобными ей группировками невозможно разговаривать на языке аргументов и вести сколь-либо конструктивный диалог. К такому выводу пришли не только в Соединенных Штатах, но и во многих других странах, в числе которых есть и мусульманские, такие как Индонезия, Марокко и Саудовская Аравия.

Фундаменталисты хотят вернуть мир в VIII век, в эпоху зарождения и первоначальной экспансии магометанства. Они выступают против собственных правительств не потому, что

считают их репрессивными или коррумпированными, а потому, что те представляются им отступившими от средневековых мусульманских канонів. Это полное искажение идей ислама. В сложившейся ситуации существует только один выход: решительно отвечать на любой акт террора. Но параллельно с этим нужно вести культурную, политическую и идеологическую борьбу за умы и сердца мусульман. Фактически речь идет о напряженной борьбе идей. Необходимы не спорадические акции возмездия, а кропотливая работа, связанная, например, с поощрением обсуждения злободневных вопросов на страницах местных журналов и газет, с предоставлением приверженцам умеренных взглядов возможности открыто и широко высказываться на темы, связанные с исламской трактовкой современных проблем, прав женщин, экономических и финансовых аспектов развития.

Начиная военную операцию против Саддама Хусейна, администрация Буша предполагала, что избавив Ирак от диктатора, сделавшего это государство международным изгоем, быстро достигнет поставленной цели: силой обеспечить расцвет иракской демократии. Но пока мы видим, что ни быстрая военная победа, ни пленение Саддама, ни даже формальная передача власти от временной американской администрации к правительству, составленному из самих иракцев, не обеспечили желаемого результата. Для формирования в Ираке действенной демократической системы потребуются кропотливая и обстоятельная работа на протяжении длительного периода времени. Даже в тех случаях, которые можно считать примерами успешного строительства демократий – в Германии, Японии, на Тайване, в Южной Корее, Чили, – речь шла о весьма постепенном и продолжительном процессе, когда сначала разворачивалась экономическая реформа, затем – правовая, и лишь потом, с формированием широкого среднего класса, появлялись зачатки гражданского общества. Скоропалительные решения и короткие пути не ведут к демократии.

Исходным пунктом для строительства демократического режима является достижение элементарного общественного порядка. К сожалению, в Ираке именно этот аспект проблемы был проигнорирован временной администрацией. Не от-

неслись к нему с должным вниманием и в Пентагоне, и в Белом доме. Допущено множество ошибок; более того, совершен ряд преступлений, и все это естественным образом породило в Ираке и других арабских странах атмосферу антиамериканизма. В результате шансы перехода этой страны к подлинной демократии выглядят сегодня невысокими. Но еще не все потеряно, и процесс может вернуться в нормальное русло, если только администрация Буша исправит допущенные ошибки. В первую очередь важно добиться поддержки со стороны международного сообщества, когда не одни Соединенные Штаты, но и другие ведущие демократии помогали бы Ираку в строительстве демократического общества, а коалиционные войска не воспринимались бы как оккупационные силы.

Режим Саддама Хусейна действительно представлял серьезную проблему для США. Рано или поздно с ним необходимо было покончить. Но на это следовало получить международное одобрение и санкцию Организации Объединенных Наций. Курс же, который начали проводить американцы после достижения военной победы, стал просто катастрофическим, и на его корректировку пошли лишь недавно. Силы военной группировки оказались недостаточными, американское руководство не сразу признало необходимость вовлечения ООН в иракские дела и не учло, что не только у Соединенных Штатов, но и у других стран могут иметься законные интересы, ущемляемые ходом развития событий в Ираке.

Сегодня многие утверждают, что США потерпели в Ираке политическое поражение. Я бы не говорил об этом как о свершившемся факте. Несомненно, ситуация пока складывается не лучшим образом, но последняя глава в истории американского участия в делах этой страны будет дописана только через несколько лет. Если Соединенные Штаты пересмотрят свой курс, подключат к урегулированию конфликта международное сообщество и, главное, обеспечат в стране приемлемый уровень безопасности, то шансы на успех остаются. Главное – создать в Ираке честное, открытое и плюралистичное правительство, уважающее права всех – курдов, шиитов и суннитов. Это было бы серьезным прогрессом по сравнению с

эпохой Саддама Хусейна. Тогда в лице демократизирующегося Ирака появился бы важный позитивный пример для всего Ближнего Востока, где по сей день повсеместно правят диктаторы и монархи.

Администрацию Буша справедливо критикуют за то, что с 11 сентября 2001 года она проводит одностороннюю внешнюю политику, заявляя, что не чувствует себя связанной никакими прежними ограничениями. Роль Америки в мире всегда определялась не только ее мощным военно-политическим влиянием, но и тем, что она обладала моральным правом использовать свою огромную силу в качестве инструмента не только обеспечения своих собственных интересов, но и реализации чаяний граждан всех либеральных демократий. Но это право может признаваться за ведущей державой лишь в том случае, если она не только задает определенные правила для остальных, но и следует им сама, а не пугает мир своей непредсказуемостью.

В наши дни американская администрация своими действиями на международной арене достигла противоположных результатов. Сомнения в легитимности этих действий стали практически всеобщими. США искренне стремятся к распространению демократии во всемирном масштабе, но пытаются делать это либо с помощью диктаторов, игнорирующих общественное мнение, либо с помощью немногих энтузиастов типа Тони Блэра, которые, наперекор общественному мнению в собственных странах, стремятся распространять демократию, не соблюдая основных ее принципов.

Политика односторонних действий имеет катастрофические последствия не только в ближневосточном регионе; она инициировала невиданное на протяжении последних пятидесяти лет охлаждение в отношениях между Америкой и Европой. Налицо еще один опасный эффект: повсеместный рост воинствующего национализма, черпающего свою легитимность в оппозиции планам Соединенных Штатов. Америке придется изменить не только первоначальный план действий в Ираке, но и всю свою международную политику, демонстрирующую ныне свою несостоятельность; но надо признать, что бессмысленно ожидать быстрого перехода к подлинно много-

стороннему подходу. Марк Твен сказал когда-то о музыке Рихарда Вагнера: «Она лучше, чем слышится». Учитывая, что президент Дж. Буш выступил с новым планом по Ираку, получившим поддержку в ООН, это высказывание, быть может, применимо и к американской внешней политике. Хочется надеяться, что в ней возрождается разумность.

Ошибки, допущенные США в иракском вопросе, объясняются не недостатком экспертных оценок и рекомендаций (в стране существует множество исследовательских центров, занимающихся проблемами ислама, арабского мира и Ближнего Востока в целом), а идеологизацией американской политики. В распоряжении Госдепартамента имелась масса аналитических материалов по Ираку – более 16 томов различных документов, где излагались самые разнообразные сценарии. Но в Пентагоне, которому был передан полный контроль над всеми действиями Соединенных Штатов в Ираке, их даже не стали читать.

В администрации Буша задают тон политики, исходящие не из реальности, а из собственных представлений о ней. Так, Ирак считали светской страной, где влияние религиозных авторитетов не столь велико, и население настроено проамерикански уже в силу того, что многие ненавидели режим Садда Хусейна. Администрация потому решила вплотную заняться проблемой Ирака, что уверовала в лучшие перспективы ее решения по сравнению с палестинской. Но и сам этот идеологический подход был не более чем составной частью более широкого мировоззрения неоконсерваторов. Идеология взяла верх над политикой. И все мы увидели, к каким пагубным результатам может привести идеологическая зашоренность власти и отсутствие эффективного контроля над исполнением ею своих полномочий.

Эта идеологизация американской политики вкупе с упрощенным неоконсервативным видением мира (теперь искаженным еще и заиклостью на проблеме борьбы с терроризмом) проявляется и в американо-российских отношениях. Хотя Соединенные Штаты в целом выстроили хорошие отношения с Россией, и обе стороны уважают интересы друг друга, демонстрируют стремление к конструктивному диалогу,

Дж. Буш, с одной стороны, уделяет пристальное внимание координации усилий лишь в одной области – в сфере антитеррористических усилий; с другой стороны, он слишком персонафицировал в американо-российских отношениях свои отношения с президентом В. Путиным. Несмотря на то, что в противодействии террористическим группировкам и отражается близость американских и российских интересов стратегического характера, партнерский диалог между двумя странами должен базироваться на более широкой совокупности общих задач и подходов.

Все это не позволяет Соединенным Штатам более настойчиво привлекать внимание российского руководства к вопросу, имеющему исключительное значение для новой России. Я имею в виду прочное и долговременное урегулирование чеченской проблемы. Америка должна помочь России осознать, что в этом состоит ее жизненная потребность. Мне понятно, какое возмущение – причем совершенно справедливое и оправданное – испытывают россияне по поводу чеченского терроризма; именно этим обусловлена широкая поддержка военной операции в Чечне. Увы, она не привела к желаемому результату. Вопрос не сводится только к тому, чтобы избавиться от радикальных элементов. Речь идет о гораздо более глубокой проблеме, существующей, насколько мне известно, не одну сотню лет. Необходима эффективная стратегия ее долгосрочного политического урегулирования, поскольку чисто военное ее решение невозможно. Разумеется, я не призываю США как-то вмешиваться во внутренние дела Российской Федерации. Но, понимая значительную роль и место России в современном мире, мы должны помочь ей осознать: точно так же, как Франция не превратилась в преуспевающую демократическую республику, пока не решила алжирскую проблему, так и Россия не сможет стать по-настоящему процветающим государством, не урегулировав чеченский конфликт.

Как бы кто ни относился к России, ее нельзя не признать поистине уникальной страной. Иногда я слышу рассуждения, что Россия – это неевропейская страна, волей случая оказавшаяся в Европе и сыгравшая огромную роль в европейской истории. Иногда говорят, что Россия – это европейская стра-

на, по странному стечению обстоятельств до сих пор фактически исключенная из единой Европы. Такие же варианты присутствуют и в попытках ответа на вопрос о том, принадлежит или нет Россия к западному миру в целом.

По моему мнению, правильнее всего было бы сказать, что Россия во многих отношениях является европейской страной, однако имеет несколько отличную от большинства европейских народов историю. В ней трудно найти все те элементы и факторы, которые обеспечили расцвет европейского либерализма и демократии. В Западной Европе громадную роль сыграло наличие централизованной религиозной власти в виде римско-католической церкви, не зависимой от любого из государств и тем самым бросавшей вызов всевластию и произволу светских правителей в отношении их подданных. Византийская же ветвь христианства, наоборот, всегда выступала прислужницей государственной власти, а не противовесом ей. Католическая религия, особенно в эпоху Возрождения, и даже позже, в годы Реформации, ограничивала полномочия государства и служила источником антиавторитарных тенденций. В России ничего подобного не происходило. Некоторые важные особенности прослеживаются и в эволюции феодализма. Для Западной Европы, как известно, было характерно наличие множества мелких административно-государственных образований и конкурировавших между собой властных структур. Бесчисленные графы, герцоги и прочая знать долгое время оспаривали абсолютизм королей. В России же (возможно, в силу ее географии – обширности равнин и бескрайности степей) феодалы быстрее подпали под контроль царей. Поэтому российское государство оказалось более централизованным и мощным, но в результате существенно отстало от стран Европы в решении проблем собственности на землю – той первоосновы, которая дала толчок развитию капиталистической либеральной демократии.

Повторю еще раз: Россия во многих отношениях является европейской страной, но имеет несколько иную историю. В отличие от многих других государств, не относящихся к западноевропейской цивилизации, Россия издревле имела тесные связи с Европой, а ее образованному классу всегда были

хорошо знакомы и близки существовавшие там философско-политические идеи и течения. В конце XIX века в экономическом и социальном развитии России наблюдалось все больше элементов сходства с европейскими странами. Было отменено крепостное право, начался подъем российского либерализма. Хорошо известен извечный спор славянофилов и западников, но я уверен, что в большинстве случаев верх одерживали последние. До Октябрьской революции 1917 года Россия, бесспорно, шла по пути конвергенции с Западом.

Коммунистический эксперимент существенно исказил ход российской истории. В 1917–1989 годах Россия (а точнее, Советский Союз) резко ослабила связь не только с Европой и Западом, но и с общемировыми тенденциями и, как мне кажется, даже утратила нить собственной судьбы. Приход к власти большевиков парадоксальным образом означал победу славянофильства – не потому, что большевики были славянофилами (скорее наоборот), а потому, что они радикально изолировали страну от внешнего мира. И это привело к крайне негативным последствиям.

Сегодня в России еще нет процветающей либеральной демократии, однако не подлежит сомнению, что российское правительство и общество в целом стали гораздо более открытыми и плюралистичными, чем в советские времена. Россия имеет шансы добиться гораздо больших успехов на пути демократического строительства, чем многие другие страны. Для этого нужно на полную мощность задействовать факторы, проверенные временем и опытом государств, уже являющихся либеральными демократиями.

Главные из этих факторов – рыночная экономика, верховенство закона, разделение властей и создание институтов, гарантирующих соблюдение прав человека. Все эти концепты вовсе не чужды России. Я уверен, что россияне, прежде всего их высокообразованная часть, понимают их смысл и значение намного лучше, чем население какой-либо другой страны, идущей сегодня по пути демократизации.

Конечно, не следует преуменьшать сложности существующих проблем. Но мне хотелось бы подчеркнуть, что они имеют скорее не культурно-исторический, а экономический ха-

ракти. Россия богата природными ресурсами, что, как правило, не стимулирует усилий по формированию легитимной власти, основанной на принципах демократии и либерализма. Правительство богатой страны имеет возможность использовать в своих интересах огромные средства от добычи и продажи нефти и газа, металлов и леса, и потому позволяет себе закрывать глаза на необходимость кропотливой работы по налаживанию отношений с обществом и защите прав граждан. А ведь именно процесс выстраивания государственных структур на основе взаимодействия власти и общества составляет суть строительства демократии. Кроме того, именно ошибки в экономической сфере привели к тому, что в России, как представляется, сложилось не совсем верное понимание капитализма. В стране приватизированы тысячи промышленных предприятий, в том числе и в секторе, связанном с эксплуатацией и добычей природных ресурсов. Однако эта приватизация имеет странный характер: государство пошло на сделку с определенными мощными экономическими силами (если не обращаться к термину «олигархи») и по-прежнему сохраняет за собой огромную, пусть и не проявляющуюся излишне явным образом, власть над экономической жизнью страны.

В результате в России может сложиться ситуация, характерная для стран Латинской Америки на протяжении последних ста лет, а именно – видимость стабильности, которая основывается на сделке между государством и ключевыми игроками в национальной экономике, сделке, усиливающей позиции обеих сторон. Но такая сделка не предполагает ни подлинно предпринимательского капитализма, ни реального либерализма, поскольку и то, и другое подрывало бы экономические и политические позиции правящей верхушки.

Примеры, характерные для Латинской Америки, можно найти и гораздо ближе к российским границам – достаточно лишь взглянуть на соседние с Россией страны постсоветского пространства. В подавляющем большинстве из них, насколько я могу судить, сложилась откровенно антилиберальная и антидемократическая модель общественного устройства: сильное государство владеет, хотя и не напрямую, значительной

частью национальных ресурсов, а управление этими богатствами передано в руки горстки крупных бизнесменов, жиреющих лишь за счет поддержания близких отношений с политическими лидерами.

Однако в Российской Федерации дела обстоят лучше, чем, например, в Казахстане, Киргизии или Грузии. Россия – огромная страна, представляющая собой самобытную цивилизацию, обладающая уникальным интеллектуальным и культурным потенциалом и, по моему глубокому убеждению, в значительной мере являющаяся частью западного мира. Ее основная задача состоит в возрождении собственного исторического наследия и, что еще более важно, в решении насущных хозяйственных проблем, в первую очередь – создании эффективно функционирующей экономики, обеспечивающей равные шансы для каждого живущего здесь человека. Государство должно опираться на богатство, благополучие и таланты своих граждан, а не на ресурсы, упрятанные в земных недрах. И все эти цели достижимы, а названные задачи решаемы, если у руля находится дальновидное и ответственное политическое руководство, понимающее необходимость поступиться частью своей власти во имя блага отчизны. Во многих странах мира и в разные исторические эпохи можно найти много таких примеров, и поэтому, на мой взгляд, России вполне по силам добиться успеха на пути к свободе и демократии.

*Фарид Закария,
Нью-Йорк,
май 2004 года*

Слова благодарности

Без терпимости и помощи со стороны окружающих невозможно совместить основную работу и написание книги. Я приступил к ней, трудясь в журнале «Форин афферс». Редактор журнала Джеймс Хоуг и президент Совета по внешней политике Лесли Гелб великодушно предоставляли мне возможность проводить научные изыскания и корпеть над рукописью. Несмотря на постоянный аврал, сопутствующий выпуску еженедельного издания, в журнале «Ньюсуик» я встретил аналогичное понимание со стороны главного редактора Рика Смита и его заместителя Марка Уитакера. Я нахожусь в неоплатном долгу перед всеми моими коллегами из «Форин афферс» и «Ньюсуик», поддерживавшими производственный процесс, пока я работал над книгой, но особую благодарность я адресую Гидеону Роузу, Стивену Страссеру и Нисид Хаяри. Мои помощницы на протяжении этих лет – Дебора Милан и Энн Коулман, а затем Шэрон Салливэн и Патриция Хьюи – помогли мне выдержать бремя многочисленных обязанностей.

Неоценимое содействие оказали мне два молодых и талантливых научных ассистента. Сэмюэл Уолш проделал большую часть исследований, особенно в области сопоставлений и расчетов всех представленных в книге экономических данных. Сейчас Сэм – начальник секретариата одного из членов муниципального совета города Нью-Йорка и готовится к защите диссертации в Гарвардской школе бизнеса и школе государственного управления имени Дж. Кеннеди. Джошуа Брук начинал необходимые для написания книги изыскания в тот период, когда она представляла собой разрозненные фрагмен-

ты и нуждалась в упорядочении. После нашей совместной работы Джошуа прошел обучение в Школе права при Университете штата Мичиган и в настоящее время является секретарем окружного суда Восточного округа Нью-Йорка. Кроме того, в написании главы, посвященной исламу, мне весьма помог мой друг Тарик Масуд. Сначала он был стажером в «Форин афферс», затем репортером в передаче «Час новостей с Джимом Лерером», а сейчас работает над своей диссертацией на факультете политологии Йельского университета.

Я просил своих друзей почитать рукопись. Выражаю благодарность Эндрю Моравчику из Гарвардского университета, Шери Берман из Университета штата Нью-Йорк, Уоррену Бассу из Совета по внешней политике, Захари Карабелу из фирмы «Фред Элджер энд эссошиэйтс» и, конечно, выпускающему редактору «Форин афферс» Гидеону Роузу. Выпускающий редактор журнала «Ньюсуик» Джон Мичэм читал шестую главу и высказал ряд полезных советов по вопросам религии в Америке.

Было приятно работать с моим литературным агентом Тиной Беннет, неизменно полной энтузиазма, настойчивой и очаровательной. Редактор книги Дрэйк Макфили – из редкой категории профессионалов, глубоко погружающихся в тексты, над которыми работают. Он скрупулезно читал рукопись, делая подробные и меткие замечания по поводу ее структуры, стиля и содержания. Благодаря ему книга стала значительно лучше. Все сотрудники издательства «Нортон» оказались приятными в общении и квалифицированными специалистами. Я чрезвычайно благодарен помощнице господина Дрэйка Эве Лазовиц и ветерану «Форин афферс» Трэйси Нэгл за вычитку рукописи.

Как и во всех случаях малых или больших успехов своего сына, мои родители с волнением ждали выхода книги в свет. По затронутым в ней вопросам мы часто беседовали с отцом. Он присылал мне необходимые вырезки, факты и статьи, из которых я извлек немало ценного. Анализ проблем Индии в значительной мере основан на нашем общении. Тем не менее, следует внести ясность: в книге представлена исключительно моя точка зрения по этому вопросу. Мой брат Аршад как все-

гда оказывал мне огромную поддержку. Другой брат, Мансур, подал замечательную идею относительно названия книги, а также немало других. Дэн и Джоан Роуз подарили моей семье и мне свою дружбу, и мы крайне признательны им за это.

Наконец, о моей супруге Пауле, которой посвящено американское издание книги. Конечно, ей было бы гораздо приятней почитать романы. Тем не менее, она не раз проверяла каждое слово в моем тексте, высказывала подробные замечания, а однажды даже нарисовала диаграмму, доказывая, что необходимо частично изменить аргументацию (и оказалась права). Жена рада завершению книги, ведь я снова могу уделять больше времени семье, а она – вернуться к своим романам.

Введение

Эпоха демократии

Мы живем в эпоху демократии. В прошедшем столетии ее подъем повлиял на изменение мира в гораздо большей мере, нежели все прочие тенденции. В 1900 году ни в одной стране не было того, что мы сегодня считаем демократией, а именно – власти, сформированной по итогам выборов, в которых может принять участие любой совершеннолетний гражданин. Ныне такая система действует в 119 государствах, то есть в 62 процентах всех стран мира. То, что некогда было практикой, присущей лишь горстке государств, расположенных на берегах Северной Атлантики, теперь стало привычной формой правления для значительной части человечества. Монархии устарели, фашизм и коммунизм полностью дискредитировали себя. Даже мусульманская теократия привлекает лишь немногочисленных фанатиков. В подавляющем большинстве государств демократия стала единственным источником политической легитимности. Такие диктаторы, как Хосни Мубарак в Египте и Роберт Мугабе в Зимбабве, прилагают немало сил и средств для организации общенациональных выборов и, конечно, легко побеждают на них. Если даже противники демократии прибегают к ее риторике и воспроизводят ее ритуалы, значит она действительно победила.

Мы живем в эпоху демократии и в более широком смысле. Само это понятие имеет греческие корни и означает «народное правление». И сейчас мы повсюду наблюдаем перетекание власти сверху вниз. Я называю все это «демократизацией», хотя происходящее выходит за пределы политической сферы. Аналогичные процессы развиваются повсюду: распадаются иерархические структуры, закрытые системы превра-

щаются в открытые, а давление со стороны народных масс стало главной движущей силой социальных перемен. Из формы правления демократия превратилась в образ жизни.

Рассмотрим хозяйственную сферу. Главные отличительные черты и особенности нынешнего капитализма состоят не в его глобальности или первостепенной роли информации и технологий в его развитии; все это имело место и на более ранних этапах истории. Современный капитализм характеризуется прежде всего тем, что он *демократичен*. В последние полвека экономический рост в индустриальных странах привел к повышению благосостояния сотен миллионов людей, создав феномен массового потребления, накопления и инвестирования. Это вызвало изменение структуры общества. В результате экономическая власть, столетиями концентрировавшаяся в руках узкой группы предпринимателей, банкиров и бюрократов, стала перемещаться вниз. Теперь большинство компаний – да и стран – добиваются расположения не кучки богачей, а многочисленного среднего класса. И правильно делают, ведь активы даже наиболее престижных инвестиционных групп не идут в сравнение со средствами пенсионных фондов наемных работников.

Демократизируется и культура. То, что принято называть «высокой культурой», по-прежнему престижно, но предназначено только для людей солидного возраста и более не находится в эпицентре культурной жизни общества. В ней теперь доминируют поп-музыка, кинофильмы и телевидение. Именно они определяют каноны современной жизни и набор культурных ориентиров для широких масс населения. Пронизывающая общество демократическая революция изменила само определение культуры. Например, раньше репутация певицы зависела от того, кому нравилось ее искусство. Сегодня ключом к славе является то, *как много* у нее почитателей. По таким меркам Мадонна всегда будет впереди Джесси Норман. Количество затмило качество.

Чем вызван столь крутой сдвиг? Как и во всех случаях крупномасштабных социальных явлений, подъему процесса демократизации способствовали многие факторы, в частности – научно-техническая революция, рост благосостояния средне-

го класса, а также крах альтернативных капитализму систем и идеологий организации общества. К числу основных системных причин следует добавить еще одну: роль США в мире. Доминирование Америки – страны с глубоко демократической политикой и культурой – привело к тому, что демократизация повсюду стала казаться неизбежной. Каковы бы ни были ее конкретные причины, волна демократизации оказывает вполне предсказуемое воздействие на все сферы жизни. Она разрушает былую иерархию, наделяет властью людей с улицы и вызывает в обществе перемены, далеко выходящие за рамки политики. Большинство отличительных особенностей мира, в котором мы живем, фактически является следствием реализации идеи демократии.

В бурные 1990-е годы мы не раз читали, что произошла демократизация технологии и информации. Это сравнительно новое явление. В прошлом технология способствовала укреплению централизованных и иерархических начал. Скажем, предыдущая крупная революция в информационной сфере 1920-х годов, связанная с повсеместным распространением радио, телевидения, кино и [уличных] репродукторов, оказала централизующее действие. Отдельные люди и группы, располагающие доступом к соответствующей технологии, получили возможность обращаться ко всему остальному обществу. Поэтому во всех переворотах и революциях XX века первым шагом был захват контроля над общенациональными теле- и радиостанциями. Нынешняя же информационная революция привела к множественности источников информации, что делает невозможным контроль над ними из единого центра и облегчает выражение несогласия. Интернет продвинул данный процесс еще дальше, поскольку, по словам обозревателя Томаса Фридмана, к этой системе «могут подключиться все, но никого нельзя проконтролировать».

Демократизация технологии и информации означает, что практически каждый получает доступ к чему угодно, например – оружию массового уничтожения. Теперь уже известно, что в 1990-е годы Усама бен Ладен осуществлял серьезную программу в области биологического оружия. Особенно поражает тот факт, что научная информация и учебные матери-

алы, обнаруженные в тайниках «Аль-Каиды» в Кабуле, не относились к секретам, похищенным в государственных лабораториях. Это были документы, добытые через интернет. Если вы хотите найти сегодня данные о сибирской язве, рецепты отравляющих веществ или методы боевого использования обычных химикатов, то нужна только хорошая поисковая система. К сожалению, открытые источники информации скоро помогут кому-нибудь создать «грязную бомбу», поскольку в настоящее время ее компоненты получить легче, чем когда-либо прежде. В основном для этого требуются некоторые специальные знания, а они в последнее десятилетие получили широкое распространение. Легко доступна даже ядерная технология. Ведь она представляет собой ноу-хау пятидесятилетней давности, аналогичное радиовещанию на основе амплитудной модуляции и черно-белому телевидению. Происходящее можно назвать демократизацией насилия.

Это не просто хлесткая фраза. Демократизация насилия составляет одну из основных, причем устрашающих, черт современного мира. Столетиями в человеческих обществах государство сохраняло за собой монополию на законное применение силы. Подобное неравенство в силе между государством и гражданином создавало определенный порядок и служило частью каркаса сложившейся цивилизации. Однако в последние десятилетия подобное преимущество государства ослабло; ныне небольшие группы людей в состоянии совершать ужасающие деяния. В то время как терроризм наносит наисерьезнейший удар по государственной власти, центральные правительства оказались в осаде и по другим направлениям. Рынки капитала, частное предпринимательство, местное самоуправление и неправительственные организации набрали силу, что сужает власть государства. Свидетельство тому – нарастающий по всему миру нелегальный поток людей, наркотиков, денег и оружия. Подобная диффузия власти будет продолжаться, так как ее подстегивают крупные изменения в технике, обществе и экономике. После 11 сентября 2001 года государство вернуло себе позиции, обновив свою власть и легитимность. Эта тенденция также сохранится. Эпоха террора будет, таким образом, характеризоваться столкновением фак-

торов, способствующих демократизации власти, с одной стороны, и укреплению государства – с другой.

Обсуждать подобные проблемы – не значит утверждать, будто демократия дурна сама по себе. В подавляющем большинстве случаев она приносила замечательные результаты. Кому из нас хочется вернуться во времена, где было меньше выбора, индивидуальных возможностей и самостоятельности? Но как и у всякой глубокой трансформации, у демократии есть свои негативные аспекты. Между тем мы редко обсуждаем их, а в результате не можем их осознать. Говорить на эту тему – значит немедленно вызвать в свой адрес критику: вы не в ладах со временем. Опасение заработать клеймо противника демократии принуждает нас замалчивать проблемы, сопутствующие всевозрастающей демократизации жизни. Все исходит из установки, будто демократия в принципе не может вызывать каких-либо проблем. Поэтому вину за социальные, политические и экономические болезни мы возлагаем на что угодно, не желая видеть реалии и избегая неприятных ответов. Тем самым мы оставляем вне обсуждения ту величайшую трансформацию, которая находится в эпицентре всей политической, экономической и общественной жизни.

Демократия и свобода

Американский дипломат Ричард Холбрук говорил по поводу Югославии 1990-х годов: «Предположим, что проведены свободные и справедливые выборы, однако избранниками оказываются расисты, фашисты и сепаратисты. Таково реальное противоречие». Оно характерно сейчас для всего мира, а не только для бывшей Югославии. Рассмотрим, к примеру, вызов, с которым мы сталкиваемся в исламском мире. Все признают, что вместо репрессивных режимов там нужна демократия. Но как быть, если демократия порождает мусульманскую теократию или нечто подобное? Это вовсе не праздное беспокойство. В разных частях света режимы, избранные демократическим путем (причем многие из них переизбраны повторно или подтвердили свою легитимность в ходе общенародных референдумов), сплошь и рядом игнорируют кон-

ституционные ограничения своей власти и лишают граждан фундаментальных прав. Этот вызывающий беспокойство феномен наблюдается повсюду: от Перу до Палестинской автономии, от Ганы до Венесуэлы; его можно назвать «либеральной демократией».

На Западе демократия подразумевает именно «либеральную демократию»: это политическая система, которой присущи не только проведение свободных и справедливых выборов, но также верховенство закона, разделение ветвей власти и обеспечение базовых свобод – свободы слова, собраний, вероисповедания и владения собственностью. Однако подобный «пучок» свобод – его можно назвать «конституционным либерализмом» – по сути дела не имеет ничего общего с демократией. Либерализм и демократия не всегда шли рука об руку – даже на Западе. Ведь Адольф Гитлер стал канцлером Германии в результате свободных выборов. На Западе за последние полвека демократия и свобода оказались неразрывно переплетены. Однако в сегодняшнем мире эти два компонента либеральной демократии, составляющие плоть западной политической модели, все больше расходятся друг с другом. Демократия расцветает, а свобода – нет.

В некоторых странах, в частности среднеазиатских, выборы проложили дорогу диктатурам. В других они обострили межгрупповые конфликты и межэтническую напряженность. Например, Югославия и Индонезия отличались гораздо большей терпимостью и светскостью, когда ими жесткой рукой управляли, соответственно, Тито и Сухарто, чем теперь, когда там провозглашена демократия. В большинстве недемократических стран выборы ненамного улучшают ситуацию. Если в арабских странах завтра состоятся выборы, они скорее всего приведут к власти еще менее терпимые и более реакционные, антизападные и антисемитские режимы, нежели те диктатуры, которые правят там сейчас.

Мир становится все более демократическим, а режимы, сопротивляющиеся этой тенденции, порождают общества, не способные нормально функционировать. Именно это происходит в арабском мире. Люди там сильнее, чем когда-либо, ощущают, что лишены свободы – ведь им известны альтерна-

тивы, которые они могут наблюдать по каналам «Си-Эн-Эн», «Би-Би-Си» или «Аль-Джазире». В то же время демократия в недавно обретших ее странах слишком часто превращается в бутафорию, вызывающую разочарование, беспорядки, насилие и новые формы тирании. Достаточно взглянуть на Иран и Венесуэлу. Конечно, это не причина, чтобы впредь не прибегать к выборам, но несомненно стоит задаться вопросом: что лежит в основе столь неблагоприятного характера развития событий? Почему многим развивающимся странам так трудно построить стабильные, в полном смысле слова демократические общества? Раз уж мы взялись решать грандиозную задачу построения демократии в Ираке, то как гарантировать успех такого начинания?

В первую очередь нужно выяснить, что мы подразумеваем под политической демократией. Со времен Геродота ее определяли, главным образом, как власть народа. Определение демократии как процесса избрания правительств ныне широко используется учеными. В работе «Третья волна» видный политолог Самюэль Хантингтон дает следующее объяснение:

Выборы – открытые, свободные и справедливые – составляют существо демократии; это то, без чего невозможно обойтись. Правительства, сформированные по итогам выборов, могут оказаться неэффективными, коррумпированными, недальновидными, безответственными, движимыми корыстными интересами и неспособными проводить политику во имя общего блага. Подобная власть нежелательна, однако это не делает ее недемократической. Демократия – далеко не единственное из достоинств общества. Взаимосвязь демократии с другими общественными добродетелями можно понять, только четко выделяя ее среди прочих характеристик политической системы.

Данная трактовка рассматриваемого термина созвучна и здравому смыслу. Страну, в которой проводятся соревновательные выборы с участием нескольких партий, мы называем «демократической». Когда степень общественного участия в политике страны повышается – скажем, в результате предоставления избирательных прав женщинам, – считается, что такая страна стала более демократичной. Конечно, выборы дол-

жны быть открытыми и справедливыми, что требует определенной защиты свободы слова и собраний. Но если выйти за рамки этого минимального требования и относить страну к разряду демократических исключительно тогда, когда в ней гарантирован определенный набор социальных, политических, экономических и религиозных прав (которые будут разными с позиций каждого наблюдателя), то слово «демократия» лишится смысла. В конце концов, в Швеции сложилась экономическая система, которая, как утверждают многие, урезает индивидуальные права собственности, во Франции до недавнего времени сохранялась государственная монополия на телевидение, а в Великобритании религия находится в ведении государства. Однако все они однозначно являются демократическими странами. Отождествлять «демократию» с «хорошим правительством» – значит делать данный термин аналитически бесполезным.

Со своей стороны, конституционный либерализм подразумевает не процедуры избрания правительства, а, скорее, формулирование его целей. Тут дело в традиции, уходящей глубоко в историю Запада и предполагающей защиту автономии и достоинства индивида от насилия, откуда бы оно ни исходило – от государства, церкви или общества. В данном термине объединены две тесно взаимосвязанные идеи. Прежде всего речь идет о либерализме*, который опирается на направление в философии, восходящее к грекам и римлянам и подчеркивающее значимость личной свободы. Но этот либерализм является конституционным, так как помещает в центр политической жизни верховенство закона. Конституционный либерализм получил развитие в Западной Европе и Соединенных Штатах Америки как средство защиты права индивида на жизнь, собственность, свободу слова и вероисповедания. Ради обеспечения таких прав конституционный либерализм подчеркивает необходимость установления сдержек

в отношении государственной власти, равенства всех перед законом, беспристрастности судов и трибуналов, а также отделения церкви от государства. Почти во всех своих вариациях конституционный либерализм настаивает, что у людей есть определенные естественные (или «неотъемлемые») права и что в целях обеспечения таких прав правительства должны принимать базовый закон, устанавливающий пределы их собственных полномочий. Так, в 1215 году на Руннимедском лугу английские бароны вынудили короля ограничить свою власть. В американских колониях подобные обычаи получили наиболее отчетливое выражение, и в 1638 году в городе Хартфорде была принята первая в современной истории писаная конституция. В 1789 году американская конституция создала формальные основания для появления новой страны. В 1975 году государства Запада установили стандарты поведения даже для недемократических режимов. Великая хартия вольностей, Фундаментальный статут Коннектикута, американская конституция и Хельсинкский заключительный акт – все это воплощение конституционного либерализма.

После 1945 года западные правительства, по большому счету, объединили и демократию, и конституционный либерализм. Поэтому данные понятия трудно представить себе в отрыве друг от друга, будь то в форме антилиберальной демократии или либеральной автократии. На деле и то, и другое существовало в прошлом и сохраняется в настоящем. До XX века большинство стран Западной Европы были либеральными автократиями или, в лучшем случае, полудемократиями. Право голоса жестко ограничивалось, а выборные законодательные органы имели урезанные полномочия. В 1830 году в одной из наиболее демократичных европейских стран – Великобритании – всего 2 процентам населения дозволялось голосовать на выборах, и то лишь в одну из палат Парламента. Только к концу 1940-х годов большинство западных стран стали полноценными демократиями со всеобщим избирательным правом для взрослого населения. Однако еще за сотню лет до этого, к концу 1840-х годов, большинство из них усвоили важные аспекты конституционного либерализма – верховенство закона, права частной собственности и, во все боль-

* Я использую понятие «либеральный» в значении, относящемся к XIX веку и подразумевающим заботу об экономической, политической и религиозной свободе индивида (что иногда именуют «классическим либерализмом»), а не в современном американском понимании, связывающем либерализм с государством благосостояния, «утверждающими» действиями и другими политическими установками.

шей мере, разделение властей, а также свободу слова и собраний. На протяжении большей части современной истории власть в Европе и Северной Америке характеризовалась и отличалась от других правительств в мире не демократичностью, а конституционным либерализмом. «Западную модель управления» точнее всего символизирует не массовый плебисцит, а беспристрастность суда.

Многие десятилетия крошечный Гонконг служил маленькой, но показательной иллюстрацией к тому, что свобода не зависит от демократии. Там был достигнут чрезвычайно высокий уровень конституционного либерализма, но вовсе не было демократии. В 1990-е годы, по мере приближения срока передачи Гонконга Китаю, во многих западных газетах и журналах выражалось беспокойство по поводу опасности подобного события для демократии в Гонконге. Но на самом деле речь шла об угрозе традициям свободы и законности, а не демократии. Мы продолжаем путать эти два понятия. Американские и израильские политики часто попрекали палестинскую администрацию за отсутствие демократии. Однако по сути дела Ясир Арафат является единственным лидером во всем арабском мире, избранным в ходе вполне свободных выборов. Проблема палестинской автономии связана не с демократией (хотя она там глубоко несовершенна и половинчата, но все же действует), а с конституционным либерализмом, точнее – отсутствием такового.

Американцам особенно трудно уловить противоречие между демократией и свободой, поскольку оно не сильно сказалось на истории США – за одним большим исключением. Рабство и сегрегация были укоренены на американском Юге посредством демократической системы. С момента установления в Америке республиканского правления все, кто питал отвращение к рабству, сталкивались с той проблемой, что на Юге большинство избирателей отчаянно его защищали. Рабству пришел конец не потому, что против него проголосовали, а потому, что вооруженные силы Севера нанесли поражение Югу. И пришедшая впоследствии на смену рабству «система Джима Кроу» на Юге была разрушена в 1950–1960-е годы не благодаря, а вопреки демократии. Хотя заключитель-

ный акт освобождения негров, Билль о гражданских правах от 1964 года, был утвержден Конгрессом, все предшествовавшие ему шаги делались на основе декретов исполнительной власти (как в случае с десегрегацией в армии) или предписаний Верховного суда (как в случае с десегрегацией в школах). В величайшей американской трагедии свобода и демократия часто бывали не в ладах друг с другом.

Американская модель

В 1990-е годы некий американский ученый оказался в Казахстане с миссией, спонсированной правительством США и имевшей целью помочь молодому парламенту этой страны разработать национальные избирательные законы. Общавшийся с ним высокопоставленный казахстанский парламентарий отменил многочисленные варианты, предложенные американским специалистом, настойчиво заявляя: «Нам нужно, чтобы наш парламент стал точной копией вашего Конгресса». Американец с ужасом вспоминал впоследствии: «Я пытался сказать что-нибудь иное, а не те слова, которые немедленно пришли мне на ум: “Ни в коем случае!”». Подобное мнение – не редкость. Многие американцы, профессионально занимающиеся вопросами демократии, считают собственную государственную систему слишком громоздким механизмом, который ни одной другой стране не следует брать за образец. На самом же деле базовая идея американской конституции, а именно – опасение чрезмерного сосредоточения власти в одних руках, столь же актуальна сегодня, как и в 1789 году. Ситуация в Казахстане такова, что здесь как раз был бы уместен сильный парламент, подобный Конгрессу США, чтобы сдерживать властные аппетиты местного президента.

Странно, что Соединенные Штаты столь часто выступают за неограниченную демократию за рубежом. Американская система характеризуется не демократичностью, а именно недемократичностью, поскольку в ней существуют разнообразные ограничения прав большинства избирателей. Ведь Билль о правах является, по сути дела, перечислением того, чего правительству делать нельзя, каковы бы ни были пожелания боль-

шинства населения. Важнейшую из трех ветвей власти в Америке представляет Верховный суд, состоящий из девяти назначенных судей, пребывающих в своей должности пожизненно. Сенат США – самая непредставительная верхняя палата парламента в мире, если не считать британской Палаты лордов, не обладающей серьезными полномочиями и находящейся на пороге реорганизации. Каждый американский штат, вне зависимости от численности населения, направляет в Вашингтон двух сенаторов. Таким образом, 30 миллионов жителей Калифорнии имеют в Сенате такое же представительство, как и 3,7 миллиона жителей Аризоны; это никак не соответствует [демократическому] принципу «один человек – один голос»*. Что касается законодательных органов штатов и местных легислатур, поразительной особенностью США является не полномочия партии, за которую проголосовало большинство избирателей, а защита прав партий и даже отдельных законодателей, представляющих меньшинство. Частные фирмы и другие неправительственные группы (то, что Алексис де Токвиль называл «посредничающими ассоциациями») составляют решающий элемент общественного устройства. Плотность ткани гражданского общества предопределила характер американской демократии.

Между тем эта ткань истончается, что ведет к появлению в Соединенных Штатах своей версии нелиберальной демократии. Проблемы Америки отличны от того, с чем сталкиваются страны «третьего мира», и не столь остры. Но сходство есть. В Америке надежно обеспечиваются законность и права граждан. Однако постепенно исчезают некоторые неформальные ограничения, составляющие внутреннее наполнение либеральной демократии. Многие из общественных и политических институтов – партии, профессиональные объединения, клубы и ассоциации – имеют недемократическую структуру. Все они опасаются демократической идеологии, определяю-

* Данный аспект американской демократии привел, по преимуществу, к удручающим результатам, обеспечив малым штатам с немногочисленным населением непропорциональное политическое влияние и крупные субсидии. И все же американская демократия серьезно выигрывает от большинства своих «недемократических» особенностей.

щей ценностью идей и институтов исходя из единственного простого критерия: максимально возможного рассредоточения власти. Иными словами, подразумевается ли подлинная демократия? Будучи по определению демократическим органом, Конгресс США в прежние времена функционировал в иерархической и закрытой манере, несколько дистанцируясь от публичной сферы. Теперь он транспарентен, полностью открыт для выражения мнений и влияния со стороны избирателей. Конгресс превратился в более чуткий и демократичный орган, но стал менее дееспособным.

Или возьмем американские политические партии, сегодня являющиеся организациями, устроенными по подобию потемкинских деревень. Партии больше не выполняют своей исторической роли по селекции политиков и третьейскому арбитражу в рамках избирательного процесса. В условиях доминирования предварительных выборов (праймериз) и опросов общественного мнения партии в США представляют собой попросту оболочку, наполняемую в соответствии с текущими предпочтениями общества – нелиберальными, консервативными или любыми другими. Посмотрим также на американскую профессиональную элиту, в частности на юристов. Некогда они были своего рода местной аристократией, поскольку несли определенные обязательства и ответственность по отношению к городам и населенным пунктам, в которых жили и работали. Теперь юристы утратили свой престиж и общественное предназначение, превратившись в бесцеремонных дельцов. Медицина, бухгалтерский учет и банковское дело пошли тем же путем. Силы, направлявшие развитие демократии в Америке, подвергаются ускоренной эрозии.

Им на смену пришли опросы общественного мнения. Когда историки станут писать о нашем времени, они наверняка будут потрясены непрерывным измерением «пульса» населения страны. Политики, корпорации и журналисты тратят массу времени, денег и сил, пытаясь спрогнозировать точку зрения общественности буквально на все, начиная с социального страхования и заканчивая вопросами загробной жизни или отношения к газированным напиткам. Фактически, идет своего рода гонка ради того, чтобы первым угодить мнению публики. Те,

кто проводит опросы общественного мнения, стали нашими современными предсказателями; они истолковывают результаты опросов с той же напыщенностью, с какой их предшественники гадали на куриных потрохах. Социологические опросы, как и куриные потроха, часто дают неопределенные результаты, а время от времени сами люди меняют точку зрения. Тогда начинается суетливая, как среди леммингов, беготня за новым мнением народа. Например, бизнесменов, которых в 2000 году восхваляли за гениальность, в 2002 году стали изображать мошенниками. Ньют Гингрич, инициатор внушительной победы [республиканцев] на выборах в Конгресс в 1994 году, спустя всего год в глазах публики превратился в неуклюжего экстремиста. В период президентства Билла Клинтона его имидж менялся почти еженедельно в диапазоне от подлеца до политической легенды. Во всем этом «катании на горках» постоянен только ритуал воздания почестей американскому народу. «Американский народ не глуп», – без конца повторяют политики, даже когда им приходится комментировать настойчивое стремление публики к снижению налогов при одновременном повышении государственных выплат. «Американский народ желает знать», – говорит некий политик, хотя на самом деле именно он, и, возможно, никто больше, хочет задать тот или иной вопрос. «Мы услышали от народа Америки», – декларирует третий, будто объявляет о божественном откровении. Любое банальное утверждение обретает сегодня силу библейской заповеди, когда его приписывают американскому народу*.

Свобода и ограничения

Вместе с тем, народ ощущает наличие проблемы. Сейчас американцы с меньшим почтением относятся к своей полити-

* Как и в связи со всеми наблюдениями по поводу Америки, де Токвиль сказал об этом первым и лучше других: «Французы при прежней монархии считали само собой разумеющимся, что король не может поступать дурно, – писал он. – Но если он все же поступал дурно, то вину за это возлагали на его советников... Американцы придерживаются такого же взгляда по отношению к большинству». В сходном духе Майкл Кинсли собрал тексты своих колонок в журнале «Нью рипаблик» в книгу с предостерегающим заглавием, назвав американский народ «Большими младенцами».

ческой системе, чем когда-либо в прошлом. В этом они не одиноки. В большинстве западных стран налицо столь же невысокое по историческим меркам мнение населения о своих политиках. По сути дела, нынешний подъем во всех европейских странах популизма, направленного против существующего истеблишмента, показывает, что подобные чувства уже весьма сильны. Нарастание разочарования и раздражения по поводу существующих политических систем совпало с нелегкими временами. Западные демократии проходят тест на прочность, столкнувшись с такими фундаментальными новыми вызовами, как терроризм, демографические подвижки, иммиграция и столкновение культур. Правительствам приходится защищать общества от ранее неизвестных угроз, перекраивать государство благосостояния и поощрять иммиграцию, стараясь не вызвать при этом войны между культурами. Это трудная задача для любого периода, однако политическая система никогда не была столь же неработоспособной, как сейчас. Бесконечная кампанейщина и посредничество, добывание средств для партийных фондов, отстаивание особых интересов и лоббирование (что особенно развито в Америке) – все это привело к дискредитации в глазах общества всей политики, поэтому показатели явки избирателей на участки для голосования удручающе низки. Западная демократия остается примером для остальных стран. Однако не получится ли так, как происходит со вспышкой сверхновой звезды в отдаленных космических мирах: в момент своей наивысшей славы демократия окажется пустышкой?

Многие верят в обратное, а именно в то, что растущая демократизация всех сфер общественной жизни представляет собой безоговорочное благо. Результатами распада старых систем, получения доступа к информации и наделения властью рядового обывателя якобы станут всевозрастающие личная свобода и благоденствие. В конце бурных 1990-х годов консалтинговая фирма «Аксенчер» публиковала рекламные объявления, расхваливавшие ее прозорливый анализ. Одно из них представляло собой пародию на газетный заголовок, гласивший: «Интернет принесет демократию в Китай», – вслед за чем шел фирменный рефрен: «Теперь это становится инте-

ресным». Хотя пик «эры dot.com» уже пройден, энтузиасты информационно-компьютерных технологий подчеркивают, что интернет еще находится в младенческом возрасте, но впоследствии принесет демократию в Китай, процветание в Индию, а также сделает всех нас своими собственными банкирами, адвокатами, редакторами и даже законодателями. Последняя тенденция уже просматривается в таких штатах, как Калифорния, где активно развивается управление на основе референдумов. Прочие штаты следуют тем же путем. Возможно ли в таких условиях высказываться против усиления демократии?

Но что если свобода рождается не из хаоса, а из некоторой упорядоченности, то есть обеспечивается не неограниченной прямой демократией, а регулируемой представительной демократией? Ведь в большинстве сфер жизни людям нужны указания и ограничители. И как быть, коль скоро свобода в полной мере гарантируется только в том случае, когда подобные рамки достаточно прочны? Как бы то ни было, именно эта альтернативная теория породила современную либеральную демократию. Существующая на Западе демократия всегда была тем, что Аристотель называл «смешанным режимом». Ей присуще выборное правительство, но в ней также есть конституционные законы и права, независимая судебная власть, сильные политические партии, церкви, фирмы, частные ассоциации и профессиональные сообщества. Политическая демократия была существенным, фактически ключевым элементом всего общества, а власть, в конечном счете, принадлежала народу. Однако эта система была сложной и состояла из множества частей, не все из которых зависели от выборов. На практике задачей многих из ее недемократических институтов и групп было смягчение публичных страстей, обучение граждан, руководство демократией и тем самым гарантирование свободы. Когда в Гарвардской школе права вручают дипломы выпускникам, им напоминают, что о праве нужно думать как о «мудрых ограничениях, делающих людей свободными». Национальный гимн «Прекрасная Америка» провозглашает: «Америка, Америка! / Бог создал тебя без изъяна / Пусть же укрепится твой дух / Свобода – это законность».

Моя книга призывает к такому самоконтролю и восстановлению баланса между демократией и свободой. Это не выступление против демократии, а предупреждение, что возможен избыток столь превозносимого блага, как демократия. Суть либеральной демократической политики состоит в построении насыщенного и комплексного общественного порядка, а не такого, где доминировала бы всего одна идея. Так, отцы-основатели Америки стремились создать подобное плюралистическое общество во времена, когда многие еще верили, что над обществами должна господствовать единая религиозная идеология. Демократия – тоже единая идеология; как и у всех подобных моделей, у нее есть свои пределы. То, что действительно в законодательной сфере, может не сработать внутри корпорации.

Предпринять реставрацию [политической системы] – не значит стремиться к возвращению прежнего порядка. Мы довольны происшедшими демократическими переменами и ценим их. Нам нужна не такая либеральная демократия, которая существовала в XIX веке, а такая, какой она должна быть в XXI столетии. Демократическим обществам требуются новые амортизаторы и ориентиры, соответствующие современным проблемам и вызовам времени. Их поиск следует предварить обращением к истории борьбы за свободу и демократию, начавшейся на Западе и затем распространившейся в остальных частях света. Если мы намерены отправиться в долгий поход во имя жизни, свободы и благоденствия, надо помнить о тех силах, которые обеспечивали их раньше. Только осознав прошлое, мы сможем гарантировать свободу в будущем.

1

Краткая история человеческой свободы

Все началось тогда, когда император Константин решил переехать. В 324 году от Рождества Христова глава величайшей империи в мире отправился на Восток. Он переместил свою столицу из Рима в Византий – старинное греческое поселение, находившееся у выхода из Босфора в Черное море и тотчас переименованное им в Константинополь. Зачем же нужно было покидать Рим – легендарный имперский центр? Константин объяснял, что сделал это «по велению Господа». С такого рода логикой спорить трудно, однако тщеславие и амбиции наверняка тоже сыграли свою роль. Константин отчаянно стремился оставить после себя великое наследие: если не победоносная война, то какой еще способ лучше, чем воздвигнуть новую столицу? Такой ход был выигрышным и в политическом плане. Константинополь находился ближе к крупным культурным и экономическим центрам того времени, таким как Афины, Салоники и Антиохия (Рим тогда уже считался захолустьем). Кроме того, стратегически Константинополь был более удачным пунктом для защиты империи от врагов, главным образом – германских племен и персидских армий. Так в IV веке нашей эры эпицентр исторических событий оказался на Востоке.

Императоры не путешествуют налегке, и Константин не был исключением. Он переместил не только столицу, но и десятки тысяч ее обитателей. Он реквизирует огромные запасы продовольствия и вина в Египте, Малой Азии и Сирии, чтобы накормить своих людей. Он рассылал по всей империи своих приспешников, чтобы те привозили в «новый Рим» произведения искусства. Мародерство приобрело такие масшта-

бы, что историк Якоб Буркхардт описал его, как «самые постыдный и грандиозный грабеж художественных произведений за всю историю... совершенный ради украшения [Константинополя]»¹. Сенаторов и другую знать всячески подталкивали к переезду. В новом городе их ждали точные копии их прежних домов. Однако, взяв с собой большую часть своего двора, Константин все же оставил на старом месте одного человека – римского епископа. Происшедшее тогда отделение церкви от государства имело историческое значение и впоследствии сыграло для человечества судьбоносную, причем благотворную, роль.

Христианство превратилось в децентрализованную религию, объединявшую несколько самоуправляемых церквей. Хотя римский епископ номинально имел старшинство (ведь первым этот пост занимал Петр, один из четырех апостолов Христа), Рим теперь находился в отдалении от столицы империи. Другие влиятельные священнослужители, такие как епископ Константинополя и епископы близлежащих Антиохии, Иерусалима и Александрии, отныне жили в тени императора и быстро стали придатками государственной власти. Римская же церковь находилась вдали от дворцовой власти и интриг; она процветала и укрепляла свою независимость, что, в конце концов, позволило ей претендовать на мантию духовного папства христианских народов. По замечанию крупного британского специалиста по античности Эрнста Баркера, в результате такого разделения в Восточной империи (Византии) утвердилась власть государства, а в Западной империи (Риме) – суверенитет религии. Если быть более точным, на Западе власть стала предметом спора; в течение 1500 лет после осуществления Константином переезда европейская история характеризовалась постоянными раздорами между церковью и государством. Из искр, высеченных в таких схватках, и возгорелось пламя человеческой свободы.

Свобода старая и новая

Очевидно, было бы чрезмерным упрощением выделять одно-единственное событие, чтобы отметить истоки сложно-

го исторического явления – в данном случае развития человеческой свободы. Однако любая история должна с чего-то начинаться. С моей точки зрения, подъем христианской церкви – первейший источник свободы на Западе, а значит и в мире. Этот факт определяет стержневой тезис настоящей главы, а именно – свобода появилась на Западе гораздо раньше, чем демократия; именно свобода привела к возникновению демократии, а не наоборот. Он также высвечивает парадокс, постоянно отмечаемый в моем анализе: каковы бы ни были самые глубинные предпосылки свободы, на Западе она родилась в ходе борьбы за власть. Западный образ жизни воплотил в себе результаты целого ряда противостояний – между церковью и государством, землевладельцами и королем, протестантами и католиками, предпринимателями и государством. Нарастало давление в пользу свободы личности, что было особенно характерно для Англии, а впоследствии – для Соединенных Штатов.

Кто-то может не согласиться с таким пониманием роли христианской церкви, опрометчиво указывая на древнюю Грецию как питомник свободы. Нам напомнят известную надгробную речь Перикла, произнесенную им в 431 году до нашей эры и посвященную свободе, демократии и равенству. В ней была нарисована полная событий картина Афин того времени. В течение большей части XIX столетия в университетах Великобритании и Германии учили, что человеческое совершенство достигло наивысшего расцвета в городах-государствах Греции приблизительно в V столетии до Рождества Христова. (В Оксфорде и Кембридже историю древней Греции и Рима по сию пору называют «классической».) Однако викторианское увлечение Грецией отчасти питалось иллюзиями. Древняя Греция являла собой великую культуру, богатую философскими, научными и литературными плодами. Она была родиной демократии и некоторых связанных с нею идей, но на практике их применяли только в нескольких малых городах-государствах в течение не более чем сотни лет; всему этому пришел конец после захвата Афин македонянами в 338 году до нашей эры. Древнегреческий эксперимент стал вдохновлять приверженцев демократии более чем тысячелетие спус-

тя. Однако в многовековом периоде истории, отделяющем нас от него, нет никаких следов материального или институционального влияния античной демократии на политический процесс в Европе.

По сути дела, Греция не была родиной свободы в ее сегодняшнем понимании. В современном мире свобода – это прежде всего свобода индивида от произвола власти, что на протяжении большей части истории означало свободу от грубой силы государства. Она подразумевает некоторые фундаментальные права человека: свободу самовыражения, ассоциаций, вероисповедания, а также право на защиту со стороны закона. Между тем, как считал философ эпохи Просвещения Бенжамен Констан, в древности свобода означала нечто иное, а именно – то, что каждый (а на деле – лишь гражданин мужского пола) имел право участвовать в управлении общиной. Обычно все граждане заседали в законодательном органе, а если это было трудно осуществить на практике, члены законодательного органа избирались при помощи лотереи (как сейчас избирают членов суда присяжных в Америке). В древней Греции народные ассамблеи имели неограниченные полномочия. Права индивида не считались священными в теории и не защищались на практике. По выражению Констан, греческая демократия в большинстве случаев подразумевала «подчинение индивида власти общины»². Вспомним, что в IV веке до нашей эры в Афинах (где, как считается, греческая демократия нашла свое наиболее полное воплощение) народная ассамблея путем демократического голосования приговорила к смерти величайшего философа той эпохи за его учение. Казнь Сократа была актом демократическим, но никак не либеральным.

Если греческим корням западной свободы часто придается чрезмерное значение, то об ее римских корнях обыкновенно забывают. Когда Геродот писал, что греки были «свободным народом», он имел в виду, что они не были рабами вследствие иностранного завоевания или господства. Подобную идею мы сегодня назвали бы «национальной независимостью» или «самоопределением» (согласно такому определению, сейчас свободой обладают даже жители Северной Кореи).

Римляне же подчеркивали иной аспект свободы, а именно – то, что все граждане равны перед законом. Это гораздо ближе современному западному пониманию свободы, а от обозначающего ее латинского слова *libertas* и происходит соответствующий западный термин. Если Греция дала миру философию, литературу, поэзию и искусство, то Рим подарил ему зачатки установления пределов полномочий правительства и верховенства закона. Римская республика с ее разделением властей на три ветви, избранием официальных лиц на ограниченный срок и упором на всеобщее равенство перед законом с тех пор стала образцом государственного устройства, причем наиболее сознательно на него ориентировались при основании Американской республики. По сей день в западном мире повсеместно продолжают жить римские политические концепции и термины: сенат, республика, конституция, префектура. Законодательство на Западе столь наполнено римским наследием, что вплоть до начала XX столетия юристам было нужно хорошо знать латинский язык. Большая часть существующего в мире договорного права, законов о собственности, исполнении долговых обязательств, диффамации, наследовании, владении имуществом, а также правила судопроизводства и дачи свидетельских показаний представляют собой вариации на римские темы. С точки зрения Герберта Асквита – талантливого исследователя-любителя классических языков и литературы, ставшего премьер-министром Великобритании, – величайший дар Рима потомкам состоял в том, что «была основана, получила развитие и систематизацию мировая юриспруденция»³.

Однако в римском праве оставалась зияющая прореха: оно не применялось в отношении правящего класса, в особенности после того, как к I столетию до нашей эры республика выродилась в монархию. Такие императоры, как Нерон, Вителлий и Гальба, нередко приговаривали людей к смерти без судебного разбирательства, грабили частные дома и храмы, а также насиловали и убивали своих подданных. Калигула, как известно, назначил своего коня членом сената. Данный акт нарушил неписаные правила этого некогда всемогущего органа власти. В обстановке упадка империи стали гибнуть правовые традиции, тщательно выстраивавшиеся в республиканские

годы Рима. Урок его падения заключается в том, что для сохранения верховенства закона требуется большее, нежели добрые намерения правителей, поскольку могут перемениться как намерения, так и правители. Обществу нужны институты, сила которых не зависит от государства. Запад нашел такую уравновешивающую силу в католической церкви.

Парадокс католицизма

Самым непосредственным наследием Рима стала Римско-католическая церковь, которую английский философ Томас Гоббс называл «призраком умершей Римской империи, в короне восседающим на [ее] могиле»⁴. Культура Рима трансформировалась в культуру католицизма. Через посредство церкви передавались бесчисленные традиции и идеи, а также, конечно, латинский язык, который дал образованным людям всей Европы средство общения и тем самым укрепил в них чувство принадлежности к единому сообществу. По сей день идеи и структура католической церкви – учение о спасении души, иерархия, кодексы и законы – имеют сильное сходство с тем, что существовало в Римской империи.

Может показаться странным, что история свободы началась именно с католической церкви. Как институт она никогда не выступала за свободу мысли и вплоть до недавнего времени даже противилась разнообразию верований. В средние века, когда церковь стала всемогущей, она была крайне нетерпима и деспотична, настаивала на своих догматах и беспрекословном подчинении им, прибегая к весьма омерзительным средствам для подавления инакомыслия (вспомним испанскую инквизицию). Ее устройство по сей день остается строго иерархическим и авторитарным. Церковь никогда не считала своей задачей обеспечение свободы личности. Однако с самого начала она упорно противостояла мощи государства, тем самым налагая ограничения на власть монарха. Она контролировала исключительно важные социальные институты: брак и ритуалы, связанные с рождением и смертью человека. Церковное имущество и священники не подлежали налогообложению. Этот факт не назовешь малозначительным, учитывая, что в

период своего наивысшего влияния церковь владела одной третьей земель в Европе. Исторически, католическая церковь была первым из главных общественных институтов, не зависевшим от мирской власти и оспаривавшим ее. Тем самым она расколола здание государственного всевластия; в его закоулках и трещинах пробилась ростки свободы личности.

Противостояние между церковью и государством началось уже спустя 50 лет после осуществленного императором Константином переноса столицы. Один из преемников Константина – император Феодосий, вступив в ожесточенную распрю с одним из греческих племен – фессалонянами, пригласил все племя в Милан и организовал там чудовищную бойню своих гостей: мужчин, женщин и детей. Архиепископ Милана – благочестивый священник Амвросий – был так потрясен этим злодеянием, что публично отказался причастить императора. Феодосий запротестовал, обратившись за помощью к Библии. По его словам, он действительно был виновен в смертоубийстве, но ведь и один из героических библейских королей Давид не только убивал, но также прелюбодействовал! Как хорошо известно из рассказа английского историка Эдуарда Гиббона, архиепископ не уступил и с гневом отвечивал: «Ты подражал Давиду в его преступлении, так повтори же за ним его раскаяние»⁵. К крайнему изумлению всех окружающих, в течение последующих восьми месяцев император, самый влиятельный человек в мире, периодически наряжался в рубище (как это делал Давид в библейском сюжете) и стоял у Миланского собора, испрашивая прощения у архиепископа.

По мере упадка Восточной Римской империи росли авторитет и независимость епископа Рима. Он стал первым среди кардиналов и получил имя *Il Papa* – «святой отец». В 800 году Папу Льва III принудили короновать франкского правителя Карла Великого Римским императором. Тем самым было положено начало традиции инвеституры, в соответствии с которой церковь должна была благословлять каждого нового короля, придавая его правлению легитимность. К XII столетию власть Папы возросла, и он превратился в основного игрока в сложных политических играх в Европе. Папство обладало

властью, легитимностью, деньгами и даже войсками. В 1077 году оно выиграло еще одну символическую битву, когда император Священной Римской империи Генрих IV попытался помешать Папе Григорию VII расширить права инвеституры. Как гласит легенда, проигравшему в этой схватке Генриху пришлось стоять босиком на снегу у замка Каносса, чтобы добиться прощения святого отца. Правдива эта история или нет, но к XII веку по влиянию и помпезности Папа безусловно стал ровней любому из европейских королей, а Ватикан стал соперничать с ведущими королевскими дворами континента.

География свободы

На Западе церковь приобрела всевластие по одной простой причине: после распада Римской империи она больше не имела дел с единым правителем Европы. Католическая церковь получила возможность стравливать европейских королей между собой, а сама завоевала право решающего голоса в их борьбе за власть. Если бы на континенте появился единый монарх, он смог бы подавить независимость церкви и превратить ее в служанку государственной власти. Именно так произошло с Греческой, а позднее – и с Русской православной церквями (а фактически и с большинством религий мира). Однако ни один правитель так и не смог завоевать всю Европу или хотя бы ее большую часть. За тысячелетие сделать это попытались только Карл Великий, Карл V, Наполеон, кайзер Вильгельм и Гитлер. Все они потерпели поражение, причем в большинстве случаев весьма быстро.

Как все это объяснить? Возможно, свою роль сыграли горы и реки. Европа изрезана барьерами, разделяющими ее плоскогорья на речные долины, окаймленные грядами гор. Европейские реки несут свои воды в уединенные и пригодные для навигации заливы, расположенные вдоль продолжительной и извилистой береговой линии Средиземноморья. Вот почему в Европе мелкие регионы способны жить самостоятельно и даже преуспевать. Вот чем объясняется длительная история существования здесь множества независимых стран. Их труд-

но завоевать, зато там легко возделывать земли, а реки и моря обеспечивают готовые торговые пути. В отличие от Европы, в Азии много обширных плоских поверхностей (таких как российские степи и китайские равнины), по которым могут беспрепятственно маршировать армии. Неудивительно, что в этих регионах мира тысячелетиями существовали централизованные империи*.

Топография Европы сделала возможным появление разных по величине сообществ – городов-государств, герцогств, республик, стран и империй. В 1500 году в Европе было более 500 государств, многие из которых не превышали по размеру крупного города. Такое разнообразие имело два замечательных последствия. Во-первых, оно допускало множественность. Люди, идеи, искусства и даже технологии, которые не прижились или остались незамеченными в одном месте, зачастую расцветали в другом. Во-вторых, разнородность разжигала постоянную конкуренцию между государствами, что подталкивало к нововведениям и повышению эффективности политической организации, военной техники и экономической политики. Успешные практики копировались, а не оправдавшие себя – отбрасывались. Поразительный экономический и политический успех Европы (исследователь экономической истории Эрик Джонс называл это «европейским чудом») вполне вероятно является результатом ее причудливой географии⁶.

Феодалы и короли

География и история вместе способствовали формированию политической структуры Европы. Гибель Римской империи и отсталость уничтоживших ее германских племен привели к децентрализации власти на континенте; ни один

* В Африке география особенно неблагоприятна. Несмотря на то, что это второй по величине континент мира, у него самая короткая береговая линия, причем значительная часть прибрежных вод слишком мелка для размещения портов. Поэтому исторически там не получила развития торговля. Африканские реки несудоходны, поскольку слишком маловодны, а в глубоких местах изрезаны порогами и водопадами (в данном случае впечатляющие пейзажи губительны для коммерции). Добавим к этому тропическую жару и сопровождающие ее болезни – и мы получим печальное объяснение причин отсталости Африки.

правитель не располагал административными возможностями, чтобы справиться с широко раскинувшимся королевством, включавшим в себя такое множество независимых племен. По контрасту с подобной картиной, в лучшую свою пору Минская империя и династия Маньчжу в Китае, Индия периода Великих Моголов и Османская империя контролировали обширные земли и многие народы. Между тем в Европе местные землевладельцы и племенные вожди управляли своими территориями и развивали тесные связи с вассалами. Отличительной чертой феодализма в Европе было то, что здесь класс крупных землевладельцев обладал независимостью. Начиная со средневековья и вплоть до XVII столетия европейские суверены по большей части выступали лишь номинальными правителями своих королевств. Например, в Бретани короля Франции считали не более чем герцогом, и его власть в этом регионе в течение сотен лет оставалась ограниченной. На практике в случае, когда монархи желали что-то совершить – начать войну, построить крепость, – им приходилось занимать деньги и войска у местных вождей, которые постепенно становились графами, виконтами и баронами.

Так землевладельческая элита Европы превратилась в аристократию, наделенную властью, деньгами и легитимностью. Этим она сильно отличалась от униженной и зависимой придворной знати в других частях света. Столь близкие к равенству отношения между феодалами и королями существенно повлияли на развитие свободы в Европе. Как писал крупный исследователь истории либерализма Гвидо де Руджеро, «без действительного сопротивления определенных привилегированных классов монархия могла бы создать только народ рабов»⁷. Действительно, в большей части остального мира монархии привели именно к этому. Кроме того, в Европе в средние века аристократия требовала, чтобы короли гарантировали ей определенные права, нарушать которые не дозволялось даже коронованным особам. Кроме того, аристократы учредили представительные органы – парламенты, генеральные штаты, конгрессы, чтобы их требования постоянно озвучивались. В этих средневековых сделках были заложены основы того, что сегодня мы именуем «верховенством закона».

Подобные права опирались на римские традиции, а их защита и укрепление обеспечивались силой дворянства. Как и в случае отношений между церковью и государством, в европейской истории конфликт между аристократией и монархией стал еще одним великим противостоянием в борьбе за власть, что помогло возникновению, причем опять-таки естественным путем, исходных предпосылок свободы.

В Европе наибольшей независимостью отличалась английская аристократия. Феодалы жили в своих поместьях, управляя их обитателями и обеспечивая им защиту. Взамен они взимали налоги, обеспечивавшие им могущество и богатство. По словам одного ученого, это была «работающая аристократия»: она поддерживала свое положение не изощренными придворными ритуалами, а принимая участие в политике и управлении на всех уровнях⁸. Короли Англии, укрепившие свою власть раньше, чем это сделало большинство королей на континенте, понимали, что их владычество зависит от привлечения на свою сторону аристократии – или, по крайней мере, некоторой ее части. Когда монархи переоценивали свои возможности, это вызывало недовольство со стороны баронов. Взойдя на престол в 1154 году, Генрих II решил распространить свое господство, разослав повсюду судей, проводивших в жизнь королевские указы. Он намеревался объединить страну и создать общее имперское право. Для этого ему требовалось лишить средневековую аристократию ее полномочий и особых привилегий. Его план сработал лишь до определенного момента. Вскоре дворяне восстали, взявшись за оружие. После окончания длившегося 40 лет конфликта сыну Генриха королю Иоанну в 1215 году пришлось подписать перемирие на лугу близ Виндзорского дворца. Этот документ, известный как Великая хартия вольностей, в то время считался грамотой, подтверждавшей привилегии феодальных лордов и подробно излагавшей их права. В него также входили положения, гарантировавшие свободу церкви и местную автономию городов. В общем смысле документ был направлен против подавления свободы любого из королевских подданных. Впоследствии английские судьи стали шире толковать данный документ, превратив его в подобие конституции, защищавшей

определенные права личности. Однако Великая хартия вольностей имела большое значение уже в момент своего появления, поскольку представляла собой первое писаное ограничение королевской власти в Европе. Как отметил историк Пол Джонсон, в таком качестве ее «справедливо определяют как первый из английских Статутов королевства^{*}. Можно сказать, что из нее проистекают английские, а вслед за ними и американские свободы»⁹.

Рим против Реформации

Вслед за борьбой церкви против государства и короля против землевладельцев следующая крупная схватка – между католиками и протестантами – оказалась в конечном итоге самой продолжительной и кровавой. Она также имела непреднамеренные, но революционные последствия для свободы. Как ни странно, ее зачинщиком был благочестивый немецкий монах, живший в маленьком захолустном городке Виттенберге. Это было в начале XVI века, когда в Европе уже распространилось серьезное недовольство папством, которое стало чересчур могущественным и коррумпированным. Наиболее скандальной практикой Рима была широкая распродажа индульгенций – папских письменных удостоверений, освобождавших их покупателя от грехов, причем даже еще не совершенных. Получаемые от этого средства расходовались на бесконечные церковные сумасбродства, сногшибательные даже на фоне помпезности эпохи барокко. Последним проектом стал величайший, самый грандиозный кафедральный собор, какой когда-либо видели люди: собор Святого Петра в Риме. Даже сегодня, проходя сквозь мраморные громады Ватикана и с изумлением взирая на позолоту, драгоценности, гобелены и фрески от стены до стены и от пола до потолка, легко представить себе праведный гнев Мартина Лютера.

Призывы к реформе звучали и до Лютера. Так, Эразм Роттердамский настаивал на упрощенной, лишенной излишеств форме богослужения. Однако еще никто не бросал пря-

^{*} Собрание английских законов, которые составляют неписаную конституцию страны.

мого вызова авторитету церкви. Лютер сделал это, выдвинул 95 убедительно аргументированных тезисов, которые он, как известно, прикрепил к двери замковой церкви в Виттенберге утром 31 октября 1517 года. На стороне Лютера была не только справедливость, но и везение. Его ересь появилась в благоприятный момент с точки зрения истории техники. К тому моменту, когда католическая церковь отреагировала на действия Лютера и строго-настрога запретила распространять его идеи, появившиеся печатные прессы уже обеспечили тиражирование его документа по всей Европе. Началась Реформация. Через полторы сотни кровавых лет почти половина Европы приняла протестантство.

Если бы Мартин Лютер познакомился с сегодняшним протестантизмом, с его облегченными доктринами, которые допускают многое и мало требуют, он, вероятно, пришел бы в ужас. Лютер не был либералом. Напротив, он обвинял Ватикан в чрезмерной небрежности в подходе к религии. Во многом он был тем, кого сегодня мы назвали бы ортодоксом, требующим буквального следования Библии. Критика Лютером папства весьма схожа с тем, как сегодня исламские фундаменталисты критикуют развращенные, расточительные режимы Ближнего Востока, отклонившиеся от верного, благочестивого пути. Лютер атаковал Папу с позиций консервативного крыла теологического спектра. Кое-кто не без оснований считает, что столкновение католицизма и протестантизма иллюстрирует собою старинную максиму, согласно которой религиозная свобода – равнодействующая двух в равной мере злокачественных фанатизмов, каждый из которых сводит на нет другой.

Большинство сект, возникших в результате Реформации, отличались даже большим пуританством, чем лютеранство. Наиболее влиятельным среди них было особенно суровое вероучение – кальвинизм, в котором постулировались безнадежная греховность человека и скромные шансы на спасение для всех, за исключением немногих избранных Господа. Тем не менее, различные протестантские группы сходились в отторжении авторитета папства и, как следствие этого, любой церковной иерархии. Все они внесли свой вклад в общую борьбу

против власти и стали (хотя самим им в свое время об этом и не было известно) частью более широкой истории свободы*.

При всех взаимных пререканиях небольшие протестантские группы Северной Европы открыли людям возможность поиска истины без посредничества церковников. Признавалось только то духовенство, которое избиралось самоуправляемой конгрегацией. Обычно составляя меньшинство в более крупных общинах, секты боролись за права всех меньшинств верить и проводить богослужение в соответствии с личным выбором. Совместными усилиями они создали простор для религиозной свободы в западном мире. Они помогли сформировать современные представления не только о свободе совести или слова, но и о критическом научном анализе (поначалу религиозных текстов, таких как Библия, а затем и любых приобретаемых знаний). В конце концов, наука представляет собой постоянный процесс оспаривания авторитетов и опровержения догм. В этом смысле современная наука оказывается в своеобразном долгу у религиозных фанатиков XVI века.

Прямым политическим следствием развития протестантизма стало то, что короли и князья получили оправдание для перехвата власти у чересчур чванливого Ватикана (к чему они и без того уже изыскивали возможности). Первый крупный удар [по институту папства] был нанесен не в связи с защитой протестантских идеалов, а по менее возвышенной причине: одному неугомонному монарху потребовался наследник. Генрих VIII Английский попросил Папу Кlementa VII аннулировать его брак с Екатериной Арагонской, так как та не родила наследника престола. (Причем, не потому, что не старалась: за восемь лет она родила дочь и пятерых мертвых младенцев, кроме того, у нее было два выкидыша.) Папа в просьбе отказал, и тогда король Генрих порвал с Ватиканом, провозгласив

* Приехав в Женеву, издавна считающуюся духовной родиной протестантизма, в ее самом большом общественном парке вы увидите мемориал Реформации. Построенный в 1909 году, он представляет собой огромную стену со скульптурами и барельефами, прославляющую наследие Реформации. Мемориал воздает честь всем некогда непримиримо враждовавшим основателям движения, включая Лютера, Джона Кальвина и даже Оливера Кромвеля и американских пуритан. Тот факт, что многие из подобных сект боролись друг с другом, забыт – что, вероятно, правильно.

главой англиканской церкви самого себя. У Генриха не было доктринальных расхождений с католической церковью. Фактически он как раз встал на сторону Папы против Лютера в своем эссе, за которое Ватикан отметил его как «защитника веры» (причем, как ни странно, преемники Генриха по церковной иерархии носят данный титул по сей день). Таким образом, обретшая независимость англиканская церковь оставалась католической по учению, если не считать малозначительного вопроса о роли Папы.

Разрыв Англии с Ватиканом стал первым и самым известным в ряду религиозных восстаний и войн против него, в которые оказались вовлечены практически все государства Европы. Так продолжалось почти 150 лет после осуществленного Лютером акта открытого неповиновения. Войны, вызванные Реформацией, закончились в 1648 году Вестфальским миром. Он положил конец Тридцатилетней войне на территории Германии и отдал кесарю кесарево, а сверх этого – значительную часть того, что прежде было богово (а по сути принадлежало Папе). Это привело к возрождению идеи 1555 года – *cuius regio eius religio* (кто правит, тот определяет и религию). В соответствии с ней, князья могли по своему усмотрению выбирать государственную религию; кроме того, открыто допускались религиозная терпимость и переход из одной веры в другую. 1648 год не является четкой датой разделения между церковью и государством, но символизирует важный сдвиг в западной истории. Вестфальский мир покончил с представлением, будто Европа – это одна большая христианская община или «христианский мир», в духовном смысле управляемый католической церковью, а в мирском – императором Священной Римской империи*. Будущее осталось за государством.

Просвещенное государство

К XVII веку реальный вызов власти государя стал исходить не от церкви, а от местных властей: князей, герцогов, ба-

ронов и графов. Но в течение этого столетия государь взял верх над своими соперниками. Он укрепил свой двор и создал центральную власть – государство, намного превосходившее по размерам владения тех, кто противостоял ему на местах. Государство восторжествовало по ряду причин: из-за изменений в технике, обострения военного соперничества, усиления националистических настроений и централизации взимания налогов. В числе последствий этого стоит отметить одно: упорочение государства негативно повлияло на свободу. Набрав власть, монархи закрыли большинство средневековых парламентов, палат, ассамблей и конгрессов. Когда во Франции весной 1789 года (то есть накануне революции) собрались Генеральные штаты, это была их первая сессия за 175 лет! Укрепив свое могущество, короли взялись за отмену многоступенчатой системы аристократических привилегий, региональных традиций и цеховых преимуществ, вводя взамен единые своды устанавливаемых ими законов. Важное исключение составил английский парламент, который в результате Славной революции 1688 года фактически вышел победителем в борьбе с монархией¹⁰.

На первый взгляд, ослабление аристократии может показаться победой идеи равенства всех перед законом; и в те времена дело представлялось именно так. Поскольку Европа XVII века была охвачена идеями Просвещения, такие философы, как Вольтер и Дидро, могли фантазировать по поводу «рационализации» и «модернизации» власти. Но на практике эта тенденция подразумевала нарастание мощи центрального правительства при одновременном ослаблении местной и региональной власти. «Просвещенный абсолютизм», как его называли позже, имел некоторые прогрессивные стороны. Такие правители, как Фридрих II в Пруссии, Екатерина II в России и Иосиф II в Австрии, терпимо относились к религиозному инакомыслию, осуществляли правовые реформы, щедро жаловали деньгами и вниманием художников, музыкантов и писателей (что, скорее всего, и объясняет благожелательные отзывы об этих правителях в литературе). Однако сдвиг в соотношении сил ослабил единственную общественную группу, которая могла противостоять королевской власти и произво-

* В исламе до сей поры существует идея всемирного сообщества верующих (*умма*). Однако мусульманского эквивалента католической церкви или Папы не существует (см. четвертую главу).

лу. Отныне свобода зависела от мудрости правителя. Попадая под внешнеполитическое или внутривластное давление, даже самый милостивый монарх – не говоря уж о его не столь достойных преемниках – отказывался от либерализации и подавлял инакомыслие. К концу XVIII столетия, когда покой в Европе нарушили войны, революции и внутренние восстания, просвещенный абсолютизм стал в большей мере абсолютистским, нежели просвещенным.

Во Франции монархия достигла своего апогея при Людовике XIV. Французский феодализм всегда отличался от английского. Зажатая между враждебными к ней соседями, Франция постоянно мобилизовывала силы для ведения войн, что требовало сильного центрального правительства (Людовик XIV вел войны в течение 30 из 54 лет своего правления). Монархия использовала геополитическую ситуацию, чтобы держать дворян подальше от источника их власти – земельных владений. Опираясь на фундамент, заложенный блестящим кардиналом Ришелье, Людовик XIV вытеснил дворянство из системы местного управления, посадив взамен своих региональных назначенцев. Он также урезал полномочия региональных советов и ассамблей. Людовика называли «Королем-солнцем» не из-за позолоченных дворцов, как часто полагают, а в силу его центрального положения в стране. Все остальные силы бледнели в сравнении с ним. Людовик XIV перевел французских аристократов на постоянное жительство в Париж, привлекая их соблазнами самого блестящего двора в Европе. Цель состояла в том, чтобы ослабить дворянство. Легендарные излишества французской монархии – нескончаемые игры, балы, охоты и дворцовые ритуалы, Версальское чудо – в определенном смысле были хитроумным политическим средством для того, чтобы держать землевладельцев в позолоченной клетке. Под роскошными шелками и напудренными париками французские аристократы становились бессильными и зависимыми¹¹.

Французская революция 1789 года перевернула в стране многое, но не центростремительные тенденции. По существу, она привела к еще большей централизации. В противоположность английской Славной революции 1688 года, укрепившей

положение аристократов-землевладельцев, французская революция их уничтожила. Кроме того, был нанесен удар по церкви; ослабло влияние местных феодалов, церковных приходов и банков. По наблюдению крупного ученого и политика XIX века лорда Актона, революция привела не столько к ограничению полномочий центрального правительства, сколько к разрушению всех других уровней власти, оказавшихся на ее пути. По его словам, французы позаимствовали у американцев «теорию революции, но не теорию правления – крой, но не шитье». На смену величию и бесконтрольности власти королей пришел суверенитет народа. Народ занял главенствующее положение, провозгласив своими целями «свободу, равенство, братство». Если раньше свобода зависела от милости короля, теперь она оказалась в зависимости от прихотей граждан, представляемых их революционными лидерами.

Однако существовала и иная модель свободы, причем увидеть ее смог только француз. Подобно многим просвещенным либералам XVIII века Шарль-Луи де Секонда, барон де Ла Бред и де Монтескье восхищался системой правления Великобритании. Однако Монтескье пошел дальше, определив, в чем именно состоит гениальность английской системы: она гарантировала свободу на деле, а не только провозглашала ее в теории. Поскольку власть была поделена между королем, аристократами (Палата лордов) и народом (Палата общин), ни одна из ее ветвей не могла чрезмерно усилиться. Подобное разделение властей гарантировало гражданские свободы и терпимость к религиозному инакомыслию. При этом Монтескье не была свойственна слепая вера в механику управления и конституционного устройства; его основная работа называлась «О духе законов».

Действительно, в течение столетий полномочия британской короны так истощались, что к концу XVIII века Великобритания, формально оставаясь монархией, фактически стала аристократической республикой, управляемой землевладельческой элитой. Лестная характеристика со стороны Монтескье сильно повлияла на самих британцев. Выдающийся английский юрист того времени Уильям Блэкстоун использовал идеи Монтескье при написании комментариев к английским

законам. Специалист в области политической философии американка Юдит Шкляр подчеркивала, что в период основания Американской республики «Монтескье считался оракулом». Джеймс Мэдисон, Томас Джефферсон, Джон Адамс и другие сознательно пытались применять его принципы при создании новой политической системы. Они цитировали его чаще, чем любого другого современного им автора (только Библия превзошла его в этом отношении). Он пользовался такой популярностью, что, как пишет Шкляр, «и те, кто поддерживал новую конституцию, и те, кто выступал против нее, активно черпали свои аргументы у Монтескье»¹².

Последствия капитализма

К XVIII веку своеобразная политическая культура Великобритании обрела свой окончательный и самый важный источник силы – капитализм*. Если схватки между церковью и государством, феодалами и королями, а также католиками и протестантами лишь приоткрыли дверь для свободы личности, то капитализм снес ограничивавшие ее стены. Ничто не отразилось на формировании современного мира в большей мере, чем капитализм, разрушивший тысячелетние традиции экономической, социальной и политической жизни. Он уничтожил феодализм и монархизм, когда в течение столетий главное значение имели происхождение и родословная. Он породил независимый класс деловых людей, мало чем обязанных государству и ставших доминирующей силой во всех развитых обществах мира. Он сделал основой современной философии изменения и динамизм, а не порядок и традицию. Капитализм создал новый мир, полностью отличный от того, что существовал тысячелетиями. Наиболее прочно капитализм укоренился в Англии.

Однако родился он в другом месте. К XIV столетию торговля и коммерция, большую часть средних веков пребывавшие в латаргическом состоянии, вновь расцвели в различных частях Европы. Революция в агротехнике привела к появлению излишков зерна, которые требовалось продать или обменять. Рыночные и портовые города – Антверпен, Брюссель, Венеция, Женева – стали центрами экономической активности. Система счетоводства с двойной записью, введение арабских цифр и подъем банковского дела превратили зарабатывание денег из любительского занятия в систематический бизнес. Вскоре коммерческие импульсы распространились от портовых городов вглубь европейской территории (сначала в Нидерландах, а затем и в Англии), что сказалось на всех видах сельскохозяйственного производства, ремесел, промышленности и услуг. До сих пор ведутся споры, почему самое раннее развитие капитализм получил именно в этих регионах, однако большинство специалистов по экономической истории согласны в том, что важную роль сыграло разумное государство, защищавшее частную собственность. Там, где капитализм преуспел, это произошло «главным образом благодаря созданному типу прав собственности», – пишут ведущие специалисты по данной теме Дуглас Норт и Роберт Томас¹³. К XVI веку в Европе стал складываться консенсус относительно того, что «собственность принадлежит семье, а суверенитет – государю и его чиновникам». Как пояснял один испанский правовед XV века, «на короля возложена только административная власть в королевстве, он не должен доминировать во всем»¹⁴. Впрочем, лишь в Англии действительно казнили короля (Карла I), причем в основном за то, что он произвольно вводил налоги.

Систематическая защита прав собственности привела к трансформации общества. Стало возможным отменить сложную систему феодальных обычаев и привилегий, препятствовавших эффективному использованию собственности. В Англии помещичья элита сыграла ведущую роль в модернизации сельского хозяйства. Через систему огораживаний и жестокий процесс утверждения прав на пастбища и общинные земли в пределах своих поместий лендлорды принудили земледель-

* Разнообразным дефинициям «капитализма» посвящены целые тома. Я использую данный термин в самом общем смысле, который согласуется с большинством определений, содержащихся в словарях, включая «Оксфордскую популярную энциклопедию» 1998 года издания. Там записано, что это «система экономической организации, основанная на рыночной конкуренции, при которой средства производства, распределения и обмена находятся в частном владении и управляются отдельными лицами либо корпорациями...».

цев и скотоводов, живших за счет использования этих территорий, к более специализированному и эффективному труду. В результате пастбища стали использоваться для выгула овец, то есть для нужд высокодоходной торговли шерстью. Приспособившись к развернувшейся капиталистической революции, английские землевладельцы не только сохранили свое влияние, но и содействовали модернизации общества. В противоположность им, французские аристократы не жили на землях, которыми владели, и мало способствовали повышению производительности своей собственности, по-прежнему продолжая взимать изрядный феодальный оброк со своих арендаторов. Как и во многих других странах континента, во Франции аристократы презирали коммерцию.

Помимо предприимчивой знати, капитализм привел также к появлению новой группы зажиточных и влиятельных людей, которые были обязаны своим богатством не землям, дарованным короной, а собственной хозяйственной активности. Начиная с мелких аристократов и заканчивая предприимчивыми крестьянами, такие английские «йомены» составили, по словам одного историка, «группу амбициозных, агрессивных мелких капиталистов»¹⁵. Это были первые представители буржуазии – класса трудолюбивых владельцев собственности. Карл Маркс называл их «собственниками средств производства данного общества и нанимателями его работников». Он справедливо указывал, что этот класс стоял в авангарде политической либерализации в Европе. Так как его представители сильно выиграли от капиталистических порядков, верховенства права, свободных рынков, а также подъема профессионализма и меритократии, они поддерживали постепенные реформы, которые вели к развитию подобных тенденций. В легендарной теперь обществоведческой работе гарвардский ученый Баррингтон Мур-младший проанализировал, что приводило к демократии или диктатуре в разных странах мира. Свой главный вывод он выразил в четырех словах: «Нет буржуазии – нет демократии»¹⁶.

После того как основным средством достижения успеха в обществе стала предпринимательская активность, британская политика претерпела революционные изменения. Палата об-

щин, которая в XVII веке вырвала власть у короля и с тех пор управляла страной, теперь наполнилась недавно разбогатевшими купцами и торговцами. Численность титулованной знати в Великобритании всегда была незначительной: к концу XVIII столетия она составляла менее 200 человек¹⁷. Но их подпирал обширный класс, часто именуемый «английскими джентри». Это неродовитое мелкопоместное дворянство обычно было связано с аристократией и нередко брало на себя ответственность за местное управление. Однако, в конечном счете его престиж и влияние зависели от успехов в бизнесе, профессиональной деятельности или эффективности фермерства. Многие из таких людей пошли в публичную сферу. Не имея особой привязанности к прежнему порядку, они проталкивали прогрессивные реформы, нацеленные на обеспечение беспрепятственной торговли, свободных рынков, прав личности и свободы вероисповедания.

Три самых влиятельных британских премьер-министра XIX столетия – Роберт Пиль, Уильям Гладстон и Бенджамин Дизраэли – вышли из рядов джентри. Этот класс новых владельцев перенял многие характерные черты аристократии – помещичьи дома, визитки, охоты, но был более подвижным. «Джентльмены» пользовались широким уважением и даже в большей степени, нежели лорды, влияли на определение основных тенденций в обществе. Более того, к XVIII веку английский джентльмен стал почти мифической фигурой, к которой в обществе относились с придыханием. Рассказывают, что некая сиделка попросила как-то короля Якова I сделать ее сына джентльменом. Монарх ответил: «Я не в состоянии сделать его джентльменом, хотя могу сделать его лордом». Оказавшийся однажды в Англии француз высмеивал манеру английских аристократов подражать джентри: «В Лондоне хозяева одеваются, как их камердинеры, а герцогини перенимают фасоны у горничных»¹⁸. Сегодня английского джентльмена в основном вспоминают как денди, чья тонкая эстетика распространяется по всему миру под торговой маркой «Ральф Лорен». Однако истоки джентльменства непосредственно связаны с рождением свободы в Англии.

Английская Америка

Хотя к XVIII веку капиталистические отношения, система ограничений верховной власти, права собственности и конституционализм укрепились в большей части Европы, Англия считалась уникальной страной. Она была богаче, изобретательнее, свободнее и стабильнее любого общества на континенте. По замечанию Гвидо де Руджеро, «здесь были твердо гарантированы индивидуальные свободы, прежде всего – защита личности и собственности. Система государственного управления отличалась децентрализацией, а ее компонентов – самостоятельностью. Судебные органы пользовались полной независимостью от центрального правительства. Прерогативы королевской власти были жестко ограничены... Политическая власть была сосредоточена в руках Парламента. Разве мог континент продемонстрировать нечто подобное?» В то время многие наблюдатели приходили к подобному выводу, превознося британскую конституцию и национальный характер англичан. Некоторые авторы сосредоточивали свое внимание на экономических аспектах. По мнению Вольтера, «обогатив английских граждан, коммерция помогла им обрести свободу... а свобода, в свою очередь, способствовала дальнейшему распространению коммерции». Как отмечал наблюдательный французский аббат Койе, вместо того, чтобы поощрять декадентские развлечения дворянства, английское правительство помогало «достойному среднему классу, составлявшему драгоценную часть нации»¹⁹. Свободные рынки благоприятствовали обогащению среднего класса, который затем способствовал укреплению свободы. Это выглядело как своего рода «круг добродетели».

Землями, в наибольшей мере похожими на Англию, были ее колонии в Америке. Колонисты создали систему власти, сильно напоминавшую ту, что существовала в Англии периода правления Тюдоров. В 1776 году колонисты восстали против Георга III, потребовав своего уравнивания в правах с английскими подданными. По их мнению, издавна принадлежавшие им права оказались узурпированы тиранствующим монархом, что и вынудило их провозгласить независимость

от него. В известном смысле это стало повторением Славной революции в самой Англии, когда Парламент восстал против произвола монарха, главный проступок которого состоял в том, что он повысил налоги, не получив на то согласия своих подданных, то есть тех, кто подлежал обложению. Победителями как в 1688, так и в 1776 году вышли прогрессивные элиты, нацеленные на модернизацию и участие в коммерции. Помимо короля, в проигрыше оказались старые тори, сохранявшие верность короне и в Англии XVII века, и в Америке XVIII-го.

Но если Англия была исключением, то Америка стала исключением в квадрате. Она представляла собой Англию без феодализма. Конечно, в Америке имелись зажиточные семейства землевладельцев, но они не носили титулов, не располагали особыми правами от рождения и не наделялись политической властью, сравнимой с полномочиями членов Палаты лордов. Как писал историк Ричард Хофстадтер, чтобы понять Америку XVIII века, нужно представить себе реализацию уникальной возможности, а именно – «появление мира среднего класса»²⁰. Аристократические элементы в экономике и обществе присутствовали, но доминировали редко. На Севере они стали сходить на нет к концу XVIII столетия. По наблюдению историка Гордона Вуда, «в 1780-е годы можно было непосредственно почувствовать переход от немодернизированного к современному обществу, в котором уже начинали преобладать деловые интересы и потребительские вкусы обычных людей». Американская революция вызвала, по словам Вуда, «взрыв предпринимательской мощи», расширив разрыв между Америкой и Европой²¹. Отныне Америка стала откровенно буржуазной и гордилась этим. Спустя всего несколько дней после приезда в Соединенные Штаты в 1831 году, де Токвиль отметил в своем дневнике, что здесь «все общество как будто бы переплавилось в средний класс».

Американский путь к либеральной демократии был исключением из общего случая. Большинство стран не начинают своей национальной жизни в качестве нового общества, лишённого феодального прошлого. Будучи свободными от столетий монархии и аристократии, американцы не нуждались ни в сильном центральном правительстве, ни в социальной

революции, которая опрокинула бы прежний порядок. В Европе либералы боялись государственной власти, но и фантазировали по ее поводу. Они стремились ее ограничить, но нуждались в ней же для модернизации своих обществ. По хорошо известному замечанию де Токвиля, «большим преимуществом американцев стало то, что они достигли демократического состояния, не претерпев демократической революции... Они рождены равными, и им нет необходимости добиваться равенства».

К началу XIX века в Великобритании и Соединенных Штатах в основном расцвела свобода личности и господствовало равенство перед законом. Однако ни одна из этих стран не была демократической. В Великобритании до реформы 1832 года избирательным правом располагали 1,8 процента взрослого населения. После нее эта цифра поднялась до 2,7 процента. После следующего увеличения числа имеющих право голоса в 1867 году она достигла 6,4 процента, после 1884 года – 12,1 процента²². Только после полного предоставления права голоса женщинам в 1930 году страна стала соответствовать современному стандарту демократии, а именно – предоставлению избирательных прав всему взрослому населению. Тем не менее Великобритания повсеместно считалась воплощением модели конституционного либерального государства, то есть такого, которое защищает свободу и управляется на основе закона.

Америка была демократичнее туманного Альбиона, но не в той мере, как считают многие. В течение первых нескольких десятилетий существования США право голоса распространялось только на белых мужчин – владельцев собственности. Иначе говоря, действовавшая там система оставалась весьма похожей на ту, что была присуща стране, господство которой Соединенные Штаты сбросили. В 1824 году, то есть 48 лет спустя после обретения независимости, лишь 5 процентов взрослых американцев приняли участие в выборах президента. Эта цифра резко возросла в результате революции, произведенной Джексоном, и почти полной отмены имущественных ограничений. Однако вплоть до кануна Гражданской войны нельзя было говорить о том, что каждый белый мужчина в

Соединенных Штатах имеет право голоса. Негры теоретически получили право голоса в 1870 году, однако на Юге это реально произошло лишь спустя столетие. Женщины получили право голоса в 1920 году. Несмотря на столь очевидную нехватку демократии, в течение большей части XIX века Соединенные Штаты и их система законов и прав составляли предмет зависти всего мира. Со временем же конституционный либерализм привел к демократии, которая обеспечила еще большую свободу; и процесс пошел.

Континентальная Европа двигалась к либеральной демократии более извилистым путем, чем Великобритания и США, но также достигла ее. То, что в Великобритании и Америке протекало постепенно и в основном мирно, на континенте происходило скачкообразно и сопровождалось кровопролитием (об этом говорится в следующей главе). И все-таки к концу 1940-х годов большинство европейских стран стали либеральными демократиями, а почти все остальные добились этого после 1989 года, причем консолидация либеральных демократических режимов произошла быстро и необратимо. Причина понятна: у всех стран Запада общая история, в которой при всех вариациях важное место отводилось строительству конституционно-либеральной традиции. Англия представляет собой то, что ученые называют «идеальной моделью», в силу чего есть смысл выделять ее опыт. Однако если проводить сравнение со странами Азии или Африки, к XVIII веку даже самые ретроградные режимы Европы выглядели либеральными. У граждан имелись четко закрепленные права и полномочия (чего подданные незападных режимов не могли себе даже вообразить). Власть монархов ограничивалась законами и традициями. Гражданское общество частного предпринимательства, церкви, университетов, профессиональных гильдий и ассоциаций развивалось без особого вмешательства со стороны государства. Частная собственность была защищена, а свободное предпринимательство процветало. Зачастую подобных свобод на практике было меньше, чем в теории; время от времени они подвергались ущемлению со стороны монархов-деспотов. Тем не менее, в сравнении с остальным миром Запад действительно был «территорией свободы».

Культура как судьба

Эта краткая история свободы может показаться обескураживающей. Она подразумевает, что стране, надеющейся стать либеральной демократией, вероятно, следовало бы перенестись на Запад. Действительно, принадлежность к западному миру, пусть даже в качестве его периферии, — это несомненное политическое преимущество. Из числа стран, обретших независимость после распада советской империи, наилучших результатов в плане либеральной демократии добились именно те из них, которые некогда входили в состав австрийской и германской империй (а значит, обладали тем, что можно назвать «западным опытом»). Граница, в 1500 году прошедшая между западным и восточным христианством, сегодня отделяет успешные либеральные режимы от неблагополучных и нелиберальных. Польша, Венгрия и Чешская Республика самым определенным образом принадлежали к Европе и сейчас ушли дальше других в деле укрепления демократии; за ними следуют балканские государства. Причем даже на Балканах Словения и Хорватия, находящиеся по западную сторону разделительной линии между Востоком и Западом, добиваются хороших результатов, тогда как в Сербии и Албании (находящихся на восточной стороне) переходные процессы значительно более болезненны.

Означает ли это, что культура предопределяет историческую судьбу? Убедительные доводы в пользу этого приводились выдающимися учеными, начиная с Макса Вебера и заканчивая Самуэлем Хантингтоном. В настоящее время это весьма популярная идея. Все — и бизнес-консультанты, и даже военные стратеги — сегодня говорят о культуре, находя в ней легкое объяснение для большинства загадок. Чем объяснить бум в экономике США за последние два десятилетия? Это очевидно: нашей исключительной предпринимательской культурой. Почему Россия не способна адаптироваться к капиталистическим условиям? Тоже ясно: у нее феодальная, антирыночная культура. Почему Африка погрязла в нищете? И почему арабский мир плодит террористов? Снова виновата культура.

Однако подобного рода ответы слишком примитивны. В

конце концов, американская культура породила также стагфляцию и Великую депрессию. А некогда феодальные культуры Японии и Германии, судя по всему, хорошо приспособились к капитализму, что превратило их, соответственно, во вторую и третью экономики мира. Одна и та же страна способна добиться успеха и испытать провал в различные периоды своей истории, которые могут порой разделять не более чем несколько десятилетий. Это заставляет предположить, что здесь действует нечто помимо культуры, которая остается относительно неизменной.

Блистательный патриарх Сингапура Ли Куань Ю объяснял мне однажды, что если хочешь увидеть, как действует культура, сравни, как работают немецкие и замбийские рабочие где бы то ни было в мире. Ты быстро придешь к выводу, что в этих двух культурах заключено нечто весьма различное, что и объясняет неодинаковые результаты. Ученые приводят похожий аргумент. В интересной работе «Племена» Джозель Коткин утверждает, что есть простой ключ к хозяйственному успеху в современном мире: будь евреем или индийцем, а лучше всего — китайцем.

Ли Куань Ю и Коткин очевидно правы в своем наблюдении, что некоторые народы — китайцы, индийцы, евреи — добиваются блестящих результатов в самых разных обстоятельствах. (Я нахожу такой вариант культурной теории весьма привлекательным, поскольку сам по происхождению из Индии.) Но если быть индийцем — это ключ к экономическому успеху, то чем тогда объяснить удручающее состояние индийской экономики в первые четыре десятилетия после обретения независимости в 1947 году или, уж коли на то пошло, в течение сотен лет до этого? Когда я сам рос в Индии, я не считал индийцев способными к большим успехам в экономике. Помню тот день, когда в Нью-Дели легендарный член индийского парламента Пилу Модии во время «часа вопросов» задал премьер-министру Индире Ганди следующий вопрос: «Может ли госпожа премьер-министр дать ответ, почему индийцы, как можно наблюдать, процветают в материальном отношении при любом правительстве в мире, за исключением своего собственного?»

Такие же вопросы можно задать по поводу Китая – еще одной страны, где в течение сотен лет экономическое положение оставалось прискорбным и изменилось лишь два десятилетия тому назад. Если все, что вам нужно, это китайцы, так в Китае их больше миллиарда. Что же касается евреев, то хотя они и процветают во многих странах, но в единственном государстве, где их большинство, а именно в Израиле, вплоть до недавнего времени экономическое положение оставалось весьма неблагоприятным. Любопытно отметить, что экономическое положение всех трех стран (Индии, Китая, Израиля) заметно улучшилось примерно в 1980-е годы. Но это произошло не потому, что там поменялась культура, а потому, что их правительства изменили определенные направления политики и создали систему, более благоприятствующую развитию рынка. Сегодня Китай развивается быстрее, нежели Индия, однако это в большей мере связано не с предполагаемым превосходством конфуцианской этики над присущим индусам складом ума, а с тем обстоятельством, что Китай проводит более широкие, чем в Индии, экономические реформы.

Странно, что Ли Куань Ю оказался столь яростным сторонником доводов, подчеркивающих роль культуры. Сингапур не слишком отличается от соседней Малайзии в культурном плане. Он относительно более китайский и менее малайский, но если сравнивать с остальным миром, у этих стран много общего. Что действительно отличает Сингапур от соседей, так это то, что у него было эффективное правительство, проводившее мудрую экономическую политику. Нет сомнения, что последнее в большей мере, нежели врожденные культурные различия, объясняет сингапурский успех. Иными словами, ключевую роль в успехе Сингапура сыграл Ли Куань Ю, а не Конфуций. Я не утверждаю, что культура вообще не важна; напротив, она имеет большое значение. Культура воплощает в себе исторический опыт народа. Она укоренена в национальных институтах, формирует подходы и ожидания людей в отношении окружающего их мира. Но культура подвержена изменениям. Немецкая культура в 1939 году сильно отличалась от той, какой она стала всего через 20 лет, в 1959 году. Европа, некогда бывшая средоточием гипернационализ-

ма, теперь стала постнациональной, а европейские государства готовы уступать власть наднациональным органам в таких формах, которые американцам кажутся немыслимыми. Соединенные Штаты в былые времена являлись изоляционистской республикой, которая с большим подозрением относилась к регулярной армии. Теперь она превратилась в гегемона и держит гарнизоны по всему свету. Китайцы прежде были отсталыми крестьянами; теперь же это ловкие коммерсанты. Экономические кризисы, война, политическое лидерство – все подобного рода обстоятельства трансформируют культуру.

Сотню лет тому назад, когда Восточная Азия представлялась неизменно нищей, многие специалисты – причем особенно убедительно Макс Вебер – доказывали, что культуры, основанные на конфуцианстве, противоположны всему, что необходимо для успеха в капиталистических условиях²³. Десять лет тому назад, когда Восточная Азия переживала экономический бум, ученые перевернули аргументацию Вебера с ног на голову, заявив, что на самом деле в учении Конфуция упор делается как раз на тех моментах, которые важны для хозяйственного динамизма. Сегодня колесо прокрутилось дальше: многие усматривают в «азиатских ценностях» ингредиенты олигархического капитализма. Вебер в своем исследовании связывал экономический успех на Севере Европы с «протестантской этикой» и предсказывал, что католический Юг останется в бедности. Но в реальности Италия и Франция за последние полвека развивались быстрее, чем протестантская Европа. Чтобы объяснить хозяйственные неудачи ряда стран, можно прибегнуть к стереотипным представлениям о плутоватых латинянах и их слабой трудовой этике. Но как в таком случае объяснить происшедшее в Чили? Экономика этой страны развивается столь же успешно, как и у самых сильных из азиатских «тигров». Ее успех часто относят на счет другого набора латинских ценностей: крепкой семьи, религиозных норм и упорства.

По правде говоря, трудно найти простой ответ на вопрос, почему в какой-то период определенные общества добиваются успеха. Поэтому, исследуя такие случаи, мы выискиваем в культуре благополучных обществ истоки их успеха. Но куль-

туры неоднородны, каждый найдет в них то, что ищет. Если кому-то нужно обнаружить в Восточной Азии культурные факторы упорного труда и бережливости, то они там наличествуют. Если же, напротив, вы хотите нащупать тенденции к слепому подчинению и nepотизму, то и это там тоже есть. Ищите старательнее – и в большинстве культур вы найдете любые необходимые признаки.

Культура очень важна. Она может послужить как стимулом, так и тормозом; подстегивать или сдерживать перемены. Она может оказаться зашифрованной в институтах и практиках, которые зачастую и выступают действительными препятствиями к достижению желаемого. Неизвестно, способна ли индийская культура подорвать шансы Индии на экономическое процветание, но индийская бюрократия несомненно делает это. Подлинное преимущество Запада состоит в том, что сама его история привела к учреждению институтов и обычаев, которые, даже если они никоим образом не связаны с западными генами, трудно воспроизвести с листа в иных обществах. Тем не менее воспроизведение возможно.

Восточноазиатская модель

Рассматривая множество имевших место в последние три десятилетия случаев перехода незападных обществ к либеральной демократии, легко обнаружить, что страны, далее других продвинувшиеся по этому пути, использовали свою версию европейской модели: капитализм и верховенство закона в первую очередь, а демократия – во вторую. Южная Корея, Тайвань, Таиланд и Малайзия десятилетиями управлялись военными хунтами и имели однопартийную систему. Такие режимы либерализовали экономику, правовую систему, дали право на свободу отправления религиозных культов, а также въезда и выезда из страны, и лишь затем, уже десятилетиями позднее, провели свободные выборы. Они смогли обеспечить, возможно случайно, два существенных качества хорошего правления, которые были подчеркнуты Джеймсом Мэдисоном в «Федералисте». Прежде всего, правительство должно обладать способностью контролировать тех, кто находится под его влас-

тью. Кроме того, оно должно быть в состоянии контролировать самое себя. Порядок плюс свобода. В долговременной перспективе эти два фактора породят легитимное правительство, процветание и либеральную демократию. Конечно, сказать это легче, нежели сделать.

В 1950–1960-х годах многие интеллектуалы на Западе с презрением относились к восточноазиатским режимам, считая их реакционными, и, напротив, приветствовали популярных лидеров в Азии и Африке, которые проводили выборы и провозглашали свою веру в народ (например, в Гане, Танзании и Кении). Большинство подобных стран скатились к диктаторским режимам, тогда как Восточная Азия проследовала в прямо противоположном направлении. Тех ученых и интеллектуалов должно, конечно, изумлять, что наиболее устойчивые демократии в Латинской Америке и Восточной Азии – Чили, Южная Корея и Тайвань – в течение длительного времени управлялись военными хунтами. Как и в Западной Европе, в Восточной Азии автократии, проводившие либерализацию, заложили фундамент стабильных либеральных демократий.

Почти в каждом случае диктатуры приоткрывали экономику медленно и частично, но данный процесс приводил к все большей либерализации политического режима. Крупный специалист по восточноазиатскому региону Пэй Миньсинь писал:

После Второй мировой войны в Восточной Азии четко просматривается такая черта, как последовательный процесс авторитарной институционализации... Его суть составляло постепенное оформление современных политических институтов. Они формально и неформально лимитировали власть через господствующие партии, бюрократический аппарат, полуоткрытые процедуры выборов и все более автономную правовую систему. Это имело два плодотворных следствия – повышение уровня стабильности и обеспечение прав собственности (благодаря укреплению ограничений власти правителей, накладываемых под влиянием рыночных сил и новых политических норм)²⁴.

Восточная Азия все еще полна коррупции, nepотизма и

нарушений при голосовании на выборах – но тем же отличались большинство западных демократий всего 50 лет назад. Сегодня выборы на Тайване несовершенны, но они, скорее всего, более свободные и справедливые, чем выборы на американском Юге в 1950-х годах (или в Чикаго в 1960-х). Сейчас крупные конгломераты (*чеболи*) играют чрезмерную роль в южнокорейской политике, однако аналогичная ситуация имела место в Европе и Соединенных Штатах всего сотню лет назад. Владельцы железных дорог, сталелитейных и судостроительных компаний, а также крупные финансисты прошлого были, возможно, даже влиятельнее, нежели кто-либо из нынешних магнатов Восточной Азии. Они господствовали в Америке в «позолоченную эпоху» конца XIX века. Может ли кто-либо хотя бы вспомнить политических современников Дж.П. Моргана, Э.Г. Гарримана и Дж.Д. Рокфеллера? Нельзя судить о новых демократиях на основании стандартов, которым большинство западных стран категорически не соответствовало еще 30 лет назад. В настоящее время Восточная Азия представляет собой смесь либерализма, олигархии, демократии, капитализма и коррупции – то есть весьма напоминает Запад примерно в 1900-м году. Вместе с тем большинство восточно-азиатских стран существенно более либеральны и демократичны, чем множество других стран, к Западу не относящихся.

Еще более поразительное доказательство того, что конституционно-либеральное прошлое может привести к либерально-демократическому настоящему, удалось обнаружить покойному ныне политологу Майрону Вайнеру в 1983 году. Он отмечал, что по состоянию на тот момент «все без исключения страны “третьего мира” с населением не менее одного миллиона человек, освободившиеся от колониального правления после Второй мировой войны (а также почти все более мелкие бывшие колонии) и уже приобретшие достаточно продолжительный демократический опыт, являются бывшими колониями Великобритании»²⁵. Британское владычество подразумевало не демократию (колониализм по определению недемократичен), а ограниченный конституционный либерализм и капитализм. Теперь демократия появилась и в других странах «третьего мира»; однако в целом идея Вайнера оста-

ется верной. Говорить об этом – не значит защищать колониализм. Я вырос в постколониальной стране, и мне не нужно напоминать об институционализированном расизме и злоупотреблении властью, которые были частью имперского наследия. Но невозможно опровергнуть тот факт, что Британская империя оставила после себя наследие права и капитализма, которое помогло укрепить силы либеральной демократии во многих ее бывших колониях (однако не во всех*). Франция, наоборот, мало поощряла конституционализм или свободный рынок на оккупированных ею землях, в то же время она предоставила избирательные права некоторой части населения своих колоний в Северной Африке. Преждевременная демократизация во всех этих случаях привела к тирании.

Западный путь привел к либеральной демократии в том числе и страны, далекие от мира Запада. Однако в процессе демократизации имеют значение последовательность и правильный выбор момента. Большинство стран «третьего мира», объявивших себя демократиями сразу после обретения независимости, когда они были еще бедны и нестабильны, в течение десятилетия превратились в диктатуры. По замечанию, сделанному крупным исследователем демократии из Колумбийского университета Джованни Сартори по поводу перехода от конституционного либерализма к демократии, «этот маршрут не предполагает движения вспять». Даже имевшие место в Европе случаи отклонения от англо-американского образца (сначала конституционализм и капитализм, и только потом демократия) оказались гораздо менее успешными в плане обеспечения либеральной демократии. Чтобы убедиться в осложнениях, которые создает преждевременная демократизация, стоит вернуться назад во времени – в центр Европы начала XX столетия.

* Во многих колониях, которые британцы обрели на поздних стадиях своего имперского владычества и деколонизировали спустя всего несколько десятилетий (например, в Африке и на Ближнем Востоке) они мало преуспели в плане выстраивания институтов и установления верховенства закона. Еще хуже то, что они дурно провели границы, взвалив на эти государства этнические и религиозные проблемы с самого начала их независимого существования. В то же время в Южной Азии, на Карибских островах и, конечно, в поселенческих колониях (Канада, Австралия и Новая Зеландия) связь между британским колониальным правлением и демократией отрицать невозможно.

Извилистая стезя

В канун прошлого века Вена представляла собой блистательную столицу, космополитичную по духу, авангардную в искусстве и авантюрную в политике. В это время Рихард Штраус и Густав Малер сочиняли здесь музыку, Густав Климт и Эгон Шиль писали картины, Роберт Музиль и Артур Шницлер – художественную прозу, Теодор Герцль сочинял газетные статьи, Зигмунд Фрейд практиковал психоанализ, а Лев Троцкий разглагольствовал в кафе. Вена была знаменита своими кофейнями, где центральноевропейская интеллигенция собиралась ради пьянящей смеси алкоголя, табака и беседы. В одном из таких кафе – возможно, в «Ландтмане» – однажды весной 1895 года Зигмунд Фрейд закурил сигару. Как можно ожидать, когда речь идет о Фрейде, эта была не просто сигара. Это был акт торжества свободы вопреки демократии¹.

В марте того года Вена избрала своим мэром ультранационалиста Карла Люгера. Проводившаяся им политика была просто безобразной. Он постоянно сравнивал евреев с саранчой, призывая смешать их с землей в качестве удобрения или посадить на корабли и утопить в море. Император из рода Габсбургов Франц Иосиф I решил, что избрание Люгера составляет угрозу гражданским свободам в городе, и предпринял беспрецедентный шаг, отказавшись признать его полномочия. В этом решении он был поддержан еще одной древней и авторитарной институцией – католической церковью. Венские интеллектуалы, обыкновенно находившиеся в оппозиции к монархии и церкви, попали в неловкое положение, оказавшись на одной стороне с королем, а не с народом. Фрейд хотел

публично выразить одобрение решению императора, для чего и раскурил свою сигару в качестве традиционного акта торжества.

Хотя Люгер отнюдь не был образцом демократа, его приход к власти стал непосредственным результатом развития демократии в Австрии. В 1860–1870-е годы в стране голосовали только богачи и образованный средний класс, причем их высшими целями были свобода слова, конституционализм и экономический либерализм. Слава Вены как центра космополитизма и прогресса проистекала из ограничения права на участие в выборах. В 1880–1890-х годах состав электората был расширен (причем, по иронии судьбы, именно по настоянию либералов), что позволило принимать участие в голосовании большинству взрослых мужчин; и атмосфера в стране быстро изменилась. Рабочие и крестьяне, недавно получившие политические права, не были заинтересованы в гражданских реформах, к которым призывала буржуазия. Они легко поддались пламенной риторике социалистов (взывавших к рабочим) и ультранационалистов (адресовавшихся к крестьянам). Люгер блестящим образом сконструировал программу, объединившую националистические и коммунистические призывы, назвав ее христианским социализмом. Адольф Гитлер, живший в Вене в период пребывания у власти Люгера, впоследствии всячески хвалил его в «Майн Кампф», а гитлеровский национал-социализм явственно напоминал христианский социализм Люгера.

Приход к власти самого Гитлера стал во многом возможным благодаря тем же самым демократическим процессам, которые помогли Люгеру. Иногда считают, будто нацисты захватили власть в Германии из-за случайного стечения обстоятельств на выборах или в результате тайного переворота. В 1930 году – спустя всего 11 лет после своего основания – нацистская партия внезапно вышла на переполненное политическое поле страны, получив 18 процентов голосов. В 1932 году в Германии дважды проводились общенациональные выборы, и в обоих случаях нацисты оказывались впереди, получив 37, а затем 33 процента голосов (на втором месте были социал-демократы, получившие 21 и 20 процентов, соответственно). А

в ходе знаменитых выборов 1933 года нацисты завоевали 44 процента голосов (то есть столько же, сколько три следовавшие за ними партии в совокупности) и получили право сформировать свое правительство². Веймарская Республика, созданная в Германии после Первой мировой войны, была хорошо сконструированной демократией, предусматривавшей свободную прессу и справедливые выборы. Нацистская партия сполна воспользовалась демократическими процедурами, чтобы сорганизоваться и распространить свое влияние в малых и крупных городах. Поскольку в 1920–1930-е годы Германию сотрясала череда кризисов, традиционные институты управления утратили доверие населения. Либерализм и конституционализм оказались пустыми фразами на фоне становившегося все более отчаянным положения страны. Под ударами Великой депрессии и гиперинфляции широкие массы населения и средние классы Германии ухватились за гитлеровское обещание твердого руководства, способного вернуть нации ее силу. Чем радикальнее становилась риторика Гитлера, тем больше росла его популярность. Тщательно изучив феномен демократизации, политолог Джек Снайдер пришел к заключению, что «расистский авторитарный национализм восторжествовал в конце Веймарской республики не вопреки, а благодаря демократизации политической жизни»³.

Вена и Веймарская республика не составляли особого исключения, став ареной столкновения между свободой и демократией. В конце XIX и начале XX века по всей Европе либерализм оказался в осаде массовой политики. Как правило, побеждала последняя. В случае с Люгером император Франц Иосиф I продержался два года, но после четвертых выборов в 1897 году, хотя и с неохотой, все же принял его присягу в качестве мэра Вены. Во Франции после 1871 года усилилась традиция антимонархического либерализма (республиканизма). Но ее неотступно атаковали слева социаллисты, а справа – монархисты, аристократы и церковь. Через несколько десятилетий даже Великобритания – родина и оплот современной либеральной политики – пережила практически полное крушение партии либералов, которая была потеснена более радикальной лейбористской партией и более тра-

диционной партией консерваторов⁴. По мере развития демократии умеренная либеральная программа, включавшая в себя обеспечение прав личности, экономику свободного рынка и конституционализм, поблекла на фоне инстинктивной притягательности коммунизма, религии и национализма.

Неистовство масс подстегивали не только социалисты и националисты. В 1871 году легендарный германский канцлер Отто фон Бисмарк ввел в только что объединившейся Германии всеобщее избирательное право для мужчин. Он считал, что ограничение избирательных прав способствует победе на выборах городских либералов, склонных критиковать монархию. Бисмарк верил, что массы всегда будут голосовать за консерваторов, настроенных в пользу монархии. И он был прав. В Великобритании Бенджамин Дизраэли, как и Бисмарк имевший консервативные взгляды, действовал с аналогичным расчетом. Поэтому тори поддерживали Второй избирательный закон 1882 года, который расширил рамки электората и дал право голоса большинству совершеннолетних британских мужчин. Однако чтобы завоевать голоса рабочего класса и крестьянства, только что обретших политические права, консервативные элиты должны были их чем-то привлечь.

С тех пор на всех выборах Бисмарк и его последователи использовали откровенные призывы к национализму и все символы патриотизма, какие только имелись в их распоряжении. Это срабатывало и неизменно вело к победе. Более того, раскололся даже средний класс, после чего некоторые его представители солидаризировались с консервативными призывами гордиться отечеством, а другие сохранили приверженность либеральным устоям. Обхаживая своих новых избирателей, политическая элита Германии все чаще прибегала к тактике запугивания и раскола. Католики, социалисты и другие «враги рейха» демонизировались и подвергались гонениям. Такая стратегия требовала идентификации внешнего и внутреннего врага. Стремясь умиротворить влиятельные лоббистские группы, политики шли по пути все большей милитаризации страны, наращивая наступательные вооружения и определяя национальные интересы в экспансионистском, агрессивном ключе. В итоге был принят ряд безответственных политичес-

ких решений, популярных внутри страны, но сыгравших определенную роль в том, что в 1914 году вся Европа оказалась ввергнутой в пучину войны.

Чем Германия отличалась от Англии?

В Германии демократия не привела непосредственно к свободе. Только после пережитых страной крупных потрясений (поражения во Второй мировой войне, расчленения и оккупации, а также навязанного извне нового политического порядка), Западная Германия стала по-настоящему либеральным демократическим обществом. Между тем, как и в большинстве европейских стран, в Германии (особенно при Бисмарке и кайзере Вильгельме I) существовали сильные либерально-прогрессистские элементы⁵. На большей части территории континентальной Европы между собой боролись две традиции: либерализм и популистский авторитаризм того типа, который олицетворяли собой Люгер и Гитлер. Либерализм потерпел поражение в первой половине XX столетия, а популистский авторитаризм был сокрушен и дискредитирован во второй. Вследствие этой борьбы большинство европейских стран шло к либеральной демократии извилистой и кровавой стезей, с частыми опасными отклонениями в виде социальных революций, фашизма и войн. Правда, некоторые европейские государства – Дания, Бельгия, Нидерланды, скандинавские страны – двигались по траектории, весьма сходной с британской, причем это происходило по аналогичным причинам (в частности, из-за раннего развития капитализма). Однако история крупных наций континентальной Европы – Германии, Австро-Венгрии, Франции – оказалась более бурной. Данный факт может дать ключ к пониманию сегодняшних сложностей демократизации, поскольку сейчас лишь в немногих странах мира наличествует особое сочетание условий, породившее либеральную демократию в Англии и Соединенных Штатах. Для стран Азии, Латинской Америки и Африки скорее характерны многие из тех неоднозначных особенностей и сложностей, которые в той или иной мере присутствовали в континентальной Европе. В новых демократи-

ях уже можно наблюдать некоторую турбулентность, которой в XX веке отличались Вена и Берлин.

Сравнивая историю Великобритании с тем, что имело место в других европейских странах, ученые задавались простым вопросом. Британский политолог Ральф Дарендорф четко сформулировал его в 1968 году: «Чем Германия отличалась от Англии?»⁶. Это полезный вопрос, он способен помочь нам понять, как прийти к либеральной демократии в нынешнем несовершенном мире.

Ответ далеко не прост. Тем не менее, в существенной мере он состоит в том, что в Германии отсутствовала одна ключевая черта английской модели, а именно – хозяйственная и политическая независимость буржуазии. Английская буржуазия, рожденная промышленной революцией и выросшая на основе свободной торговли и прав собственности, боролась с прежним феодальным порядком. Победив, она переделала страну по своему разумению с упором на коммерцию, накопление богатства, социальную мобильность и динамизм. Появилась новая торговая элита, после чего Англия стала, если вспомнить ироническую фразу Наполеона, «нацией лавочников». В Германии же, напротив, индустриализация была инициирована сверху и подстегивалась правительственными субсидиями, регулированием и тарифами. В итоге германская буржуазия оказалась слабой и разобщенной, она раболепствовала перед государством и правящей феодальной элитой. Маркс с презрением называл деловой класс Германии «буржуазией, лишенной всемирно-исторической цели»⁷.

Германия отличалась сильными бюрократическими традициями, которыми страна не без основания гордилась. Здесь государство проявляло заметно большую прогрессивность и эффективность при разрешении многих проблем индустриализации и урбанизации (таких как публичное здравоохранение, транспорт и пенсионное обеспечение), нежели в любой другой европейской стране. В результате вместо того, чтобы сохранять независимость от государственной власти, германские предприниматели активно искали благосклонности и поощрения с ее стороны. Среди них считалось большой честью иметь титул коммерческого советника (*Kommerzienrat*).

«Люди стремились не к титулам, связанным с землевладением, — писал один историк, — их больше привлекал статус советника по городской санитарии». Можно также упомянуть существенную разницу в роли прессы двух стран. В Англии свободная пресса служила влиятельным рупором политического инакомыслия, а журналисты отличались независимостью от государства, которую они зачастую ожесточенно отстаивали. В отличие от этого, первые газеты в Пруссии были учреждены Фридрихом Великим в качестве органов государственной пропаганды. Вместо того, чтобы настаивать на либеральных реформах, большую часть XIX века германские деловые круги шли на компромисс с правящей феодальной элитой. Соответственно, даже после осуществления индустриализации в Германии сохранился смешанный режим, объединявший элементы нового буржуазного общества и прежнего доиндустриального порядка. Либерально мыслящий интеллектуал Фридрих Науман писал в 1909 году о германском «индустриальном обществе в политическом облачении аграрного государства. Наше политическое положение несколько напоминает современную фабрику, устроенную в помещениях старой фермы. Под сводами древней кровли стоит самое современное оборудование, а сквозь допотопные стены проходят стальные балки».

Сторонники прежнего политического порядка продолжали жестко удерживать бразды правления. В 1891 году 62 процента постов во внутренней администрации Пруссии принадлежало представителям знати. На дипломатической службе их концентрация была еще выше. В 1914 году внешнеполитическая служба Германии насчитывала в своих рядах восемь князей, 29 графов, 20 баронов, 54 представителя мелкого дворянства и только 11 человек незнатного происхождения⁸. Франция, с ее традициями сильного государства и слабого гражданского общества, также шла к либеральной демократии долгим и извилистым путем. Те силы, которые ускоряли это движение в Великобритании, во Франции были слабы. Французская аристократия и купеческий класс не обладали независимостью. В главе «Кембриджской экономической истории Европы», посвященной XVIII веку, перечисляются «от-

личительные черты буржуазного представительного правления» — верховенство права, равенство всех перед законом, частная собственность, свободное предпринимательство, гражданские свободы и так далее, а затем добавлено: «Ничего этого не было в наличии во Франции перед революцией»⁹. Таким образом, послереволюционная Франция восприняла демократию, не имея развитой традиции конституционного либерализма. Свобода провозглашалась в теории, но не обеспечивалась на практике (разделением властей и силой негосударственных институтов, таких как частный бизнес, гражданское общество и независимая церковь). Революционеры полагали, что Монтескье глубоко ошибался, призывая к ограничению и разделению властей. Вместо этого абсолютная власть короля целиком перешла к новой Национальной ассамблее, которая приступила к арестам и казням тысяч людей, конфискации их имущества и наказанию их за религиозные верования. Все это делалось от имени народа. Некоторые специалисты справедливо называли якобинский режим «тоталитарной демократией». Вот первый пример нелиберальной демократии в современной истории¹⁰.

Во Франции государство оказалось выше общества, демократия — выше конституционализма, а равенство — выше свободы. В результате на протяжении большей части XIX столетия страна была демократической, там предоставлялись широкие избирательные права и проводились выборы, однако вряд ли ее можно было назвать либеральной. Нет сомнения, что тут в меньшей мере обеспечивалась свобода личности, нежели в Англии или Америке. Император Луи-Наполеон, правивший страной с 1848 по 1870 год, стал олицетворением французского комбинированного политического режима. Он правил с согласия народа, в стране проводились выборы и референдумы; одновременно для подавления свободы мысли, слова и действия использовались методы полицейского государства. Третья республика во Франции, как и многие из либеральных экспериментов в Европе, в конце концов рухнула. Пройдя через две монархии, две империи, пять республик и одну протофашистскую диктатуру, страна наконец получила и либерализм, и демократию после Второй мировой войны, то есть спу-

стя более 150 лет после Французской революции. Даже сегодня здесь сохранен режим, который его основатель Шарль де Голль называл «выборно-демократической монархией», причем считал это лестной характеристикой.

Почти демократия

У континентальной Европы имелась и другая, лучшая сторона, содержащая в себе семена либеральной демократии. Либеральная традиция часто терпела поражение; и все же она всегда присутствовала даже в Германии, где в 1930-е годы развитие событий приняло крайне дурной оборот. Более того, она была особенно характерна именно для Германии. На рубеже XIX–XX веков многие серьезные наблюдатели считали Германию самой прогрессивной страной планеты. Там существовали современная писаная конституция и развитая система административного управления на всех уровнях, сложилось первое государство благосостояния. Германия отличалась либеральной политической культурой, а ее города, такие как Берлин, – авангардной художественной эстетикой. В 1887 году один из ведущих американских специалистов в области сравнительной политологии Вудро Вильсон, в то время профессор Принстонского университета, превозносил Пруссию за «достойную восхищения систему... самую изученную и доведенную почти до совершенства... [Она] превратила высокомерную и ленивую [бюрократию] в проникнутый духом общей пользы инструмент справедливого правления»¹¹. (По иронии судьбы, столь восхищавшийся Германией Вильсон возглавил свою страну в войне с нею.) Политологи того времени часто отдавали предпочтение Германии при сравнении с Англией, которая, как они полагали, имела слишком централизованную политическую систему, наделявшую чрезмерной властью Палату общин парламента и содержащую анахроничную верхнюю палату, полную эксцентричных лордов; там не было писаной конституции, зато имелись мистические традиции, делавшие мучительно трудным внедрение каких-либо новшеств.

На рубеже веков Германия, казалось, двигалась правиль-

ным курсом к демократии. Но затем пришла Первая мировая война, в ходе которой погибли 2 миллиона немцев, а страна была разорена карательными и унижительными условиями Версальского мирного договора. В годы после Версаля наблюдались массовое бегство этнических немцев из Польши, России и других восточных территорий в Германию (эта миграция вызвала чрезвычайное социальное брожение), гиперинфляция, и, наконец, Великая депрессия. Либеральные склонности германского общества оказались подавлены значительно более темными его сторонами, и политический порядок рассыпался. В частности, гиперинфляция (которую Найэл Фергюсон метко назвал «антибуржуазной революцией») лишила средний класс денежных накоплений и оттолкнула его от Веймарской республики. Страна стала легкой добычей для радикальных идеологий и вождей. Историю обычно рассматривают в ретроспективе, исходя из того, что Германии на роду было написано стать тем, чем она стала при Гитлере. Однако даже в Великобритании и Соединенных Штатах имелись свои неприглядные черты и отъявленные демагоги, влияние которых повысилось в период Великой депрессии. Если бы этим странам пришлось пережить 20 лет поражений, унижения, хаоса, экономического спада и обнищания средних классов, они тоже могли попасть под власть демагогов типа Хью Лонга и Освальда Мосли, а не государственных деятелей, подобных Франклину Рузвельту или Уинстону Черчиллю.

В большинстве европейских стран Первая мировая война напроочь смела монархии. Вместе с тем она принесла такие разрушения, что европейские нации стали питательной средой для фашизма и диктатуры. В 1930-е годы либерализм подвергался атакам справа со стороны фашистов и слева – со стороны коммунистов. И те, и другие использовали демократию, чтобы сокрушить либерализм. Понадобилась еще одна война, чтобы нанести окончательное поражение демагогам. После 1945 года при щедрой помощи со стороны Соединенных Штатов Европа занялась строительством нового политического порядка. За 50 лет ей удалось добиться успеха, на который вряд ли можно было даже рассчитывать.

К 1945 году угроза либеральной демократии, исходившая справа (сначала феодальная, а затем фашистская), почти полностью сошла на нет (за исключением Иберийского полуострова, однако ни Франсиско Франко в Испании, ни Антонио Салазар в Португалии вовсе не стремились экспортировать свои режимы). Тогда опасность для демократии стала исходить слева – от коммунистических партий, как правило, поддерживаемых Москвой. Тем не менее, западный мир сумел отразить эту угрозу. Затем последовала важная, но малозаметная трансформация. Западная Европа, где в течение двух веков либерализм боролся с экстремистскими идеологиями правого и левого толка, спокойно и без каких-либо громогласных деклараций перешла к умеренному конституционализму. Ученый из Чикагского университета Марк Лилла называет этот процесс «другой бархатной революцией». Он пишет:

Теперь в ретроспективе можно увидеть, что мир, гарантированный американским присмотром, благополучие, принесенное тремя десятилетиями беспрецедентного экономического роста, а также развитие государства благосостояния – все это привело к эрозии традиционной базы партий левого крыла в рабочем классе... Сегодня все страны Западной Европы имеют ограниченное конституционное правление, независимую судебную власть, выборы с участием нескольких партий, всеобщее избирательное право, гражданский контроль над военными и полицией, право на свободу собраний и вероисповедания, крупный средний класс и развитую экономику, ориентированную на потребителя. Несмотря на наличие новых националистических и регионалистских партий, а также вспышки этнического насилия и ожесточенные споры по поводу иммиграции, в Западной Европе ни одно государство больше не сталкивается с таким вызовом своей легитимности, с каким все либеральные правительства столкнулись в 1920-е годы¹².

Греция, Испания и Португалия – три страны Западной Европы, последними ставшие в полной мере демократическими. Это произошло в 1970-е годы. Революции 1989 года составили заключительный акт в драме европейского либерализма. Многие из стран Восточной Европы обладали в значи-

тельной мере общим с государствами Западной Европы историческим наследием. Однако им не повезло, когда в 1945 году их «освободила» Красная Армия, а в результате они оказались под гнетом коммунистической империи. Оглядываясь в прошлое, можно констатировать, что именно те силы (известные из нашей собственной истории), которые помогли этим странам уйти из-под контроля Советского Союза, помогли им и либерализовать свои общества. В Польше это были церковь и профсоюзы, в Чехословакии – движение за гражданское общество, в Венгрии – реформистская элита, и во всех трех государствах – немногочисленный средний класс. Вырвавшись из советских объятий, эти страны быстро перешли к установлению либеральной демократии, и она поразительно хорошо укоренилась в них. Другие бывшие социалистические страны, такие как Румыния и Болгария, все еще переживают болезненный процесс перехода к либеральной демократии, причем с разной степенью успеха. Тем не менее, лишь немногим более десятилетия после падения коммунизма Европа весьма близка к тому, чтобы стать, выражаясь словами Джорджа Буша-старшего, «единой и свободной».

Богатство народов

Ни одна страна не способна поменять свое прошлое. Но можно изменить будущее и повысить свои шансы на превращение в либеральную демократию. Сегодня для развивающихся государств, и даже латиноамериканских стран со средним уровнем доходов, обеспечение реальной демократии предстает самым важным и трудным вызовом. Чтобы лучше оценить их шансы на успех, следует усвоить уроки прошлого и задаться вопросом: какие факторы способствуют появлению либеральной демократии?

Самым простым объяснением политического успеха новой демократии является экономическое процветание или, если быть более точным, повышение национального дохода в расчете на душу населения. В 1959 году социолог Сеймур Мартин Липсет сделал простой и убедительный вывод: «Чем богаче нация, тем выше ее шансы на устойчивую демократию»¹³.

Липсет утверждал, что по мере хозяйственного роста отдельных стран развивается также их социальный потенциал, обеспечивающий стабильность либерального демократического устройства. Тезис Липсета вызвал к жизни целые научные школы (а также оппонирующие им концепции), в рамках которых ведется сбор фактических данных, выстраивание статистических рядов и проверка гипотез. После 40 лет исследований его главный вывод сохраняет силу, хотя и с некоторыми оговорками и уточнениями.

Конечно, некоторые небогатые государства тоже становились демократическими. Но если страна обретает демократию, находясь на низком уровне хозяйственного развития, то демократия там обычно гибнет. (Есть исключения, такие как Индия, о чем мы поговорим позднее.) Самое всеобъемлющее статистическое исследование данной проблемы провели политологи Адам Пшеворский и Фернандо Лимоньи, рассмотрев положение различных стран мира в период 1950–1990 годов. Было подсчитано, что там, где доход на душу населения не превышает 1500 долларов (по современному курсу), демократический режим в среднем имел ожидаемую «продолжительность жизни» не более восьми лет. При доходе от 1500 до 3000 долларов он мог просуществовать в среднем 18 лет. Только при среднедушевом доходе свыше 6000 долларов демократия становится по-настоящему жизнеспособной. Вероятность ее фиаско в таком случае составляла всего 1 к 500. Иначе говоря, накопив богатство, демократия обретает бессмертие: 32 демократических режима с доходами свыше 9000 долларов просуществовали в совокупности 736 лет; краха не потерпел ни один из них. В противоположность этому, из 69 менее богатых демократических режимов развалились 39; то есть среди них «смертность» составила 56 процентов¹⁴.

Итак, можно заключить, что попытка перехода к демократии в стране, располагающей ВВП на душу населения в среднем от 3000 до 6000 долларов, имеет высокие шансы на успех. Подобный критерий готовности к демократическому правлению верен и в том случае, если оглянуться назад в историю. В 1820 году, когда в большинстве европейских стран совершались лишь первые шаги к расширению состава электората,

показатель ВВП на душу населения составлял там в среднем 1700 долларов США (в пересчете по курсу на 2000 год). В 1870 году он достиг приблизительно 2700 долларов, а в 1913 году – 4800 долларов (до разрухи, вызванной Первой мировой войной)¹⁵. Конечно, данные о ВВП тех лет основаны на не слишком убедительных предположениях и догадках. Тем не менее, приведенные цифры бесспорно попадают в диапазон, требуемый для успешного становления демократии (хотя и располагаются ближе к его нижней границе). Более того, во многих из рассматриваемых стран либеральная демократия утвердилась только после 1945 года, когда в большинстве случаев они приблизились к уровню 6000 долларов ВВП на душу населения. Если рассмотреть успешные примеры последних 30 лет, начиная с Испании, Греции и Португалии, то окажется, что практически все эти страны стали демократическими при уровне ВВП, приближающемся к верхней отметке указанного диапазона. После 1989 года становление демократических режимов произошло быстро в восточноевропейских странах с более высокими показателями среднедушевого ВВП (Польша, Чешская Республика, Венгрия). А в странах, оказавшихся в нижней части рассматриваемого диапазона или находящихся вне его (Румыния, Албания), переход занимает значительно больше времени. Иначе говоря, указанная зависимость характерна и для Европы, в том числе и в исторической ретроспективе. Конечно, анализ какого-то одного фактора не дает объяснения всей картины. Тем не менее, учитывая большое количество рассмотренных стран, расположенных на разных континентах, имеющих совершенно особые культуры и находящихся на различных этапах своего исторического развития, весьма примечательно, что столь многое объясняется таким простым показателем, как размер ВВП на душу населения.

Все эти рассуждения по поводу ВВП могут привести на мысль, что я принижаю значение фактора лидерства в борьбе за демократию. Это вовсе не так. Смена политического режима не может состояться без лидеров и движений, призывающих к свободе и добивающихся ее. Таким людям, как Вацлав Гавел, Нельсон Мандела, Лех Валенса и Ким Дэ Джун, при-

надлежит почетное место в истории свободы. Однако научная точность требует выяснения причин их успеха. Один автор весьма раздраженно отреагировал на приведенные выше соображения, утверждая, что демократия в Южной Корее стала следствием не роста ВВП на душу населения, а некоего «духовного стремления»¹⁶. Никто с этим не спорит. Но ведь целеустремленные высоконравственные люди наверняка есть и в Уганде, Белоруссии или Египте. Тем не менее, им никак не удастся привнести в свои страны демократию. Ее южнокорейские активисты переживали неудачи в 1960-х, 1970-х и 1980-х годах. Находившийся до 2003 года на посту президента страны сеульский диссидент Ким Дэ Джун большую часть жизни провел в заключении. Почему же он проигрывал в 1970-е, но добился успеха в 1990-е годы? Неужели из-за внезапного обретения им «духовного стремления»? На Тайване пламенный политический лидер, главный редактор «Свободного Китая» Лэй Чэнь пытался сделать свою страну демократической еще в 1960 году, организовав Китайскую демократическую партию. Он был не менее мужественным человеком, чем Чэнь Шуйбянь – адвокат, специализировавшийся на защите прав человека и избранный на пост президента Тайваня в 2000 году. Так почему победил один активист правозащитного движения и потерпел неудачу другой?

Даже прекрасно зная историю той или иной страны, невозможно предсказать, когда она станет демократической. Это часто зависит от сложного сочетания исторических обстоятельств, особенных для каждого случая. Почему Испания перешла к демократии только в 1977 году, а не раньше? Потому, что за два года до этого умер ее пожизненный диктатор Франко. Почему в Венгрии это произошло в 1989 году? Потому, что именно в тот год Советский Союз перестал угрожать ей военной интервенцией в случае, если она либерализует свою политику. Почему в Индии переход к демократии произошел в 1947 году? Потому, что именно тогда Великобритания отказалась от своего имперского владычества над субконтинентом. И так далее. Однако больший интерес представляет вопрос, что содействует выживанию демократии. Политические режимы меняются по разным причинам – из-за войн, экономи-

ческих потрясений, смерти лидеров. Но когда рушатся авторитарные режимы и люди пытаются взамен учредить демократию, то что обеспечивает ее жизнеспособность? В исторической ретроспективе самый точный и краткий ответ на этот вопрос связан с благосостоянием.

Почему богатство благоприятствует свободе? Вспомним примеры из европейской истории: процесс экономического развития обычно приводит к появлению двух элементов, имеющих решающее значение для успеха либеральной демократии. Во-первых, он дает возможность ключевым сегментам общества, прежде всего частному бизнесу и буржуазии в целом, обрести силу и независимость от государства. Во-вторых, имея дело с такого рода общественными группами, государство становится менее хищным и капризным; оно все больше ориентируется на соблюдение неких правил и на потребности общества, по крайней мере – на запросы его элиты. Такой процесс приводит к либерализации политического режима, причем зачастую непредумышленной. Пэй Миньсинь описывает путь Тайваня к либеральной демократии в 1980–1990-е годы в терминах, позволяющих провести параллель с Европой:

Быстрый хозяйственный рост имел совершенно неожиданные для правящего режима последствия. После того, как дела в экономике наладились, у Тайваня появились черты, свойственные всем растущим капиталистическим обществам: выросли показатели грамотности; интенсифицировались массовые коммуникации; поднялся среднедушевой доход; произошла дифференциация городского населения на рабочих, профессионалов из числа среднего класса и предпринимателей. Деловой класс выделялся своей независимостью. Хотя частные предприятия не отличались большими размерами и организованностью, они оказались вне контроля со стороны партии-государства¹⁷.

Подобная история повторилась с местными вариациями в большинстве стран Восточной Азии. Как и в Европе, экономическая либерализация породила буржуазию и гражданское общество, а затем, спустя десятилетия, – в достаточной мере либеральную демократию. Как и в Европе, автократы не пред-

полагали, что занимаются демократизацией. Но, подстегивая рост и модернизацию, они выпустили на волю джинна, которого оказались не в состоянии сдержать. Историк Филипп Норд описывает данный процесс следующим образом:

Диктаторы полагают, что им нужно добиваться хозяйственного роста; но на деле они совершают серьезную ошибку, поощряя его. Развитие экономики благоприятствует увеличению численности образованного среднего класса; это порождает «инфраструктуру плюрализма», то есть многоуровневое гражданское общество, которым все труднее управлять сверху... В подобных обстоятельствах авторитарное государство может предпочесть ослабить свою власть над общественной жизнью. Такое решение является фатальным, поскольку в просвет, созданный либерализацией, устремляется все накопленное недовольство. Оформившись, оно приобретает характер открытой оппозиции¹⁸.

Норд описывает, как демократизировалась Франция в конце XIX столетия, но его работа объясняет и то, что происходило в Восточной Азии в конце XX века.

Блаженны нищие

Сами по себе деньги не приносят свободы; необходимо, чтобы благосостояние было заработано. В течение последних 50 лет некоторые режимы (например, эмираты Персидского залива, Нигерия и Венесуэла) разбогатели, однако остались авторитарными. Оказывается, богатство «нефтяных» государств не способствует позитивным политическим переменам, так как здесь хозяйственное развитие принципиально отличается от европейской и азиатской моделей. Экономика этих стран развивалась отнюдь не по капиталистическому пути, подразумевающему последовательный переход от сельского хозяйства к промышленности, а затем диверсификацию за счет услуг. Здесь всего лишь использовали огромные запасы нефти и минеральных ресурсов, чтобы купить свою «современность» в виде новых зданий, больниц, особняков, автомобилей и телевизоров. Народы этих стран находятся, по большому счету,

в прежнем состоянии необразованности и неквалифицированности. Общества остались примитивными. По сути дела, государству приходится импортировать знания и даже людей из-за рубежа, чтобы обеспечить работу больниц, школ и телевизионных станций. В итоге здесь сложился деловой класс, не автономный от государства, а, наоборот, полностью от него зависящий.

Вышесказанное подтверждают некоторые цифры. Так, несмотря на высокий показатель среднедушевого дохода, в Саудовской Аравии уровень грамотности взрослого населения составляет лишь 62 процента, причем среди совершеннолетних женщин читать умеет только половина. Кувейт, Катар и Объединенные Арабские Эмираты добились немного лучших результатов. Там уровень грамотности взрослого населения приближается к 80 процентам. Для сравнения: на Филиппинах и в Таиланде (странах, из которых поступает значительная часть неквалифицированной рабочей силы для государств Персидского залива) уровень грамотности взрослого населения составляет около 95 процентов. Тем не менее, это один из самых низких показателей в Восточной Азии. Если для демократии и участия граждан в управлении необходимо образованное или, как минимум, грамотное население, то в нефтедобывающих арабских государствах его все еще нет, несмотря на десятилетия сказочного процветания.

Для либеральной демократии наилучший вид экономического роста связан с развитием капиталистических отношений. Маркс одним из первых признал это, отметив, что капитализм сам порождает буржуазную демократию в качестве наиболее подходящей для него формы правления (правда, он не считал это положительным фактом). Маркс утверждал, что капитализм создает предпринимательскую буржуазию, которая с неизбежностью разрушает прежний аристократический порядок и взамен создает строй, защищающий собственность, контракты, правила и другие свободы. Там, где буржуазия не имеет подобного характера (как, например, в Германии XIX века), общество остается нереформированным. Рассмотрим Латинскую Америку. В течение большей части XX века предпринимательский класс Латинской Америки рос в рам-

ках особого типа капитализма, спонсируемого государством. Местные олигархи объединялись с военными и бюрократами для защиты своего бизнеса, выстраивая изощренную систему тарифов и предписаний, благодаря которым власть имущие оставались сытыми и довольными. Подобная система затрудняла реальное экономическое развитие и пагубно сказывалась на политической сфере. Деловой класс оставался в целом слабым и подчиненным государству. До недавнего времени политическое развитие в Латинской Америке являлось вариацией германской модели XIX столетия. Единственная латиноамериканская страна, первой и наиболее определенным образом отошедшая от такой традиции в сторону свободного рынка и свободной торговли, – Чили. Сейчас это самая успешная в экономическом отношении и самая стабильная страна региона.

Богатые природные ресурсы затрудняют как политическую модернизацию, так и экономический рост. Гарвардские экономисты Джеффри Д. Сакс и Эндрю М. Уорнер рассмотрели положение дел в 97 развивающихся странах за два десятилетия (1971–1989 годы) и обнаружили тесную корреляцию между их наделенностью природными ресурсами и экономическими провалами. В среднем, чем богаче государство минеральными, сельскохозяйственными и топливными запасами, тем медленнее росла его экономика (вспомним о Саудовской Аравии или Нигерии). Страны, почти не имеющие их (как, например, в Восточной Азии), развивались быстрее всех. Темпы хозяйственного роста государств, у которых имелись некоторые природные богатства (как в Западной Европе), составляли нечто среднее между двумя указанными крайностями. Существует несколько исключений: Чили, Малайзия и Соединенные Штаты обильно наделены многими ресурсами и все же достигли высокого уровня хозяйственного и политического развития. Тем не менее, основная закономерность прослеживается поразительно четко¹⁹.

Почему незаработанное богатство оборачивается таким бедствием? Потому, что оно мешает развитию современных политических институтов, законодательных и административных систем. Если исходить из циничного предположения, что

главной целью любого правительства является обеспечение себя как можно большим богатством и властью, то в стране, где отсутствуют природные ресурсы, для процветания государства нужно, чтобы зажиточным стало все общество: тогда правительство сможет обложить налогом его достояние. В подобном смысле Восточной Азии повезло, так как она была безнадежно бедна. Режимам восточноазиатских стран приходилось много работать, чтобы создать эффективное правительство, поскольку в этом состояла единственная возможность обогатить страну и тем самым саму власть. Правительствам стран, располагающих изобильными ресурсами недр, богатство достается слишком легко; они распоряжаются им как бы «по доверенности». Они жируют, получая доходы с продажи минерального сырья или нефти; им не приходится решать куда более сложную задачу создания рамочного законодательства и институтов, способствующих процветанию всей нации (в связи с этим снова вспомним Нигерию, Венесуэлу, Саудовскую Аравию). Живший в Средней Азии тюркский поэт XIII века Юсуф изложил данную теорию весьма просто, уложившись в одно стихотворение:

*Чтобы корону удержать, пехота нужна и конная рать;
Коль хочешь войско подчинить – сумей всех златом наделить.
Чтобы монету раздобыть, народ богатым должен быть;
Закон быть должен справедлив – тогда народ богат, счастлив.
Если одно из условий не выполнить, то остальному тоже не быть;
Если ж со всеми четырьмя ты не справишься, то и с королевством
распрощаешься²⁰.*

Согласно одной из версий этой теории, всякое государство, имеющее доступ к легким деньгам – скажем, за счет сборов за прохождение судов через ключевой для мировой навигации канал (как в случае с Египтом) или хотя бы благодаря иностранной помощи (как в случае ряда африканских стран), – будет отставать в политическом развитии. Легкие деньги означают, что правительству нет нужды собирать налоги с собственных граждан. Когда правительство облагает народ налогами, взамен оно должно обеспечить ему некие блага, начиная с общественных услуг, отчетности и эффективного

управления и заканчивая свободой и представительством в органах власти. Именно такого рода двусторонняя сделка – налогообложение в обмен на представительство – и обеспечивает легитимность власти в современных условиях. Если правительство способно получать доходы, не нуждаясь в опоре на общество, то речь идет о дворе, а не государстве; здесь деловые люди – придворные, а не настоящие предприниматели*. Королевская семья в Саудовской Аравии предлагает своим подданным иную сделку: «В экономическом плане мы от вас ничего не требуем, но, со своей стороны, немного даем в политическом смысле». Это прямая противоположность лозунгу Американской революции: «Нет налогообложению без представительства!».

Сказанное не означает, что недостаток у государства природных богатств сам по себе решает все проблемы. Многие из бедных стран так и не стали ни демократическими, ни капиталистическими. Чрезвычайно важны политические институты, личные качества лидеров и даже историческое везение. Вместе с тем, отдельные страны успешно развиваются, даже будучи хорошо обеспечены природными ресурсами (подобно тому, как это происходит с некоторыми детьми, имущество которых вверено заботам мудрых попечителей). Большинство европейских стран приступило к демократизации тогда, когда их экономическая ситуация была лучше, чем в остальном мире. Но, как было подробно описано в первой главе, Европа обладала уникальными преимуществами. Долгая история столкновений между церковью и государством, католиками и протестантами, королями и лордами привела здесь к созданию либеральных институтов и ограничению власти государства. В некоторых из неевропейских стран имело место нечто подобное. Например, в Индии, где сосуществуют десятки регионов, религий и языков, политическое разнообразие скорее благоприятствует, нежели угрожает демократическому будущему. В Польше демократия окрепла благодаря сильной и независимой церкви. В целом, справедливо заключить, что рост

* Подобное понимание способно кое-что прояснить даже в отношении развитых демократий: нефть и политика патронажа шли рука об руку в таких штатах, как Техас, вплоть до самого недавнего прошлого.

капитализма – наилучший способ опрокинуть старый феодальный порядок и построить действенное, но в то же время сознающее пределы своей власти государство (хотя важны и некоторые исторические и институциональные нюансы).

В похвалу государству

Сторонники рыночной свободы ошибаются, полагая, что капитализм есть нечто противостоящее государству. Когда приходит время платить налоги, такая точка зрения может показаться очевидной. Но действительность сложнее. В XX веке многие государства настолько усилились, что задавили национальную экономику. Тем не менее, в широком историческом плане только легитимное и эффективно функционирующее государство может создать правила и законы, заставляющие капитализм работать. Во всяком случае, без правительства, способного защитить институт собственности и права человека, свободу прессы и деловые контракты, обеспечить действие антимонопольных законов и запросы потребителей, общество получило бы не верховенство закона, а право сильного. Если кто-то хочет увидеть, к чему приводит отсутствие власти, достаточно взглянуть на Африку – там ничто не напоминает рыночный рай.

В «третьем мире» государству часто приходилось самому инициировать развитие капитализма. В этом вновь отразился опыт Европы, где современный капитализм начался с того, что государство отобрало у феодалов огромные земельные угодья сельскохозяйственного назначения и использовало их способами, больше отвечающими рыночным требованиям. Тем самым был сломан хребет крупным лендлордам – в политическом отношении самой реакционной общественной группе. Не менее важно то, что миллионы акров земли оказались выведены из стагнирующих феодальных поместий, где они оставались недоиспользованными, и были включены в рыночную систему. Новые владельцы – нередко фермеры, которые раньше возделывали эту землю, – сами использовали ее более эффективно (поскольку у них появился соответствующий стимул) либо сдавали ее в аренду или продавали тем, кто мог

обеспечить это. Другими словами, чтобы заставить капитализм работать, потребовалось масштабное перераспределение богатства.

В Европе модернизация сельского хозяйства заняла несколько столетий. В последние полвека земельная реформа дала аналогичные результаты и в тех странах «третьего мира», где она проводилась. Собственность на землю перешла от феодалов, лендлордов, теоретически имевших соответствующее право, к нанимателям, не одно поколение жившим и работавшим на ней. Помимо справедливости такого решения, этот процесс высвобождает землю – зачастую наиболее ценный ресурс всякой страны, не достигшей индустриальной стадии развития, – и вводит ее в рыночный оборот. Земельная реформа сыграла ключевую роль в экономическом и политическом успехе в Восточной Азии (особенно в Японии, Южной Корее и на Тайване), а также в Латинской Америке (там, где она была проведена, прежде всего – в Коста-Рике, Мексике и Чили).

В годы «холодной войны» консерваторы на Западе нередко выступали против земельной реформы, поскольку она смутно напоминала им о марксизме, а ее сторонники часто принадлежали к левой части политического спектра. Но на самом деле она ведет к развитию капитализма и, тем самым, к демократии. Земельная реформа – это принципиально важный шаг в процессе превращения отсталого крестьянского общества в современное – капиталистическое и демократическое. Страны «третьего мира», где земельная реформа провалилась – в отдельных районах Центральной и Латинской Америки, в Пакистане, Зимбабве и многих других африканских странах, – так и не смогли поставить сельское хозяйство на коммерческие рельсы. Там сохранилась сильная полуфеодалная элита, и вследствие этого демократия развивалась с большим трудом. Даже в Индии демократия хуже всего действует как раз в тех частях страны (в северных штатах Уттар-Прадеш и Бихар), где земельная реформа не удалась. Американцы четко осознавали связь между частной собственностью на землю и свободой, а потому там после Гражданской войны правительство безвозмездно передало землю жителям страны на осно-

вании Закона о гомстедах. Как утверждал перуанский интеллектual и политический деятель Эрнандо де Сото, неготовность большинства стран «третьего мира» предоставить полные права собственности беднякам остается одним из главных препятствий на пути их экономического (и, добавим, политического) развития²¹.

Следующая волна

Так где же в очередной раз мы увидим укрепление и расцвет демократии? Точно предсказать, где будет сделана очередная попытка установить демократическое правление, нельзя; это во многом зависит от воли случая. Тем не менее можно прикинуть, где такая попытка имеет больше шансов на успех. Из крупных стран в этом плане особенно перспективна Мексика, в последнее время существенно продвинувшаяся по пути к демократии. Надежды связаны именно с тем, что Мексика до известной степени повторяет восточноазиатский путь (являющийся вариацией на европейскую тему). Сначала экономическая реформа, а за ней – политическая.

С момента своего основания в 1926 году Мексика характеризовалась однопартийной системой правления. На всех уровнях власти главенствовала Институционно-революционная партия (ИРП). Демократия в Мексике была лишь симуляцией, хотя имелись ее внешние признаки, включая выборы и парламентаризм. Однако после долгового кризиса начала 1980-х годов ИРП пришлось пойти на крупномасштабные хозяйственные реформы, либерализацию внешнеэкономических связей и ослабление системы контроля над национальной экономикой. Как всегда в подобных случаях, экономические преобразования потребовали правовой реформы и других послаблений режима. Процесс особенно ускорился после заключения соглашения о НАФТА (Североамериканской зоне свободной торговли), что закрепило ориентацию Мексики на внешний мир и капиталистический путь развития. К концу 1990-х годов ИРП приступила также к проведению политических реформ, а в 2001 году президент Эрнесто Седильо принял чрезвычайное мужественное и дальновидное решение: впервые в

мексиканской истории провести по-настоящему свободные выборы. На них победил кандидат от оппозиции, и в декабре 2001 года Висенте Фокс стал первым демократически избранным президентом Мексики.

Поскольку Мексика двигалась по траектории, напоминавшей восточноазиатскую, в большей части западных средств массовой информации страну характеризовали аналогичным образом. Несмотря на существенную правовую и экономическую либерализацию, газеты и журналы обычно описывали ИРП как жесткую авторитарную власть. Несмотря на предстоящие 20 лет либерализации, в 1990-е годы о Мексике все еще привычно говорили как об авторитарном государстве. Ее переход к демократии произошел тогда, когда национальный доход на душу населения составил чуть более 9000 долларов. Это само по себе позволяет предположить, что страна сохранит свою новую политическую ориентацию. Теперь вернемся к нашему простому критерию (среднедушевому доходу) и выявим страны, которые находятся в верхней части диапазона, необходимого для перехода к демократии (то есть имеют доход на душу населения от 5000 до 6000 долларов). Исключив из рассмотрения все страны, богатство которых связано главным образом с природными ресурсами, мы получим список следующих крупных стран: Румыния, Белоруссия, Болгария, Хорватия, Малайзия, Турция, Марокко, Тунис и Иран*. Это страны, где попытки демократизироваться будут, скорее всего, успешными, то есть со временем там сложится подлинная либеральная демократия.

В Румынии (6800 долларов), Белоруссии (7550 долларов), Болгарии (5530 долларов) и Хорватии (7780 долларов) доход на душу населения находится в районе 6000 долларов, поэтому здесь весьма велики шансы на консолидацию демократии. Как и в предыдущих случаях, эти европейские страны смогли бы перейти к демократической системе правления и при менее высоком уровне душевого дохода, поскольку их история также отмечена наличием независимых общественных

* Хотя Иран относится к богатым нефтью государствам, есть смысл все же включить его в данный список, так как там всегда была и сильная промышленность несырьевого профиля. Подробнее об Иране см. четвертую главу.

институтов. Белоруссия представляет собой особый случай, поскольку ее экономика чрезвычайно сильно привязана к российской. Тем не менее, если этой стране удастся избавиться от демократически избранного автократа Александра Лукашенко, вероятен ее весьма быстрый прогресс.

Среди стран с частично авторитарными и частично демократическими системами правления Малайзия (8360 долларов) и Турция (7030 долларов) характеризуются доходами, существенно превосходящими планку 6000 долларов. Поэтому у них тоже есть значительные шансы на успех. Малайзия в основном следовала по восточноазиатскому пути: сначала здесь была либерализована экономика, а политика оставалась «под замком» (к сожалению, и в буквальном смысле тоже, если иметь в виду заключение в тюрьму политического деятеля Анвара Ибрагима); лишь затем была постепенно начата реальная демократизация. Турция также представляет собой весьма многообещающий, хотя и сложный случай. Ее нельзя назвать зрелой демократией; военные в этой стране три с половиной раза свергали избранного главу государства («половина» относится к 1998 году, когда армия не допустила к власти избранное правительство, ведомое мусульманской партией; это событие турецкий журналист Йенгиз Кандар окрестил «переворотом в стиле постмодернити»). Военные в Турции считают себя хранителями светского характера государства; совместно с некоторыми своими единомышленниками из числа судей они твердой рукой насаждают светскость. В целом, соответствующие элиты сыграли в турецком обществе модернизирующую и стабилизирующую роль, но их рвение пережило их полезность. Сейчас главная сила, работающая на пользу либеральных перемен в Турции, — это перспектива членства в ЕС, что вынуждает страну приводить в порядок свои внутренние дела. В октябре 2001 года парламент Турции принял 34 конституционные поправки, чтобы обеспечить соответствие конституции страны стандартам ЕС. С тех пор были осуществлены и другие крупные изменения. Если бы в Европейском Союзе придерживались более широкого стратегического подхода, то его участники поняли бы колоссальные выгоды для обеих сторон от скорейшего, а не отложенного вовлечения Турции в

орбиту ЕС. Это также продемонстрировало бы миру, что современное и демократичное мусульманское общество может быть тепло воспринято Западом.

Интересны возможности Туниса (6090 долларов) и Марокко (3410 долларов). В Тунисе правит диктатура, а в Марокко – монархия, но в обоих случаях предпринимались некоторые шаги по либерализации существующей системы, особенно в экономическом отношении. Президент Туниса Зин Эль-Абидин Бен Али уже второй десяток лет управляет государством твердой рукой, практически не допуская политической открытости или даже заметного продвижения к правовой реформе. Тем не менее, в стране наблюдается впечатляющий экономический рост. По некоторым оценкам, численность тунисского среднего класса выросла почти в десять раз; сейчас к нему относится более половины всего населения. Подобные экономические трансформации не могут не повлиять на сферы законодательства, въезда–выезда и информации, однако до сих пор прогресс невелик. В Марокко ситуация еще хуже: там больше разговоров, чем действий. Король Мухаммед VI унаследовал от своего отца Хасана II почти средневековую структуру политической власти. Молодой король произвел большое впечатление своими речами, призывая к хозяйственной реформе, верховенству права, предоставлению равных прав женщинам и большим свободам – всем своим подданным. Однако за три года его правления мало что изменилось. И все же Тунис и Марокко – это довольно открытые общества, если сравнивать их с остальным арабским миром. Если бы они сумели либерализовать свою экономику, а затем и политику, то весь мир получил бы мощный сигнал о том, что ни одна культура, религия или территория не способна противостоять демократии.

Процесс неостановим

В течение следующих нескольких десятилетий наиболее важная проверка взаимосвязи между капитализмом и демократией будет проходить в Китае. В средствах массовой информации китайских правителей иногда изображают в весь-

ма зловещем виде. Некоторые политики и комментаторы прибегают для их описания к таким выражениям, как «пекинские мясники». Для этого действительно имеются некоторые основания: события на площади Тяньаньмэнь представляли собой жестокую бойню. Однако правильное видеть в правящей верхушке КНР нервных аппаратчиков, пугливо озирающихся вокруг и пытающихся реформировать самую многонаселенную страну мира, продолжая при этом держаться за власть. Если дела пойдут хорошо, их станут уважать как строителей индустриальной державы мирового значения. Если же эксперимент закончится скверно, их убьют или им придется бежать в Монголию.

«Эксперимент» состоит в попытке китайских лидеров модернизировать страну, открыв ее экономику, но сохранив под своим контролем политику. Было бы слишком просто изображать это в карикатурном виде как попытку привить капитализм фашистскому государству. Руководители страны знают, что для формирования капитализма совершенно недостаточно перемен в хозяйстве. Поэтому они пошли также на серьезные реформы административной и правовой систем. Дискуссия о том, как наилучшим образом либерализовать систему, идет в КНР достаточно вольно и открыто. Режим даже ввел свободные выборы в некоторых деревнях и разрешил предпринимателям вступать в коммунистическую партию. Тем не менее, политическая система все еще плотно контролируется властями, жестко подавляющими всякое инакомыслие. Китайские правители полагают, что преждевременная демократизация столь огромной, бедной и многообразной страны вызовет хаос. Есть у них и более эгоистические мотивы: при таком развитии событий коммунистическая партия потеряла бы полную монополию на власть.

Экономические результаты реформ в КНР потрясают воображение. За период 1980–2000 годов среднедушевой доход вырос в стране с 1394 до 3976 долларов, то есть почти утроился. Около 170 миллионов человек вышли из состояния нищеты. Экспорт из динамично развивающихся прибрежных провинций стремительно увеличивался. В 1981 году Шэньчжэнь продал товаров на сумму в 17 миллионов долларов; через де-

сять лет эта цифра составила 5,9 миллиардов долларов; сегодня она перевалила за 30 миллиардов. Выросли иностранные инвестиции в эти районы. Остальные перемены не столь впечатляют. На долю крупных предприятий, находящихся в собственности государства, по-прежнему приходится почти половина производимой в КНР промышленной продукции (хотя этот показатель заметно меньше, чем 80 процентов в 1980-м году, и продолжает быстро падать). Земельная реформа существенно замедлилась. Но если сохранятся основные нынешние тенденции, то в следующую пару десятилетий миру явится процветающая страна с рыночным хозяйством, интегрированным в глобальную экономику. Для Китая это будет потрясающая перемена. Чтобы выполнить договоренности с Всемирной торговой организацией (ВТО), режиму придется обеспечить прозрачность, отчетность и рыночную дисциплину на гигантских пространствах национального хозяйства. Вступление КНР в ВТО поведет к постепенным изменениям, но их результаты будут иметь сейсмический масштаб.

Кое-кто соглашается с тем, что китайская трансформация впечатляет, но видит в ней доказательство как раз того, что экономическая либерализация не ведет к политическим изменениям: ведь коммунисты по-прежнему у руля. Но Китай пока остается относительно бедной страной «третьего мира», и буржуазия там весьма малочисленна. Кроме того, поскольку страна все еще управляется совершенно недемократическим образом, легко пройти мимо огромных политических и социальных перемен, которые там уже произошли. В первое десятилетие экономической реформы (приблизительно с 1979 по 1989 год) наблюдался быстрый рост политического инакомыслия. Движение «демократическая стена», начавшись в Пекине, распространилось более чем в 20 городах и в момент своего наивысшего подъема выпустило более 40 публикаций диссидентского характера. В ноябре 1987 года коммунистический премьер Чжао Цзыян даже намеревался придать легитимность политической оппозиции, утверждая в своем известном докладе на XIII съезде Коммунистической партии Китая, что центральными задачами съезда являются ускорение и углубление экономической и политической реформы. Он сфор-

мулировал цель партии как «превращение КНР в процветающую, сильную, демократическую, культурно развитую и современную социалистическую страну» (курсив мой. — Ф.З.). По его словам, у разных групп населения могут быть неодинаковые интересы и точки зрения, и всем им нужны возможности и каналы для обмена идеями.

К концу 1980-х годов стремительно нарастали экономические успехи и политическое инакомыслие. Отчасти из-за недостатков в управлении, отчасти из-за коррупции экономика, подобно пружине, вырвалась из-под контроля. В 1988 году инфляция подскочила с 8 до 18 процентов. Политическая критика режима заметно интенсифицировалась, кроме того расширилась база такой критики. Протестующих начали поддерживать даже лидеры частного бизнеса. Когда в апреле 1989 года умер фактический лидер оппозиционного движения, руководитель либерального крыла партии Ху Яобан, его похороны открыли серию демонстраций и сидячих забастовок. Спустя два месяца они закончились залпами выстрелов, когда китайские войска выдвинулись на площадь Тяньаньмэнь и, применив танки, пули и слезоточивый газ, разогнали демонстрантов. Политический прорыв, за который ратовали Ху и Чжао, не состоялся, а Чжао был удален от руководства.

После приличествующей ситуации паузы экономические реформы продолжились. В Шанхае и Шэньчжэне в 1990 и 1991 годах, соответственно, были открыты фондовые биржи. Обменный курс юаня стал более чувствителен к воздействию международного рынка. Еще больше смягчились законы об иностранных инвестициях, что привело к новому притоку средств из-за рубежа. В 1992 году верховный лидер Китая Дэн Сяопин посетил предпринимательские прибрежные регионы Гуанчжоу и Шэньчжэнь и благословил проводимую там политику рыночных реформ. С тех пор сопротивление им затухло. Китай продолжает сокращать власть и роль государства в экономике и интегрироваться в мировые рынки, подчиняясь их правилам и предписаниям. В политической же сфере изменений меньше, хотя власть открыто приветствует новый деловой класс и приняла его в свой круг. Кроме того, КНР подписала международные соглашения по социальным, экономичес-

ким, культурным, гражданским и политическим правам. Конечно, все это только обещания на бумаге. Но точно так же, как присоединение к Хельсинкскому Заключительному акту в определенной мере повлияло на политику Советского Союза, так и эти договоры, вне всякого сомнения, несколько ограничат свободу действий китайского режима.

Хотя может показаться, что в последние годы политическое инакомыслие в Китае притихло, многие специалисты полагают, что оно получает новые формы выражения в правовых и административных атаках на правящий истеблишмент. Здесь, как и в Восточной Азии, стремление режима модернизировать экономику имеет непреднамеренные политические последствия. Например, чтобы выполнить договоренности по ВТО, китайские власти провели широкие реформы законодательства, обеспечившие большие хозяйственные и гражданские права. В результате получило распространение решение спорных вопросов, в том числе административного характера, в судах. Китайские граждане выступают с судебными исками против правительства – и выигрывают – в рекордных масштабах (в 1997 году состоялось 90557 судебных дел такого рода, а в 1984 году – ни одного). Гарвардский специалист по законодательству КНР Уильям Элфорд, часто скептически высказывающийся по поводу проводимых в стране политических преобразований, следующим образом объясняет непредумышленные последствия китайской юридической реформы:

С помощью новых законов режим не только обеспечил правовым, моральным и политическим словарем всех тех, кто хочет выразить свои претензии и призвать власть имущих к ответу. Он также предоставил этим лицам своеобразную платформу, с которой их интересы могут быть транслированы. Стремясь обеспечить формальную законность в абсолютно технических целях, режим нечаянно вручил своим оппонентам остро заточенный инструмент, позволяющий им решать свои собственные задачи, часто весьма отличные от государственных.

Диссидент-ветеран Сюй Вэньли согласен с таким анализом. По его словам, отныне оппозиционное движение должно быть «открытым и действовать в согласии с конституцией КНР».

Когда речь идет об инакомыслии в Китае, легко поверить, что расширение демократии означало бы и большую свободу. Фактически же в краткосрочной перспективе все обстоит наоборот. По многим важным вопросам правительство страны более либерально, нежели ее народ. Когда в марте 2001 года Пекин заставил приземлиться на своей территории сбившийся с курса американский разведывательный самолет, США были взбешены тем, что китайские власти столь требовательны в своих переговорах с Вашингтоном. Между тем, насколько известно, общественность Китая считала, что правительство проявило излишнюю мягкость к американцам. По широкому кругу вопросов, начиная с правопорядка и заканчивая позицией в отношении Тайваня, Японии и Соединенных Штатов, пекинский режим настроен менее популистски, агрессивно и нетерпимо, чем китайский народ.

Конечно, высказать общественное мнение в Китае весьма затруднительно. В конечном счете, приходится уповать на немногочисленные опросы, санкционированные правительством, всплески общественных суждений в интернет-чатах, адекватность освещения происходящего в иностранных газетах и другие подобные источники. Тем не менее, показателен тот факт, что все импульсы идут в одном и том же направлении. Вероятно, в данном отношении КНР повторяет модель, уже имевшую место в истории. Подобно сегодняшнему Китаю, на рубеже XIX–XX веков Германия, Австро-Венгрия и другие отстававшие в деле модернизации страны оказались в своего рода ловушке, имея, с одной стороны, недостаточно либерализованные политические режимы, а с другой – мощные массовые движения ультранационалистического, фашистского и коммунистического (то есть, в конечном счете, антилиберального) толка. Это позволяет полагать, что нынешнему пекинскому режиму не следует подавлять инакомыслие или замедлять политическую реформу. Напротив, только правовые, социальные и политические преобразования позволят китайским руководителям справиться с нынешним неустойчивым внутривнутриполитическим положением страны. Но они поступят правильно, если будут проводить либерализацию осторожно и постепенно.

Представители китайской коммунистической элиты – как и все проводившие модернизацию автократы до них – надеются, что смогут справиться с ситуацией, балансируя между экономической либерализацией и политическим контролем. Образцом для них служит бывший премьер-министр Сингапура Ли Куань Ю. Он осуществил мечту всех диктаторов: модернизировал экономику и даже общество своей страны, но не ее политику. Все проводившие либерализацию автократы надеялись, что, подобно ему, смогут создать современные общества, отложив на потом демократию. Но это нереально.

За исключением нефтедобывающих государств Персидского залива, единственная недемократическая страна с ВВП на душу населения свыше 10000 долларов – Сингапур (среднедушевой доход составляет там 26500 долларов). Это небольшой город-государство, живущий в тени крупных соседей и имеющий поразительно мудрое политическое руководство. Сингапур составляет очевидное исключение из общего правила, но это не может продлиться долго. Здесь уже наличествуют сильные элементы конституционного либерализма наряду с полной энергией свободной экономикой, а собственность, свобода вероисповедания, передвижения и прочие права надежно защищены. Страна открыта миру. (Даже абсурдные запреты на некоторые иностранные газеты уходят в прошлое благодаря неограниченному доступу к интернету.) Ее народ образован, космополитичен и хорошо информирован о положении дел на планете. Неудивительно, что Всемирный экономический форум и другие независимые организации регулярно называют Сингапур в числе наиболее свободных в экономическом отношении стран мира, где административная система отличается наименьшей коррумпированностью. В то же время свобода прессы там ограничена, еще более ограничена политическая оппозиция, а свободные выборы не проводятся. Всякий, кто посетит Сингапур, может увидеть происходящие там перемены. Молодое поколение сингапурцев все менее склонно мириться с закрытостью политической системы, и даже люди более солидного возраста согласны с тем, что система будет более открытой. Если премьерники Ли Куань Ю в течение следующих 15 лет модернизи-

руют страну на своих условиях, у них будет шанс сохранить власть и политическую опору. В противном случае они, скорее всего, потеряют бразды правления в результате резких перемен. Но, так или иначе, менее чем за одно поколение Сингапур станет полноценной либеральной демократией.

В Европе большинство автократов, занимавшихся либерализацией, плохо кончили. Их лишали постов и даже казнили после проигрыша в войне или периода депрессии (иногда в результате того и другого). Войны и экономические кризисы зачастую выполняли полезную функцию: они сметали прежние режимы. Первая мировая война дискредитировала многие из правящих монархий Европы, а Вторая – отправила на свалку истории фашистов. В Восточной Азии подобный процесс проходил в более мягких формах. Роль, которую в Европе сыграли войны, там исполняли экономические спады. В Южной Корее крупные экономические неурядицы середины 1980-х годов поколебали военную хунту, которая так и не сумела восстановить свою силу. Президент Сухарто в Индонезии и прежние правящие элиты в Таиланде потеряли власть после того, как не справились с азиатским финансовым кризисом 1998 года. Вполне вероятно, что если бы через столь же крупномасштабные экономические потрясения пришлось пройти Китаю, легитимность коммунистической партии оказалась бы под вопросом. Автократам, проводящим модернизацию, уготована библейская роль. Подобно Моисею, они ведут свои страны вперед, но им самим редко удастся добраться до земли обетованной.

Китайским коммунистам следует перечитать столь почитаемого ими Карла Маркса. Он понимал, что когда в стране модернизируется хозяйство, укрепляется капитализм и нарождается буржуазия, неизбежна и трансформация политической системы. По терминологии Маркса, изменения в базисе всегда ведут к изменениям в надстройке. Каковы бы ни были намерения его правителей, Срединное царство вступило на путь, который приведет или к демократии, или к хаосу. Каким будет результат, зависит от пекинских лидеров. Примут ли они новые реалии и допустят, чтобы экономическая либерализация привела к политической либерализации (как это сделали

другие автократические руководители Восточной Азии)? Или же они предпочтут бороться до конца, отчаянно цепляясь за бразды правления? Не будет преувеличением сказать, что от этого зависит будущее мира и свободы в Азии, а фактически – и во всем мире.

3

Нелиберальная демократия

Образ, символизирующий смерть советского коммунизма, – это Борис Ельцин, стоящий на броне танка. Утром 19 августа 1991 года часть членов Политбюро объявила о введении в СССР чрезвычайного положения. Самопровозглашенный Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) поместил генерального секретаря коммунистической партии Михаила Горбачева под домашний арест, вывел войска на улицы для поддержания порядка и заявил об отказе от либеральных реформ, инициированных Горбачевым. Комиссары вполне могли добиться успеха в восстановлении в Советском Союзе диктатуры. Однако им дал отпор Ельцин, незадолго до этого подавляющим большинством голосов избранный президентом России. Он осудил переворот, призвал россиян к сопротивлению и убедил солдат не подчиняться приказам ГКЧП. Продемонстрировав и чрезвычайное мужество, и талант к политическому лицедейству, он приблизился к войскам, окружившим «Белый дом» – выложенное мрамором здание Парламента России, залез на танк, пожал руки ошеломленным танкистам и провел пресс-конференцию. Остальное в буквальном смысле слова стало историей.

Для России то был великий момент. Однако трагедию российской демократии можно было предвидеть уже в кульминационный момент ее триумфа. Взобравшись на танк, Ельцин фактически стал зачитывать декреты, то есть произвольные президентские указы, которые потом составят отличительный признак восьми лет его правления. В августе 1991 года (и затем вновь в 1993 году, когда он распустил законодательную

власть и ввел новую Конституцию) Ельцин боролся за выживание хрупкой демократии с ее коммунистическими душителями. Однако затем правление с помощью декретов превратилось в стандартную рабочую процедуру. Сталкиваясь с трудными проблемами, Ельцин не стремился решать их политическими средствами путем мобилизации своих сторонников; не шел он и на компромиссы. Вместо этого он регулярно выпускал президентские указы (порой весьма сомнительной легитимности), используя свою власть и популярность, но не прибегая к нормальной политической практике взаимных уступок. Когда региональные власти начали оказывать ему сопротивление, он распустил всю систему управления на местах. Когда губернаторы проявляли неповиновение, он их увольнял. Когда же Конституционный суд России подверг сомнению один из его декретов, Ельцин отказался выполнить судебное постановление, а потом лишил председателя суда зарплаты, вынудив того от безысходности подать в отставку. Ельцин мало почитал политические институты страны, за исключением одного – своего собственного поста. Каждым своим шагом он ослаблял законодательную и судебную ветви власти. Он продолжал жестокую войну в Чечне, игнорировал рутинные процессы консультаций, не говоря уже о системе сдержек и противовесов. В последние месяцы своего пребывания в должности он сделал то, что историк Ричард Пайпс (активно высказывавшийся в пользу Ельцина) назвал «государственным переворотом»: президент добровольно ушел в отставку за шесть месяцев до запланированных выборов, назначив исполнять соответствующие обязанности своего премьер-министра Владимира Путина. Тем самым приближавшиеся выборы утратили всякий смысл. Они стали подтверждением передачи власти, а не реальным соревнованием претендентов на этот пост. Путин участвовал в выборах в качестве действующего главы государства, располагающего авторитетом и властью (и, к тому же, ведущего войну), а его соперники представляли собой горстку политических фигляров.

К концу властвования Ельцина на него как в собственной стране, так и в большей части остального мира смотрели как на фигуру из прошлого. Переменчивый, стареющий, нездоровый,

часто нетрезвый – он выглядел политическим ископаемым. Но нельзя исключать, что на самом деле Ельцин был провозвестником будущего, политическим лидером того типа, что получает все большее распространение, а именно – популярным деспотом. Со времен падения коммунизма во многих странах мира сложились режимы типа российского, в которых перемешаны выборность и авторитаризм, а именно – нелиберальные демократии.

Российский «откат»

Россия и КНР – две наиболее важные страны мира, не относящиеся к числу либеральных демократий. Их попытки найти себе подходящие политические и экономические системы имеют огромное значение для всей планеты. Если бы обе они стали либеральными демократиями в западном духе, то во всех крупных державах возобладали бы стабильные режимы, управляемые на основе народного согласия и верховенства права. Конечно, это не принесло бы вечного мира; не исчезло бы и международное соперничество. Но вполне вероятно, что обстановка на планете стала бы более благодатной. К сожалению, эти государства движутся пока несколько иными путями. В Китае предприняты реформы в экономике и очень медленно преобразуются другие стороны правовой и административной системы, но крайне мало сделано с точки зрения демократизации. Россия, напротив, сначала предприняла крайне неспешные шаги по политическому реформированию. При Горбачеве гласности (политической открытости) было больше, нежели перестройки (экономической реорганизации). Отринув коммунизм, Россия быстро пошла на свободные и справедливые выборы в надежде, что они породят либеральную демократию западного толка. В начале 1990-х годов был также инициирован ряд экономических реформ с расчетом, что они приведут к капитализму «как на Западе»; но большая часть из них не удалась. Если представить ситуацию упрощенно, то Китай взялся переустраивать экономику до политической реорганизации, а Россия поступила прямо противоположным образом.

Сегодня Россия представляет собой более свободное государство, чем КНР; в ней лучше обеспечены права личности и свобода прессы; ее экономика теоретически более открыта для конкуренции и иностранных инвестиций. Китай же остается закрытым обществом, где правит коммунистическая партия; однако по некоторым направлениям, прежде всего – хозяйственному и правовому, здесь происходит быстрая либерализация. Какая же из этих стран в конечном итоге окажется на более прямой дороге к либеральной демократии? Если ключом к поддержанию демократии являются экономическое развитие и наличие среднего класса, то Китай движется в правильном направлении. Его хозяйство за последние 25 лет продемонстрировало поразительный рост. Валовой национальный продукт России, напротив, сократился с 1991 года почти на 40 процентов и начал восстанавливаться только в последние годы, в основном – из-за повышения цен на нефть. Если КНР будет продолжать идти по нынешнему пути и развиваться прежними темпами, если там получит дальнейшее развитие верховенство закона, если укрепится буржуазия, а затем будет либерализована вся политика (правда, все это весьма существенные «если»), то в стране произойдет небывалый переход к подлинной демократии.

Если же Россия продолжит идти по *своему* пути (а это тоже важное «если»), скатываясь к выборной автократии, при которой свободы, гарантированные в теории, будет все чаще нарушаться на практике, а коррупция встроена во всю политико-экономическую систему, то страна вполне может остаться демократической, но нелиберальной. Возможно, здесь сформируется нечто подобное режимам, преобладавшим в Латинской Америке в 1960–1970-е годы: квазикапиталистическим и основанным на альянсе нескольких правящих элит. В Латинской Америке такого рода смычка сложилась между крупным бизнесом и военными; в России речь идет об альянсе между олигархами и прежней коммунистической элитой. Подобные режимы установились почти на всей территории бывшего Советского Союза – в Средней Азии, Белоруссии, Украине, за исключением трех государств Балтии.

Россия, осознано или нет, движется вопреки двум основ-

ным урокам, которые можно извлечь из исторического опыта демократизации. Они гласят: делайте упор на реальное хозяйственное развитие и стройте эффективные политические институты. Москва отстает и в том, и в другом.

Основополагающая проблема модернизации России состоит не в ее бедности, а, скорее, в богатстве. Школьников в советскую эпоху учили, что они живут в богатейшей стране мира. В данном случае коммунистическая пропаганда не лгала. Если бы мерилom национального богатства были природные ресурсы, то Россия с ее огромными запасами нефти, природного газа, бриллиантов, никеля и других минералов, возможно, возглавляла бы список наиболее развитых стран планеты. Эти ресурсы продлили жизнь советского коммунизма на целое поколение, но они же способствовали формированию неэффективного государства.

В стране советской коммунистической утопии государству не нужны были налоговые поступления, поскольку оно владело всем хозяйством целиком. К 1970-м годам большая часть обрабатывающей промышленности оказалась никуда не годной. Фактически, в процессе производства стоимость продукции зачастую не возрастала, а снижалась, то есть сырье имело большую ценность, нежели изготовленный из него конечный продукт. При финансировании своих расходов советское государство почти полностью полагалось на доходы от продажи природных ресурсов. Поэтому, в отличие от диктатур в Южной Корее и на Тайване, оно никогда не задавало правил и не вырабатывало политики, облегчающей экономический рост. Богатые режимы с ущербной легитимностью нередко подкупают граждан разными поблажками, чтобы те не роптали (например, в Саудовской Аравии). А Советский Союз терроризировал собственное население. Москва отнюдь не намеревалась передать ресурсы гражданам, поскольку имела куда более грандиозные планы по их расходованию – такие как содержание огромного военного истеблишмента и помощь своим союзникам в «третьем мире». Когда советский коммунизм рухнул, преемники Горбачева унаследовали государство, достаточно сильное, чтобы устрашать собственный народ, но слишком слабое, чтобы управлять современной экономикой.

К несчастью, Ельцин усугубил сложности российского политического развития. Сторонники оправдывали его деспотические действия, указывая, причем справедливо, что президент боролся с глубоко окопавшимися и опасными антидемократическими силами. Однако политический лидер должен не столько разрушать, сколько созидать. Джавахарлал Неру боролся против британских колониальных властей и провел за это почти 13 лет в тюрьме; однако в качестве премьер-министра независимой Индии он еще долгие годы сохранял созданные теми политические институты. Нельсон Мандела возглавлял радикальное и яростное сопротивление апартеиду, а придя к власти, протянул руку белому населению Южной Африки, чтобы создать многорасовую страну.

В отличие от Неру и Манделы, Ельцин мало что сделал для выстраивания в России политических институтов. Фактически, он активно содействовал ослаблению почти всех концентрирующих ему центров власти – судов, губернаторов и законодательных органов. Конституция 1993 года, которую он оставил России, – это настоящее бедствие. Она породила слабый парламент, зависимую судебную власть и президентство вне всякого контроля. Особенно прискорбно то, что Ельцин не основал политической партии. Он легко мог осуществить это, объединив все реформистские силы страны. Такой шаг, как никакой другой, гарантировал бы, что российская демократия получит развитие и станет подлинной. Но Ельцин не сделал ничего подобного. А ведь партии – это механизм, посредством которого люди в современных обществах выражают, согласовывают и утверждают свои нравственные и политические ценности. Историк американской демократии Клинтон Росситер написал однажды: «Нет Америки без демократии, демократии без политики, политики без партий». Его утверждение справедливо применительно к любой стране. Без партий политика становится игрой отдельных личностей, групп интересов и диктаторов. Это вполне подходит к описанию российской демократии.

Путин развил главное, что унаследовал от Ельцина, – институт суперпрезидентства, а не либеральные реформы. В первый же год своего пребывания у власти Путин перераспреде-

лил власть в России в свою пользу. Главными объектами его наступления стали губернаторы, которых он фактически лишил полномочий, назначив семерых своих представителей надзирать за 89 регионами. Кроме того, он удалил губернаторов из верхней палаты Федерального Собрания. Их место заняли законодатели, отбираемые Кремлем. Более того, любой губернатор теперь может быть смещен, если президент сочтет, что тот нарушил закон. Путин также убедил Государственную Думу принять законодательство, сократившее налоговые поступления, приходящиеся на долю регионов. Другими мишенями для Путина стали средства массовой информации и пресловутые российские олигархи, которым он стал угрожать проверками, арестами и тюремным заключением. Такая стратегия запугивания дала свои результаты. Свободы прессы в России практически больше существует. В апреле 2000 года консорциум, связанный с Кремлем, захватил последнюю общенациональную независимую телекомпанию НТВ, уволив большую часть ее ведущих сотрудников. Когда же уволенные журналисты попытались найти пристанище на другом телеканале, находившемся в собственности основателя НТВ В. Гусинского, на их нового нанимателя тотчас же ополчились налоговые органы. Печатные средства массовой информации пока остаются номинально независимыми, но теперь по всем вопросам они строго придерживаются правительственной линии¹.

Действуя подобным образом, Путин реализует волю своего электората. Как следует из результатов опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2000 году, 57 процентов россиян одобрило введенную президентом цензуру в средствах массовой информации. Еще большее количество респондентов поддержало его нападки на олигархов, многие из которых считаются весьма темными личностями. Российские олигархи обрели богатство, используя нечистоплотные средства, и наращивают его еще более сомнительными способами. Губернаторами нередко являются люди, чрезвычайно предрасположенные к коррупции. Но когда Путин натравливает спецслужбы на бизнесменов и политиков, которые не нравятся лично ему, он тем самым подрывает принцип верхо-

венства закона. Один мелкий олигарх (с достаточно приличной репутацией) однажды рассказывал мне в Москве: «Каждый из нас нарушил тот или иной закон. В России иначе невозможно заниматься бизнесом. Путину это известно. Поэтому глупо говорить, будто он всего лишь проводит в жизнь законы. Он использует их избирательно в политических целях». Применение закона в качестве политического орудия извращает идею равенства всех перед законом.

Еще важнее долговременные последствия того, как Путин «снимает стружку» со своих противников. Плюрализм опирается на соревнующиеся между собой центры силы. Один из немногочисленных либералов в российском парламенте В. Рыжков проводит наглядное сопоставление с прошлым Европы: «Графы и бароны, боровшиеся с королевской властью, вряд ли сами были добродетельными людьми. Однако они сдерживали короля. Проблему в России в случае успеха линии Путина составляет то, что не останется абсолютно никого, кто мог бы сдерживать Кремль. Нам снова остается лишь верить в доброго царя»². Путин – хороший царь. Он хочет построить современную Россию. Он верит, что России нужны порядок и эффективно функционирующее государство, чтобы либерализовать ее экономику. В случае успеха Путин мог бы помочь России стать нормальной промышленно развитой страной с некоторыми из черт либерализма, подразумеваемыми таким статусом. «В начале 1990-х годов образцом для России служила посткоммунистическая Польша. Теперь таким примером служит Чили времен Пиночета», – говорит Рыжков. Модель Пиночета, конечно, возможна; ведь в конечном итоге он привел свою страну к либеральной демократии.

Вместе с тем странно выглядит аргументация в пользу российского пути к демократии, когда лидер громит оппозицию, затыкает рты средствам массовой информации и запрещает политические партии, а затем путем декретов либерализует экономику, – и это со временем якобы может обеспечить подлинную демократию. Получается, что нелиберальная демократия хороша тем, что может случайно породить либерального автократа, а тот, возможно, когда-нибудь приведет свою страну к подлинной либеральной демократии. Это аргумент в

пользу либеральных деспотов, но не демократии. К сожалению, сохраняется вероятность того, что Путин (а скорее всего, один из его преемников) окажется злым царем и применит свою гигантскую власть в менее благородных целях. Такое уже не раз бывало в прошлом.

Ложный путь

Российский путь не нов. В последние два десятилетия в Африке, а также в отдельных странах Азии и Латинской Америки к демократии перешли диктатуры, не имевшие возможности опереться на конституционный либерализм или капитализм (то есть – использовать западную или восточноазиатскую модель). Результаты не вдохновляют. В 1993 году один из ведущих специалистов по вопросам демократизации Ларри Даймонд из Стэнфордского университета исследовал ситуацию в государствах Западного полушария, где выборы проводились везде, кроме Кубы. Он установил, что в 10 из 22 основных латиноамериканских государств «размах нарушений прав человека не совместим с укреплением [либеральной] демократии». С тех пор, за несколькими существенными исключениями (такими как Бразилия), положение лишь ухудшилось.

Рассмотрим пример с Уго Чавесом в Венесуэле. Этого армейского полковника уволили со службы и заключили в тюрьму за участие в провалившемся государственном перевороте 1992 года. Спустя шесть лет, он выставил свою кандидатуру на президентских выборах и был избран, получив солидные 56 процентов голосов. Он предложил крайне популистскую платформу: провести референдум, который отменил бы конституцию Венесуэлы, лишил бы полномочий законодательную и судебную власть, а также поставил бы правительство под контроль «учредительного собрания». На референдуме его предложение было принято 92 процентами голосов. Через три месяца его партия получила 92 процента мест в новом собрании. Предложенная им конституция продлила президентский срок на год, сделала возможным непрерывное повторное президентство, устранила одну из палат парламента, сократила гражданский контроль над армией, усилила роль государства

в экономике, а также позволила учредительному собранию отправлять в отставку судей. «Мы движемся к катастрофе, – предупреждал Хорхе Олаварриа, многолетний член парламента и бывший сторонник Чавеса. – Эта конституция отбросит нас на 100 лет назад, а военные станут вооруженным крылом политического движения»³. Новая конституция была принята в декабре 1999 года 71 процентом голосов. Несмотря на тот факт, что в первые несколько лет пребывания Чавеса у власти Венесуэла пережила суровые испытания в экономике, показатели его поддержки в обществе никогда не опускались ниже 65 процентов.

К началу 2002 года удача как будто бы начала ему изменять. Общественное недовольство его удушающим правлением и плачевная хозяйственная ситуация породили массовый протест. Армейская и деловая элиты организовали заговор, и в марте 2002 года Чавес был смещен с поста – но всего на два дня. Будучи весьма изощренным в организации «народного правления», Чавес благополучно вернулся к власти в течение недели. Этому способствовал тот факт, что заговор против него имел вопиюще недемократический характер.

Венесуэла отмечена характерным знаком дисфункциональности демократии, а именно – избытком природных ресурсов; в частности, она обладает крупнейшими запасами нефти за пределами Ближнего Востока. Отсюда – дурное управление в экономике, коррупция в политике и институциональный упадок. Четверо из пяти венесуэльцев живут ниже черты бедности в стране, 20 лет назад отличавшейся практически наивысшими стандартами жизни в Латинской Америке. В некоторых отношениях эта страна была готова к революции. Но взамен она получила нового каудильо, диктатора, утверждающего, что защищает государство от остального мира (что, как водится, подразумевает Соединенные Штаты). Вот почему Чавес выражал свое восхищение Фиделем Кастро, Саддамом Хусейном и даже эксцентричным Муаммаром Каддафи. Еще опаснее то, что Чавес воплощает собой не умирающую в Латинской Америке надежду на то, что конструктивные перемены придут не в форме плюралистической политической системы, в которой масса политических партий и групп инте-

ресов усердно заняты нудным делом постепенного реформирования, а в образе некоего нового мессианского лидера, который выметет прочь осколки прошлого и начнет все сначала. За последние несколько лет такие ожидания распространились по всему Андскому региону. Они только усилятся, если в Латинской Америке продлятся экономические трудности.

В Африке прошедшее десятилетие принесло сплошные разочарования. С 1990 года выборы с участием нескольких партий прошли в 48 африканских странах к югу от Сахары. Это породило надежду, что Африка, наконец, сможет избавиться от репутации континента нечистых на руку деспотов и свирепствующей коррупции. «Нью-Йорк таймс» как-то сравнила эту череду выборов с преобразованиями в Восточной Европе после падения коммунизма⁴. Но такая аналогия оказалась весьма обманчивой. Хотя демократия так или иначе приоткрыла африканскую политику и принесла людям свободу, она также создала хаос и нестабильность. Вследствие этого во многих странах коррупция и беззаконие лишь усилились. Один из самых дотошных специалистов по Африке Майкл Чиг исследовал волну демократизации 1990-х годов и пришел к выводу, что на этом континенте «многопартийности выборов придавалось чрезмерное значение, ... а базовые принципы либерального правления, наоборот, игнорировались»⁵. Добиться соблюдения таких принципов будет нелегко, поскольку большая часть континента неразвита в хозяйственном и конституционном плане. Нельзя считать случайным то обстоятельство, что в двух африканских странах, далее других продвинувшихся по пути к либеральной демократии, а именно – в Южно-Африканской Республике и Ботсване, доходы на душу населения находятся выше «зоны перехода к демократии» (от 3000 до 6000 долларов). В ЮАР соответствующий показатель равен 8500, а в Ботсване – 6600 долларам. В обоих случаях он искусственно завышен благодаря богатой природно-ресурсной базе. Все сказанное отнюдь не означает, что под властью вороватых диктаторов дела в Африке шли лучше. Наоборот, это указывает на то, что эффективное управление необходимо ей в большей мере, нежели демократия. Можно назвать некоторые поразительные примеры успеха, например, Мозамбик.

Там закончилась длившаяся 16 лет гражданская война, и теперь это хорошо функционирующая демократия с рыночной экономикой. Однако при создании эффективного управления Мозамбик получил огромную помощь от мирового сообщества и Организации Объединенных Наций, что вряд ли повторится в отношении остальных африканских стран.

В Центральной Азии, даже когда выборы проводились относительно свободно (как, например, в Киргизии), они привели к формированию сильной исполнительной власти, слабых парламентов и скудных гражданских и экономических свобод. В некоторых странах выборы не проводились вообще. Там бразды правления остаются в руках популярных в народе автократов. Так, в Азербайджане президент Гейдар Алиев (скончавшийся в 2003 году) был некогда главой местного КГБ и членом советского Политбюро. Он сместил своего предшественника в ходе переворота 1993 года; тем не менее, большинство серьезных наблюдателей за происходящим в данном регионе полагало, что в случае проведения свободных и справедливых выборов Алиев одержал бы на них победу⁶. Даже когда руководителями становятся герои, это мало что меняет. В Грузии у власти долгое время находился почтенный Эдуард Шеварднадзе. При Горбачеве он был министром иностранных дел СССР и активно выступал за реформы, сыграв свою роль в окончании «холодной войны». Однако на выборах он прибегал к мошенничеству в свою пользу (хотя, вероятно, выиграл бы и свободные выборы). Под его руководством в стране повсеместное распространение получила коррупция, а личные свободы оказались абсолютно незащищенными.

Конечно, нелиберальная демократия может представлять в разных обликах, от незначительных отступлений (как в Аргентине) до почти тиранических режимов (как в Казахстане). Такие страны, как Украина и Венесуэла, занимают положение где-то между этими двумя крайностями. В большей части этой группы стран выборы редко бывают столь же свободными и справедливыми, как сегодня на Западе. Тем не менее, налицо участие народа в политике и его поддержка тех, кого он избирает. В отдельных странах соотношение демок-

ратии и авторитаризма неодинаково (в России выборы все же более свободны, чем в большинстве других подобных стран), однако везде присутствуют эти два, казалось бы, несочетающихся элемента. Данные, позволяющие отдельно оценить демократические и конституционные достижения разных стран, свидетельствуют о явном подъеме нелиберальной демократии в последнее десятилетие. В 1990 году подобным образом можно было классифицировать только 22 процента стран мира; в 1992 году соответствующая цифра выросла до 35 процентов; к 1997 году она достигла пика – 50 процентов, а затем несколько снизилась. Как бы то ни было, на момент написания этих строк почти половина «демократизирующихся» стран мира представляют собой нелиберальные демократии.

Впрочем, некоторые называют такое состояние не более чем временной фазой, болезнью роста, которую должны пережить юные демократии. В лондонском журнале «Экономист» утверждалось, что конституционный либерализм «может скорее наступить в условиях демократии»⁷. Такая точка зрения весьма распространена, но верна ли она? Действительно ли выборы в таких районах мира, как Центральная Азия или Африка, ведут к раскрытию политического пространства страны, побуждая к более широким политическим, хозяйственным и правовым реформам? Или же подобные выборы обеспечивают лишь прикрытие для авторитаризма и популизма? Делать выводы преждевременно: ведь в большинстве случаев переходные процессы все еще продолжаются. Однако имеющиеся признаки не обнадеживают. Многие нелиберальные демократии (например, почти все в Центральной Азии) быстро превратились в жесткие диктатуры. Там выборы всего лишь легитимизируют захват власти. В других странах (например, во многих африканских) быстрый переход к демократии подорвал авторитет государства, породив региональные и этнические вызовы центральным правительствам. В третьих (таких как Венесуэла и Перу) сохраняется некоторый уровень подлинной демократии в сочетании со множеством нелиберальных пережитков. Наконец, есть страны (Хорватия и Словакия), где система нелиберальной демократии эволюционирует в сторону большего конституционализма и реформатор-

ства. Здесь демократический фактор сыграл принципиально важную роль в ускорении преобразований. Ведь именно демократии лучше любой иной формы правления удастся вышвырнуть прочь бездельников, обеспечив возможность для мирного перехода власти от старой гвардии к новому режиму. Однако отметим, что Хорватия и Словакия – европейские страны с относительно высоким доходом на душу населения (6698 и 9624 долларов, соответственно). В целом же, вне Европы нелиберальная демократия не показала себя действенным путем к демократии либеральной.

Рассмотрим ситуацию в Пакистане. В октябре 1999 года западный мир был в шоке, когда руководитель пакистанской армии генерал Первез Мушарраф сверг избранного в ходе свободных выборов премьер-министра Наваза Шарифа. Удивление было вызвано не переворотом как таковым – в Пакистане он был четвертым за последние четыре десятилетия, – а его поддержкой в широких массах. Большинство пакистанцев были рады покончить с 11 годами фальшивой демократии. В течение этого периода Шариф и его предшественница Беназир Бхутто злоупотребляли властью в корыстных целях, наполнили суды своими политическими приспешниками, отправляли в отставку местные администрации, позволили исламским фундаменталистам ввести в действие драконовские законы и расхищали государственные закрома. Заголовок очерка в одной из ведущих пакистанских газет в январе 1998 года наглядно отразил состояние страны: «Фашистская демократия: захвати власть – заткни рот оппозиции»⁸. В западных, особенно американских, газетах реакция была совершенно иной. Почти все с праведным негодованием осуждали переворот. В ходе президентской кампании 2000 года Джордж Буш признался, что не помнит имени нового пакистанского руководителя, но при этом заявил, что тот «принесет стабильность в данный регион». «Вашингтон пост» немедленно обвинила Буша в еретических высказываниях по поводу диктатора.

Спустя два года, когда трагические события 11 сентября 2001 года сказались в его пользу, Мушарраф встал на путь радикальной политической, социальной, образовательной и экономической реформы, которой не могли предвидеть даже его

сторонники. В самом Пакистане мало кто из избранных политиков поддерживал его шаги. Мушарраф смог реализовать свой курс именно потому, что ему не приходилось выдвигать свою кандидатуру на выборах и потворствовать интересам феодалов, исламских боевиков и местных вождей. Никакой гарантии, что диктатор Мушарраф поступит именно так, не существовало. Однако никто из избранных в Пакистане политиков не смог бы действовать столь же смело, решительно и эффективно, как он. Сейчас Мушарраф выглядит несколько более авторитарным и менее либеральным, чем на заре своего правления. Тем не менее, он по-прежнему твердо намерен модернизировать страну и придать ей светский характер, хотя и сталкивается с сопротивлением многих феодальных и религиозных групп пакистанского общества. Реформирование Пакистана как в экономическом, так и в политическом отношении – задача почти неосуществимая. Но, как и в случае с Россией, если Пакистан обретет подлинную либерализацию и даже демократию, это произойдет не благодаря нелиберальной демократии, а благодаря появлению либерально-го деспота.

Проблемы демократии

Нынешние опасения по поводу избранных автократов в России, Центральной Азии и Латинской Америке не вызвали бы удивления у либералов XIX столетия, подобных Джону Стюарту Миллю. Милль начал свой классический труд «О свободе», отметив, что по мере того, как страны обретают демократию, народы приходят к мысли, что «слишком большое значение придавалось ограничению [правительственной] власти как таковой. Это ... было реакцией на правителей, чьи интересы противоречили интересам народа». Когда же народ сам оказывался у руля, исчезала необходимость в осторожности: «Нацию не нужно защищать от ее собственных стремлений». Как бы в подтверждение опасений Милля, А. Лукашенко после своего избрания президентом Белоруссии подавляющим большинством голосов в ходе свободных выборов 1994 года на вопрос по поводу ограничения его власти ответил: «Дик-

татуры не будет. Я сам из народа и намерен действовать в его интересах».

Противоречие между конституционным либерализмом и демократией возникает по поводу объема правительственных полномочий. Конституционный либерализм предусматривает ограничение власти, а демократия – ее накопление и реализацию. По этой причине многие либералы XVIII и XIX веков считали демократию силой, способной подорвать свободу. Тенденция демократического правительства полагать, что его суверенитет (иначе говоря, власть) абсолютен, может привести к централизации власти, причем зачастую это достигается неконституционными средствами и ведет к печальным последствиям. В конечном счете получается нечто, мало отличающееся от диктатуры, хотя и при большей легитимности.

За последнее десятилетие избранные правительства, претендующие на то, чтобы представлять народ, стремительно вторглись в сферу полномочий и прав других элементов общества. Узурпация власти имеет как горизонтальное измерение (присвоение полномочий других ее ветвей), так и вертикальное (вторжение в сферу полномочий региональной и местной власти, а также частного бизнеса и других неправительственных групп, таких как пресса). Путин, Лукашенко и Чавес – это лишь отдельные образчики данного явления. Даже такой добросовестный реформатор, как бывший президент Аргентины Карлос Менем, за восемь лет пребывания у власти издал почти 300 президентских декретов, то есть примерно в три раза больше, чем все предыдущие аргентинские президенты, начиная с 1853 года. Президент Киргизии Аскар Акаев, избранный 60 процентами голосов, предложил, чтобы его полномочия были укреплены путем референдума, легко давшего искомый результат в 1996 году. В его власти теперь назначение всех высших должностных лиц, за исключением премьер-министра, но при этом президент вправе распустить парламент, если последний три раза отклонит его кандидатуры на данный пост.

Захват полномочий «по горизонтали» более очевиден, а «по вертикали» – чаще встречается. В последние три десятилетия в Индии и Пакистане избранные руководители неред-

ко распускали законодательные собрания штатов и провинций без убедительных оснований, вводя там прямое правление центрального правительства. Действуя менее радикальным, но столь же типичным образом, избранные власти Центрально-Африканской Республики покончили с давней традицией независимости национальной университетской системы, присоединив ее к центральному государственному аппарату. Широко распространенное применение сил безопасности для запугивания журналистов – от Перу до Украины и Филиппин – систематически ослабляет важнейший инструмент сдерживания произвола государственной власти. В Латинской Америке даже такой реформатор-демократ, каковым принято считать Альберто Толедо в Перу, нередко использует президентские полномочия для устрашения политических противников.

Узурпация власти – особенно частое явление в Латинской Америке и бывшем Советском Союзе. Возможно, это связано с тем, что в этих регионах мира государства основаны на президентских системах. Такие системы обладают тенденцией порождать руководителей, считающих, что говорят от имени народа – даже если их избрали лишь относительным большинством голосов. Как подчеркивал политолог Хуан Линц, в 1970 году Сальвадор Альенде был избран президентом Чили только 36 процентами голосов. При парламентской системе в подобной ситуации премьер-министру пришлось бы поделить власть в рамках коалиционного правительства. Президенты назначают в кабинет близких себе людей, а не руководителей политических партий, вследствие чего не хватает внутренних сдержек их власти. А когда их позиция расходится с мнением законодательного органа или даже суда, президенты имеют обыкновение «обращаться за поддержкой к народу», обходя стороной отчаянно скучные задачи ведения переговоров и выстраивания коалиций. Ученые спорят о сравнительных достоинствах президентской и парламентской форм правления. Конечно, узурпация может произойти при каждой из них, если отсутствуют хорошо развитые альтернативные центры власти, такие как сильная законодательная и судебная власть, политические партии и региональные правительства,

а также независимые университеты и средства массовой информации. В Латинской Америке многие страны фактически соединяют президентские системы с пропорциональным представительством, что порождает популистских лидеров и многопартийность. Подобная комбинация неустойчива.

Правительство, узурпирующее все полномочия, не способно сделать страну хорошо управляемой и стабильной. Сила исполнительной власти не тождественна ее эффективности; на деле одно даже может противоречить другому. В Африке она берет на себя очень многое, но неэффективна. А в Соединенных Штатах правительство имеет ограниченные prerogatives, и все же там можно говорить об очень действенном государстве. Путаница между двумя понятиями привела к тому, что многие западные политики и ученые стали одобрительно относиться к созданию сильных и централизованных государств в «третьем мире». Тамашние руководители утверждали, что власть нужна им для того, чтобы разрушить феодализм, расколоть ранее сформировавшиеся коалиции, преодолеть узкогрупповые интересы и обеспечить порядок в обществах, пребывающих в состоянии хаоса. Для таких забот есть известные основания, однако в результате легитимное правительство путают с всевластным правительством. Правительства, власть которых ограничена и которые потому воспринимаются как легитимные, как правило, способны поддерживать порядок и проводить жесткую политику – хотя и медленно, с помощью формирования коалиций. Ключевым тестом легитимности правительства является его способность собирать налоги, поскольку для этого требуются не крупные полицейские силы, а, скорее, добровольное подчинение законам. Нет такого правительства, которое имело бы в достатке полицейских сил, чтобы принудить людей платить налоги. Между тем в странах «третьего мира» показатели собираемости налогов крайне низки. Причина этого в том, что тамашним правителям – как и проводимой ими политике – не хватает легитимности.

В данном случае снова показателен пример России. После падения Советского Союза западные ученые и журналисты шумно выражали беспокойство в отношении слабости российского государства. В своем анализе они в основном исходили

из его неспособности собирать налоги. Однако правомерность подобного критерия сомнительна, так как российское государство никогда прежде не занималось сбором налогов. Таким образом, в постсоветскую эпоху ему пришлось решать, в числе прочих, и эту новую задачу. Фактически, по завершении эры советского коммунизма государство оставалось еще весьма сильным. Но оно было коррумпированным и многими воспринималось как нелегитимное. Сегодня, после нескольких лет стабильности и ряда важных реформ (проведенных при Путине), российское правительство собирает налоги примерно с тем же успехом, что и большинство европейских стран. Однако прежние академические стенания реально отразились на публичной политике. Западные государственные деятели проявляли излишнее «понимание» в отношении Ельцина, когда тот издавал разнообразные декреты и концентрировал власть в своих руках. Они верили ему, когда он заявлял, что центральное правительство находится в осаде и нуждается в помощи извне.

Путин положил конец академическим спорам, причем так, как это мог сделать только настоящий политик. За несколько месяцев, прошедших после инаугурации, он успешно восстановил верховенство Кремля над всеми конкурировавшими с ним центрами власти, продемонстрировав, что еще живы прежние советские институты. Если не хватало формальных средств, он использовал силу «убеждения». Законодатели и судьи, которые отказывались голосовать в соответствии с линией Кремля, не получали заработной платы и лишались привилегий (в России парламент не властен даже в отношении зарплаток собственных членов, не говоря уже о средствах, находящихся в распоряжении исполнительной власти). Это объясняет, почему верхняя палата парламента с готовностью проголосовала за сокращение своих полномочий и состава, что в политике происходит далеко не каждый день. Что касается налогов, то в 2000 году правительство собрало 100 процентов налоговых поступлений от запланированного. Оказывается, проблема России состояла не в слабости государства, а в немощи Ельцина. С активным и деятельным президентом вернулось «сильное правительство». Однако последствия этого мо-

гут оказаться неблагоприятными. Ослабление центральной власти было необходимо для устранения советского сверхгосударства.

Если ориентироваться на исторические прецеденты, то неконтролируемая централизация – враг либеральной демократии. По мере того, как в Европе в течение XIX века усиливалась политика демократического участия, она органично вписывалась в государственные системы таких стран, как Великобритания и Швеция, где сохраняли свое влияние средневековые ассамблеи, местные правительства и региональные советы. В то же время страны типа Франции и Пруссии, где монархии преуспели в централизации власти (как в ее горизонтальном, так и вертикальном измерениях), как правило, становились нелиберальными и недемократическими. Не случайно в Испании XX века основным плацдармом либерализма оказалась Каталония, веками упорно отстаивавшая свою независимость и региональную автономию. В Соединенных Штатах большое разнообразие существовавших там общественных институтов – на федеральном, региональном и местном уровнях – значительно облегчило адаптацию к быстрому и масштабному расширению численности электората, происшедшему в начале XIX столетия. В 1922 году известный историк из Гарвардского университета Артур Шлезингер-старший документально подтвердил, что в первые 50 лет существования Америки буквально каждый штат, каждая группа интересов и каждая фракция пытались ослабить и даже подорвать федеральное правительство⁹. Если обратиться к примеру из более недавнего прошлого, то в Индии полулиберальная демократия выжила как раз благодаря, а не вопреки сильным регионам и многообразию языков, культур и даже каст. Вывод логичен, даже тавтологичен: децентрализованное правительство способствует формированию системы ограниченного правления.

Тирания большинства

Если первым источником нарушений в демократической системе являются избранные деспоты, то второй составляют сами народы. Джеймс Мэдисон пояснял в «Федералисте», что в условиях демократии «угроза притеснения» исходит от «боль-

шинства сообщества». Де Токвиль предупреждал о «тирании большинства», когда писал: «Сама суть демократического правления состоит в абсолютном суверенитете большинства». Для Мэдисона и де Токвиля данная проблема была насущной и острой. Сегодня на Западе она, вероятно, не кажется столь важной, поскольку здесь развиты средства защиты прав личности и меньшинств. Но во многих развивающихся странах опыт демократии в последние десятилетия таков, что большинство – зачастую потихоньку, иногда с шумом – нарушало принцип разделения властей и права человека, искажало давние традиции терпимости и справедливости.

Позвольте проиллюстрировать эту мысль ссылками на Индию – страну, где я вырос. При обсуждении вопросов демократии Индии отводится почетное место. Несмотря на крайнюю бедность страны, демократия действует здесь с 1947 года. Когда кому-то хочется доказать, что для демократизации не требуется экономического развития, единственный подходящий пример – Индия. В значительной мере столь высокая оценка оправдана. Индия действительно представляет собой свободное и самоуправляемое общество. Однако если мы заглянем под покровы индийской демократии, то обнаружим более сложную и тревожную реальность. В последние десятилетия в стране наблюдается нечто совершенно отличное от той картины, что сложилась в воображении всех, кто восхищается Индией. Дело не в том, что она стала менее демократичной: в некоторых важных аспектах демократия продвинулась вперед. Но страна стала менее терпимой, менее светской, менее законопослушной, менее либеральной. Эти две тенденции – демократизация и антилиберализм – непосредственно связаны одна с другой.

Индия получила демократию и партию Индийский национальный конгресс (ИНК) от Великобритании. Большинство основных институтов либеральной демократии Индии – суды, законодательные органы, административные правила и (квази)свободная пресса – было создано и находилось в ведении британцев. Они просто не давали индийцам возможности самим воспользоваться многими полномочиями. Когда же в 1947 году страна получила независимость, индийцы унаследо-

вали эти институты и традиции. Они построили на их основе свою демократию, ведомую ИНК, который главенствовал в борьбе за независимость. Между тем даже Индийский национальный конгресс был смоделирован с британских политических партий, начиная с его либеральной националистической идеологии и заканчивая структурой его комитетов. Индийские суды следовали британской практике и прецедентам, в поиске последних зачастую непосредственно прибегая к британскому законодательству. В Нью-Дели парламент следовал правилам и ритуалам Вестминстера, вплоть до «часа вопросов» премьер-министру. Без Великобритании и ИНК трудно вообразить себе индийскую демократию в том виде, как она сложилась сегодня.

Первый индийский премьер-министр Джавахарлал Неру однажды назвал себя «последним англичанином, правящим Индией». Он был прав. Будучи сыном глубоко впитавшего английские традиции и пробритански настроенного адвоката, он имел в детстве домашнего наставника, обучавшего его английской истории и литературе. Годы его юности прошли в подготовке к превращению в английского джентльмена. Он учился в Харроу, одной из самых престижных частных школ-интернатов в Англии, и поступил в Кембриджский университет. Затем он несколько лет готовился стать лондонским адвокатом. Даже проникшись индийским национализмом, он сохранял мировоззрение левого британского интеллектуала образца примерно 1940 года.

Индию при Неру, занимавшем пост премьер-министра с 1947 по 1962 год, точнее всего можно охарактеризовать как однопартийную демократию. Выборы проводились свободно и справедливо. Однако в качестве партии, которая освободила Индию и была единственной действительно общенациональной, ИНК доминировал на всех уровнях, зачастую получая большинство в 2/3 мест и в парламенте страны, и в законодательных собраниях штатов. Столь завидная позиция давала Конгрессу всякого рода формальные и неформальные преимущества, что делало невозможным серьезный вызов его линии по большинству вопросов. Подобно Демократической партии на американском Юге в былые времена, Индийский

национальный конгресс контролировал все стадии политического процесса. Индия была демократической страной, хотя при общем равенстве одна политическая партия оказывалась «более равной», нежели остальные. Тем не менее, страна оставалась вполне либеральной. ИНК искренне стремился сформировать традиции настоящего конституционного правления. Сам Неру глубоко почитал либеральные институты и традиции, прежде всего прерогативы парламента и прессы. Он поддерживал независимость судебной власти, даже если это вело к политическим поражениям правительства в суде. Он был одержим идеями светскости и религиозной терпимости. Несмотря на свою чрезвычайную популярность, Неру допускал оппозиционные взгляды (и даже их преобладание на какое-то время) как внутри своей партии, так и в правительстве.

В конце 1960-х и в 1970-е годы, когда я рос в Индии, такая традиция все еще была сильна, однако она уже сходила на нет. Индийский национальный конгресс, бывший ранее полнокровной организацией с массовым участием, впал в дремоту раболепного имперского двора, назначаемого популярным лидером, Индирой Ганди, и пред нею преклоняющегося. Госпожа Ганди проводила популистскую политику, которая нередко отличалась неконституционностью и, уж конечно, не была либеральной. В частности, она национализировала банки и отменила права индийской знати. Тем не менее, суды в основном сохраняли независимость, пресса оставалась свободной, а религиозная терпимость – священной. Однако со временем приверженность Индийского национального конгресса таким принципам и ценностям ослабла. Еще существеннее то, что партия перестала быть доминирующим общенациональным институтом. Появились новые претенденты на власть, стремившиеся занять освободившееся пространство. Самым заметным среди них стала партия индуистских фундаменталистов Бхаратия Джаната парти (БДП). Впрочем, БДП – лишь одна среди сонма новых партий, привлекательность которых базировалась на региональных, религиозных или кастовых различиях. В результате в политическую систему влились новые избиратели – почти все происходящие из бедных сельских семей и низших каст. В 1950-е годы в выборах принимало

участие около 45 процентов населения; сегодня эта цифра превысила 60 процентов. Индийский политолог Йогендра Ядав, исследовав данную тенденцию, утверждает, что Индия претерпевает «коренную, хотя и скрытую трансформацию». Речь идет о допуске в политику гораздо более широкого круга населения, в частности – прежних маргиналов. Новые партии придали Индии больше демократичности, но одновременно сделали ее менее либеральной.

БДП пришла к власти, осуждая секуляризм в духе Неру и фактически пропагандируя военизированный индуисткий национализм. Она поощряла риторику и деятельность антимусульманской и антихристианской направленности. Партией была организована массовая общенациональная кампания по разрушению мечети в городе Айодхья на севере Индии, которая, как считали некоторые индуисты, была построена на месте рождения Рамы. БДП мало беспокоило то, что Рама – это мифологическая фигура, что индуизм проповедует ненасилие и терпимость и что у Индии уже был чудовищный опыт религиозного насилия (который вновь повторился в связи с проблемой Айодхьи). Риторика, основанная на выражении ненависти к иноверцам, звучала весьма привлекательно для основных избирателей БДП. Впоследствии она сформировала правительственную коалицию, так что ей поневоле пришлось умерить свою агрессивность в отношении мусульман, христиан и низших каст, чтобы не отворотить от себя остальных участников коалиции. Но партия по-прежнему проводит политику «индуизации» страны, что подразумевает переписывание исторических текстов для принижения значения или вымарывания ссылок на мусульман и другие меньшинства, создание в основных университетах факультетов астрологии и поощрение использования индуистских религиозных символов в общественных местах. Когда же у партии возникали политические осложнения, она неизменно подбрасывала топливо в огонь религиозного конфликта, как это было сделано в Гуджарате в 2002 году. Там местное правительство, сформированное БДП, самым беспрецедентным образом не только допустило убийство тысяч невинных мусульманских мужчин, женщин и детей, а также этническую чистку, приведшую к

изгнанию десятков тысяч людей из родных деревень и городов, но даже содействовало всему этому. В известном смысле это был первый погром в Индии, поддержанный государством. Особенно тревожит то, что он укрепил опору БДП среди индусов. Действительно, лидер БДП в Гуджарате рассчитывал выиграть от вспышки насилия и планировал провести выборы несколькими месяцами спустя. Однако надпартийный административный орган, занимающийся выборами в Индии (Избирательная комиссия), проявил мужество, придя к заключению, что в подобных обстоятельствах выборы проводить нельзя.

Религиозная нетерпимость – это лишь наиболее заметная черта нового облика индийской демократии. Повсеместная коррупция и неуважение к верховенству права изменили всю политическую систему страны. Возьмем Уттар-Прадеш – крупнейший штат Индии, политическую базу Неру и других титанов Индийского национального конгресса. Теперь там доминируют БДП и две партии, представляющие низшие касты. Сложившуюся там политическую систему нельзя описать иначе как «бандитскую демократию». Результаты выборов ежегодно подделываются, избирательные урны наполняются фальшивыми бюллетенями. Партия-победитель наводит бюрократический аппарат (а порой и суды) своими приспешниками и подкупает оппозиционных законодателей, чтобы те переметнулись на ее сторону. Для миллионов новых избирателей из низших каст трагедия состоит в том, что их представители, за которых они послушно голосуют в массовом порядке, запустили руки в государственную казну и стали чрезвычайно богатыми и влиятельными, выступая под лозунгом защиты интересов своего народа.

Процесс достиг своей кульминации в ноябре 1997 года, когда главный министр штата Уттар-Прадеш реализовал полученное его партией большинство в парламенте, создав кабинет из 93 министров. В результате все законодатели, сменившие партийную принадлежность и оказавшие ему поддержку, смогли получить назначения в качестве ответственных чиновников. У новых министров было пестрое прошлое; в отношении 19 из них имелись документированные сви-

детельства о совершенных ими преступлениях (причем речь шла отнюдь не о штрафах за превышение скорости). Например, в отношении министра по делам науки и технологии Хари Шанкара Тивари у полиции есть данные, что он подозревается в девяти убийствах, десяти покушениях на убийство, трех грабежах и трех похищениях. В отношении министра «имплементации программ» (чтобы это ни означало) Рагхураджа Пратап Сингха проводилось расследование в связи с двумя убийствами, тремя покушениями на убийство и несколькими похищениями (всего 25 эпизодов). Еще один деятель, Пратап Сингх, использовал свои недавно обретенные полномочия, чтобы стать феодальным бароном. Сцены, происходящие в его загородном доме, ведущий индийский новостной журнал «Аут-лук» описывает так:

Во внутреннем дворе он вершит суд, вынося решения без всякого промедления – налагает штрафы на «заблудших подданных» или распоряжается задать кому-то хорошую порку. Его подданные – нищие мужчины, женщины и дети – касаются лбами его ног, моля о пощаде. За воротами его укрепленного поместья под названием «Баинти» люди каждое утро выстраиваются в очередь, чтобы воздать хвалу хозяину; при этом их туловища согнуты под прямым углом... Двадцативосьмилетний [вождь] ездит на великолепных лошадях, держит слонов, носится по окрестностям в [четырёхколесном прогулочном экипаже] с эскортом из вооруженных сторонников. По сведениям полиции, он убивает своих противников, организует похищения ради выкупа, совершает грабежи. Но это нисколько не помешало его карьере. В 1993 году, в возрасте всего 24 лет, он впервые принял участие в выборах и победил на них. Через три года он вновь бросился в бой и, за исключением БДП, никто не осмелился ему противостоять¹⁰.

Таковы реалии индийской демократии. Однако никто на Западе не хочет взглянуть на нее более пристально. Мы предпочитаем рассуждать в романтическом ключе о том, как прекрасно, что индийцы голосуют, и о восхитительных чертах крупнейшей в мире демократии. Вдумчивые индийцы смотрят на дело несколько иначе. Маститый журналист Кулдип Наяр назвал то, что происходит в штате Уттар-Прадеш, «убий-

ством демократии среди бела дня». Еще один известный писатель Прем Шанкар Джха считает, что демократия здесь пережила откат, «уйдя на два столетия назад». Причем это не изолированный случай. Политическая коррупция в соседних штатах Бихар и Харьяна еще сильнее. Многие из подобных тенденций находят свое отражение в парламенте и правительстве в Дели, хотя и в не столь ярко выраженных формах.

Судебная система Индии из гордости национальной демократии превратилась в коррумпированную прислужницу политической власти. В 1975 году местный судья лишил должности премьер-министра Индиру Ганди, постановив, что она нарушила один второстепенный избирательный закон. В 1981 году другой местный судья вынес решение против наиболее могущественного регионального политика Индии – главного министра Махараштры (самого богатого штата страны, где расположен Бомбей – столица индийской экономики). Сегодня, когда та или иная партия приходит к власти в каком-то регионе Индии, она нередко находит пути, чтобы укомплектовать местные суды своими сторонниками. Предвидя подобное развитие событий, судьи ныне сами предлагают свои услуги политическим лидерам, чтобы благополучно остаться на своем посту и получить вознаграждение по выходе на пенсию. За исключением Верховного суда в Дели, ни один другой суд в Индии не проявляет независимости, которая была свойственна почти всем им еще при жизни прошлого поколения.

Коррупция существовала в Индии всегда, но до 1970-х годов она была в основном мелкой, будучи порождением неразумного хозяйственного регулирования в стране. В 1960-е годы типичный акт коррупции состоял в том, что бюрократ брал взятку за выдачу разрешения на некую частнопредпринимательскую деятельность. Конечно, это было дурно с точки зрения экономического роста, но не искажало политического процесса в целом. Политическая коррупция также существовала, но имела ограниченный характер. Никто не обвинял в коррупции Неру, его преемника на посту премьер-министра Лала Бахадура Шастри или кого-либо из высшего состава правительства 1950–1960-х годов. Возможно, самое важное состояло в том, что судоустройство оставалось чистым и придержи-

валось высоких стандартов. В 1958 году Неру назначил одного из самых видных индийских юристов М.К. Чаглу послом в Соединенные Штаты. Адвокатский совет Бомбея тут же выступил с официальным протестом, высказав озабоченность тем, что назначение судьи на высокую должность способно скомпрометировать представление о независимости судей. Сегодня вознаграждение уступчивых судей путем предоставления им выгодных постов стало столь распространенным, что на него перестали обращать внимание. В итоге, хотя коррупция и злоупотребление властью достигли неслыханных масштабов, ни один судья ни в одном уголке Индии ни разу не принял решения, направленного против какого-то влиятельного политика. Единственная попытка очистить процесс выборов, принятая главой избирательной комиссии страны, обернулась ничем.

Если оглянуться назад, то станет ясно, что Индийский национальный конгресс при Неру, то есть в 1950–1960-е годы, установил в Индии квазилиберальный порядок. Он начал сходиться на нет по мере того, как за голоса избирателей стали соревноваться новые партии, активно прибегающие к неприкрытым призывам к кастовой, языковой и религиозной солидарности. Особенно это дает себя знать в изменении атмосферы и характера моего родного города. Бомбей – это город, построенный жившими в нем крупными общинами меньшинств: промышленниками-парси, купцами из Гуджарата, мусульманами-рестораторами и, конечно, британцами. В отличие от Калькутты и Дели, он никогда не был местом сосредоточения британской администрации. Это был индийский Нью-Йорк и Лос-Анджелес одновременно – город, кичившийся новым богатством, грубый, но при этом живой, талантливый и терпимый. Как и во многих других крупных портовых городах, космополитизм был буквально разлит в его просоленном воздухе.

Теперь такой Бомбей остался только в воспоминаниях. За последние 20 лет подъем индусского национализма и его местной разновидности – маратхского шовинизма – привел к систематическому разрушению старого города. Региональная партия Шив Сена, которая породила это движение, названа в

честь вождя XVII века Шиваджи, выступавшего против могольских императоров в Дели (мусульман). Эта партия твердо намерена очистить штат Махараштра и его столицу Бомбей от всякого «чуждого» влияния. (Мусульмане прибывали в Индию, начиная с XII века; получается, что 800 лет недостаточно, чтобы считаться местным жителем.) Последнее особенно отчетливо видно в проводимой ею кампании по переименованию городов, поселков, дорог и зданий, названия которых не являются чисто индусскими. Кульминацией этого стало переименование Бомбея в Мумбай в 1996 году. Этот акт в значительной мере иллюстрирует надуманность индусского национализма. В отличие от древней столицы Китая, название которой было переделано пришельцами с Запада на английский манер в Пекин, Мумбай фактически не был городом до того, как португальцы и британцы назвали его Бомбеем. Подобно Сингапуру и Гонконгу, это была просто рыбацкая деревенька; городом ее сделали колонизаторы. Мумбай – это не возврат к прошлому, а утверждение мифа.

Новые названия городов и кварталов могут показаться делом чисто символическим. Однако в них отражается крупномасштабное изменение подходов, что в период кризисов может обернуться кровопролитием. В последнее десятилетие мусульмане, являющиеся крупнейшей группой меньшинства в Бомбее, становились жертвами нескольких самых ужасных беспорядков со времен кровавой бани, сопровождавшей раздел Индийского субконтинента в 1947 году. Десятки тысяч людей были убиты, а сотни тысяч покинули Бомбей, скрывшись в провинции. Это стало жутким попятным движением по сравнению с нормальной моделью развития, когда меньшинства стекаются в крупные города в надежде обрести там равенство и новые возможности. Независимая комиссия обвинила правительство и полицию в том, что они оставили жертвы беспорядков без защиты и даже порой содействовали нападавшим. Все это привело к попыткам мести со стороны мусульман, погрузило штат в атмосферу более острого антагонизма по сравнению с тем, что можно было наблюдать раньше. Подобная тенденция сопровождается рецидивами по всей Индии – в самое недавнее время то же самое произошло в

Гуджарате – причем агрессия бывает направлена не только против мусульман. В 1998–1999 годы в Индии от религиозно мотивированных нападений погибло в четыре раза больше христиан, чем за предшествующие 35 лет. За период после 1999 года достаточно полных данных пока нет, но и имеющиеся цифры поразительно высоки. Кроме убийств, имели место волны инцидентов, когда сжигали библии, грабили церкви и насиловали монахинь. Правительство опять-таки блокировало и тормозило большую часть разбирательств по поводу таких преступлений.

Этнические конфликты столь же стары, как и документально зафиксированная история; а диктатуры часто прикладывают руку к их разжиганию. Однако в новых демократизирующихся обществах тенденция к обострению конфликтов обескураживает своим постоянством. Причина здесь проста: когда общество открывается, и политики начинают бороться за власть, они обращаются к избирателям, хватаясь за то, что оказывается самым простым и доходчивым, а именно – групповую солидарность в противостоянии с некоей другой группой. Часто от этого разгорается пламя этнического или религиозного конфликта. Иногда такой конфликт оборачивается полномасштабной войной.

Война

8 декабря 1996 года Жак Ланг совершил впечатляющий бросок в Белград. Поступок известного французского политика, в прошлом министра культуры, был вдохновлен демонстрациями с участием десятков тысяч студентов, направленными против президента Югославии Слободана Милошевича, которого Ланг и многие интеллектуалы на Западе считали ответственным за развязывание войны на Балканах. Ланг хотел оказать моральную поддержку югославской оппозиции. Руководители движения приняли его в своем штабе – на философском факультете университета – только затем, чтобы прогнать прочь, объявив «врагом сербов», и потребовать его высылки из страны. Оказалось, что студенты выступали про-

тив Милошевича не потому, что тот начал войну, а потому, что не мог одержать в ней победу.

Щекотливое положение, в которое попал Ланг, высвечивает распространенное, причем нередко ошибочное, предположение, будто силы демократии – это силы этнической гармонии и мира. Это не обязательно так. Зрелая либеральная демократия обычно в состоянии справиться с этническими разногласиями без насилия или террора и жить в мире с другими либеральными демократиями. Но если нет прочной основы в виде конституционного либерализма, то введение демократии в расколотых обществах фактически лишь подстегивает национализм, этнические конфликты и даже войны. На многочисленных выборах, проводившихся сразу после падения коммунизма в Советском Союзе и бывшей Югославии выигрывали националистически настроенные сепаратисты. Результатом стал распад соответствующих стран. Это не было плохо само по себе, поскольку единство этих стран удерживалось силой. Однако внезапный распад без гарантий, институтов или возможностей участия в политике и власти многочисленных меньшинств, живущих в новообразовавшихся странах, привел к раскручиванию спирали беспорядков и репрессий, а в Боснии, Азербайджане и Грузии – войн.

Принцип выборности требует, чтобы политики соревновались за голоса избирателей. В обществах, где отсутствуют крепкие традиции сосуществования разных этнических групп и их взаимной ассимиляции, организовать себе массовую поддержку проще всего на расовой, этнической или религиозной почве. Как только одна этническая группа получает власть, она обычно закрывает доступ к политике другим этническим группам. Компромисс выглядит недостижимым. Можно торговаться по материальным вопросам, таким как жилье, больницы и бесплатная раздача питания, но как достичь компромисса в вопросе национальной религии? Политическое соперничество, столь легко провоцирующее раскол в обществе, способно быстро обернуться насилием. В Африке оппозиционные движения, вооруженные восстания и перевороты были направлены против режимов, имеющих этническую основу, причем многие из которых обрели власть в результате выбо-

ров. Изучив процессы распада демократических режимов в африканских и азиатских странах в 1960-е годы, два известных ученых пришли к выводу, что демократия «попросту нежизнеспособна в обстановке яростно отстаиваемых этнических предпочтений»¹¹. Более поздние исследования, в частности проведенные на африканском и центральноазиатском материале, подтвердили обоснованность такой пессимистической оценки. Прекрасный эксперт по этническим конфликтам Дональд Горовиц заключает: «Ввиду малообнадёживающего опыта... конкретных провалов демократии в расколотых обществах... возникает побуждение сдаться. Какой смысл проводить выборы, если они заканчиваются ничем? В Замбии все свелось к замене господства племени бемба режимом ньянджа (причем оба имели в равной степени узкую социальную базу), а в Бенине – к смене южного режима северным, подключения же к политике второй половины общества не предполагалось ни в одном случае»¹².

В прошедшее десятилетие среди специалистов по международным отношениям разгорелись чрезвычайно оживленные дебаты по поводу «демократического мира», а именно – утверждения, согласно которому две современные демократии ни разу не вступали в войну друг с другом. Этот спор поднимает интересные вопросы по существу дела. Следует ли принимать в расчет Гражданскую войну в Америке? Не лучше ли объяснить сохранение мира существованием ядерного оружия? Даже собранная по этому поводу статистика вызывает немаловажные расхождения во мнениях. (Как подчеркивает Дэвид Спиро, учитывая незначительное количество как демократий, так и войн, имевших место за последние 200 лет, отсутствие вооруженных столкновений между демократиями может объясняться чистой случайностью. Сам он не берется предложить свое объяснение данной впечатляющей взаимозависимости, ссылаясь на то, что никто из членов его семьи никогда не выигрывал в лотерею.) Впрочем, даже если статистические данные точны, то чем тогда их можно объяснить?

Иммануил Кант первым предложил идею демократического мира. Он утверждал, что в условиях демократии решения принимает тот, кто расплачивается за войны, то есть на-

род; поэтому понятна его осторожность. Такое утверждение заставляет предположить, что демократические режимы более миролюбивы, чем прочие. Однако на деле они воинственней и вступают в войну чаще и активнее, нежели большинство других государств. Мир поддерживается только в их отношениях с другими демократиями. Если задуматься о причине подобной взаимосвязи, то ясно становится одно: демократический мир – это, в сущности, мир либеральный. Кант, писавший свои труды в XVIII столетии, считал, что демократические режимы отличает склонность к тирании. Поэтому он намеренно исключил их из своей концепции «республиканских» правительств, обитающих в зоне мира. По Канту, республиканизм означал разделение властей, наличие сдержек и противовесов, верховенство закона, защиту прав личности, а также определенный уровень политического представительства (но ничего похожего на всеобщее избирательное право). Прочие объяснения Канта в отношении понятия «вечного мира» также все без исключения тесно связаны с конституционной и либеральной природой республик. Подразумевалось взаимное уважение ими прав граждан других республик, система сдержек и противовесов, гарантирующая, что ни один лидер не сможет сам по себе вовлечь страну в войну, экономическая политика на принципах классического либерализма, самым важным среди которых является свобода торговли. Все это приводит к взаимозависимости, из-за которой войны становятся слишком затратными, а сотрудничество – полезным. Крупный специалист по данному вопросу Майкл Дойл подтверждает в своей книге «Пути войны и мира» (1997 год), что вне конституционно-либерального контекста демократия как таковая лишена качеств, побуждающих к миру:

Кант не доверял ничем не ограниченному демократическому мажоритаризму. В его аргументации отсутствуют указания в пользу утверждения, будто все государства с системой демократического участия должны отличаться миролюбием либо в целом, либо в отношениях между собой. Многие политии с демократическим представительством не были либеральными государствами. В течение двух тысяч лет до наступления современной эры многие мыслители связывали власть большин-

ства с агрессивностью (Фукидид) или имперскими тенденциями (Макиавелли)... В пользу решения об "этнической чистке" в отношении других демократических государств при голосовании вполне может сложиться убедительное большинство голосов.

Проведение различия между либеральными и нелиберальными демократиями проливает свет еще на одну поразительную статистическую корреляцию. Политологи Джек Снайдер и Эдвард Мэнсфилд, используя впечатляющий набор данных, доказывают, что за последние 200 лет государства, находящиеся в процессе демократизации, вступали в войны значительно чаще, чем стабильные автократии или либеральные демократии¹³. В странах, где отсутствует конституционно-либеральный фундамент, подъем демократии нередко приносит с собой крайний национализм и подстрекательство к войне. Благодаря либерализации политической системы доступ к власти получают разнообразные группы, начинающие отстаивать свои несовпадающие интересы. Политические и военные руководители, зачастую представляющие собой готовых к бою наследников прежнего авторитарного порядка, осознают, что для успеха своего дела им нужно сплотить массы во имя национальной идеи. Результатом всегда становятся агрессивная риторика и соответствующая политика, вследствие чего страны часто оказываются вовлеченными в противостояние и войну. Заслуживающие упоминания примеры начинаются с Франции при Наполеоне III, Германии при канцлере Вильгельме и Японии при императоре Тайшо, а более свежие образчики – режимы в Армении, Азербайджане и бывшей Югославии. Демократический мир реален, но, как выясняется, имеет мало общего с демократией.

Что делать?

Проблемы, возникающие с новыми демократиями, могут показаться абстрактным вопросом, который есть смысл обсуждать только в экспертных комиссиях и университетах. Однако теория нередко вторгается в практику. Странам часто приходится решать, каков наилучший путь к демократии. При этом

Соединенные Штаты постоянно переформулируют свой политический курс в отношении подобных стран по мере того, как они продвигаются по такому пути или буксуют. Ошибки в теории ведут к ошибкам на практике. Вспомним об Индонезии, где к демократизации следовало подходить гораздо более осторожно, чем это было сделано в 1998 году, когда Международный валютный фонд и Соединенные Штаты помогли отстранить от власти давнего диктатора страны Сухарто и ввести в стране демократию. По крайней мере, таковы были надежды в то время.

В 1998 году Индонезия не была идеальным кандидатом на демократизацию. Во-первых, среди всех стран Восточной Азии она в наибольшей мере опиралась на природные ресурсы. Во-вторых, в ней отсутствовали легитимные политические институты, поскольку Сухарто не уделял особого внимания их выстраиванию, руководя страной с помощью немногочисленной группы своих приспешников. Наконец, демократизация была предпринята при низком уровне доходов на душу населения, в 1998 году составлявших приблизительно 2650 долларов. Результаты были ужасны. Со времен перехода к демократии валовой внутренний продукт Индонезии сократился почти на 50 процентов. Было покончено с поколением периода экономического прогресса; более 20 миллионов людей оказались вытеснены за черту бедности. Либерализация политической системы вынесла на поверхность исламских фундаменталистов. Стране, где политический язык не получил особого распространения, более свойствен хорошо знакомый всем религиозный дискурс. Уже почти 20 процентов парламентариев страны называют себя мусульманскими политиками. В случае успеха политизация ислама поставит под вопрос светский характер индонезийского государства и вызовет к жизни раскольнические движения, бросающие вызов единству страны. В условиях подобного хаоса еще больше усугубились коррупция и привычка пристраивать в политике близких друзей, а хозяйственные реформы замедлились.

Хотя винить в происшедшем следует не только МВФ и правительство США, именно они требовали немедленных радикальных реформ в Индонезии во время переживаемого

ею в 1998 году кризиса. Тем самым они сыграли свою роль в лишении легитимности прежнего правительства и его падении. Если бы они понимали, что такие реформы могут вызвать политическую нестабильность, они, вероятно, умили бы свои требования и согласились с более постепенным подходом. Сухарто стоял во главе порочного режима, но ему удалось добиться порядка, секуляризации и экономической либерализации. Для «третьего мира» это довольно впечатляющее сочетание. Особенно важно то, что в наличии не было ничего лучшего для замены этого режима. Постепенная политическая реформа была предпочтительнее полномасштабной революции – во всяком случае, для рядового индонезийца, которого Запад, как можно предполагать, намеревался облагодетельствовать своими действиями.

Настоятельный выбор между порядком и нестабильностью, либерализмом и демократией, светскостью и религиозным радикализмом сегодня нигде не наблюдается в столь откровенной форме, как на Ближнем Востоке. Исключительно важно, чтобы именно здесь Соединенные Штаты выправили ситуацию как в теории, так и на практике.

4

Особенности ислама

Как всегда: роскошные декорации, но все та же печальная история. Высокопоставленный американский дипломат входит в один из великолепных президентских дворцов в каирском пригороде Гелиополисе, откуда президент Хосни Мубарак правит Египтом. Он проходит сквозь мраморные холлы по комнатам, заставленным позолоченной мебелью – неудачной имитацией французского имперского стиля, саркастически называемой «Луи-Фарук» (по имени последнего короля Египта). Преодолев ряды охранников, он попадает в гостиную, где его с крайней учтивостью принимает египетский президент. Они любезно беседуют вдвоем об отношениях между США и Египтом, региональных делах, состоянии мирного процесса между Израилем и палестинцами. Затем американец осторожно поднимает вопрос о правах человека и высказывает предположение, что правительство Египта могло бы смягчить свое отношение к политическим оппонентам, предоставить большую свободу прессе и положить конец арестам представителей интеллигенции. Мубарак напрягается и раздраженно отвечает: «Если бы я сделал то, о чем вы говорите, Египет оказался бы в руках исламских фундаменталистов. Вы хотите этого?» Беседа возвращается к последнему витку мирного процесса.

За прошедшие годы у американцев с арабами состоялось немало обсуждений подобного рода. Когда президент Клинтон убеждал палестинского лидера Ясира Арафата согласиться на кемп-дэвидский мирный план, условия которого обсуж-

Особенности ислама

ею в 1998 году кризиса. Тем самым они сыграли свою роль в лишении легитимности прежнего правительства и его падении. Если бы они понимали, что такие реформы могут вызвать политическую нестабильность, они, вероятно, удержали бы свои требования и согласились с более постепенным подходом. Сухарто стоял во главе порочного режима, но ему удалось добиться порядка, секуляризации и экономической либерализации. Для «третьего мира» это довольно впечатляющее сочетание. Особенно важно то, что в наличии не было ничего лучшего для замены этого режима. Постепенная политическая реформа была предпочтительнее полномасштабной революции – во всяком случае, для рядового индонезийца, которого Запад, как можно предполагать, намеревался облагодетельствовать своими действиями.

Настоятельный выбор между порядком и нестабильностью, либерализмом и демократией, светскостью и религиозным радикализмом сегодня нигде не наблюдается в столь откровенной форме, как на Ближнем Востоке. Исключительно важно, чтобы именно здесь Соединенные Штаты выправили ситуацию как в теории, так и на практике.

Как всегда: роскошные декорации, но все та же печальная история. Высокопоставленный американский дипломат входит в один из великолепных президентских дворцов в каирском пригороде Гелиополисе, откуда президент Хосни Мубарак правит Египтом. Он проходит сквозь мраморные холлы по комнатам, заставленным позолоченной мебелью – неудачной имитацией французского имперского стиля, саркастически называемой «Луи-Фарук» (по имени последнего короля Египта). Преодолев ряды охранников, он попадает в гостиную, где его с крайней учтивостью принимает египетский президент. Они любезно беседуют вдвоем об отношениях между США и Египтом, региональных делах, состоянии мирного процесса между Израилем и палестинцами. Затем американец осторожно поднимает вопрос о правах человека и высказывает предположение, что правительство Египта могло бы смягчить свое отношение к политическим оппонентам, предоставить большую свободу прессе и положить конец арестам представителей интеллигенции. Мубарак напрягается и раздраженно отвечает: «Если бы я сделал то, о чем вы говорите, Египет оказался бы в руках исламских фундаменталистов. Вы хотите этого?» Беседа возвращается к последнему витку мирного процесса.

За прошедшие годы у американцев с арабами состоялось немало обсуждений подобного рода. Когда президент Клинтон убеждал палестинского лидера Ясира Арафата согласиться на кемп-дэвидский мирный план, условия которого обсуж-

дались в июле 2001 года, Арафат, как следует из сообщений, ответил ему такими примерно словами: «Если я поступлю согласно вашим желаниям, завтра же придет к власти “Хамас”». Самый умелый оратор, выступающий от имени монархии в Саудовской Аравии, принц Бандар бен Султан часто напоминает официальным лицам США, что если те станут слишком сильно давить на его правительство, вероятной альтернативой существующему режиму станет не демократия по Джефферсону, а теократия в духе «Талибана».

Хуже всего то, что они почти наверняка правы. Правители на арабском Ближнем Востоке деспотичны, коррумпированы и жестоки. Тем не менее, они более либеральны, терпимы и склонны к плюрализму, чем те, кто может прийти им на смену. Во многих арабских странах выборы привели бы к власти политиков, придерживающихся взглядов, в большей мере приемлемых для Усамы бен Ладена, нежели для либерального монарха Иордании короля Абдаллы. В прошлом году эмир Кувейта, при поощрении со стороны США, предложил дать право голоса женщинам. Но демократически избранный парламент Кувейта, в котором полно исламистских фундаменталистов, напрочь отверг эту инициативу. В Саудовской Аравии наследный принц Абдалла пытался сделать нечто гораздо менее радикальное, предложив, чтобы женщинам разрешили водить автомобиль. (В настоящее время это запрещено, в результате чего в страну приходится приглашать в качестве шоферов полмиллиона иностранцев из таких стран, как Индия и Филиппины.) Тем не менее, религиозные консерваторы организовали массовое противодействие и вынудили принца отказаться от своей затеи.

Сходные тенденции наблюдаются и в остальном арабском мире. В Омане, Катаре, Бахрейне, Иордании и Марокко практически по каждому политическому вопросу монархии занимают более либеральную позицию, нежели общество, которым они правят. Даже на палестинских территориях, где самой популярной политической силой уже давно являются светские националисты, такие как Арафат и Организация освобождения Палестины, военизированные и религиозные группы типа «Хамас» и «Исламский джихад» набирают силу, особен-

но среди молодежи. Прибегая к демократическому лексикону, многие исламистские партии горят ненавистью к демократии, которую считают западной формой политического управления. Они с удовольствием придут к власти с помощью выборов, чтобы затем установить свой собственный теократический режим. Принцип «один человек – один голос» будет реализован – но только один раз.

Возьмем, например, совершенно противоположную реакцию государства и общества на видеозапись, где был показан торжествующий бен Ладен. Ее в ноябре 2001 года обнаружили американские военные в тайнике «Аль-Каиды» в Кабуле. На пленке бен Ладен демонстрирует знание всех подробностей террористических актов 11 сентября и выражает восторг по поводу вызванной ими гибели людей. Большинство правительств стран региона поспешило отметить, что запись выглядит подлинной и подтверждает вину бен Ладена. Принц Бандар выступил со следующим заявлением: «Запись показывает жестокий и бесчеловечный облик кровавого преступника, для которого неприкосновенность человеческой жизни и принципы собственной религии – пустой звук». В противоположность этому, видное духовное лицо Саудовской Аравии шейх Мухаммед Салех сказал: «Я думаю, что запись сфабрикована». Глава Фронта исламского действия (исламистской партии в Иордании) Абдул Латиф Арабиат спросил: «Неужели американцы действительно полагают, будто мир настолько глуп, чтобы поверить, что эта запись что-то доказывает?»

В большинстве обществ инакомыслящие побуждают всю страну задуматься о своих ошибках. Однако на Ближнем Востоке те, кто выступает за демократию, сами ищут забвения в фантазиях, отрицании очевидного и самообмане. Регион заморожен теориями заговора, подобными тем, в которых утверждается, что за нападениями на Всемирный торговый центр фактически стояла израильская разведывательная служба «Моссад». В ходе опроса, проведенного «Си-Эн-Эн» в девяти мусульманских странах в феврале 2002 года, 61 процент опрошенных заявили, что не верят, будто ответственность за террористические акты 11 сентября 2001 года несут арабы. Первая независимая спутниковая телевизионная станция данного

региона «Аль-Джазира» имеет огромную аудиторию во всем арабском мире. Она отличается широтой взглядов и современными подходами, многие из ее ведущих работников – женщины. Станция сообщает те новости, которые официальные средства массовой информации обычно подвергают цензуре. Вместе с тем, ее радиоволны заполнены грубыми призывами к арабскому национализму, антиамериканизму, антисемитизму и религиозному фундаментализму.

Сегодня арабский мир оказался зажат между авторитарными государствами и нелиберальными обществами. Ни то, ни другое не является подходящей почвой для либеральной демократии. Взаимодействие этих двух сил имеет опасную динамику: сформировался политический климат, полный религиозного экстремизма и насилия. По мере того, как государство во все больших масштабах прибегает к репрессиям, оппозиция активизируется, что подталкивает государство к эскалации насилия. Таким образом, складывается картина, противоположная историческому процессу в западном мире, где либерализм ведет к демократии, а демократия питает либерализм. «Арабский путь» породил диктатуру, взрастившую терроризм. Причем терроризм – лишь самое очевидное проявление негармоничных отношений между государством и обществом. Налицо также экономический паралич, общественный застой и интеллектуальное банкротство.

Сегодня Ближний Восток резко контрастирует со всем остальным миром, где в последние два десятилетия свобода и демократия завоевывали все новые позиции. Согласно обследованию, проведенному международной общественной организацией «Фридом хаус» в 2002 году, в настоящее время «свободными» или «отчасти свободными» являются 75 процентов стран мира. На Ближнем Востоке только 28 процентов стран можно охарактеризовать подобным образом. Более того, за последние 20 лет этот показатель снизился. Для сравнения: ныне более 60 процентов африканских стран классифицируются как свободные или отчасти свободные.

После 11 сентября 2001 года политический разлад в арабском мире внезапно постучался в двери Запада. Вопрос, почему это произошло, так или иначе крутится в голове у всех, а

многие задумываются об этом всерьез. Почему данный регион стал для всего мира притчей во языцех? Из-за чего он превратился в «крупного уклониста», отстающего от всеобщего марша по пути к современному обществу?

Исламский мир

У бен Ладена есть свой ответ на такие вопросы. Для него проблема арабских режимов состоит в том, что они недостаточно исламские. Как он говорит своим последователям, только вернувшись к исламским истокам, мусульмане обретут справедливость. Для бен Ладена демократия – это выдумка Запада. Делая упор на свободе и терпимости, она якобы порождает социальный распад и распущенность. Бен Ладен и ему подобные добиваются свержения нынешних режимов в арабском мире – а возможно, и во всем мусульманском мире – и их замены политической организацией, основанной на жестких мусульманских принципах, подчиненной исламскому праву (шариату) и воспринятой у раннего халифата (исламское царство Аравия, существовавшее в VII веке). Более свежим образцом стал режим талибов в Афганистане.

На Западе встречаются те, кто согласен с бен Ладеном в том, что причина всех бед на Ближнем Востоке – ислам. Такие проповедники, как Пэт Робертсон и Джерри Фолуэлл, а также писатели, в том числе Пол Джонсон и Уильям Линд, пытались доказать, что ислам является религией подавления и отсталости. Более серьезные ученые – с куда большей проницательностью – утверждали, что проблема сложнее: фундаменталисты считают ислам лекалом всей жизни, включая политику. Между тем классический ислам, получивший развитие в VII–XIII веках, не признает большинства идей, которые мы сегодня ассоциируем с демократией. Видный исследователь политических проблем арабских стран Эли Кедури писал: «Идеи представительной власти, выборов, всеобщего избирательного права, а также политических институтов, чья деятельность направляется законами, принятыми парламентской ассамблеей, мысли о том, что такие законы должна охранять и поддерживать независимая судебная власть, а также что госу-

дарство должно быть светским, ... – все они глубоко чужды мусульманской политической традиции»¹.

Никто не станет спорить с тем, что кораническая модель правления авторитарна. Священная книга мусульман полна ссылок на справедливого государя, благочестивого правителя, мудрого властителя. Правда, авторитарные тенденции присутствуют и в Библии. Едва ли можно назвать демократами царей из Ветхого Завета. В конце концов, библейский Соломон, считавшийся наимудрейшим из людей, был абсолютным монархом. В Библии есть также места, в которых оправдываются рабовладение и подчиненное положение женщин в обществе. Правда состоит в том, что отыскивать в Коране нити к разгадке подлинной природы ислама практически бесполезно. Это громадная книга, полная стихов и противоречий; в этом она очень похожа на Библию и Тору. Как и большинство религиозных текстов, все три книги восхваляют правителей. Что касается сочетания духовной и мирской власти, то католические папы веками объединяли в своем лице религиозный авторитет и такую политическую власть, какой никогда не обладал ни один мусульманский правитель. Иудаизм в гораздо меньшей степени связан с политической властью, поскольку до основания государства Израиль в современном мире евреи повсюду составляли меньшинство. И все же слово «теократия» было придумано Иосифом Флавием для описания политических взглядов древних иудеев². Основополагающие религиозные тексты всех верований по большей части писались в иную эпоху, когда было много монархов, феодализма, войны и опасностей. Эти тексты несут на себе отметины своего времени.

Тем не менее, западные ученые XIX – начала XX веков часто пытались доказать, что ислам поощряет авторитаризм. Вероятно, такое их утверждение возникло под влиянием их отношения к Османской империи. Она объединяла несколько сотен миллионов мусульман, которые покорно трудились под властью султана, находившегося в далеком Константинополе, и воспевали ему хвалу перед пятничной молитвой. Однако в то время и большая часть остального мира вполне соответствовала подобной картине почтительного отношения

к политической власти. В России царь считался почти богом. В Японии император богом был. В целом, азиатские империи всегда отличались большим деспотизмом, нежели западные. Но исламское правление было не в большей мере самодержавным, чем его китайская, японская или русская версии.

Действительно, если и стоит отметить какую-то свойственную только исламу черту, так это не его приверженность деспотии, а как раз обратное: в исламе есть антиавторитарная составляющая, заметная сегодня в каждой мусульманской стране. Можно предположить, что ее истоком служат несколько *хадисов* (высказываний пророка Мухаммеда), в которых подчинение правителю является обязательным для мусульманина лишь в той мере, в какой приказания правителя отвечают законам Всевышнего*. Если требования властелина идут вразрез с верой, обязательство подчиняться ему перестает действовать. («Если он приказывает совершить грешный поступок, мусульманину не следует ни слушать [своего господина], ни подчиняться его приказам»³.) Конечно, религии неопределенны. Это значит, что им легко следовать – можно толковать их предписания, как ни пожелаешь. Но это также значит, что нетрудно и ошибиться. Всегда найдется какое-то предписание, которое вы нарушаете. Однако в исламе нет религиозного истеблишмента – пап или епископов, которые могут объявить декретом, какова правильная интерпретация. Поэтому решение противостоять государству на том основании, что оно недостаточно исламское, может принадлежать любому, кто пожелает с ним выступить. В этом ислам сходен с протестантизмом. Подобно тому, как всякий протестант с минимальной подготовкой, типа Джерри Фолуэлла или Пэта Робертсона, может объявить себя религиозным лидером, так и всякий мусульманин способен высказывать свое мнение по вопросам веры. В контексте религии, где нет официального духовенства, у бен Ладена столько же прав на то, чтобы выступить с

* Хадисы зачастую оказываются важнее Корана, поскольку они говорят мусульманам, как выполнять его сформулированные нередко в общих выражениях предписания. Например, Коран требует, чтобы мусульмане молились, но в нем не говорится, как это должно делать. Последнее можно найти в *хадисах*. (Правда, существует множество *хадисов*, причем подлинность многих из них сомнительна, и порой они вступают в противоречие друг с другом.)

фетвой, сколько и у пакистанца, который водит такси в Нью-Йорке. Иными словами, проблему составляет отсутствие в исламе религиозного авторитета, а не его доминирование.

Рассмотрим источник нынешнего хаоса в арабских странах. В Египте, Саудовской Аравии, Алжире и прочих странах исламистские* группировки устраивают кровопролитные кампании против правительств, обвиняя их в предательстве ислама. Бен Ладен и его заместитель египтянин Айман Завахири, будучи оба людьми мирскими, начали политическое восхождение с борьбы против своих правительств из-за политики, которую они считали антиисламской (для Завахири то было заключение президентом Египта Анваром Садатом в 1978 году мирного договора с Израилем; а для бен Ладена – решение короля Фахда в 1991 году допустить американские войска на территорию Саудовской Аравии). Объявив в 1996 году *джихад*, бен Ладен провозгласил, что правительство Саудовской Аравии покинуло лоно ислама, а потому против него допустимо поднять оружие: «Этот режим предал умму [общину верующих] и присоединился к куфру [неверующим], содействуя и помогая им в борьбе против мусульман». Бен Ладен призвал к восстанию против правителей, и многие отозвались на его призыв. Вот почему на Ближнем Востоке лидеры хотят заставить мусульман быть более покорными власти.

Существует также вопрос времени: если проблема коренится в исламе, то почему конфликт разворачивается только сейчас? Почему исламистский фундаментализм пришел в движение только после революции 1979 года в Иране? Ислам и Запад сосуществовали 14 столетий. Между ними случались периоды войн, но периоды мира были гораздо продолжительнее. Многие специалисты подчеркивали, что вплоть до 1940-х годов меньшинства, в частности евреи, меньше подвергались гонениям при мусульманском правлении, нежели при любой другой господствующей религии. Поэтому для многих меньшинств Ближний Восток веками оставался родиной. Часто

* Слово «исламисты» обозначает людей, подобных бен Ладену и стремящихся применять ислам как политическую идеологию, учредив мусульманское государство, жестко следующее исламским законам. Я использую данный термин как взаимозаменяемый с чаще применяемым термином «исламские фундаменталисты», хотя многие ученые отдают предпочтение первому из них.

отмечают, что после создания Израиля в 1948 году около миллиона евреев покинуло арабские страны или было выдворено из них. При этом никто не спрашивает, отчего вообще в арабских странах проживало так много евреев?

Беда с громоподобными декларациями по поводу «природы ислама» состоит в том, что ислам, как и всякая религия, определяется не тем, что говорится о нем в книгах, а тем, каким делают его люди. Не стоит придавать чрезмерное значение шумным проповедям фундаменталистов, составляющих меньшинство. Повседневная жизнь большинства мусульман не подтверждает представлений о том, что эта вера по своей сути является антизападной и враждебной современным веяниям. Самая многонаселенная мусульманская страна в мире, Индонезия, имеет светское правительство со времен обретения независимости в 1949 году, а религиозная оппозиция там остается незначительной (хотя ныне численность ее растет). Что касается совместимости ислама с капитализмом, то до недавнего времени Индонезия была для Всемирного банка образцовой страной «третьего мира», где экономика была либерализована и в течение почти трех десятилетий росла темпами порядка 7 процентов ежегодно. Сейчас она восприняла демократию (которая пока остается хрупким экспериментом) и избрала на пост президента женщину. После Индонезии тремя странами с самым многочисленным мусульманским населением в мире являются Пакистан, Бангладеш и Индия (в Индии мусульман насчитывается более 120 миллионов.) Все эти страны не только имеют большой опыт демократии, но и избирали на пост премьер-министра женщин, причем это происходило значительно раньше, нежели во многих странах Запада. Таким образом, хотя некоторые аспекты ислама несовместимы с правами женщин, повседневная реальность иногда весьма отличается от стереотипа. Причем Южная Азия не составляет аномалии в отношении положения женщин в исламе. В Афганистане, прежде чем он на 20 лет погрузился в хаос и тиранию, 40 процентов всех врачей были женщинами, а Кабул был для женщин одним из самых свободных городов всей Азии. Пусть бен Ладен воспринял талибскую версию ислама, но большинство жителей Афганистана этого не сделали,

что подтверждается внешним видом мужчин в Кабуле и Мазари-Шарифе после свержения власти «Талибана»: они выстраиваются в очередь, чтобы посмотреть фильмы, послушать музыку, потанцевать, побриться и запустить воздушного змея.

Кроме того, есть Турция. У нее пятое по численности мусульманское население в мире. Там небезгрешная, но реально функционирующая либеральная демократия. Страна является членом НАТО и, возможно, вскоре войдет в Европейский Союз. Добавим сюда такие неопытные демократии, как Нигерия и Мали, и мы получим более взвешенное представление о мире ислама. Картина отнюдь не самая благостная. Большинство мусульманских стран относятся к «третьему миру», и для них характерны проблемы нищеты, коррупции и дурного управления. Тем не менее, между исламом и подавлением свободы нет прямой взаимосвязи. Как было отмечено организацией «Фридом хаус», «сегодня большинство мусульман мира живет в демократических странах, где проводятся выборы». Если и существует некая глубинная несовместимость между исламом и демократией, то 800 миллионов мусульман ее, как мы видим, не замечают.

Реальная проблема относится не к мусульманскому миру, а к Ближнему Востоку. Попадая в этот регион, вы в зловещем свете воспринимаете все те несовершенства, которые сегодня всплывают в воображении людей, когда они думают об исламе. В Иране*, Египте, Сирии, Ираке, на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, а также в государствах Персидского залива диктатуры предстают во всей красе, а либеральная демократия кажется недостижимой. Исламский фундаментализм выглядит там весьма привлекательным, говорят ли о нем в подстрекательском ключе за закрытыми дверями или провозглашают во время пламенных проповедей в мечетях. Это земля вдохновенных мулл, террористов-самоубийц и тех, кто сжи-

гает флаги. Американцы воевали в Афганистане, но ни один афганец не был связан с какой-либо террористической акцией против США. Афганистан был военным лагерем, с территории которого войну с Америкой вела армия арабов.

Арабский мир является сердцевинной исламского мира. Но это лишь его часть, к тому же незначительная по численности. Из 1,2 миллиарда мусульман только 260 миллионов живут в арабских странах. Люди на Западе часто используют слова «исламский», «ближневосточный» и «арабский» как взаимозаменяемые. Между тем они означают не одно и то же.

Арабский склад ума

Не свалил ли я здесь ответственность на кого-то без достаточного на то основания? Продемонстрировав, что на деле ислам менее враждебен к демократии и либерализму, чем это утверждают многие, не перешел ли я просто к еще одной культурной теории, на сей раз по поводу арабов? Кстати, такие аргументы давно приводят на Западе, начиная с чиновников британской колониальной администрации, правивших Аравией в XIX – начале XX века. Типичный вердикт вынес британский командующий Арабского легиона в Иордании в период с 1939 по 1956 год Джон Бэгот Глабб:

Мы дали им самоуправление, которое им совершенно не подходит. Для них естественно движение к диктатуре. Демократические институты тут же превращаются в механизмы для интриг; в итоге после каждого переворота у руля оказывается все та же группа лиц, хотя и в измененном обличье, – до тех пор, пока от них не избавятся, прикончив их⁴.

Даже Т.Е. Лоуренс – британский офицер-авантюрист, друг арабов, увековеченный в фильме Дэвида Лина «Лоуренс Аравийский», – рисует портрет романтически настроенного народа, легко подчиняющегося любому демагогу, который встретится ему на пути:

Арабов можно легко склонить к какой-то мысли, как если бы вы дергали их за ниточки; ничем не ограниченная податли-

* В настоящей главе я нередко рассматриваю Иран и арабские страны вместе. Если быть точным, то Иран к арабским странам не относится. Иранцы говорят на фарси, а не на арабском языке. Однако исламская революция 1979 года в Иране дала мощный толчок более широкому фундаменталистскому движению и на сей день притупила остроту длившегося целую эпоху раскола между двумя крупнейшими группами ислама: суннитами (в большинстве своем арабами) и шиитами (в большинстве своем иранцами).

вость их ума делает их послушными слугами... Их ум странен и темен, полон депрессии и экзальтации, ему не хватает порядка, в нем больше пыла и предрасположенности к вере, чем у кого-либо еще в мире⁵.

Менее сентиментален, хотя столь же убийственен в оценке способности арабов самим решать свои проблемы, анализ Ивлиина Бэринга, позднее лорда Кроумера, который единолично управлял Египтом в интересах Британской короны с 1883 по 1907 год. В своей подробной истории современного Египта он противопоставляет «восточный» и «западный» склад ума:

Недостаток аккуратности, легко вырождающийся в лживость, фактически является главной характерной чертой восточного ума... Уму человека Востока, как и его живописным улицам, чрезвычайно недостает симметрии. Его логику следует назвать весьма неаккуратной⁶.

Сегодня от подобных характеристик «ориентального» веет чем-то недопустимым, они напоминают нам о тех днях, когда идеи, подобные френологии, сходили за научные. (А если «восточные люди» должны включать китайцев и индийцев – как это было в те времена – то чем же объяснить тогда их поразительные успехи в естественных науках, математике и в других подобного рода проявлениях рациональности?) Однако ситуация качнулась из одной крайности в другую. Тем, кто прибегал к культурным стереотипам подобного рода (то есть «ориенталистам»), пришло на смену новое поколение политически корректных ученых, которые не посмеют спросить, почему арабские страны увязли в социальной и политической среде, столь отличной от всего, с чем имеет дело остальной мир. В их мире отсутствует также хотя бы малая доля самокритики. Большинство же арабских писателей больше озабочено тем, чтобы защитить национальную честь от заявлений уже умерших «ориенталистов», нежели тем, чтобы попытаться уразуметь затруднительное положение, в котором находится арабский мир.

Реальность отрицать невозможно. Из 22 членов Лиги арабских государств ни одно государство не стало демократией,

не проводились бы выборы, в то время как таковыми являются 63 процента всех стран мира. И хотя у некоторых стран – Иордании, Марокко – в некотором смысле имеются либеральные авторитарные режимы, у большинства нет и этого. Недавняя история региона весьма уныла. Последние пять десятилетий отягощены примерами, когда арабские толпы приветствовали одного диктатора за другим как своих спасителей. Гамаль Абдель Насер в Египте, Муаммар Каддафи в Ливии и Саддам Хусейн в Ираке – все они были объектами идущего от сердца обожания со стороны арабских масс.

Немногие местные ученые, рискующие вступить на поле культуры, подчеркивают, что социальная структура в арабских странах глубоко авторитарна. Например, Бахгат Корани, по происхождению египтянин, пишет, что «арабский политический дискурс засорен описаниями просвещенного диктатора, героического и исключительного лидера (*заима*), почтенного отца семейства»⁷. Ученый из Ливана Халим Баракат высказал предположение, что патриархальные отношения и ценности, преобладающие в арабской семье, как видно, главенствуют также и на работе, в школе, в религиозных, политических и социальных организациях. В каждом случае над всеми остальными возвышается фигура «отца», монополизирующего власть, требующего четкого подчинения себе и проявляющего минимум терпимости в отношении несогласных. Вынуждая окружающим такой мысленный образ, лица, занимающие ответственные позиции (правители, руководители, учителя, наниматели или надсмотрщики), прочно оккупируют вершину властной пирамиды. Оказавшись в таком положении, патриарх может быть свергнут со своего трона только тем, кто в равной с ним мере патриархален⁸.

Прототип арабского патриарха можно встретить в романах лауреата Нобелевской премии египетского писателя Нагиба Махфуза. Его знаменитая трилогия – включающая в себя книги «Прогулка по дворцу», «Дворец желания» и «Сахарная улица» – рассказывает о жизненных перипетиях египетского торговца Аль-Саида Ахмада Аль-Джавада. Силь Саид (господин Лорд), как называет его жена, занимает в своем доме неоспоримое положение, подобно султану. Его семья держится

при нем смиренно, стоя в ожидании, пока он сидит в одиночестве, наслаждаясь обедом. Его жене и детям позволено есть, только когда он завершит свою трапезу. Когда жена осмеливается выйти из дома без его разрешения, он прогоняет ее к ее родителям. Сейчас египтяне используют имя Силь Саид как нарицательное, причем в отношении как любого деспотичного мужа, так и своего национального лидера.

Черты Силь Саида можно заметить у большинства арабских руководителей: в Насере – харизматичном лидере с диктаторскими замашками, который вызывал в народе и страх, и преданность; в Садате, сменившем Насера, называвшем народ «мои дети» и не отказывавшемся при этом от необычайной жестокости. То же самое относится к монархам Персидского залива, ежемесячно устраивающим *меджлис*, чтобы граждане-просители имели возможность донести до господина свои (тщательно отобранные) печали. У этого больна дочь, у того спор с соседом из-за земельного участка. Господин направляет первого в министерство здравоохранения, а второго – в министерство внутренних дел. Податели просьб целуют ему руки и возносят хвалы Аллаху за то, что тот даровал им столь доброго правителя. Монарх не принимает восторгов, как бы показывая, что это всего лишь его работа. «Мне хотелось бы всегда оставаться в тесном контакте с моим народом, так как это дает возможность исполнить пожелания людей. Поэтому мой меджлис будет открыт для всех, кто захочет прийти», – сказал, как утверждают, основатель Саудовской Аравии король Абдул Азиз ибн Сауд.

Между тем, сколь бы чуждым все это ни казалось современному западному человеку, ничто из отмеченного – ни патриархальность, ни деспотичность, ни романтизм – не является исключительно арабской особенностью. Испепеляющая критика арабской культуры, принадлежащая перу солдат Британии и выдержки из которой цитировались выше, ничем не отличалась от того, что они писали о китайцах, японцах, индийцах, то есть всех «жителях Востока» и «азиатах». До совсем недавнего времени в большинстве азиатских и африканских стран правили диктаторы, на которых их народы взирали со страхом и благоговением. Вспомним о Сукарно в Индоне-

зии, Джулиусе Ньерере в Танзании, Хуане Пероне в Аргентине и Тито в Югославии. Даже современная западная история отмечена примерами всемогущих диктаторов и зачастую обожавших их толп. Франсиско Франко, Антонио Салазар, Бенито Муссолини и Адольф Гитлер – всеми ими когда-то восхищались массы их сограждан. Вообще же говоря, хотя Запад на протяжении столетий отличался большей прогрессивностью и либерализмом, там также тысячелетиями существовала жесткая патриархальная иерархия. В конце концов, женщины перестали считаться собственностью мужей лишь несколько веков тому назад. Но если Запад прогрессировал, и даже за его пределами в отдельных регионах началась модернизация (особенно в последние 50 лет), то арабский мир застрял на уровне примитивной политической и общественной организации. Арабская политика не является уникальной в культурном отношении; она просто задержалась в своем развитии.

Наблюдая арабский мир в середине XX столетия, когда он только освободился от колониальной зависимости от европейских метрополий, вряд ли было можно предположить, что ему предстоит превратиться в болото. Другие страны Азии, такие как Южная Корея или Малайзия, тогда находились в куда худшем состоянии, но добились гораздо большего. В 1945 году мало кто предсказал бы подобные результаты. Действительно, в то время многие наблюдатели отмечали, что в сравнении с другими странами, пережившими деколонизацию, у арабов все было как раз в порядке. Бейрут, Дамаск, Каир и Багдад были более развиты в культурном и коммерческом отношениях, отличались большей прогрессивностью, нежели большинство других азиатских и африканских столиц. Это объяснимо. В конце концов, арабы принадлежат к великой цивилизации с долгой историей научных, философских и военных побед. Они создали алгебру, сохранили наследие забытого на Западе Аристотеля и одерживали победы в войнах с величайшими державами того времени. Когда Европа переживала век обскурантизма, исламское искусство и культура отличались изысканностью.

В 1940–1950-е годы в арабском мире было много надежд на то, что ему удастся возродить былую славу. Хотя этим стра-

нам были свойственны понятные постколониальные подозрения в отношении Запада, в этот период они ориентировались на Соединенные Штаты. Самый известный египетский журналист Мухаммед Хейкал объяснял это следующим образом: «Соединенные Штаты являли собой исключительно... привлекательную картину. Великобритания и Франция были уходящими в прошлое империями, вызывавшими ненависть. Советский Союз находился на удалении в 5000 миль, причем с точки зрения мусульман коммунистическая идеология заслуживала проклятия. Америка же вышла из Второй мировой войны еще богаче, могущественнее и притягательнее»⁹. Новые арабские элиты имели современный, светский взгляд на религию. В 1956 году арабский интеллектуал Исхак Хусени написал в обзоре для журнала «Атлантик мансли»: «Сегодня ислам начинает занимать положение, аналогичное западной религии, когда церковь отделена от государства». Сколь бы странным это описание ни показалось нам теперь, оно точно отражает расхожие представления того времени.

С тех пор что-то изменилось. Чтобы выяснить причины нынешнего кризиса в арабском мире, следует принять в расчет случившееся там соскальзывание вниз по спирали. Мы должны вскрыть подоплеку не прошедших 400, а последних 40 лет истории.

Политический провал

Трудно даже представить себе то оживление в арабском мире конца 1950-х годов, которое сопровождало приход Насера к власти в Египте. Десятилетиями арабами правили колониальные губернаторы и никчемные короли. Теперь же осуществлялись их мечты о независимости, а Насер был их новым спасителем, современным человеком, стоящим на уровне задач послевоенной эпохи. Он родился в период британского господства в Александрии – космополитичном городе, в большей мере средиземноморском, нежели арабском. Годы его формирования как личности прошли в армии, представлявшей собой наиболее вестернизированную часть египетского общества. В безупречно сшитых костюмах и модных темных

очках он представлял собой бравую фигуру на мировой сцене. «Лев Египта» выступал от имени всех арабов.

Насер полагал, что арабская политика должна вдохновляться такими идеями, как самоопределение, социализм и арабское единство. То были современные понятия; к тому же западные. Как и многие другие лидеры стран «третьего мира» того времени, Насер был постоянным читателем британского журнала «Нью стейтсман». Его «национальная хартия» 1962 года звучит так, как если бы ее написали интеллектуалы левых взглядов в Париже или Лондоне. Даже панарабизм – цель, к которой он стремился особенно страстно, – вдохновлялся из европейских источников. Это была одна из версий национализма, под влиянием которого в 1870-х годах произошло объединение сначала Италии, а затем Германии. Смысл его состоял в том, что люди, говорящие на одном языке, должны составлять единую нацию.

До того, как богатство превратило государства Персидского залива в жирных золотых гусей, лидером на Ближнем Востоке был Египет. Поэтому картина, которую рисовал Насер, распространилась на весь регион. Все режимы, от баасистов и генералов в Сирии и Ираке до консервативных монархий в Персидском Заливе, выражались похожими терминами и прибегали к одним и тем же интонациям. Они не просто подражали Насеру. Арабы жаждали стать современными и усматривали современность в восприятии западных идей, даже если это сопровождалось противостоянием западному влиянию.

В этом отношении арабский мир походил на многие другие незападные страны. Оказавшись свидетелями подъема Запада, отставшие цивилизации – Китай, Индия, Османская империя – размышляли, как бы его догнать. В течение значительной части современной истории казалось, что исламские страны стремились к этому сильнее, чем большинство остальных. После того, как в 1683 году османы потерпели поражение близ Вены, арабы осознали, что им многому нужно научиться у Запада. С тех пор, как Запад совершил высадку на арабских землях, что произошло в форме завоевания Наполеоном Египта в 1798 году, местных жителей завораживала эта

мощная цивилизация. По свидетельству историка Альберта Хурани, в XVIII–XIX веках на Ближнем Востоке распространялись политические и общественные идеи, приходившие из Европы.

Эпоха колониализма конца XIX – начала XX веков породила надежды на дружбу с Великобританией. Они оказались разбиты, но все же арабские элиты оставались под большим впечатлением от Запада. Будущие короли и генералы учились в колледже Виктории в Александрии, усваивая речь и манеры британских джентльменов. Многие затем отправлялись в Оксфорд, Кембридж и Сэндхерст. Эта традиция до сих пор поддерживается в Иордании – правда, теперь отпрыски королевской семьи поступают в американские учебные заведения. После Первой мировой войны в арабском мире на краткий миг вспыхнула и погасла новая либеральная эпоха, когда в таких странах, как Египет, Ливан, Ирак и Сирия получили распространение идеи либерализации политики и общества. Но либеральные критики королей и аристократов оказались сметены вместе со старыми режимами, которые они критиковали. В моду вошла более современная и жесткая идеология военизированного республиканизма, государственного социализма и арабского национализма. Между тем подобные идеи опять-таки в основном пришли с Запада; все члены партии БААС и приверженцы Насера носили западные костюмы и хотели модернизировать свои страны.

Новые политические идеи и действия в арабском мире привели в никуда. При всей своей энергичности, арабские режимы выбирали плохие идеи и еще хуже их реализовывали. Социализм породил бюрократию и застой. Хозяйство фактически вообще не развивалось, поскольку не удавалось компенсировать недостатки центрального планирования. Не добившись продвижения к демократии, республики, напротив, закаменели в форме диктатур. «Неприсоединение» стран «третьего мира» превратилось в просоветскую пропаганду. Арабское единство дало трещину и стало гибнуть, когда эти страны осознали свои собственные национальные интересы и возможности. Арабский вариант «холодной войны» получил развитие в отношениях между странами, где правили проза-

падные короли (государства Персидского залива, Иордания), и теми, что управлялись революционными генералами (Сирия, Ирак). Хуже всего было то, что Израиль нанес арабам несколько унижительных поражений на поле брани. Их скорое и ошеломляющее поражение в 1967 году некоторым образом оказалось поворотным моментом, обнаружившим, что за риторикой и напыщенностью скрывались общества, терпящие неудачу. Вторгнувшись в Кувейт в 1990 году, Саддам Хусейн уничтожил то, что еще оставалось от идеи панарабизма.

С тех пор положение лишь ухудшилось. Взглянем на то, что сегодня происходит с Египтом. Обещания насеризма превратились в тихий кошмар. Правительство эффективно только в одной сфере: в подавлении инакомыслия и удушении гражданского общества. Американский ученый ливанского происхождения Фуад Аджамид сокращается, что Египет – некогда эпицентр интеллектуальной жизни арабских стран – теперь выпускает только 375 наименований книг в год. В то же время в Израиле, где численность населения в 10 раз меньше, ежегодно издается 4000 книг. Аджамид приводит слова политического комментатора Карима Альрави, предупреждавшего, что «после того, как Египет встретился с Европой, модернизационный императив, преобладавший в этой стране и направлявший ее развитие с начала 1800-х годов, стал обращаться вспять»¹⁰.

Как ни странно, в Египте дела сложились все же лучше, чем у его арабских соседей. Так, Сирия стала одним из самых деспотических полицейских государств в мире. Здесь правящий режим может совершить облаву на 30 тысяч человек и уничтожить их без всяких для себя последствий, как это произошло в 1982 году в городе Хама. (Между тем речь идет о стране, столица которой, Дамаск, является старейшим городом мира, жизнь в котором никогда не прерывалась.) За 30 лет Ирак также превратился из одной из самых современных и светских стран арабского мира – где женщины работали, художники преуспевали, журналисты писали – в манеж для развлечений отвратительного маньяка. Саддам единственный среди современных диктаторов применил биологическое оружие против собственного народа (иракских курдов). Ливан –

космополитическое сообщество с множеством культур, чью столицу Бейрут некогда именовали «Парижем Востока», — погрузился в пучину войны и террора, из которой он выходит только сейчас.

Все эти страны имели авторитарное прошлое. Однако за последние несколько десятилетий традиционные диктатуры овладели новейшими технологиями и методами подавления свобод, что привело к появлению здесь правительств, контролирующих все без исключения стороны жизни общества. Как подчеркивал историк ислама Бернард Льюис, сегодняшние мелкотравчатые диктаторы обладают гораздо большей властью, нежели легендарные императоры давних времен, такие как турецкий падишах Сулейман Великолепный в XVI веке или калиф Гарун аль-Рашид в VIII веке (обретший бессмертие в сказках «Тысяча и одна ночь»). Например, эмираты Персидского залива некогда управлялись в расслабленном бедуинском стиле монархами, обладавшими лишь ограниченной властью над кочевыми народами. Ныне это богатые государства, использующие свое благосостояние для наращивания полицейских сил, армий и разведывательных служб, что позволяет плотно контролировать население. Разочарование и раздражение жителей, которым дали некоторое благосостояние, но лишили голоса (то есть заперли в золоченой клетке) ощущается даже в богатых государствах Персидского залива. Большинство американцев считают, что арабам следовало бы быть благодарными за ту роль, которую США сыграли в регионе, спасая Кувейт и Саудовскую Аравию. Однако большинство арабов придерживаются мнения, что Соединенные Штаты спасали в этих странах королевские семьи — а это совсем другое.

К концу 1980-х годов, когда мир наблюдал за тем, как от Москвы и Праги до Сеула и Йоханнесбурга рушились прежние режимы, арабы оставались под властью своих коррумпированных диктаторов и стареющих королей. Режимы, которые в 1960-е годы казались многообещающими, ныне предстают поношенными клептократиями, крайне непопулярными и совершенно нелегитимными. Кажется почти невыносимым, что вопреки глобальной тенденции практически все

арабские страны сегодня менее свободны, чем 40 лет назад. В мире немного стран, о которых можно сказать такое.

Хозяйственный провал

Практически на всех встречах и семинарах по терроризму, организуемых экспертными центрами и университетами после 11 сентября 2001 года, если кто-то хочет выглядеть глубокомысленным и серьезным, то говорит с умным видом: «Нужно бороться не только с самим терроризмом, но также с тем, что его порождает». За этой банальной фразой неизменно следует предложение организовать новый «план Маршалла» для победы над бедностью в мусульманском мире. Кто может быть против искоренения нищеты? Однако порок этого диагноза состоит в том, что он игнорирует неудобный факт: террористическую сеть «Аль-Каида» составляют отнюдь не бедняки или лишенцы.

Это очевидно, если говорить о ее главе: бен Ладен родился в семье, богатство которой составляет более 5 миллиардов долларов. Подобное утверждение справедливо и в отношении многих из его ключевых сообщников, таких как его заместитель — бывший каирский хирург Завахири, выходец из высших слоев египетского общества. Его отец был известным профессором Каирского университета, дед — главным настоятелем мечети «Аль-Азхар» (важнейшем в арабском мире центре основного направления в исламе), а дядя — первым генеральным секретарем Лиги арабских государств. Возьмем далее Мухаммеда Атту — пилота первого самолета, протаранившего Всемирный торговый центр. Он вырос в современной, к тому же умеренной по взглядам, египетской семье. Его отец был юристом, у него две сестры — профессор и врач. Сам Атта учился в Гамбурге, как и несколько других террористов. Даже рядовые новобранцы «Аль-Каиды» были, по всей видимости, образованными людьми из среднего класса. В этом смысле парнишка из Калифорнии Джон Уолкер Линд, выпавший из американского образа жизни и влившийся в ряды движения «Талибан», заметно отличался от многих своих единомышленников-фундаменталистов. Можно сказать, что он был сравни-

тельно плохо образован, имея лишь аттестат средней школы против их инженерных дипломов.

Действительно, питательная среда терроризма сложилась в странах, больше других разбогатевших в последние 30 лет. На четырех самолетах, которые были использованы в террористических актах 11 сентября, 15 из 19 угонщиков были гражданами Саудовской Аравии, то есть государства – крупнейшего мирового экспортера нефти. Представляется маловероятным, чтобы их гнев был спровоцирован нищетой. Даже другой основной поставщик кадров для «Аль-Каиды» – Египет – по международным стандартам нельзя причислить к действительно бедным странам. Доход на душу населения здесь составляет 3690 долларов. По этому показателю страна находится в середине общего списка; к тому же в течение последнего десятилетия там наблюдался экономический рост на вполне достойном уровне 5 процентов в год. Возможно, этого недостаточно, если принять во внимание рост численности населения, составлявший около 3 процентов. Однако во многих странах ситуация куда плачевнее. Тем не менее, они не породили полчищ мужчин, готовых направить самолеты на манхэттенские небоскребы. Если бы источником террора была нищета, то «Аль-Каида» пополняла бы свои ряды выходцами из Тропической Африки или Южной Азии, а не с Ближнего Востока.

Неравенство как таковое также ничего не объясняет. Стандартный показатель неравенства в доходах населения той или иной страны называется индексом Джини. Чем меньше его значение, тем лучше. В Бразилии он равен 60, в Бельгии – 25, а в Египте – 28,9, то есть ниже, чем почти повсеместно в Латинской Америке и большинстве других развивающихся стран. Фактически, распределение доходов в Египте даже несколько более равномерное, нежели во Франции, где показатель равен 32,7. На долю 30 процентов самых богатых жителей Египта приходится 64 процента его валового внутреннего продукта; во Франции 30 процентов самого богатого населения владеют 65 процентами ВВП. В Египте нижние 30 процентов располагают 14,2 процентами ВВП; во Франции тот же нижний слой имеет только 10 процентов¹¹. В государствах Пер-

сидского залива, которые не предоставляют соответствующих данных, степень неравенства, вероятно, выше; однако не исключено, что она не достигает степеней, скажем, Бразилии, Колумбии или Нигерии.

И все же в кризисе, переживаемом арабским миром, есть важное экономическое измерение. Проблема – в богатстве, а не в бедности. Во второй главе мы показали, что режимы, богатые благодаря природным ресурсам, имеют тенденцию не развиваться, не модернизироваться и не легитимизироваться. Арабский мир является самым убедительным подтверждением теории о государствах-паразитах. Причем это верно не только в отношении ведущих производителей нефти. Возьмем Египет. Он является не крупным, но заметным экспортером нефти и газа. Кроме того, он зарабатывает 2 миллиарда долларов в год в виде платы за проход судов по Суэцкому каналу и еще 2,2 миллиарда долларов в год получает в виде помощи от Соединенных Штатов. Кроме того, в Египет поступают крупные суммы денежных переводов, посылаемых на родину египтянами, работающими в государствах Персидского залива. В целом, страна получает изрядный процент своего ВВП фактически в виде ренты. Или рассмотрим Иорданию – прогрессивное государство, находящееся в процессе либерализации. Она получает 1 миллиард долларов в год в виде помощи от Соединенных Штатов. Хотя это цифра может показаться незначительной, надо иметь в виду, что ВВП Иордании – всего 17 миллиардов долларов. Почти 6 процентов ее ежегодного дохода составляет иностранная помощь, исходящая от одной страны.

Легкие деньги подразумевают отсутствие стимула к экономической или политической модернизации. Незаработанный доход избавляет государство от необходимости облагать своих граждан налогами – и в обмен обеспечивать их чем-то в виде политической отчетности, прозрачности и представительства во власти¹². История показывает, что необходимость заниматься налогообложением своих жителей вынуждает государство становиться более отзывчивым к их запросам и более представительным. Ближневосточные режимы мало спрашивают со своих народов и, в свою очередь, мало что дают им.

Еще одно негативное следствие благосостояния, полученного за счет эксплуатации природных ресурсов, состоит в том, что оно делает правительство достаточно богатым, чтобы стать репрессивным. Для полиции и армии денег всегда хватает. Например, Саудовская Аравия расходует 13 процентов своего ВВП на военные нужды. То же самое происходит и в Омане. Кувейт тратит на подобные цели 8 процентов ВВП. Различные подсчеты военных расходов Ирака до войны в Персидском заливе определяли их в размере от 25 до 40 процентов ВВП. Конечно, столь высокие цифры отчасти обуславливались войной с Ираном; но они связаны и с тем, что Саддам и его партия БААС содержали обширную сеть внутренней разведки.

Годами в богатых нефтью государствах многие утверждали, что ее несметные запасы обеспечат модернизацию. Они указывали на впечатляющий аппетит саудовцев и кувейтцев ко всему западному, начиная с гамбургеров из «Макдональдса» и заканчивая часами «Ролекс» и лимузинами «Кадиллак». Однако ввозить западные товары несложно; импорт же внутреннего содержания современного общества – свободного рынка, политических партий, отчетности власти перед народом, верховенства закона – более труден и даже представляет опасность для правящих элит. В результате в государствах Персидского залива мы наблюдаем поддельный вариант модернизации, при котором товары и даже работники импортируются из-за рубежа. Мало что из современного имеет здесь местное происхождение; если в этих странах завтра вдруг испарится нефть, у них не останется ничего от десятилетий благополучия, если не считать безмерной склонности к праздности.

Боязнь вестернизации

Примерно десять лет назад во время случайной беседы с одним немолодым арабским интеллектуалом я выразил разочарование по поводу того, что на Ближнем Востоке правительства оказались не в состоянии либерализовать экономику и общество так, как это было сделано в Восточной Азии. «По-

смотрите на Сингапур, Гонконг и Сеул», – сказал я, имея в виду их необыкновенные хозяйственные достижения. Мой собеседник, мягкий, приятный, эрудированный и прозападно настроенный журналист, выпрямился и резко ответил: «Посмотрите на них. Они просто подражают Западу. Их города – дешевые копии Хьюстона и Далласа. Возможно, такое годится для рыбацких деревень, но мы наследники одной из великих мировых цивилизаций. Мы не можем позволить себе превратиться в трущобы Запада».

Эта смесь чувств гордости и неудачливости составляет суть «арабской проблемы». Она преграждает путь экономическому развитию и затрудняет политический прогресс. Америка считает переход к эпохе модернити делом исключительно благим – и для Америки в основном так и было. Но для арабского мира это означало одно поражение за другим. Все избранные пути – социализм, светскость, национализм – приводили в тупик. Многие часто задаются вопросом, почему бы арабским странам не попробовать отделить школу от церкви. Фактически в течение большей части прошедшего века большинство из них так и сделало. Теперь же народ ассоциирует провалы своего правительства с неудачей в установлении светского режима и западной модели развития. Арабы разочаровались в Западе, в то время как им следовало бы разочароваться в собственных лидерах.

Ускорение глобализации в 1990-е годы нанесло арабскому миру неожиданный удар. Арабские общества достаточно открыты, чтобы современность подорвала их устои, но они открыты не в той мере, чтобы оседлать накатывающуюся волну. Арабы смотрят телевизионные шоу, охотно ходят в рестораны быстрого обслуживания и пьют газированные напитки, но в своих обществах они не видят настоящей либерализации, которая открыла бы им новые горизонты. Они не видят экономических возможностей и динамизма, поскольку все контролируют прежние элиты. В арабском мире глобализация – это карикатура на нее, рисуемая ее критиками, то есть наплыв западных товаров и рекламы, но практически ничего сверх того. Для элиты арабских обществ глобализация подразумевает, что появляется больше вещей, которые можно купить.

Но для некоторых ее представителей это вместе с тем феномен, выбивающий их из привычной колеи и угрожающий традиционным основам их власти.

Подобная смесь восхищения Западом и отвращения к нему – то есть к современности – совершенно дезориентировала арабов. Молодые люди, часто лучше образованные, чем их родители, покидают деревни с традиционным укладом, чтобы найти работу. Они прибывают в шумные, многолюдные крупные города – Каир, Бейрут, Дамаск – или отправляются на заработки в нефтедобывающие государства. (В какой-то период времени в государствах Персидского залива работало почти 10 процентов трудоспособного населения Египта.) Попадая в новый для них мир, они наблюдают в нем большую разницу в доходах и испытывают лишнее их четких ориентиров воздействие современного образа жизни. Что особенно непривычно, они видят женщин, которые не носят хиджабов и посещают публичные места, ездят на автобусах, едят в кафе и работают рядом с ними. Они непосредственно сталкиваются с противоречиями современной жизни, поскольку стремятся обрести благоденствие нового мира, сохранив при этом традиции и определенность мира старого.

Глобализация застигла арабов в неудачный момент с точки зрения демографии. Арабские общества переживают молодежный бум; возраст более половины населения – до 25 лет. В Саудовской Аравии 75 процентов населения моложе 30 лет. Избыток неугомонной молодежи – плохая новость для любой страны. В любом обществе почти все преступления совершаются людьми в возрасте от 15 до 25 лет. Как говаривал один социолог, посадите всех молодых людей под замок – и количество преступлений с применением насилия сократится более чем на 95 процентов. (Поэтому социализация молодежи – в школах, колледжах и лагерях – стала одной из основных задач цивилизованных обществ.) Когда происходят даже незначительные социально-экономические перемены, молодежный бум порождает активные массовые протесты. В прошлом общества, оказывавшиеся в подобных обстоятельствах, часто рушились в результате поисков революционных решений. Франция прошла через молодежный бум как раз накануне

Французской революции 1789 года, а Иран – перед революцией 1979 года. Даже Соединенные Штаты пережили молодежный бум, пик которого пришелся на 1968 год, когда по стране прокатилась волна самых сильных социальных протестов со времен Великой депрессии. В арабском мире такой подъем приобрел форму религиозного возрождения.

Религиозный подъем

Насер был умеренно набожным мусульманином, но стремился не смешивать религию с политикой, что представлялось ему возвратом в прошлое. Это стало болезненно ясно мелким исламским партиям, поддержавшим его приход к власти. Самая серьезная среди них – «Братья-мусульмане» – уже в 1950-х годах начала активно, а зачастую и с применением насилия, выступать против него. Насер жестоко обрушился на эту партию, посадив в тюрьму более тысячи ее ведущих членов и в 1954 году казнив шестерых. Одним из таких заключенных стал Саид Кутб, болезненный человек и вдохновенный писатель. Он написал в тюрьме книгу под названием «Дорожные указатели». В некотором роде она положила начало современному политизированному исламу – или тому, что часто называют исламским фундаментализмом*.

В своей книге Кутб порицал Насера как недостаточно набожного мусульманина, а его режим – как далекий от ислама. Он утверждал далее, что фактически столь же испорчен почти каждый современный арабский режим. В воображении Кутба рисовалось более совершенное, добродетельное государство, основанное на строгих принципах ислама, что было главной целью правоверных мусульман с 1880-х годов¹³. По мере того, как в течение десятилетий, последовавших за временем правления Насера, ближневосточные режимы становились все более далекими от народа, репрессивными и лицемерными, привлекательность фундаментализма росла. Он расцветал, так как «Братья-мусульмане» и другие подобные

* Во многих отношениях первым фундаменталистом стал современник Кутба, пакистанский ученый Абул Ала Маудуди. Кутб восхищался им и переводил его творения на арабский язык. Однако сегодня во всем исламском мире читают именно Кутба.

организации пытались дать людям, по крайней мере, ощущение смысла и цели их существования в меняющемся мире – чего не попытался сделать ни один из ближневосточных политических лидеров. В новаторской работе «Арабы в беде», точнее всего объясняющей надлом арабской политической культуры, Фуад Аджами пишет: «Фундаменталистский призыв находит отклик, потому что приглашает людей к участию ... [в] противоположность такой политической культуре, которая низводит граждан до положения зрителей и предполагает, что те оставят решение всех проблем на усмотрение своих правителей. Во времена, когда будущее неопределенно, фундаментализм связывает людей с традицией, что снижает степень их смутения». Он дал арабам, недовольным своей судьбой, действенный язык противостояния ей.

В этом отношении ислам уникален. Арабский мир – это политическая пустыня, где нет настоящих партий или свободной прессы и не хватает способов для выражения недовольства. В результате местом обсуждения вопросов политики стала мечеть, как единственная площадка, которую в мусульманских обществах невозможно запретить. Здесь концентрируются и взращиваются вся ненависть и оппозиция к правящим режимам. В этих странах языком оппозиции стал язык веры. Подобное сочетание религии и политики оказалось взрывоопасным. Религии, во всяком случае исходящие из авраамических традиций – иудаизм, христианство и ислам, – делают упор на абсолютных нравственных ценностях. Политика же вся построена на компромиссах. В итоге сложилось безжалостное отношение к политической жизни, не учитывающее интересов оппонентов.

Фундаменталистские организации занимались не только разговорами. Все они – и «Братья-мусульмане», и «Хамас», и «Хизболла» – активно оказывают социальные услуги, предоставляют медицинскую помощь, консультации и временное жилье. Тех, кто высоко ценит гражданское общество, смущает то обстоятельство, что на Ближнем Востоке подобные группы, нетерпимые к чужому мнению, *и есть* гражданское общество. Шерри Берман, изучавшая подъем фашистских партий в Европе, приводит интересную аналогию. Она подметила, что

«фашисты часто демонстрировали высокую эффективность в предоставлении общественных услуг»:

Когда государство или политические партии терпят крах, то есть когда они не способны дать ощущение справедливости или цели либо оказать базовые услуги, возникающий вакуум нередко заполняют другие организации. В исламских странах в религии есть уже готовый источник легитимности. Поэтому неудивительно, что она составляет фундамент, на котором произрастают подобные группы. Специфическая форма – исламский фундаментализм – присуща именно данному региону, но в основе своей действует примерно та же тенденция, что и при подъеме нацизма, фашизма и даже популизма в Соединенных Штатах.

Если говорить о важнейшей причине подъема исламского фундаментализма в арабском мире, то это полный провал политических институтов.

Исламский фундаментализм получил мощный толчок к развитию в 1979 году, когда аятолла Рухолла Хомейни сверг проамерикански настроенного иранского шаха. Революция в Иране показала, что некоторые группы общества способны померяться силой с правителем страны. Она также позволила обнаружить, что в обществе, находящемся в процессе развития, даже, казалось бы, доброкачественные факторы прогресса – например, образование – могут усугублять неблагополучие. До 1970-х годов большинство мусульман на Ближнем Востоке были неграмотны и жили в деревнях и небольших городках. Они практиковали своего рода деревенский ислам, адаптированный к местным культурным традициям и нормальным людским стремлениям. Эти сельские жители отличались плюрализмом взглядов и терпимостью; они зачастую поклонялись святым, посещали священные места, пели религиозные гимны и ценили искусство – хотя формально ислам всего этого не позволяет. Однако к 1970-м годам эти сообщества пережили процесс урбанизации. Люди стали уезжать из деревень в города и столицы в поисках работы. Их религиозный опыт не коренился более в определенном месте со своими обычаями и традициями. В то же время они учились читать и обнару-

жили, что новое поколение писателей, проповедников и учителей выступает в защиту нового ислама. Это была уже абстрактная вера, не укорененная в историческом опыте, но педантичная и пуританская – ислам высокой пробы в противоположность исламу уличного базара.

В Иране аятолла Хомейни применил мощную технологию: аудиокассеты. Даже в 1970-е годы, которые он провел в изгнании в Париже, его проповеди распространялись по всему Ирану и стали средством сопротивления репрессивному шахскому режиму. Но они также несли людям новый, озлобленный, аскетический ислам, согласно которому Запад считался злом, Америка – «Большим Сатаной», а с неверными нужно было бороться. В использовании языка ислама в качестве оружия политики Хомейни был не одинок. Мыслящие люди, разочарованные половинчатой или слишком поспешной модернизацией, ввергшей их существование в хаос, писали книги, направленные против вестернизации, и называли современного иранца – человека наполовину западного, наполовину восточного – «перекати-полем». Модные интеллектуалы, писавшие свои труды нередко в комфортных условиях Лондона или Парижа, критиковали американские секуляризм и потребительство, призывая к исламской альтернативе. Когда подобные теории распространились по арабскому миру, они стали привлекать не беднейших из бедных, для которых вестернизация была чудом, поскольку подразумевала наличие еды и медицинской помощи. Их лучше воспринимали орды образованных арабов, приезжавших в города Ближнего Востока или стремившихся получить образование и работу на Западе. Они были дезориентированы и готовы к тому, чтобы поверить, что выход из состояния смятения – обращение к новому, «истинному» исламу.

Среди суннитов подъем исламского фундаментализма был обусловлен и ускорен тем фактом, что ислам – в высшей степени эгалитарная религия. На протяжении большей части его истории именно это придавало силы людям, чувствовавшим себя беспомощными. Но это также означает, что ни один мусульманин не вправе задаваться вопросом, кто является «правовым мусульманином». В средние века сложилось нефор-

мальное мнение, что право высказываться на подобные темы принадлежит только религиозным ученым и клирикам (*улемам*)¹⁴. Однако идеологи фундаментализма, начиная с пакистанца Маулана Маудуди и Кутба и заканчивая их последователями, вторглись в эту сферу. Они постоянно и во всеуслышание высказывают свои суждения о том, кто является «истинным мусульманином». Фактически они отлучают от ислама тех, чьи представления о нем не соответствуют их собственным. Такой процесс поверг мусульманский мир в ужасное состояние. Политические лидеры не рискуют противостоять нарастающей волне исламизма. Интеллектуалы и общественная элита, репутация которых сильно пострадала от раблепной поддержки официальной правительственной линии, также боятся высказываться против распоясавшегося духовенства. В итоге умеренно настроенные мусульмане неохотно критикуют или разоблачают фанатизм фундаменталистов. Как и в случае Северной Ирландии, они вынуждены беспокоиться о личной безопасности, поскольку могут пострадать, если выскажутся открыто. Даже столь высокочтимый деятель, как Нагиб Махфуз, был убит в Египте за излишне критичные замечания в адрес исламистов. Большинство же населения просто запугано и молчит. Я наблюдал за подобной трансформацией в Индии, где вырос сам. Богатый оттенками, колоритный, многообразный и беззаботный ислам моей юности превращается в непреклонную, пуританскую веру, насаждаемую мелкими церковными служителями и религиозными комиссарами.

Это особенно четко проявляется в умеренных монархиях Персидского залива, в частности – в Саудовской Аравии. Саудовский режим ввязался в опасную игру: пытаясь отвлечь внимание от своих сомнительных экономических и политических достижений, он предоставил свободу действий самым радикальным церковникам в надежде набрать легитимность за счет связки с ними. Образовательная система страны находится в руках бюрократов от религии со средневековым мышлением. В течение последних трех десятилетий члены королевского дома Саудовской Аравии – в основном, через частные фонды – финансировали религиозные школы (*медресе*) и центры, распространяющие ваххабизм (жесткий, опустошенный ва-

риант ислама, которого придерживается большинство исламских фундаменталистов) по всему миру. За эти 30 лет медресе, финансирувавшиеся из Саудовской Аравии, напекли десятки тысяч полуобразованных, фанатичных мусульман, с большим подозрением взирающих на современный мир и людей иного вероисповедания. В рамках подобного мировоззрения Америка почти всегда рассматривается как средоточие порока.

Такой фундаментализм распространился, как инфекция, не только в других арабских обществах, но и за пределами арабского мира. Он часто несет с собой отчетливо проарабскую политическую программу. Так, мусульмане Индонезии, 20 лет назад не знавшие, где находится Палестина, сегодня воинственно встают на ее сторону. Арабское влияние распространяется даже в сфере архитектуры. В своих зданиях мусульманский мир всегда сочетал арабские и местные черты (что можно наблюдать и в Индии, и на острове Ява, и в России). Однако теперь в таких странах, как Индонезия и Малайзия, местную культуру игнорируют, считая ее недостаточно исламской (читай: арабской).

В Пакистане ситуация с импортированным фундаментализмом сложилась особенно неблагоприятно. В 1980-е годы, когда страной 11 лет правил генерал Зия уль-Хак, раздавив политических оппонентов и оппозиционные партии, диктатор решил, что ему нужны союзники. Он нашел их в лице местных фундаменталистов, которые и обеспечили ему политическую поддержку. При содействии финансистов и функционеров из Саудовской Аравии, он открыл по всей стране множество *медресе*. Война в Афганистане привлекала религиозных фанатиков, жаждавших вступить в бой с безбожным коммунизмом. Участники *джихада* (священной войны против неверных) в основном прибывали с Аравийского полуострова. Без саудовских денег и людей движение «Талибан» не смогло бы существовать, а Пакистан не стал бы тем оплотом фундаментализма, каковым он является теперь. То, что Зия уль-Хак воспользовался исламской поддержкой, обеспечило ему некоторую легитимность, но одновременно стало разъедать общественную ткань страны. Теперь в Пакистане полно вооруженных радикалов, которые сначала поддерживали «Талибан»,

затем присоединились к борьбе в Кашмире, а теперь пытаются подорвать светский режим генерала Первеза Мушаррафа. Они заразили правовую и политическую систему средневековыми идеями о богохульстве, подчиненной роли женщин и пороках современного банковского дела.

Подобная ситуация сложилась не только в Пакистане. Аналогичные процессы разворачиваются и в столь не похожих друг на друга странах, как Йемен, Индонезия и Филиппины. В 1980–1990-е годы между Ираном и Саудовской Аравией, двумя наиболее теократическими государствами на Ближнем Востоке, возникло своеобразное соревнование за право считаться крупнейшей религиозной державой исламского мира. В результате некогда мелкие, маргинальные направления ислама, распространение которых ограничивалось некоторыми странами Ближнего Востока, теперь прижились по всему миру. Произошла глобализация радикального ислама.

Исламская реформация

Хотя проблема связана с арабским миром, а не исламом, кое-кто считает, что найти ее решение можно именно в исламе. Многие на Западе и некоторые мусульмане утверждают, что исламу необходимо полное отделение церкви от государства – то есть своя версия реформации, которая сделала бы для магометанства то же, что произошло на Западе. Чудо, случившееся в результате этих важных процессов в христианских землях, было равнозначно тому, что кое-кто назвал «отказом от определенности». Поповская шайка не могла более постановлять, что должны и чего не должны делать обычные люди. Реформация сломала хребет авторитету и влиянию священников. Особенно важно, что она положила конец исключительному владычеству папы над христианством.

Однако в исламе никогда не было какой-то единой иерархии священников, которой подчинялись бы во всем мире и от которой требовалось бы освободить массы. В исламе нет клира или религиозной иерархии, как в католицизме и в некоторых протестантских сектах. Исламская мечеть – это просто место, где молятся, а не теологическая институция, как цер-

ковь. Во многих случаях лицо, направляющее здесь молитву, находится вместе с остальными молящимися; зачастую это всего лишь тот, кто лучше всех знает ее текст. Из-за отсутствия центральной религиозной власти в исламских странах всегда налицо было превосходство государства над церковью (в Европе сложившееся в результате религиозных войн). Мусульманский халиф был прежде всего государем. Он сам не был папой, и ему не приходилось соперничать с таковым. Он мог строить мечети и покровительствовать религиозным школам, но не имел религиозной власти. (В одном из процитированных выше *хадисов* пророк провозглашает, что единственное, что нужно правителю для поддержания легитимности, – это содействовать молитвам.) Поэтому мало смысла в утверждениях, будто мусульманам необходимо пройти через определенный исторический процесс, чтобы решить проблему, которой у них и не было.

Фактически именно данное обстоятельство – то, что у мусульман никогда не было папы, чтобы восстать против него, – и является источником затруднения. В исламском мире, где мирская власть всегда преобладала над духовной*, вопрос их отделения друг от друга вообще не возникал. Это означало, что правители и те, кто выступал против них, могли манипулировать верой в своих собственных целях. Правители всегда могли найти какого-то священника, который подтвердил бы их легитимность, а восставшие могли найти вдохновение в словах других священнослужителей. У короля Саудовской Аравии свои церковники, а у бен Ладена – свои.

У этого правила есть одно исключение – Иран. В доминирующей здесь шиитской традиции наличествует своя церковная инстанция. После революции Хомейни она расправила крылья и теперь имеет тщательно продуманную иерархию, наверху которой находится фигура, подобная Римскому папе. Бернард Льюис размышляет, что могло бы привести к реформации в Иране:

Как представляется, в ходе своего правления Хомейни осуществил в Иране своего рода «христианизацию» исламских ин-

* После пророка Мухаммеда, объединявшего в своем лице и мирскую, и духовную власть.

ститутгов, после чего он сам стал неким непогрешимым понтификом. Кроме того, здесь возник функциональный эквивалент иерархии архиепископов, епископов и священников. Все это было абсолютно чуждо исламской традиции и тем самым составило «исламскую революцию» в смысле, совершенно отличном от того, который обычно несут в себе ссылки на наследие Хомейни... Возможно, подхватив христианскую «болезнь», мусульмане подумают и об использовании христианского лекарства, то есть об отделении религии от государства¹⁵.

Как ни парадоксально, вполне вероятно, что именно иранская теократия проложит путь к более разностороннему реформированию ислама. Нельзя исключать, что та же страна, что завела Ближний Восток в трясину исламского фундаментализма, в конечном итоге и выведет его оттуда. Однако Иран вступит в эпоху модернити вовсе не потому, что страна, как утверждает правящий там режим, является демократической. Демократия в Иране весьма ограничена. Кандидаты проходят проверку у мулл прежде, чем вступить в борьбу за тот или иной пост. Свободная пресса прикрыта, студенческие протесты были подавлены. Вся власть сосредоточена у духовенства, а избранный президент Мухаммед Хатами, эрудированный философ-священник, произносит благонамеренные, но не имеющие никакого практического продолжения речи и заявления. Реформистская риторика Хатами и избрание его значительным большинством голосов, бесспорно, важны. Иран будет превращаться в светскую демократию в ходе процесса, в котором соединены реформа и революция. Причины этого очевидны: режим дурно руководил экономикой, он репрессивен в политическом отношении, он чужд миллионам молодых мужчин и женщин страны. Тот факт, что иранская теократия дискредитировала себя, чрезвычайно важен. Исламисты утратили свою козырную карту. В других странах Ближнего Востока и Северной Африки они представляют собой заманчивую, мифическую альтернативу той жалкой действительности, которая окружает людей. В Иране же фундаментализм *и есть* та жалкая действительности, в которой они живут. В следующий раз, когда мулла постучит в дверь к иранцу, тот отвернется от него: «Я там был и это уже видел».

Иранский пример заставил многих задуматься, не следует ли дать исламистам прийти к власти и в других странах Ближнего Востока, чтобы в результате они оказались дискредитированы. Из такого рода логики следует, что муллы нужны для того, чтобы вызвать восстание, которое, быть может, спровоцирует исламскую реформацию, а затем приведет к подлинной демократии. Однако тут налицо ошибка, связанная с обобщением уникального опыта шиитского Ирана и распространением его на весь суннитский мир ислама. Кроме того, за последние 25 лет Ирану пришлось буквально пройти через преисподнюю. Некогда бывшая ключом культура страны задавлена, а экономика пошла на дно вместе с жизненными стандартами. Вряд ли можно назвать удачной рекомендацию погрузить в хаос и другие страны, имея в виду, что если им повезет, впоследствии они, возможно, из него выберутся.

Действительно, там, где мусульманские фундаменталисты принимают повседневное участие в политической жизни – в Бангладеш, Пакистане, Турции и Иране, их прежняя слава уже в прошлом. Они обычно получают при голосовании гораздо меньше голосов, нежели традиционные политические партии. Люди осознали, что все же надо убирать улицы, управлять государственными финансами и уделять внимание образованию. Муллы способны читать проповеди, но не в состоянии править страной. Однако это еще не достаточная причина, чтобы рисковать погружением Египта и Саудовской Аравии в состояние смены режима, при котором их 20 лет будет мотать, как на американских горках. Если бы сложившиеся в этих странах режимы лишь *частично* приоткрыли политическое пространство и заставили своих оппонентов-фундаменталистов преодолевать практические затруднения вместо того, чтобы только рассказывать сказки, они быстро лишили бы экстремистов привлекательности. Это не должно означать одномоментного перехода к демократии. Однако, например, Египет уже созрел для существенных политических реформ. Доход на душу населения там составляет почти 4 тысячи долларов, то есть укладывается в «переходную зону». Там есть средний класс и развито гражданское общество. Тем не менее в Египте мусульманских фундаменталистов не до-

пускают к участию в выборах в совершенно бесправный парламент. Борьба с политическими оппонентами правящего режима – как либеральными, так и исламскими – принесла выгоду экстремистам. Немногие арабские режимы, избравшие иной подход и допустившие известную долю внутрисистемного инакомыслия (такие как Иордания и Марокко), добиваются более успешных результатов. Если в большей мере включить фундаменталистов в рамки системы, на них перестанут смотреть как на далеких героев, а будут воспринимать как местных политических деятелей.

Как следует из вышесказанного, главное состоит не в религиозной реформе, а в реформе политической и хозяйственной. Упор на трансформацию ислама ошибочен. Ключ к обеспечению совместимости христианства с современностью состоял не в том, чтобы побудить церковь внезапно принять либеральные трактовки теологии. Он состоял в том, чтобы осовременить общество до такой степени, при которой церкви пришлось приспосабливаться к сложившемуся вокруг нее миру. В конце концов, многие из предрассудков, противоречащих современным воззрениям, присутствуют не только в исламе, но и в христианстве. Коранические порицания ростовщичества и азартных игр, ограничения в рационе питания, требование поститься – все это напоминает наставления из Библии. Однако христиане живут в обществах, которые уже прошли политическую, экономическую и общественную модернизацию, попутно адаптировав свою веру. Теперь религия в западном мире является источником духовного вдохновения, но не эталоном в повседневной жизни. Библия по-прежнему осуждает мастурбацию, ростовщичество и ношение одежд из прозрачной ткани. Просто в христианских обществах больше не считают такое мнение единственно авторитетным.

Тем, кто говорит, что ислам не таков, я могу только ответить, что, конечно, они правы. Но настолько ли он другой, что, существуя он в современном капиталистическом и демократичном обществе, он не изменился бы? Опять-таки, если мы перейдем из области теории к практике, то в реальности мы обнаружим кое-какие свидетельства. Турция, Босния, Малай-

зия и, в меньшей степени, Южная Азия имеют в некотором роде современные мусульманские общины. Вероятно, еще важнее то, что крупные мусульманские общины есть в Соединенных Штатах, Канаде и Европе. Во всех этих местах ислам приспособляется к современной жизни без великой Реформации. Во всех названных странах большинство верующих – хотя и не все – нашли способы, чтобы проявлять набожность, не становясь мракобесами, и благочестие, не впадая в неистовство. Урок, который можно извлечь из рассмотренных в предшествующих главах разнообразных путей к модернити – протестантского, католического, православного, конфуцианского, латинского – состоит в том, что если наладить все в политике и экономике, то подтянется и культура.

Дорога к демократии

В основном задача реформирования на Ближнем Востоке должна быть возложена на народы данного региона. Никто не может заставить демократию, либерализм или секуляризм прижиться в этих обществах, если они сами не будут искать, стараться и добиваться. Тем не менее, западный мир в целом и США в особенности могут оказать им огромную помощь. Соединенные Штаты являются доминирующей силой на Ближнем Востоке. Все расположенные там страны рассматривают связи с Вашингтоном как важнейшую часть своих внешних сношений. Нефть, стратегические связи и особые отношения с Израилем определяют вовлеченность Америки в дела региона. Вашингтон будет продолжать оказывать помощь египетскому режиму, защищать саудовскую монархию, посредничать в переговорах между Израилем и палестинцами. Фактически вопрос состоит в том, не должны ли Соединенные Штаты потребовать чего-то взамен. Если американцы не будут побуждать эти режимы к переменам, это будет означать, что они сознательно решили оставить все так, как есть – то есть сделали выбор в пользу стабильности. Это достойная цель, если не учитывать, что нынешняя ситуация на Ближнем Востоке отличается как раз крайней нестабильностью. Даже если судить с точки зрения стратегической перспективы, непосредствен-

ным интересам Америки в сфере безопасности отвечали бы попытки сделать ближневосточные режимы менее склонными к тому, чтобы плодить фанатичные и террористические оппозиционные движения.

Прежде всего, Запад должен признать, что не стремится установить на Ближнем Востоке демократию – по крайней мере, пока не стремится. Мы хотим сначала конституционного либерализма, а это вовсе не одно и то же. Прояснение наших непосредственных целей позволит легче достичь их. Режимы на Ближнем Востоке будут рады узнать, что мы не станем пытаться принудить их к проведению выборов завтра. Они будут не столь довольны, поняв, что мы будем продолжать давить на них по целому ряду других проблем. Саудовской монархии следует больше сделать, чтобы покончить с государственной и негосударственной поддержкой экстремистского ислама, что в настоящее время составляет вторую по объему статью экспорта королевства в остальные страны мира. Пусть это коробит защитников чистой свободы слова, но монархия должна держать в узде своих религиозных и образовательных лидеров, заставив их прекратить флирт с фанатизмом. В Египте нам следует убедить президента Мубарака сделать так, чтобы государственная пресса отказалась от своих шумных антиамериканских и антисемитских заявлений, а также начала предоставлять свои страницы для выражения альтернативных воззрений, существующих в обществе. Некоторые из таких мнений будут еще хуже того, что мы слышим в настоящее время, но некоторые окажутся лучше. Особенно важно, что люди в этих странах будут говорить о том, что их реально затрагивает, – то есть не только о статусе Иерусалима или американской политике в Персидском заливе, но и о режимах, при которых они живут, и о политике, с которой им приходится сталкиваться.

Существование Израиля оказалось большим благом для большей части арабского мира: ведь для местных режимов это удобное средство отвлечь внимание от собственных провалов. У других стран тоже есть внешнеполитические несогласия друг с другом (вспомним Японию и Китай), но они не имеют ядовитых свойств арабо-израильского раздора. Для арабского

мира оккупация Израилем Западного берега реки Иордан и сектора Газа превратилась в центральную проблему. Но даже если этот повод раздувают циничные арабские правители, он все равно составляет часть реальности, которую невозможно игнорировать. На Ближнем Востоке появилась новая арабская «улица», разместившаяся на волнах «Аль-Джазира» и в интернет-чатах. Речь там только и идет об ужасной судьбе палестинцев. Если не заниматься этим вопросом, его значение вырастет еще больше, нанося вред отношениям Америки с мусульманским миром в целом и создавая постоянную угрозу безопасности Израиля. Соединенным Штатам нужно продолжать твердо поддерживать безопасность Израиля. Однако следует также делать то, что в полной мере отвечает интересам самой Америки, Израиля и палестинцев, а именно – приложить максимум посреднических усилий для достижения урегулирования, которое обеспечило бы Израилю безопасность, а палестинцам – жизнеспособное государство. Мир между израильтянами и палестинцами не решит проблем самого арабского мира, но снизит напряженность в отношениях между арабами и Западом.

Более прочное решение могут дать только экономические и политические реформы. Экономические реформы нужно предпринять в первую очередь, так как они имеют основополагающее значение. Хотя проблемы, с которыми сталкивается Ближний Восток, не являются чисто хозяйственными, их решение вполне может лежать в этой плоскости. Как мы имели возможность убедиться, продвижение к капитализму составляет самый надежный путь к созданию государства с ограниченной и ответственной властью, а также подлинного среднего класса. Поэтому на Ближнем Востоке, как и в Испании, Португалии, Чили, Тайване, Южной Корее и Мексике, экономическая реформа способна принести политические плоды. Такая реформа означает переход к реальному верховенству закона (капитализм основан на контрактах), открытости по отношению к внешнему миру, общедоступности информации и, самое важное, развитию предпринимательского класса. В разговорах с арабскими деловыми людьми становится ясно, что они хотят изменения существующей системы. Они заин-

тересованы в открытости, соблюдении правил и стабильности. Они хотят, чтобы их общества модернизировались и двигались вперед, а не оставались в ловушке многоукладности и военных раздоров. Идеологическим небылицам они предпочитают реальность материального прогресса. Сегодня на Ближнем Востоке слишком много людей, поглощенных политическими мечтаниями, но слишком мало тех, кого интересуют практические планы. Перефразируя высказывание Уинстона Черчилля по поводу Балкан, можно сказать, что регион производит истории больше, нежели может переварить.

На Ближнем Востоке наличествует сильный деловой класс, но он обязан своим положением нефти или связям с правящими семьями*. Его богатство имеет феодальное, а не капиталистическое происхождение. Феодальными остаются и его политические проявления. Подлинно предпринимательский класс станет наиболее важным фактором перемен на Ближнем Востоке, подтягивая за собой все остальные. Если культура что-то значит, то это именно та точка приложения усилий, где она могла бы помочь. Тысячелетиями арабская культура была полна торговцами, купцами и деловыми людьми. Базар – это, возможно, самый древний институт на Ближнем Востоке. К тому же, ислам исторически очень восприимчив к бизнесу – пророк Мухаммед сам был купцом. В конце концов, битву за реформы придется вести самим жителям Ближнего Востока. Поэтому в этих обществах должны появиться определенные группы, которые отстаивали бы экономические и политические реформы в надежде выиграть от них.

Это не настолько фантастическая идея, как может показаться. Уже сейчас в отдельных районах Ближнего Востока можно наблюдать вспышки настоящей деловой активности. Иордания стала членом Всемирной торговой организации, подписала договор о свободной торговле с Соединенными Штатами, приватизировала ключевые отрасли промышленности и даже стала поощрять трансграничные деловые инициативы с участием Израиля. Саудовская Аравия стремится к членству в ВТО. Египет добился некоторого прогресса на пути

* В государствах Персидского залива, таких как Дубай, Бахрейн и даже Саудовская Аравия, есть несколько исключений из этого правила.

реформ. Среди богатых нефтью стран Бахрейн и Объединенные Арабские Эмираты пытаются освободиться от зависимости от нефти. В Дубае, входящем в состав ОАЭ, доля нефтедобычи уже снижена до 8 процентов ВВП; страна во всеуслышание заявила о намерении стать торговым и банковским центром – «Сингапуром Ближнего Востока». (Было бы неплохо, если бы там была воспринята и сингапурская терпимость к этническим и религиозным меньшинствам.) Даже в Саудовской Аравии признают, что нефтяная экономика способна предоставить лишь одно рабочее место на каждых трех молодых людей, вливающих в состав трудоспособного населения страны. В Алжире президент Абдельазиз Бутефлика отчаянно жаждет того, чтобы иностранные инвестиции наладили положение дел в разрушенной национальной экономике.

Если бы мы могли выбрать место, где реформы нужно двигать особенно настоятельно, то это должен быть Египет. Хотя в Иордании имеется более прогрессивный правитель, а Саудовская Аравия важнее из-за ее нефти, Египет остается интеллектуальным центром арабского мира. Если бы там удался экономический и политический прогресс, то он более убедительно, нежели любой очерк или речь, показал бы, что ислам совместим с современностью и что арабы способны преуспеть в сегодняшнем мире. В Восточной Азии экономический успех Японии подал убедительный пример, за которым следили и за которым последовали другие страны региона. Ближнему Востоку тоже требуется хотя бы одна собственная история подобного успеха.

На такую роль возможен еще один кандидат: Ирак. До того, как превратиться в манеж для выражения мании величия Саддама Хусейна, Ирак был одной из самых развитых, грамотных и светских стран региона. Там есть не только нефть, но и, что даже важнее, вода. На территории Ирака в речной долине располагалась одна из древнейших цивилизаций мира. В его столице, Багдаде, находится одно из чудес древнего мира – «висячие сады» Вавилона. Этот город тысячелетиями играл важную роль. В 1950-е годы Ирак был страной с хорошо развитым гражданским обществом. Там были инженеры, врачи и архитекторы, причем многие из них – женщины. Если

бы Соединенные Штаты сместили Саддама и, что гораздо важнее, связали себя с серьезным, долговременным проектом национального строительства, то Ирак вполне мог бы стать первой крупной арабской страной, объединяющей арабскую культуру с хозяйственным динамизмом, религиозной терпимостью, либеральной политикой и современным взглядом на мир. А успех заразителен.

Виртуозный политик, бывший спикер Палаты представителей Томас О'Нил как-то сказал, что вся политика делается на местах. Это совершенно верно в отношении «политики пива». Разочарование рядовых арабов обусловлено вовсе не столкновением цивилизаций, «Макдональдсами» или имперской внешней политикой Соединенных Штатов Америки. Оно вызвано жизнью под гнетом никудышных, репрессивных режимов при отсутствии политического голоса. И люди винят Америку за поддержку таких режимов.

Те, кто полагает, будто подобная проблема присуща исключительно арабскому миру или будто арабы никогда не изменятся, пусть вспомнят, что 25 лет тому назад самые ожесточенный протест против политики США имел место в таких странах, как Чили, Мексика и Южная Корея. Причины для этого были все те же: народам не нравились режимы, которые ими правили, и там считали американцев покровителями этих режимов. Затем такие диктатуры либерализовались, жизнь народа улучшилась, были проведены экономические реформы, за которыми последовала демократизация. Итог: накал антиамериканизма снизился до заурядных протестов против американизации национальной культуры. Если в будущем уличные демонстрации против «Макдональдсов» станут единственным проявлением антиамериканизма, о котором нам придется беспокоиться, это будет означать, что Ближний Восток действительно добился успеха.

Грандиозный часовой механизм

Распространять демократию непросто. Но это не означает, что со стороны Запада, особенно Соединенных Штатов, должны прекратиться попытки содействовать силам либераль-

ной демократии. Не подразумевает это и слепого признания авторитарных режимов как наименьшего из возможных зол. Однако требуется известная изощренность. В прошедшем десятилетии поспешность в подталкивании стран к проведению выборов во многих случаях приводила к результатам, обратным желаемым. В таких странах, как Босния, где жители отпавились к избирательным урнам менее чем через год после заключения Дейтонских мирных соглашений, выборы привели лишь к усилению деструктивных этнических факторов, затруднивших построение там настоящей либеральной демократии. У власти остались этнические головорезы, они заполонили суды своими людьми и прикормили полицию. Прежняя система осталась нетронутой, что на годы, а возможно, и десятилетия, задержало реальные перемены. В Восточном Тиморе и Афганистане оказался благотворным более длительный период выстраивания государства. В среднем, многопартийным общенациональным выборам должен предшествовать пятилетний переходный период политического реформирования и институционального развития. В странах, где сильны региональные, этнические или религиозные различия (как в Ираке) все это имеет решающее значение. Тем самым обеспечивается, что выборы происходят уже после того, как начали функционировать гражданские институты, суды, политические партии и экономика. Как и во всем в жизни, здесь важна последовательность действий.

Стране несложно навязать выборы. Труднее ускорить внедрение в обществе конституционного либерализма. Процесс подлинной либерализации и демократизации разворачивается постепенно и имеет долговременный характер, а выборы составляют лишь один из необходимых шагов. Признавая это, правительства и неправительственные организации во все большем объеме проводят широкий круг мероприятий, нацеленных на поддержание конституционного либерализма в развивающихся странах. Национальный фонд за демократию оказывает содействие либерализации рынков, независимым движениям трудящихся и политическим партиям. Американское Агентство международного развития финансирует независимые судебные органы. Но в конечном сче-

те венцом всех усилий выступают выборы. Если в стране проведены выборы, то Вашингтон и весь мир стерпят многое от выигравшего их правительства, как это было с Борисом Ельциным в России, Аскармом Акаевым в Киргизии или Карлосом Менемом в Аргентине. В эпоху образов и символов выборы легко записать на пленку. Но как воспроизвести по телевидению верховенство права? Между тем жизнь продолжается и после выборов, в особенности для людей, живущих в этих странах.

Отсутствие свободных и справедливых выборов следует рассматривать лишь как некий изъян страны, а не признак наличия там тирании. Выборы – существенное, но не единственное достоинство государственной системы. Важнее, чтобы о власти судили на основании критериев, связанных с конституционным либерализмом. Экономические, гражданские и религиозные свободы составляют основу человеческого достоинства и автономии. Если несмотря на ограниченность демократии правительство стабильно наращивает предоставление таких свобод, его не следует относить к диктатурам. Даже предлагая ограниченный политический выбор, такие страны, как Сингапур, Малайзия, Иордания и Марокко, предоставляют лучшие условия для жизни, свободы и счастья своих граждан, нежели диктатуры в Ираке и Ливии или нелиберальные демократии в Венесуэле, России или Гане. К тому же, давление глобального капитализма способно подтолкнуть процесс либерализации, как это произошло в Китае. Рынки и нравы могут действовать совместно.

В экономическом плане самой трудной задачей является реформирование государств-паразитов. Оказалось почти невозможно отучить их от легких денег. В 2002 году Всемирный банк начал эксперимент в Чаде, используя потенциально новаторскую модель взаимодействия. В этой центральноафриканской стране есть крупные месторождения нефти, но иностранные компании не решались на значительные инвестиции в ее добычу и транспортировку из-за политической нестабильности. Всемирный банк согласился вмешаться в ситуацию; он благословил соответствующий проект и дал кредит правительству Чада, чтобы оно вступило в партнерство с многонациональным консорциумом, возглавляемым «Эксон-

Мобил», и чтобы начались поставки нефти. Причем, банк настоял на определенных условиях. Парламенту страны пришлось принять закон, гарантирующий, что 80 процентов нефтяных доходов будут потрачены на цели здравоохранения, образования и совершенствования сельской инфраструктуры, 5 процентов – на улучшение условий жизни тех, кто проживает вблизи месторождений, а 10 процентов будут положены на субсчет для нужд будущих поколений. На расходы по собственному усмотрению правительству оставлено всего 5 процентов доходов. Чтобы обеспечить работу такой системы на практике, а не только в теории, Всемирный банк потребовал, чтобы все доходы от нефти были размещены на зарубежном счете, контролируемом независимым наблюдательным комитетом (составленном из наиболее авторитетных граждан Чада). Пока рано судить, насколько работоспособна данная модель, но если она заработает, ее можно будет воспроизводить в других местах. Она могла бы произвести демонстрационный эффект даже в странах, не нуждающихся в помощи Всемирного банка. С помощью «чадской модели» доходы от продажи природных ресурсов могут превратиться в благословение для богатых ими стран, а не быть проклятием, как ныне.

Наконец, нужно возрождать конституционализм. Одно из следствий чрезмерного упора на чистоту демократии состоит в том, что уделяется недостаточно внимания разработке нестандартных конституций для стран, находящихся в переходном состоянии. Конституционализм, как его понимали величайшие энтузиасты XVIII века, такие как Монтескье и Мэдисон, – это сложная система сдержек и противовесов, предназначенная для предотвращения сосредоточения власти в одних руках и злоупотребления должностными полномочиями. Последнее достигается не просто изложением списка прав, а созданием системы, при которой правительство не сможет их нарушать. В нее должны быть включены и наделены соответствующими полномочиями различные группы, так как, согласно объяснению Мэдисона, «амбициям должны быть противопоставлены другие амбиции».

Конституции также предназначаются для умирения общественных страстей, поскольку создают не просто демокра-

тические, а «совещательные» правительства. Конституция Южно-Африканской Республики – образец нестандартной, хотя и несколько недемократичной схемы. Она гарантирует права меньшинств – как имеющих региональную основу (зулусы), так и разбросанных по всей стране (белые поселенцы). Тем самым повышаются шансы государства на успешное демократическое развитие, несмотря на нищету его населения и душераздирающие социальные катаклизмы.

К сожалению, в настоящее время обычно с подозрением взирают на разнообразные невыборные органы, не прямое голосование, федеральные механизмы, а также сдержки и противовесы, которые были характерны для многих писаных и неписаных конституций Европы. То, что можно назвать «Веймарским синдромом» (по имени изящно сконструированной конституции Германии межвоенного периода, которая, тем не менее, не помогла предотвратить фашизм), заставляет многих усматривать в конституциях не более чем бумагомарание. От них якобы мало что зависит (как будто какая-либо иная политическая система Германии легко выдержала бы испытание военным поражением, социальной революцией, Великой депрессией и гиперинфляцией). Процедуры, препятствующие прямому демократическому волеизъявлению, считаются неправильными, поскольку мешают народу высказывать свое мнение. Сегодня повсюду в мире мы наблюдаем разные вариации одного и того же «мажоритарного» мотива. Однако проблема политических систем, основанных на принципе «победители получают все», состоит в том, что в большинстве демократизирующихся стран все действительно оказывается в одних руках.

Конечно, существуют различия между культурами, а разным обществам требуется свое специфическое государственное оформление. Так что я призываю не столько к принятию в полном объеме какой-либо одной модели политического управления, сколько к более разностороннему пониманию либеральной демократии, учитывающему оба элемента данного словосочетания. Подлинная демократия – это хрупкая конструкция, в которой уравниваются не только эти два, но и другие факторы (то, что де Токвиль называл «посредни-

чающими ассоциациями»). В совокупности получается грандиозный часовой механизм. Понимание его работы ставит интеллектуальный вызов: а именно – восстановить традицию конституционного либерализма, занимающую центральное место в историческом опыте Запада и развитии достойного политического управления во всем мире.

Такое восстановление будет неполным, если в своих размышлениях мы ограничимся лишь тем, что происходит в дальних странах, где нет порядка и царит бедность и которые столь сильно отличаются от процветающего демократического Запада. Демократия – это работа, продолжающаяся не только за рубежом, но и в собственном доме. Противоречие между демократией и либерализмом существовало в истории самого Запада. Оно проявляется (и даже продолжает развиваться) в западном мире и сейчас, хотя и в совершенно иной форме. В наибольшей мере оно характерно для Соединенных Штатов Америки.

5

Избыток демократии

Говорят, что счастье не купишь за деньги, но 5 триллионов долларов наверняка никому не помешали бы. Именно такую сумму Соединенные Штаты добавили к своему реальному валовому внутреннему продукту за последнюю четверть века¹. Тем не менее, все социологические обследования и данные психологов показывают, что сегодня американцы не более счастливы, чем 20 лет назад. Страна не просто стала богаче, а практически во всех отношениях находится в лучшем состоянии, чем прежде. Большинство американцев вряд ли помнит, насколько ослабленной казалась Америка в начале 1970-х годов. Тогда она была изнурена вьетнамским унижением, stagflation, нефтяными кризисами, расовыми беспорядками и нараставшей волной преступности. Однако в последующие два десятилетия американская экономика продемонстрировала почти безостановочный бум*, доходы на душу населения выросли на 50 процентов, уменьшился уровень преступности, улучшились расовые отношения, крупные города вновь стали процветать, пошли вниз все без исключения слагаемые так называемого «индекса бедности». В международном плане перемены еще разительнее. К началу 1990-х годов закончилась «холодная война», коммунизм был повержен, социализм – дискредитирован, а Америка возвысилась над остальным миром как в политическом, так и в экономическом, военном и

* Конечно, в этот период имели место рецессии и спады деловой активности, но в исторической перспективе 1980–1990-е годы запомнятся как самый длительный экономический подъем мирного времени. Даже показатели среднедушевых доходов, в 1970–1980-е годы топтавшиеся на месте, в 1990-е годы выросли у всех групп населения США, от самых богатых до самых бедных.

культурном отношении. Казалось бы, подобные успехи должны окрылять.

Однако американцы смотрят на дело несколько иначе. Вопреки успехам на всех упомянутых фронтах, они считают, что с их страной произошло нечто принципиально неправильное – в особенности с ее политической системой. Выражаясь проще, большинство граждан страны утратило веру в американскую демократию. Если проанализировать, что лежит в основе их беспокойства, то обнаружится, что беды демократии в США похожи на те, что имеют место и во многих государствах. Волна демократизации сильно ударила по Америке, причем, возможно, даже сильнее, чем по любой другой западной державе. Соединенные Штаты были основаны как республика, здесь царил вера в равновесие между волей большинства и правами меньшинства – или, в более широком смысле, между свободой и демократией; теперь же страной все больше овладевает примитивный популизм, когда популярность и открытость считаются главными мерилами легитимности. Подобная идеология неизбежно влечет за собой разрушение прежних институтов, подрыв традиционных авторитетов и триумф организованных групп интересов – и все это якобы во имя «народа». Результатом стал серьезный дисбаланс в американской политической системе: теперь в ней больше демократии, но меньше свободы.

Иностранец удивится, услышав, что самая мощная в мире демократия переживает кризис веры, но это действительно так. Если эти слова кажутся преувеличением, рассмотрим самую простую и совершенно неопровержимую статистику падения доверия к символу политической системы государства – его столице. В начале 1960-х годов преобладающее большинство американцев – более 70 процентов – было согласно с утверждением: «Правительству в Вашингтоне можно доверять, поскольку оно всегда или в большинстве случаев поступает правильно». Спустя 30 лет соответствующая цифра упала до 30 процентов. Социологические опросы не продемонстрировали роста доверия к федеральному правительству и после событий 11 сентября 2001 года. По данным службы Гэллапа, в октябре 2001 года 60 процентов доверяло Вашингтону всегда

или в большинстве случаев, но к июню 2002 года показатель вернулся к значениям, наблюдавшимся ранее. Даже при возросшем ощущении чрезвычайности происходящего, вызванном битвой против террора, вряд ли можно ожидать, что цифры доверия вернутся на уровень 1940-х, 1950-х или 1960-х годов. Об этом говорит не только статистика. Реакция на утверждение «официальным должностным лицам все равно, что думают такие люди, как я» указывает на практически аналогичное падение по сравнению с 1960-ми годами. По данным службы Харриса, «индекс отчужденности» поднялся со среднего уровня 34 процента в 1960-е годы до приблизительно 63 процентов в 1990-е годы. То же самое происходит и с другими показателями. Все проводимые измерения общественного доверия указывают в неблагоприятном направлении².

С 1960-х годов участие населения в президентских выборах сократилось почти на 20 процентов. Падение оказалось особенно резким среди белых избирателей, поскольку одновременно наблюдался подъем избирательной активности афроамериканцев благодаря отмене в начале 1960-х годов «законов Джима Кроу», лишивших негров Юга США права голоса. Падение произошло даже несмотря на предпринимавшиеся в последние два десятилетия энергичные усилия, чтобы побудить людей голосовать – в частности с помощью законов, допускающих регистрацию гражданина в качестве избирателя при получении им водительских прав³. Иногда утверждают, что низкая явка избирателей на выборы – признак их удовлетворенности жизнью, а потому нет никаких причин для беспокойства. Но такое утверждение должно означать, что в прошлом, когда явка была выше (скажем, в 1950-е годы), люди пребывали в революционном настроении; а это не соответствует действительности. Во всяком случае, столь значительное падение избирательной активности стоит проанализировать.

Голосование – не только единственное универсальное гражданское действие в свободном обществе, но также одно из тех, что требуют меньше всего усилий. Все, что вы должны делать, – раз в несколько лет являться к кабине для голосования. Другие гражданские обязанности, требующие большей вовлеченности (такие как членство в политических партиях

или участие в школьных советах) претерпели еще больший упадок. Используя впечатляющую подборку данных, политолог Роберт Патнэм подсчитал, что в целом с середины 1960-х годов участие американцев в публичной и гражданской деятельности сократилось на 40 процентов⁴.

Разочарование американцев национальной политической системой проявляет себя в том, как они голосуют, отвечают в ходе опросов общественного мнения, пишут письма в газеты, выступают по телевидению и вообще выражают свое мнение. Обратим внимание на названия наиболее серьезных исследований состояния политики в США периода бурных 1990-х годов: «Почему американцы ненавидят политику»; «Заплетающимся шагом – к Гоморре»; «Самонадеянный капитал»; «Предательство демократии»; «Демократия под судом»; «Жуткая гонка»; «Грязная политика»; «Демосклероз». Можно привести еще десятки названий; все они отражают уныние по поводу состояния демократии в Америке. Бывший ректор Гарвардского университета Дерек Бок озаглавил свое недавнее всеобъемлющее исследование американской демократии «Проблемы с властью». Даже после событий 11 сентября 2001 года всплеск обновленного патриотизма, как правило, обусловлен гордостью за страну, ее идеалы и народ, но редко – за политику администрации или политическую систему как таковую. Большинство публикаций продолжает недавно сложившуюся традицию поношения истеблишмента. Еще больше озадачивает тот факт, что отношение общества к власти сменилось с положительного на отрицательное именно в течение трех десятилетий необыкновенно успешного экономического роста и социальной стабильности. Действительно трудно не сделать вывод, что с американской демократией произошло нечто серьезное.

В объяснениях происходящего нет недостатка. Некоторые винят в этом Вьетнам и Уотергейт, другие – постоянно растущие аппетиты правительства, третьи – падение качества политических деятелей. Однако тщательный анализ, проведенный учеными Школы государственного управления имени Кеннеди при Гарвардском университете, привел к заключению, что ни одна из обычно упоминаемых причин не

является подлинной или, во всяком случае, не дает полного объяснения⁵. Так, хотя вьетнамская война и уотергейтский скандал, конечно, подпортили имидж власти, доверие общества к политикам начало падать раньше, чем ухудшилась военная ситуация во Вьетнаме, и продолжилось значительно позже того, как отошли в прошлое воспоминания об обоих кризисах. Аналогичные, хотя и менее значительные спады общественного доверия произошли в большинстве промышленно развитых стран. Иначе говоря, не похоже, чтобы у данного явления были исключительно американские корни (как в случае Уотергейта). Что касается разрастания правительства, то хотя в 1960 – начале 1970-х годов в Вашингтоне значительно увеличилось количество различных федеральных ведомств и их служащих, на протяжении последних 25 лет и до настоящего времени доля государства в национальной экономике оставалась примерно на одном уровне. В наибольшей мере рост государственного аппарата был связан с расширением различных льгот (в частности, по весьма популярным в народе программам социального страхования и «Медикэйр»).

Давайте начнем с упоминания того, что время Второй мировой войны и непосредственно последовавший за ней период отличались необычайным духом патриотизма, сотрудничества и гражданственности. С тех пор авторитет всех общественных институтов – семьи, церкви, даже корпораций – снизился по сравнению с теми вершинами, на которых он находился в 1950-е годы. Это – часть общего движения от стабильных, ориентированных на коллектив порядков послевоенной эпохи в направлении общества стремительных перемен, конкуренции и индивидуализма, которому свойственно недоверие к сложившейся иерархии и постоянству. Несмотря на неподдельное оживление патриотизма, события 11 сентября не перечеркнули этой долгосрочной тенденции.

Мысль о том, что с тех счастливых дней качество политического лидерства упало, занимает заметное место в умах людей. Один ученый в возрасте за 80 лет изложил мне ее весьма красноречиво: «Когда я был молод, то глядя на Вашингтон, видел там исторические фигуры – Рузвельта, Маршалла, Эйзенхауэра, Макартура, Трумэна, Ачесона. Сегодня же я вижу Ри-

чарда Гепхарда, Дениса Хастерта и Джорджа Буша». (Мы обедали в изысканно декорированной гостиной одного из престижных клубов Нью-Йорка, весьма подходящей для создания ностальгического антуража.) Между тем, времена его молодости – 1930–1940-е годы – пришлось на Великую депрессию и Вторую мировую войну. Трудные времена порождают великих лидеров и пробуждают лучшее в большинстве из нас. Посмотрите, как события 11 сентября изменили Джорджа Буша и многое в стране. Прославленное «великое поколение» американцев взросло во времена, побуждавшие к общественному служению и самопожертвованию. Сегодняшняя борьба с терроризмом вновь сделала актуальными призывы к подвигу, но от большинства американцев она пока еще не потребовала многого в плане реальных дел. А люди, призванные выполнить свой долг, – мэр Рудольф Джулиани, полицейские и пожарные Нью-Йорка, десантники в Афганистане, – действовали героически.

С точки зрения общеисторической перспективы представление, будто сегодняшние политики в чем-то хуже прежних, несерьезно. Мало кто тоскует по добрым старым временам, когда президентами были Резерфорд Б. Хейс или Миллард Филмор. На протяжении большей части американской истории национальные политики были нормальными людьми, соперничавшими между собой и старавшимися выжить и преуспеть в рамках существующей системы. В свою бытность ректором Гарвардского университета Бок спросил Томаса П. О'Нила, долгое время являвшегося спикером Палаты представителей, повысилось или понизилось качество людей, избиравшихся в Конгресс в течение 30 лет? О'Нил слегка задумался и ответил: «Качество явно повысилось, и даже значительно. Но результаты бесспорно ухудшились». Во время своего донкихотского похода за президентством эксцентричный миллиардер Росс Перо тоже сказал нечто подобное по поводу собственного опыта контактов с Вашингтоном: «Хорошие люди, но дурная система».

Так что же привело к упадку системы? Важным ключом к разгадке является выявление периода, когда произошла подвигка в состоянии общественного доверия. Почему взгляды

людей поменялись приблизительно в середине 1960-х годов, и доверие к политике продолжает падать до сих пор? В отмеченный период началось и неослабно развивалось одно крупное новшество: демократизация политики. Выражение «демократизация демократии» может показаться странным, но оно лучше всего описывает рассматриваемый феномен. С 1960-х годов практически все элементы американской политики – партии, органы законодательной и исполнительной власти, даже суды – стали более открытыми для контактов с общественностью и ее воздействия на них, что явилось результатом осознанных усилий по демократизации структуры и духа политической системы. Причем любопытно, что подобный сдвиг, похоже, совпал со снижением престижа этих институтов.

Большинство американцев смотрит на ситуацию по-другому. Их недовольство зачастую облечено в утверждение прямо противоположного свойства: «Никто не прислушивается к таким людям, как я». В этих словах есть доля истины в том смысле, что теперь в Вашингтоне правят организованные группы лоббистов. Однако нередко американцы не понимают, что это является непосредственным следствием перемен последних десятилетий. Чем более открыта политическая система, тем легче она проницаема для денег, лоббистов и фанатиков. Суть изменений, происшедших в Вашингтоне, не в том, что политики отгородились от американского народа и не желают прислушиваться к его мнению. Проблема в том, что они почти ничего не делают сверх этого.

Сегодня власть целиком ориентирована на погоню за общественным мнением. Она содержит армию экспертов, постоянно занятых «прощупыванием пульса» американского народа по каждому мыслимому и немыслимому поводу. Других специалистов нанимают для измерения интенсивности чувств американцев по всем вопросам. Деньги платят и третьим – тем, кто занят угадыванием того, о чем люди могут задуматься завтра. Все лоббисты, общественные активисты, консультанты и политики пользуются такого рода информацией в качестве отправной точки для своей деятельности. И каждый постоянно превозносит мудрость, мужество, высокую нравственность и величие народа Америки.

Единственное, что утешает в этом постыдном спектакле, — с возрастанием степени угодничества политиков перед обществом отношение к ним стало хуже. Во время Второй мировой войны некий коллега в парламенте посоветовал премьер-министру Великобритании Уинстону Черчиллю «держать ухо обращенным к земле». В ответ Черчилль отметил, что «британской нации было бы крайне неприятно взирать на своих лидеров, обнаруженных в подобной позиции». На протяжении последних трех десятилетий американский народ наблюдает, как его лидеры раболепствуют перед ним — и это отталкивает людей. Вероятно, они чувствуют, что демократия состоит вовсе не в этом.

Непрямая демократия

Исторически в Америке — как и в большей части западного мира — демократия служила лишь одним из элементов сложной политической структуры. В рамках демократической системы Соединенных Штатов действует множество институтов и процессов, которые, как было показано в первой главе, лишь предшествуют демократии, а сами являются откровенно недемократическими. Самый очевидный пример дает судебная система, в которой огромной властью обладают пожизненно назначаемые судьи. Кроме того, между отдельным гражданином и государством посредничает множество неправительственных объединений и политических партий. Причем, до недавнего времени большинство подобных институтов имело недемократичную организацию. Возьмем, например, политические партии. Отбор кандидатов и платформ происходил здесь в рамках жестко контролируемой внутрипартийной иерархии (эту систему ныне изображают исключительно в виде «курилки», что в наше время особой заботы о здоровье составляет наихудшее оскорбление). Конечно, при формировании списков кандидатов и платформ партиям необходимо обеспечивать себе поддержку избирателей. Однако внутрипартийный отбор кандидатов проводился до обращения за одобрением общественности. Законодательные органы также нередко действовали в строго иерархической и закрытой манере. Чле-

ны Палаты представителей и сенаторы встречались в комитетах, где путем закулисных сделок и «политического бартера» достигались компромиссы по разным вопросам. До сведения общественности доводилось то, как законодатели голосовали по окончательному законопроекту, однако ход голосования и обсуждения внутри комитетов не предавался огласке. Идея состояла в том, чтобы дать этим институтам возможность функционировать, а обществу — вынести затем свое суждение о достигнутых результатах.

Законодательные собрания американских штатов лучше всего выражают идею непрямой демократии. Народ лишь выбирает тех, кто будет заниматься законодательной деятельностью от его имени; сам он не составляет и не принимает биллей. Именно по этой причине автор американской конституции Джеймс Мэдисон фактически не считал свою страну демократической. В городах-государствах древней Греции демократия осуществлялась непосредственно — путем созыва общенародных ассамблей (Мэдисон и многие другие отцы-основатели США считали эти государства неуправляемыми, нелиберальными и нестабильными). По Мэдисону, Америку лучше было именовать республикой, в которой граждане делегируют задачу управления своим представителям. С точки зрения отцов-основателей, представительная республиканская демократия обеспечивала должный баланс между контролем со стороны народа и совещательностью процесса принятия решений.

Многие из крупных теоретиков демократии соглашались с этим. Самое известное выражение подобного подхода исходит от англичанина — политика от партии вигов и философа Эдмунда Берка. Однажды в ходе избирательной кампании он лихо отвечал своим избирателям в Бристоле: «Ваш представитель должен поставить вам на службу не только свое ремесло, но и свое суждение. Он предаст ваши же интересы, а не послужит им, если пожертвует своим суждением ради вашей точки зрения... Да, вы выбираете своего представителя; однако, будучи избранным, он становится членом Парламента, а не посланцем Бристоля»⁶.

В 1956 году сенатор Джон Кеннеди опубликовал книгу

«Лики мужества», где превозносил тех американских государственных деятелей, кто по принципиальным соображениям отстаивал непопулярную точку зрения. Кеннеди отменил представление, будто в качестве сенатора он должен всего лишь выражать взгляды своих избирателей:

[Подобное] воззрение основано на предположении, что народ Массачусетса направил меня в Вашингтон для того, чтобы выполнять лишь функции сейсмографа, фиксирующего изменения в общественном мнении... Избиратели отдали нам предпочтение, поскольку были уверены в нашей способности разбираться в делах и выносить свое суждение, исходя из того, что в наибольшей мере отвечает их интересам, рассматриваемым как часть интересов всей нации. Это может означать, что иногда мы должны вести за собой, информировать, подправлять или даже порою игнорировать мнение людей, благодаря которым мы были избраны.

Независимо от того, выполнял ли Кеннеди на практике то, чему поучал других, важно, что его книга немедленно привлекла к себе внимание, получила Пулитцеровскую премию и стала бестселлером. Сегодня подобные взгляды, вероятно, тоже были бы одобрены, но их восприняли бы как нечто занимательное – как причудливое проявление мира, ушедшего в прошлое. Завершая свою работу в сенате, Билл Брэдли вспоминал, что к концу его карьеры политика, встававшего на непопулярную позицию, считали не храбрым, а глупым: «Это значило, что он не понимает сути политики». В последние 30 лет в Сенате заседали немало достойных и порядочных людей. Но они политики, а не святые. Им нужно выживать и преуспевать в рамках радикально изменившейся политической системы. Вот почему в прошедшее десятилетие Сенат добровольно покинули многие лучшие люди. Почти все они уходили со словами, что политическая система вышла из-под контроля. Ирония ситуации состоит в том, что при всем своем уме они в своем большинстве сами голосовали за перемены, сделавшие американскую политику сверхчувствительной к давлению извне и подчиненной результатам опросов общественного мнения. Они делали это под знаменем демократии: то есть речь

идет о классическом случае благих намерений, приводящих к негативным результатам.

«Открыто для бизнеса»

Конец 1960-х – начало 1970-х годов были временем нападок на нечто гораздо более существенное, чем старые политические партии. Основы легитимности американской государственной системы не подвергались подобным атакам со времен Великой депрессии. Все началось с движения за гражданские права и продолжилось Вьетнамом, Уотергейтом и «долгим, жарким летом» городских беспорядков. Так многие американцы бросили вызов самим первоосновам политического правления. Когда к началу 1970-х годов революционный пыл поутих, ученые и политики начали обсуждать, как следует отреагировать на критику существующей системы. Многие опасались, что если не наладить механизм власти, то она утратит всякую легитимность. Как часто бывает в Америке, подобная наладка подразумевала демократизацию.

Будучи ветвью власти, наиболее отзывчивой на запросы избирателей, Конгресс стал меняться в первую очередь. До 1970-х годов он не без оснований считался слишком закрытым и иерархическим. С тех пор Конгресс изменил методы своей работы, а власть в нем перешла из рук отдельных лидеров ко всем его членам. Он стал более открытым и в ряде отношений более подотчетным перед избирателями. Он изменил законы, по которым проводится сбор средств на избирательные кампании. В целом, Конгресс демократизировал себя, а тем самым – и всю американскую политическую систему.

Три десятилетия спустя почти все, кто был связан с проведенными реформами – политики, журналисты, активисты, ученые, – считают, что ситуация изменилась к худшему. «Мы собирались реформировать систему, но создали больше проблем, нежели разрешили, – сказал сенатор Джозеф Биден, впервые избранный в Палату в 1973 году. – Законы о финансировании избирательных кампаний, полномочия независимого прокурора – все вышло не так, как предполагалось». Прежняя

система была далека от совершенства. Сенат был наихудшим проявлением олигархичности и почти целое столетие служил основным препятствием на пути принятия законов о гражданских правах. Однако у новой системы оказались свои крупные недостатки.

Палата представителей созыва 1974 года – порождение уотергейтского скандала – демократизировала метод выбора глав комитетов, перейдя к внутрипартийным выборам взамен принципа старшинства. Также были урезаны полномочия глав комитетов. Например, если прежде они могли вообще отказаться принять к рассмотрению законопроект, предложенный в подкомитетах, то теперь их обязывали его обсудить. Число подкомитетов было увеличено почти в полтора раза, чтобы у всех членов Палаты появилась возможность заниматься законотворчеством. Кроме того, изменился регламент: каждый член Палаты получил право выдвигать неограниченное число новых законопроектов и поправок, даже не состоя в соответствующем комитете. Чтобы эта более демократичная система работала, в 1970-е годы был увеличен почти на 50 процентов аппарат Конгресса. Более того, отныне его служащие назначались не главами комитетов, а отдельными членами Палаты (и потому целиком зависели от последних).

Из органа, которым управляли около двадцати его наиболее влиятельных лидеров, Конгресс превратился в собрание 535 независимых политических предпринимателей. Они направляют движение системы прежде всего в собственных индивидуальных интересах – то есть в целях своего переизбрания. По любому вопросу – законопроекты, поправки, приостановка действия законов – эта система гораздо более отзывчива на капризы отдельных членов Палаты. Она также стала заметно сильнее подвержена влиянию извне. Среди наиболее важных реформ 1970-х годов был переход к открытым заседаниям комитетов и записи итогов голосования. Раньше главы комитетов проводили заседания, на которых за закрытыми дверями осуществлялось предварительное обсуждение законопроектов. Присутствовали только члены комитетов и горстка высших сотрудников аппарата Палаты. К 1973 году заседания не только стали открытыми для всех, но и каждое

мнение стало официально фиксироваться. Прежде в процессе голосования по какой-либо поправке к закону члены Палаты имели обыкновение перемещаться по залу заседаний. Регистрировался окончательный результат, но не позиции отдельных законодателей. Теперь же каждый должен голосовать публично по каждой поправке. Цель подобных изменений заключалась в том, чтобы сделать Конгресс более открытым и отзывчивым. Таким он и стал – отзывчивым на деньги, открытым для лоббистов и частных интересов.

У большинства американцев нет ни времени, ни интереса, ни склонности к тому, чтобы каждодневно следить за работой Конгресса. Но все это есть у лоббистов и политических активистов. Они способны воспользоваться информацией и доступом в Конгресс, чтобы обеспечить представляемым ими группам преимущества в рамках федерального бюджета и свода законов. Это верно не только в отношении лоббистов, работающих за деньги. По всем вопросам, начиная с закона о гражданских правонарушениях и кончая политикой США в отношении Кубы, а также введением внешнеторговых квот, хорошо организованные группы интересов – независимо от того, насколько малы соответствующие группы избирателей – могут заставить правительство подчиниться их пожеланиям. Реформы, предназначавшиеся для того, чтобы привести к власти большинство, породили власть меньшинства.

Роберт Пэквуд, прослуживший в Сенате с 1969 года вплоть до ухода на покой в 1995 году, вспоминал, что реформы сильно затруднили голосование с учетом достоинств законопроекта:

Большинство членов Сената искренне стремились делать то, что, как они полагали, отвечало общенациональным интересам. Однако добиться этого было не всегда легко. До принятия «законов о солнечном свете» [требующих, чтобы общественные проблемы дебатировались открыто] было лучше. Когда к вам обращались посланцы той или иной группы влияния, вы говорили: «Я всячески пытался поддержать вас, но, черт возьми, председатель выкрутил мне руки». Потом, чтобы обезопасить себя, вы, случалось, предупреждали председателя, чтобы, когда придут те парни, он им сказал, что вы действительно изо всех сил боролись за их интересы.

Однако когда лоббистам стало известно, как именно вы голосуете, они стали пользоваться этой информацией как оружием. Бывший сенатор Дейл Бамперс свидетельствовал:

Такие группы разработали крайне неприятные методы противодействия тем, кто переходил им дорогу. Внезапно каждое голосование обрело политическую подоплеку. Конгресс начал хитрить и зависать на каждом сложном вопросе... Конечно, подобные группы имеют свои законные интересы, но их вмешательство деформирует законодательный процесс. Разногласия по мельчайшим вопросам парализуют Конгресс, публика испытывает к нему отвращение, а его работа оказывается похожей на игру в кости⁷.

Один из немногих недавних случаев, когда Конгресс устоял под давлением особых интересов – причем весьма массивным, – имел место в 1986 году. Тогда при поддержке обеих партий были одобрены радикальные налоговые реформы, ликвидировавшие сотни лазеек и скрытых субсидий. Один из архитекторов этих реформ, бывший член Палаты представителей Дэн Ростенковский, возглавлявший бюджетный комитет, рассказывал, что это стало возможным только потому, что он настоял на проведении закрытых слушаний по этому биллю. «Дело не в том, что у кого-то возникло желание проигнорировать общественное мнение. Просто лоббисты, группы давления и профессиональные ассоциации отстаивают свои проекты. При публичном обсуждении законопроекта члены Палаты ориентируются на лоббистов, которые подают им положительные или отрицательные сигналы»^{*}.

^{*} Конечно, после заседаний, на которых законопроект рассматривался в предварительном порядке, лоббирование разворачивалось в полную силу, хотя и с ограниченными результатами. Политолог Джеймс Тербер вспоминает, как наблюдал за лоббистами на сессии Конгресса, когда рассматривалась налоговая реформа 1986 года: «Они начинали названивать по своим сотовым телефонам в тот момент, когда члены палаты еще только задумывались о том, как произвести сокращение той или иной налоговой льготы. Их звонки будоражили заинтересованные стороны, порождая поток протестов по телефону, по факсу или в письмах. У членов Палаты представителей нет возможности спокойно обдумать происходящее. В прежние времена у них было на это несколько месяцев или недель, по крайней мере несколько дней. Теперь же, быть может, – всего несколько секунд».

Пребывающие в прошлом

По мере увеличения масштабов и открытости власти в США, лоббизм превратился в самую быстрорастущую сферу деятельности в Вашингтоне. Как и в случае всех прочих рассматриваемых нами изменений, экспансия лоббизма началась в 1960-е годы и с тех пор продолжается. В середине 1950-х годов в Вашингтоне было официально зарегистрировано 5 тысяч лоббистов; к 1970-му году их численность удвоилась, а к 1990 году – удвоилась еще раз. Подобно бесконечной спирали, каждый очередной законопроект порождает новые лобби, создаваемые, чтобы добывать или удерживать за собой некоторую долю федерального бюджета. Один из лучших вашингтонских журналистов Джонатан Роуч сообщал, что в 1979 году в Вашингтоне насчитывалось 117 лоббистских групп, связанных со здравоохранением. Когда в 1993 году президент Билл Клинтон предложил произвести радикальную реформу в этой сфере, их численность выросла в семь раз. Даже после провала предложенного Клинтоном законопроекта почти все эти группы продолжили свою деятельность, оказывая давление на Конгресс по соответствующим вопросам.

В своей основательной книге «Демосклероз» Роуч показал, используя и развив идеи экономиста Мансура Олсона, как разрастание групп особых интересов сделало государственную систему США совершенно неработоспособной. Вашингтон не может сократить – тем более ликвидировать – практически ни одну правительственную программу, даже если она явно исчерпала себя. В качестве классического примера Роуч упоминает о субсидиях на мохер^{*}. В 1954 году мохер был включен в список «стратегических товаров», поскольку использовался для пошива военной формы. В результате правительство стало субсидировать производителей шерсти, раздав хозяевам ранчо более 100 миллионов долларов, причем половина этой суммы досталась всего одному проценту из них. Как и в большинстве подобных случаев, эта дотация фактически не сработала и лишь понизила эффективность отрасли. Но это

^{*} Мохер – шерсть ангорских коз.

только начало истории. Спустя шесть лет синтетические волокна, такие как дакрон, вытеснили шерсть из пентагоновского списка «стратегических товаров». Однако шерстяное лобби засучило рукава и убедило Конгресс сохранить денежный ручеек. Субсидия, утратившая всякий смысл еще в 1960-м году, сохранялась в полном объеме три десятка лет. Наконец, в 1993 году Конгресс, испытывая определенное смущение по поводу этой широко обсуждавшейся статьи бессмысленных расходов, положил ей конец. Однако через несколько лет усердная работа лоббистов вновь дала свои плоды: субсидия на мохер была восстановлена, что ни у кого не вызвало удивления. Теперь она меньше по объему и подлежит ежегодному утверждению. Однако шерстяное лобби это, похоже, не волнует. В конце концов, им есть, чем занять себя.

Таких примеров тысячи. Вот почему американское правительство, по выражению Роуча, «оказалось в замороженном состоянии, погрязнув в постоянной грызне вокруг распределения денег между гигантской массой закостеневших программ». В известном смысле мохеровая субсидия – нетипичный пример, поскольку ее на какое-то время прекратили выплачивать, а затем уменьшили. Хлопководы действовали более эффективно: их общая численность в США составляет всего 25 тысяч, а собственный капитал – 800 тысяч долларов, но при этом они получают 2 миллиарда долларов государственных субсидий. Большинство правительственных программ стали вечными. Морские субсидии выплачиваются уже более 200 лет, хотя в настоящее время Пентагон имеет в своем распоряжении собственный флот. Сельскохозяйственные дотации, введенные в качестве временной меры для облегчения ситуации в годы Великой депрессии, настолько замысловаты и абсурдны, что фермерам платят за выращивание зерна, которое затем уничтожается. Недавно имел место очередной акт согласия между двумя партиями, когда ориентированная на рыночные свободы администрация Джорджа Буша и ответственно относящийся к финансам Конгресс совместно выступили за существенное увеличение таких дотаций – хотя по бюджетным и внешнеторговым соображениям их следовало бы урезать.

В той или иной форме лоббизм существовал на протяжении большей части американской истории, и многие президенты – от Гровера Кливленда до Калвина Кулиджа – активно выступали против него. Резкий рост числа лоббистов и результативности их усилий с начала 1960-х годов отчасти связан с тем, что за последние три-четыре десятка лет государство сильно разрослось; соответственно, во много раз умножились суммы, которые можно получить при помощи эффективного лоббирования. Также важно то, что сейчас появились беспрецедентные возможности отслеживать деятельность Конгресса и влиять на нее. В результате лоббистские группировки, которые в основном и осуществляют такой мониторинг и давление, набрали значительный вес относительно объекта приложения своих усилий – правительства.

Подобное положение дел не может не удручать как либералов, так и консерваторов. Для последних оно означает безнадежность выдвижения целей сокращения федеральных расходов. С начала 1980-х годов три президента-республиканца (Рональд Рейган, Джордж Буш и Джордж Буш-младший), республиканский спикер (Ньют Гингрич) и президент-демократ (Билл Клинтон) пытались сократить государственные расходы. Но все они столкнулись с мощной силой заинтересованных групп. В результате за восемь лет Рейган смог закрыть всего четыре достойные упоминания правительственные программы. Дэвид Стокман, при Рейгане отвечавший за бюджетные вопросы и с мессианским упорством стремившийся рационализировать федеральный бюджет, в отчаянии пришел к выводу, что к 1984 году «Белый дом оказался почти лишен каких-либо последовательных принципиальных убеждений в политике сокращения государственных расходов». Сменивший Рейгана в 1989 году Буш-старший прибег к иной тактике, предложив закрыть 246 мелких программ. Сэкономить на этом удалось бы не так много: около 3,5 миллиарда долларов, или 0,25 процента от общей суммы федеральных расходов. Тем не менее, как оказалось, он хотел слишком многого. Когда Конгресс разобрался с его предложениями, то было закрыто только восемь программ, что в сумме дало всего 58 миллионов долларов экономии. Сходным образом, эпохальная бюджетная

сделка администрации Клинтона с Конгрессом в 1994 году привела к отмене 41 мелкой программы, на которые в сумме приходилось лишь 0,01 процента федерального бюджета.

Проведенная республиканцами в 1994 году революция стала решающим испытанием для теории Роуча. Тогда большое влияние приобрели Ньют Гингрич и следовавшая за ним шумная толпа политических новичков. Выдвинутая ими платформа предполагала изменение организации всей работы федеральной власти, в частности – отказ от расточительных денежных ассигнований. Однако через четыре года республиканская революция потерпела провал, Гингрич ушел в отставку с поста спикера и даже отказался от членства в Палате представителей. Некогда самый влиятельный политик Америки теперь служит комментатором в «Фокс ньюс». Сделав немало политических ошибок, Гингрич и республиканцы в итоге убедились, что изменить сложившуюся в Вашингтоне систему вовсе не так просто, как им казалось.

В 1995 году республиканцы выступили с предложением об отмене около 300 бюджетных программ, в основном относящихся к системе льгот для корпораций, что сэкономило бы более 15 миллиардов долларов. Но тут в бой пошли лоббисты. Все, кому доставались «расточительные ассигнования» федерального бюджета, стали бороться за свою жизнь – точнее, за средства на нее. И, напротив, мало кто засыпал офисы конгрессменов факсами с призывами сократить государственные расходы. Обнаружилось, что большинство американцев желало сокращения правительства лишь в абстрактном смысле, но не обращалось к своим представителям в Конгрессе. А получатели субсидий делали это, причем в массовом порядке. Несколькими месяцами спустя республиканцы кончили тем, что приняли бюджет, сокращенный всего на 1,5 миллиарда долларов, то есть лишь на 1/10 от того, что ими планировалось, или в целом на 0,01 процента всех бюджетных расходов. С тех пор Конгрессу удалось немногим большее, а именно – сэкономить всего пару миллиардов из 1,8 триллиона долларов федерального бюджета. Когда неожиданный экономический рост обеспечил правительству беспрецедентные дополнительные доходы, многие решили, что контролировать рас-

ходы не обязательно: якобы в условиях «новой экономики» деньги сами будут сыпаться в закрома государства. Джордж Буш пришел к власти в 2000 году, дав два обещания финансового характера: сократить налоги и государственные расходы. Как обычно, выполнить первое оказалось легче, нежели второе. С тех пор, как Буш стал президентом, доля государственных расходов в ВВП взлетела вверх, даже без учета повышения оборонных ассигнований после 11 сентября 2001 года. За первые два года президентства Буша федеральное правительство потратило больше, чем за такой же период при Клинтоне. Кевин Хассет из Американского института предпринимательства сказал по поводу предлагавшихся Бушем налоговых сокращений: «Обещали умирить чудовище голодом, однако оно все равно как-то находит себе пропитание»⁸.

С точки зрения либералов подобный провал означает, что в Америке стало почти невозможно выделять реальные деньги на решение вновь возникающих проблем или использование новых возможностей. Повышение налогов на уровне штатов и местных властей или на фонд заработной платы не является выходом из положения, поскольку тогда американцы будут считать (причем не без основания), что на них возложено слишком тяжелое налоговое бремя. Таким образом, каждый доллар федеральных грантов, выделяемых на поддержку производства мохера или изучение конкурентоспособности спаржи, фактически означает соответствующее урезание расходов на образование, продовольственные талоны или обновление инфраструктуры. Более того, поскольку всем понятно, что принятые программы становятся вечными, порог для их одобрения поднимается все выше. Франклин Рузвельт считал, что правительству нужно заниматься «смелым и настойчивым экспериментированием». Однако, как отметил Роуч, во времена Рузвельта, когда на правительство оказывала влияние лишь небольшая горстка заинтересованных групп, можно было инициировать много новых программ, поскольку имелась возможность одновременно закрывать не оправдавшие себя. В современной ситуации эксперименты становятся недопустимыми, так как ошибки правительства высекаются в камне.

Федеральное правительство оказалось в роли хранителя статус-кво. Перспективные отрасли экономики, проблемы и возможности не имеют своего лобби, а у уходящих в прошлое оно есть.

Складывается впечатление, что правительство не способно разумно или логично подходить к определению своих приоритетов и расходов; поэтому люди уже не верят, что оно способно решать новые проблемы. Среди молодежи широко распространилась уверенность, что действенные социальные изменения лучше проводить не в рамках государственной сферы, а при содействии неправительственных организаций, аналитических центров, прессы и даже частного бизнеса. Это одна из наиболее существенных подвижек, происшедших в общественном мнении в прошедшие несколько десятилетий. Ныне правительство в Америке воспринимается как громоздкий динозавр, попавший в ловушку собственной истории и не способный реагировать на проблемы завтрашнего дня. Стоит ли удивляться, что способные, энергичные молодые люди держатся от него в стороне?

Сам Роуч пришел к убеждению, что «государство в Америке, возможно, превратилось в то, чем оно, скорее всего, и останется: чрезмерно разбухшей структурой, по большей части живущей собственной жизнью. На 10–20 процентов она контролируется политиками и избирателями, а на 80–90 процентов – тысячами клиентских групп. Правительство будет меняться лишь в незначительных аспектах, в соответствии с пожеланиями своих клиентов – но не систематически и в таких формах, которые угрожали бы привилегиям сразу нескольких из них». Сегодня в этом заключена суть «американской дилеммы». Граждане страны считают, что не обладают реальным контролем над правительством. Однако они не осознают, что такого контроля нет и у политиков. Большинство членов Палаты представителей и Сената знают, что действуют в рамках политической системы, где всякая серьезная попытка изменить ситуацию немедленно вызовет хорошо организованное сопротивление со стороны меньшинств, затрагиваемых соответствующей реформой. Так что в реальности в Вашингтоне всем управляют именно меньшинства.

Вред фракционности

Отцов-основателей США весьма тревожила перспектива того, что мелкие, целеустремленные меньшинства станут заниматься политическим пиратством. Указывая на данную проблему, Мэдисон говорил о «вреде фракционности». Именно ею он объяснял «нестабильность, несправедливость и неразбериху – те смертельные болезни, от которых повсеместно погибала избранная народом власть». В своем знаменитом 51-м эссе «Федералист» он писал, что единственным средством действенного решения данной проблемы могло бы стать ограничение свободы объединения людей и выражения ими своего мнения, открывающей дорогу к формированию подобных групп («Свобода так же способствует образованию групп, как воздух способствует огню»). Однако такое лекарство было бы еще хуже, чем сама болезнь, и Мэдисон быстро отказался от него.

Взамен этого Мэдисон стал возлагать надежды на масштабность и многообразие Америки. Он утверждал, что, во-первых, группы меньшинств не всегда смогут добиваться желаемого, так как против них выступят остальные, составляющие большинство, и разрушат их планы. В столь большой и неоднородной стране, как Америка, любой, даже сильной группировке будут противостоять другие группы, что не позволит доминировать ни одной из них. Увы, в этом важнейшем вопросе Мэдисон был неправ. Вероятно, он не представлял себе, что правительство когда-либо будет иметь столь богатую казну, что станет привлекать к себе толпы группировок, рьяно проталкивающих свои эгоистические интересы. Впрочем, в аргументации Мэдисона есть и теоретический изъян. Как отмечал Олсон, сформировать узкую группу интересов проще всего, поскольку ее участники могут выиграть весьма многое, тогда как остальная часть страны мало что потеряет. Он называл это «логикой коллективного действия». Если группа из 100 фермеров обращается к правительству с ходатайством о выплате им 10 миллионов долларов, то выигрыш для каждого из них составит 100 тысяч долларов. А остальное население страны потеряет всего примерно 4 цента на человека. Кто ско-

рее сформирует лобби, они или мы? Поскольку таких примеров тысячи, становится понятно, в чем сегодня состоит центральная проблема американской демократии.

Кроме того, в реальной жизни отдельные группы интересов не сводят влияние друг друга на нет. Большинство из них не против процветания остальных. Когда Боуга Бергланда из Национального сельского электрокооператива спросили, поддержал бы он сокращение субсидий своим конкурентам, он сказал следующее: «По нашему мнению, можно выдвинуть убедительные аргументы за оказание большей поддержки всем нам»⁹. В пользу доводов любой группы работает утверждение, что финансирование получают другие группы, – так с какой стати дискриминировать эту? В тесноте, да не в обиде. В конце концов, получить налоговые лазейки для себя проще, если вы отстаиваете их и для других. Таким образом, политика государства превратилась не в итог сведения взаимоисключающих стремлений групп интересов к нулю, что позволяло бы получить нормальный результат, о котором говорил Мэдисон, а, скорее, в грудю призов, раздаваемых один за другим в разрушительном движении вниз по спирали. Это путь наименьшего сопротивления, в политике по нему идут очень часто.

Сказанное верно даже в отношении политических решений, не связанных с деньгами. Возьмем политику США в отношении Кубы. Через десять лет после окончания «холодной войны» очевидны два обстоятельства. Во-первых, кубинский коммунизм больше не составляет ни малейшей геополитической угрозы для США. Во-вторых, с каким возмущением ни относиться к нарушению Фиделем Кастро прав человека, ясно, что введение санкций для экономической изоляции режима лишь укрепляет его власть над страной, давая ему то, против чего он может мобилизовать свой народ. Как показывает исторический опыт, лучшее, что можно сделать, чтобы подтолкнуть Кубу к либеральной демократии, – это открыть страну для мира коммерции и контактов. С таким подходом согласно подавляющее большинство американцев. Именно таким образом Соединенные Штаты вели себя по отношению к двум другим коммунистическим режимам – КНР и Вьетнаму. Так почему же не по отношению к Кубе? Ответ – в существовании

особой группировки. В этом вопросе доминируют американцы кубинского происхождения, которые крайне резко настроены против Кастро и проживают в двух важных с точки зрения выборов штатах – во Флориде и Нью-Джерси. Хотя у большинства граждан страны может быть иное мнение, только американцы кубинского происхождения организованно выступают по этому вопросу и финансируют голосование по нему. Таким образом, горстка жителей двух штатов оказалась в состоянии диктовать курс американской внешней политики. Как и в других случаях, когда крикливое меньшинство подавляет молчаливое большинство, с точки зрения общественных интересов цена вопроса невелика. Но она постепенно растет.

Главным институтом, вплоть до относительно недавнего времени служившим промежуточным звеном между отдельными частями населения и политикой, были партии. Влиятельные политические партии могли посредничать между различными группами интересов и, сводя их все под общим зонтом, формировать позицию, отражающую весь спектр мнений в целом. Позиции могли меняться. Однако любые их изменения выступали предметом договоренности внутри партий, где обсуждались взаимные уступки и принимались во внимание общепартийные интересы. Вот почему видный исследователь американской политики Клинтон Росситер высказал процитированное выше мнение: «Нет Америки без демократии, демократии без политики, политики без партий». Конечно, партии не всегда функционировали подобным образом. Однако в течение более чем двух столетий они весьма успешно трансформировали общественные устремления и интересы в реально действующую систему демократической политики. Они могли бы делать это и в будущем, когда Америка будет претерпевать крупные научно-технические, экономические и демографические изменения, – если бы не тот факт, что в Америке фактически больше не существует политических партий.

Упадок партий

В декабре 2000 года, спустя несколько дней после завершения битвы вокруг пересчета голосов во Флориде, я обра-

тился с вопросом к радиожурналисту и бывшему разработчику политических стратегий Джорджу Стефанопулосу: «Ожидаете ли вы, что Демократическая партия все же выставит кандидатом для участия в президентской гонке 2004 года бывшего вице-президента Альберта Гора?» В ту неделю газеты были полны слухов по поводу того, что ведущие деятели партии хотят отказаться от Гора. Ответ Стефанопулоса многое прояснил. «Демократической партии нет, – сказал он. – Если Гор хочет участвовать в выборах, ему нужно собирать свой фонд, добиться хороших отзывов в средствах массовой информации и продвинуться вверх по результатам опросов общественного мнения. Последнее обеспечит ему еще больше денег и более благожелательную прессу. Что думают партийные старейшины, не имеет значения, поскольку партии более не существует. Те, кто претендует на роль старейшин, не более чем политики прежних времен, ищущие, чем бы занять себя».

Сегодня в Америке политические партии не имеют реального веса. В течение жизни прошлого поколения партии стали столь открытыми и децентрализованными, что их никто не контролирует. Партийные машины и их руководители, партийная организация, кадры добровольцев и старейшины в существенной мере утратили значение. Партия – это не более чем инструмент для сбора средств в пользу телегеничного кандидата. Если кандидат популярен и добивается выдвижения, то партия будет готова оказать ему поддержку. В таком случае кандидат слегка выиграет, получая больше ресурсов, организационной помощи и дополнительные списки потенциальных жертвователей. Фактически же кандидаты, участвующие во внутрипартийных первичных выборах, находят полезным противостоять партийному истеблишменту. Это придает их кампании свежесть, а им самим – привлекательность одиночки, борющегося с партийной машиной. Такой подход сработал для Джорджа Макговерна, Рональда Рейгана и Джими Картера. Правда, сейчас придерживаться этой стратегии сложнее, потому что уже нет того истеблишмента, против которого можно было выступать. Кто был кандидатом от демократического истеблишмента в 1992 году? Билл Клинтон, Боб

Керри или Пол Тсонгас? Ни один из них*. Успех Джорджа Буша связан с тем, что он был кандидатом от своей семьи, а не от истеблишмента. На его стороне были два фактора, требуемые в системе без партий, – узнаваемое имя и механизм сбора средств. Любой, у кого есть то и другое, получает огромное преимущество, независимо от наличия у него политического опыта. Поэтому в новой, якобы более «демократичной» системе мы видим гораздо больше, чем прежде, представителей политических династий, известных государственных деятелей и политиков-миллиардеров. И это только начало. По мере того, как политические партии будут деградировать дальше, богатство и/или известность станут привычными средствами для избрания на высшие посты.

На протяжении большей части американской истории кандидаты на президентство были тенью своих политических партий. Теперь партии оказываются в тени своих кандидатов. Если кандидат сдвигается к центру, его партия делает то же самое. Если кандидат перемещается влево, то и партия следует за ним. Как только Клинтон был избран в качестве «нового» демократа, в Вашингтоне стало трудно найти хотя бы одного «старого» демократа. Точно так же, когда Джордж Буш объявил, что он – «сочувствующий консерватор», оказалось, что таково кредо всей Республиканской партии, причем давно. Сегодня политическая партия – это пустой сосуд, наполнить который призван популярный лидер.

Пулей, убившей институт политических партий в США, стали первичные выборы. В принципе, партии существуют для того, чтобы соревноваться друг с другом в ходе всеобщих выборов. Поэтому избрание кандидата – самое важное из принимаемых ими решений. Как только этот процесс отдается на откуп избирателю, переставая быть уделом партийной организации, последняя превращается в пустую оболочку. Вот почему в других демократических странах ни одна политическая партия не отказывается от участия в выборе кандидатов. Первичные выборы – явление исключительно американ-

* Исключение, подтверждающее данное правило, – сенатор Роберт Доул. В 1996 году он был выдвинут республиканцами в кандидаты на пост президента практически в качестве вознаграждения за долгие годы служения партии.

ское и существующее не столь давно. Представляет интерес, как и почему оно возникло. Причем заявлять, будто американские политические партии были убиты, не совсем точно. Фактически они совершили самоубийство¹⁰.

В широких масштабах прямые праймериз появились в первой четверти XX века, став частью наступления «эры прогресса» на коррумпированные партийные машины. («Пусть все решают избиратели, а не боссы!») Праймериз отвечали стремлению американцев иметь «больше демократии». Однако первоначально их внедрение не изменило характера партийной системы. В период с 1912 по 1968 год победитель прямых первичных выборов становился партийным номинантом только в 10 из 23 случаев (мы не берем в расчет действующих президентов, которые всегда повторно выдвигались своей партией). В 1960 году Демократическая партия провела праймериз только в 16 штатах, Республиканская – в 15. На них было избрано только 38 процентов делегатов на общенациональные политические съезды. Действующее руководство партии – избранные официальные лица, местные и региональные партийные боссы, а также различного рода организаторы – сохранили за собой большую часть голосов и влияния. Праймериз использовались как способ определения степени привлекательности того или иного кандидата в глазах рядового избирателя. Победив в Западной Вирджинии, Джон Кеннеди доказал, что католик может получить хорошие результаты даже на выборах в южном штате. Впрочем, в 1952 году Эстес Кефвер выиграл многие праймериз и все же не стал кандидатом от Демократической партии, поскольку партийная машина отдала предпочтение Эдлаю Стивенсону. В 1940 году Уэнделл Уилки вообще не принимал участия в праймериз, однако был выдвинут Республиканской партией в кандидаты на президентские выборы.

В 1960-е годы одной из постоянных протестных тем – в рамках движения за гражданские права, на демонстрациях против войны во Вьетнаме, во время уличных беспорядков, сопровождавших съезд Демократической партии 1968 года в Чикаго, и даже на рок-фестивалях в Вудстоке – стала необходимость расширения массового участия в политике. Пытаясь

отреагировать на подобные запросы, Демократическая партия решила стать более демократичной. Был принципиально изменен метод избрания кандидатов. Праймериз быстро заменили все остальные методы выдвижения делегатов на общенациональный съезд; к 1980 году более 70 процентов делегатов избирались в ходе открытых праймериз. Передовому примеру демократов последовали и республиканцы: к 1980 году 75 процентов их делегатов избирались посредством праймериз. Сегодня в обеих партиях соответствующая цифра превышает 80 процентов, а остающиеся 20 процентов делегатов обычно голосуют за того, кто выигрывает праймериз. (Фактически, если бы эти «свободные» делегаты принимали решение, руководствуясь достоинствами самих кандидатов, ситуация считалась бы скандальной.)

Те, кто голосует в ходе праймериз, никак не могут считаться большинством партии и тем более большинством американского народа. (Во время последних президентских выборов в ходе праймериз голосовало только 23 процента зарегистрированных избирателей, что приблизительно соответствует 18 процентам населения, достигшего возраста, определенного избирательным цензом.) В итоге делегаты на съезды обеих партий обычно более радикальны, чем рядовые члены партий. Это объяснимо, поскольку делегаты представляют не среднестатистических, а, скорее, наиболее активных приверженцев партии, голосующих на праймериз. (Стоит задуматься, как много людей мы знаем из числа тех, кто является активным партийным добровольцем и голосует на всех праймериз?) Так, в 2000 году только 10 процентов республиканских делегатов полагали, что излишки бюджета должны быть использованы на сохранение программ медицинской помощи и социального страхования – в сравнении с 46 процентами среди всех избирателей-республиканцев. Всего 24 процента республиканских делегатов считали, что должны быть запрещены «мягкие» деньги – хотя в пользу этого высказывались 60 процентов избирателей. Аналогичным образом, школьные ваучеры поддерживали лишь 10 процентов делегатов Демократической партии – по сравнению с 41 процентом всех избирателей-демократов. За смертную казнь выступали

только 20 процентов демократических делегатов – при ее 46-процентной поддержке среди всех избирателей-демократов¹¹. В обеих партиях почти по каждому вопросу возникает разрыв между делегатами и избирателями. Ирония ситуации в том, что прежние элиты гораздо точнее представляли мнение рядовых членов своей партии – и всей страны, – нежели сегодняшние профессиональные активисты. Как выясняется, нынешняя политическая «база» крайне узка.

Президентские выборы – главное событие, и потому выдвинутые для участия в них кандидаты неизменно принадлежат к политическому центру. Однако остальные политики избираются активным электоратом в ходе праймериз и испытывают его влияние. Таким образом, партии в неполной мере отражают идеи своих ведущих политических деятелей и официальных лиц. Последние больше ориентируются на взгляды наиболее сильных групп активистов и организаторов – то есть тех, кто мобилизует голоса во время предварительных выборов. В этом смысле «демократизация» привела не к устранению, а лишь к смене элит, причем отнюдь не факт, что происшедшая замена оказалась к лучшему. Старые партии имели корни среди населения, в местных органах власти и организациях с широкой базой участников, таких как профсоюзы и предпринимательские объединения. В новых партиях господствуют профессионалы власти – активисты, идеологи, сборщики средств и эксперты по общественному мнению. Именно поэтому Вашингтон остается гораздо более поляризованным, чем страна в целом. По той же причине заключение сделок и выработка компромиссов между различными внутрипартийными позициями крайне усложнились. В нынешней политической среде предпочтение отдается не достижению договоренностей, а созданию патовых ситуаций, поскольку это более выигрышно для сбора средств.

Машина по сбору денег

Система внутрипартийных первичных выборов породила своего рода «демократический парадокс», который воспроизводится в ходе нынешней реформы, когда стремление

обеспечить правление большинства оборачивается властью меньшинства. Он вновь проявил себя в связи с реформой финансирования избирательных кампаний. Как ожидалось, финансовые реформы 1970-х годов должны были сделать политическую систему доступной для большего числа людей. Чтобы положить конец зависимости политиков от нескольких крупных жертвователей, был введен лимит взносов в размере 1 тысячи долларов с человека в пользу одного кандидата. Предусматривалось также формирование комитетов политического действия (КПД), позволяющих объединять средства мелких жертвователей в коллективные фонды для достижения общих политических целей. Индивидуальные вклады в КПД не могут превышать 5000 долларов. Несмотря на все реформы, КПД считаются символами всего самого дурного в нынешней системе финансирования избирательных кампаний в Америке.

Демократизация избирательных кампаний изменила природу американской политики, причем не в лучшую сторону. Вместо того, чтобы в финансовом отношении положиться на нескольких крупных доноров – людей, широко известных и всегда находящихся на виду, в настоящее время кандидаты должны собирать деньги небольшими порциями у десятков тысяч жертвователей и КПД, взгляды которых не столь широко известны публике и труднее поддаются анализу. Кроме того, появилась новая группа политических посредников: сборщики пожертвований. Журналист и бывший спичрайтер Белого дома Дэвид Фрум так объясняет ситуацию:

При лимите на отдельного донора в 1000 долларов и ограничении расходов суммой в 36 миллионов долларов уже недостаточно найти нескольких эксцентричных миллионеров. Кандидат должен потратить чрезвычайно важный год перед праймериз, добываясь поддержки тысяч состоятельных жертвователей. Это похоже на наполнение ванны с помощью столовой ложки. Даже самый стойкий кандидат не способен уговорить столько людей. Поэтому приходится искать поддержки нескольких сотен «маэстро визитных карточек», доказавших свою способность и готовность организовывать празднества, а также коктейли, завтраки и ужины в тесном кругу ради сбора пожертвований. Это нужно для получения необходимых

средств в регионах от всех солидных жертвователей – сторонников как демократов, так и республиканцев¹².

В итоге сбор денег превратился в основную сферу деятельности в ходе любой политической кампании, а хорошее выполнение роли сборщика пожертвований стало первым и необходимым качеством современного американского политика. Если и теперь существуют партийные старейшины, так это «виртуозы визитных карточек», без которых не начнется ни одна кампания. Происшедшие перемены усугубили ослабление политических партий. Недавние потуги по реформированию избирательных финансов еще более углубят такую тенденцию, поскольку политические партии зачахнут еще больше. Единственными остававшимися в распоряжении партий фондами были так называемые «мягкие деньги», которые можно было тратить на поддержку определенных кандидатов. Теперь эти деньги будут потрачены – поскольку это должно произойти *непременно* – не партиями, а теневыми группами и организациями, действующими в кулуарах и никому не подотчетными. Ключевое значение «виртуозов визитных карточек» в политической жизни страны укрепились еще больше.

Самым пагубным последствием реформ финансирования избирательных кампаний является то, что теперь политики стали более уязвимыми. Им приходится с полным на то основанием опасаться, что в следующий раз их не переизберут на ныне занимаемый пост. Конечно, в этом суть демократии – но только до определенной степени. Сейчас же политиков поглотила навязчивая паранойя, заставляющая их думать, что они всегда находятся лишь в одном шаге от поражения. Утратив партийную поддержку и защиту, американские политики, по словам британского политолога Энтони Кинга, «в одиночку преодолевают свою избирательную стезю». Прежде позиции кандидатов подкреплялись их положением в своей партии, собственными достижениями и политическим умением найти взаимопонимание с партийными старейшинами. Теперь сила кандидатов определяется их предприимчивостью на ниве участия в выборах, работы с избирателями, содействия особым интересам и сбора средств. Но это также означает, что они

одинокі, и всего одна оплошность в любой момент может привести их к банкротству, то есть – к утрате власти. Если они предпринимают нечто непопулярное, то партия, Конгресс или средства массовой информации уже не приходят им на помощь. Как пишет Кинг, «их могут убрать одного за другим; им это известно; они выстраивают свое поведение соответствующим образом»¹³.

Мысли американских политиков ныне сосредоточены на перспективе переизбрания. И они целеустремленно решают задачу добиться победы на следующих выборах, забывая обо всем остальном, не потому, что они хуже по человеческим качествам, чем их предшественники, а потому, что в таком направлении их толкает сложившаяся система. Этим объясняется печальная картина состояния современной американской демократии, в которой политики без конца потакают лоббистам, проводят опросы избирателей, обслуживают частные интересы и собирают фонды. Ясно, что все это не способствует эффективности власти, а как раз наоборот. Соответственно, продолжается поиск способов повысить ее. В Америке это подразумевает движение к «еще большей» демократии, на сей раз посредством референдумов.

Прямая демократия

Идея передачи власти непосредственно народу столь же стара, как и сами Соединенные Штаты Америки. Фактически она даже старше: первый референдум состоялся в 1640 году в Колонии Массачусетского залива. Помимо прочего, в конце XVIII и на протяжении XIX веков конституции федерации и штатов представлялись народу для ратификации. Однако когда конституции были приняты (что позволило создать систему власти), проведение референдумов было прекращено. В XIX веке суды неоднократно постановляли, что референдумы неконституционны. В качестве обоснования приводилась издревле сложившаяся доктрина, согласно которой после делегирования законодательных полномочий народ уже не вправе избирательно забирать их назад (*delgeta postesta non potest delgari*). Согласно взглядам того времени, представительная де-

мократия не смогла бы функционировать, если бы над ней стояла еще какая-то власть.

Ситуация изменилась после событий 1898 года в Южной Дакоте. «Позолоченная эпоха» конца XIX века привела к появлению крупных состояний и фирм. Большой бизнес, в особенности – железнодорожный, зачастую был прочно связан с законодательными собраниями штатов, что порождало тесные отношения между деньгами и политикой. (Десятилетиями позже американцы были шокированы, обнаружив аналогичные связи в экономике азиатских стран, и осуждали их как «олигархический капитализм».) Прогрессивных реформаторов ужасала и удручала прочно укоренившаяся коррупция. Поэтому они решили обойти законодательные органы, передав ведение публичной политики непосредственно народу. Они протолкнули поправки в конституции штатов, допускавшие референдумы, законодательные инициативы, а также отзыв депутатов и должностных лиц. Все это имело целью дать обществу возможность преодолевать влияние групп особых интересов, подчинивших себе законодателей. (Еще одним важным шагом стала конституционная поправка, учредившая прямые выборы сенаторов, которых до начала 1910-х годов избирали законодательные собрания штатов.) Прогрессисты верили, что смогут вернуть политику в более чистое, незамутненное русло, коль скоро править будет обычный человек, а не кучка богатеев. Как писал историк Ричард Хофштадтер, в центре проведенных реформ стоял «человек доброй воли... Все его думы и действия вдохновляются идеей служения обществу – в противоположность группировкам, преследующим лишь свои корыстные интересы и готовым обманывать остальных людей... Он вступает в те или иные организации вовсе не для обеспечения собственных интересов, поэтому он ... участвует в управлении напрямую и с наилучшими помыслами».

К 1920-м годам в большинстве штатов были приняты законы, допускавшие ту или иную форму прямой демократии. Но когда политика была подчищена, и прогрессивная эра пошла на спад, азарт по поводу референдумов прошел. С 1930-х и до начала 1960-х годов их весомость и частота проведения сократились. Однако в конце 1960-х годов, когда начались ата-

ки против истеблишмента и вовсю загрело краснбайство по поводу представительной демократии, идея обращаться непосредственно к народу возродилась. Особенно энергично этому способствовали представители левого крыла Демократической партии. Впрочем, хотя идейные сторонники этой инициативы по большей части принадлежали к левому крылу, самую мощную поддержку она, спустя десятилетие, получила справа. В 1978 году в Калифорнии Говард Джарвис выдвинул Предложение № 13 и, по устоявшемуся мнению, тем самым изменил ход американской истории.

В Предложении № 13 были соединены два вполне самостоятельных вопроса: налоги и референдумы. Налоги всех видов постоянно увеличивались в конце 1960-х и в 1970-е годы, когда расцвели «Великое общество» Линдона Джонсона, расходы на пособия и новые городские инициативы. (Невероятно, но факт: в 1960-е годы можно было победить на выборах, пообещав поднять налоги на личные доходы и истратить полученные средства на грандиозные общественные программы.) В Калифорнии бум жилищного строительства 1970-х годов привел к стремительному росту поступлений от налогов на имущество, причем законодатели штата, похоже, не стремились сокращать налоговые ставки, хотя бюджетный профицит исчислялся миллиардами долларов. Смысл Предложения № 13 состоял в серьезном урезании налогов до уровня 1975 года и установление ограничений на их повышение в будущем.

Несмотря на широкое общественное недовольство высокими налогами, никто не ожидал, что Предложение № 13 будет принято. Джарвиса считали чудачком. В «Сан-Франциско кроникл» его называли «желчным семидесятипятилетним придирой, который видит в налогах санкционированную правительством кражу»¹⁴. Все ведущие политики Калифорнии выступили против. В их числе был и самый видный консерватор штата, бывший губернатор Рейган, считавший Предложение № 13 чересчур радикальным. За месяц до выборов опросы показывали, что сторонники и противники данной инициативы статистически уравнивали друг друга, тогда как почти 20 процентов избирателей еще не определились. За три недели до июньских выборов достоянием гласности стал го-

довой отчет налоговой инспекции округа Лос-Анджелес, в котором был отражен резкий рост доходов от налогообложения имущества. Новость появилась в нужный момент. На волне общественного возмущения Предложение № 13 было одобрено 65 процентами голосов.

Когда стали известны результаты голосования, истеблишмент с резвостью кенгуру вскочил на повозку победителей. Джарвис превратился из фигляра в политического гения. Он появлялся на обложках журналов «Тайм» и «Ньюсуик», встречался с такими зарубежными лидерами, как Маргарет Тэтчер и Жак Ширак. Спустя несколько недель после выборов Рейган настоятельно посоветовал республиканцам «использовать результаты голосования по Предложению № 13 в Калифорнии, чтобы массированно выступить против слишком разросшегося и дорогостоящего правительства». Они послушались, и предложение о снижении налогов стало центральным в программе Республиканской партии. Идею с одобрением восприняли и многие демократы. Либеральный губернатор Калифорнии Джерри Браун объявил себя «новообращенным» в данном вопросе. По всей стране политики стали составлять планы сокращения налогов. Демократический кандидат в сенаторы от штата Нью-Джерси Билл Брэдли построил свою кампанию на обещании содействовать снижению федеральных налогов на 25 миллиардов долларов. Через пять месяцев после принятия Предложения № 13 в ноябре 1978 года в 16 штатах состоялись референдумы по налоговой политике.

Предложение № 13, по которому был проведен первый за четыре года референдум в Калифорнии, имело еще одно весьма существенное последствие. Появилась замечательно простая возможность обойти громоздкий процесс изменения государственной политики. Вместо того, чтобы пытаться отозвать законодателей или заниматься лоббированием, побуждая их голосовать определенным образом, не лучше ли принимать законы напрямую? В 1970-е годы число проводимых референдумов выросло, а после 1978 года они стали распространяться, как пожар в прериях. В 1960-е годы избирателям предлагалось выразить свое мнение по 88 проблемам. В 1970-е годы цифра выросла до 181, а в 1980-е – до 257. К 1990-м годам чис-

ло инициатив увеличилось почти пятикратно – до 378. Только в 2000 году избиратели приняли решения по 204 законопроектам, которые касались всего, начиная со здравоохранения и образовательной реформы и заканчивая правами гомосексуалистов и эвтаназией.

Работоспособна ли подобная система? Последние два десятилетия шло непрерывное экспериментирование с механизмами референдумов, выдвижения инициатив и отзыва¹⁵. Конечно, нетрудно взглянуть на какой-то отдельно взятый вопрос, по которому общество приняло верное (по нашему мнению) решение, и сказать: «Такая система гораздо лучше, поскольку дала хороший результат; законодательное собрание никогда не приняло бы данный закон». Это объясняет, почему в последние десятилетия правые так увлеклись инициативами. Действительно, может ли считаться дурным средство, позволяющее снизить налоги? Однако судить о системных изменениях по результатам принятия одного законопроекта неадекватно. В конце концов, избиратели могут проголосовать и за многое из того, что кому-то сильно не понравится. Когда левые укрепили свои позиции и стали побеждать на референдумах по предлагавшимся ими вопросам, отношение консерваторов к опыту Калифорнии, как это ни смешно, резко изменилось. Когда годы правления Ричарда Никсона и Рейгана вылились в триумф консерватизма в этом штате, среди правых считалось аксиомой, что Калифорния – общенациональный лидер. Проводившиеся там референдумы якобы указывали дорогу в будущее. Когда же в Калифорнии политические решения стало принимать либеральное большинство, консерваторы пришли к выводу, что самый многонаселенный штат страны – на самом деле причудливая, нетипичная и не заслуживающая похвал территория, утратившая связь с остальной Америкой. С точки зрения консерваторов, ныне проводимые там референдумы являются символами прошлого¹⁶. Впрочем, поскольку либералы все чаще берут верх и в других штатах, консерваторам стоит задуматься, чем вообще им понравился в свое время этот странный процесс законодательной инициативы. Со своей стороны, у либералов, давно роптавших по поводу популистского способа принятия законов,

внезапно обнаружилось пристрастие к референдумам. Конечно, оно продлится лишь до тех пор, пока вновь не изменится ситуация.

Могут возразить, что референдумы, по крайней мере, ставят в повестку дня те проблемы, которые отказываются обсуждать политические элиты. Это не совсем так. Возьмем, например, налоги. Возможно, Предложение № 13 ускорило постановку вопроса о налоговых сокращениях на общенациональном уровне. Но соответствующая тенденция уже витала в воздухе, и политики ориентировались на нее. К концу 1970-х годов американцы проявляли признаки разочарования в «большом правительстве» и голосовали за консервативных политиков, которые стали занимать посты на всех уровнях. В американской политике конца 1970-х годов налоги стали основным вопросом – более острым, нежели очереди за бензином и стагфляция, культурные восстания 1960-х годов и даже зарубежная экспансия СССР. Специалист по массовым опросам Ричард Уиртлин сказал: «Чтобы обнаружить аналогичную заикленность на одном вопросе, придется вернуться к вьетнамской войне»¹⁷. Хотя Предложение № 13 дало мощный толчок процессу сокращения налогов, Республиканская партия уже ранее высказывалась в его пользу, демократы – тоже, хотя и с оговорками, а мнение общества по этому вопросу в основном сформировалось. Не исключено, что сокращение налогов происходило бы тем же темпом и без принятия Предложения № 13.

Чтобы точнее судить о законодательных инициативах, нужно задаться вопросом: есть ли у плебисцитарного законодательства преимущества перед принятием законов в парламенте? А также, каковы результаты перехода к новой системе прямой демократии? Калифорния – это место, где лучше всего искать ответы. Во многих отношениях Калифорния – полигон прямой демократии. Здесь экспериментировали с референдумами самым исчерпывающим образом, проводя их по десяткам вопросов – от крупных до мелких. Кроме того, Калифорния вполне может быть провозвестником того, что еще предстоит всем нам. Это самый многонаселенный штат Америки. Здесь переплелись фермерство, «новая экономика» и

старые оборонные отрасли. Его население полиэтнично, мультикультурно, многоконфессионально и многоязычно. Особенно важно то, что Калифорния нередко шла впереди всей страны и даже мира в технологии, потреблении, моде, стиле жизни и, конечно, в массовых развлечениях. Именно там раньше всего нашел свое наиболее полное воплощение автомобиль, основная жизнь переместилась в пригороды, а поход в гимнастический зал заменил посещение церкви; там придумали пиццу из козьего сыра. Технологические и идеологические факторы заставили многих людей думать, что на этой обширной территории получила максимальное развитие прямая демократия – дорога в будущее, для которого будут характерны упадок политических партий, телекоммуникации, новые технологии, интернет-поколение. Если не считать Швейцарии (которая является не законодателем мод, а чем-то из ряда вон выходящим), в сегодняшнем мире Калифорния представляет собой наиболее полное воплощение идеи прямой демократии. Но коль скоро Калифорния действительно отражает тенденции завтрашнего дня, то мы уже видим будущее – и оно далеко от совершенства.

Калифорнийская мечта

Невозможно спорить с фактами. В 1950-х – начале 1960-х годов у Калифорнии была завидная репутация в стране как штата, управляемого наилучшим образом. На одной из обложек «Ньюсуик» за 1962 год можно было прочитать: «Штат №1: прекрасная Калифорния на подъеме». «Тайм» соглашался; его заголовок гласил: «Калифорния: восхитительный штат». Там было чем восторгаться. Экономика находилась в отличном состоянии. При скромных ставках налогов штату удалось создать необыкновенные и множасьщиеся общественные ресурсы – от ультрасовременных автострад и ирригационных систем до эффективной полиции, а также изумительных парков и заповедников. Наивысшим достижением штата стала система общественного образования мирового класса. Образование начиналось с детского сада и заканчивалось в кампусах престижного Калифорнийского университета. Калифорний-

цы производили впечатление людей, блаженно всем довольных, чем бесконечно раздражали интеллектуалов на холодном и сыром Северо-Востоке. («Все эти тупые счастливые люди», – говорил Вуди Аллен.) Но для остального мира солнечная, процветающая, эффективно управляемая Калифорния служила символом сияющих обещаний жизни в Соединенных Штатах. Калифорния выступала воплощением американской мечты.

Сегодня Калифорния совсем иная. Весной 2001 года она погрузилась в периоды выключений освещения и нехватки электричества, напомнившие мне Индию. (Фактически дело обстоит даже хуже, чем все, что я переживал в детстве.) Да, в Калифорнии находятся Силиконовая долина и Голливуд – крупнейшие центры американской предприимчивости и креативности. Но это в частном секторе. Публичный же сектор штата – по сути, его общественная жизнь – пребывает в полном беспорядке. Правительство штата и местные власти ежегодно пытаются избежать финансового кризиса. Автостреды, некогда бывшие образцом для всего мира, теперь в буквальном смысле рассыпаются, а движение по ним стало кошмаром и преградой к росту конкурентоспособности. В 1950-е годы 22 процента бюджета штата расходовалось на инфраструктуру; сегодня – не более 5 процентов. Публичные парки ныне выживают исключительно за счет взимания изрядной платы за вход. Образовательная система потерпела крах; калифорнийские школы сейчас оказались в нижней части общенационального списка с точки зрения расходов, результатов тестов и уровня подготовки учащихся.

В системе Калифорнийского университета новые кампусы не строились уже три десятка лет, хотя население штата удвоилось. В то же время, как пронизательно отмечает в своей книге «Утраченный рай» журналист-ветеран Питер Шраг, за последние два десятилетия пришлось построить 20 новых тюрем. В 1993 году журнал «Экономист» пришел к заключению, что в этом штате «вся система управления лежит в руинах». Спустя три года в отчете двухпартийного Форума по взаимоотношениям бизнеса и сферы высшего образования, куда входят руководители корпораций и высшей школы, было записано, что без глубоких перемен «качество жизни в Кали-

форнии будет продолжать снижаться на фоне нарастания проблем с транспортом, ухудшения криминогенной обстановки, общественных беспорядков и дальнейшего бегства бизнеса из штата». Отметим, что это было написано в то время, когда экономика США переживала самый резкий подъем за последние 30 лет. Наиболее убедительным свидетельством невеселого состояния Калифорнии является то, что по данному вопросу отсутствуют разногласия между правыми и левыми. Шрагу, принадлежащему к стану либералов, вторит консервативный комментатор Фред Барнс. В материале, вынесенном в передовицу «Уикли стэндард», он приходит к заключению, что власть в штате стала неработоспособной: «Калифорния утратила завидные позиции штата, которым все восхищались благодаря наличию эффективного правительства, первоклассных школ и удобной автотранспортной системы»¹⁸.

Не все проблемы Калифорнии можно объяснить ее экспериментом с референдумами и инициативами. Но значительная часть беспорядка в этом штате есть производное от избранной там экстремальной формы демократии – открытой, неиерархической, не основанной на партиях и рассчитанной на инициативу масс. В Калифорнии возникла политическая система, настолько близкая к анархии, насколько это вообще возможно в цивилизованном обществе. Вспомним о последствиях последней волны инициатив. После того, как было принято Предложение № 13, в штате получили одобрение десятки других инициатив, в том числе Предложение № 4 (установившее пределы роста общественных расходов), Предложение № 62 (требующее подавляющего большинства голосов при решении вопросов повышения налогов), Предложение № 98 (требующее, чтобы 40 процентов бюджета штата расходовалось на нужды образования) и Предложение № 218 (согласно которому ограничения, предусмотренные Предложением № 13, были распространены на местные сборы и налоги). У конгресса штата нет полномочий по распоряжению денежными средствами, поскольку, согласно имеющемуся мандату, они должны расходоваться так, как того требуют референдумы и федеральные законы. Сегодня 85 процентов бюджета штата находятся вне контроля законодательной власти и гу-

бернатора. Это уникальная ситуация для Соединенных Штатов и, вероятно, для всего мира. Внушительная часть бюджета штата расписана заранее, законодатели ведут дебаты лишь по поводу остающихся 15 процентов. Сегодня в Калифорнии не осталось реальной власти. Она растворилась в воздухе, поскольку по большей части воплощена в абстрактных законах и формулах. Кажется, остается надеяться только на то, что управление может осуществляться, по словам Шрага, «по принципу ньютоновой машины, не зависящей от сколько-нибудь осязательного контроля или суждения со стороны избранных представителей. Таким образом, идеалы демократии превращаются в некую карикатуру – как в кривом зеркале; более того, становится практически невозможным вообще реализовывать власть»¹⁹.

Хотя референдумы диктуют, что следует делать политикам, от последних все же требуется реализовывать малообоснованные мандаты. Инициативы попросту лишили весь процесс функциональных возможностей, наградив политиков ответственностью, но не полномочиями. Эксперименты с референдумами в краях, далеких от Калифорнии, подтверждают, что такого рода проблема присуща не только «золотому штату». Конференция муниципалитетов Коннектикута (КМК) отмечала, что в 72 из 169 муниципалитетов штата проводятся референдумы по принятию бюджетов, предлагаемых мэрами городов. Причем, в 52 муниципалитетах приходилось проводить повторные референдумы, зачастую не единожды, поскольку предложенные бюджеты не получали одобрения. По итогам большинства таких референдумов от чиновников требовали сокращения налогов и одновременно – совершенствования общественных услуг. «Нужно быть волшебником, чтобы реализовать эти взаимопротиворечивые цели», – жаловался Джеймс Дж. Финлей, директор КМК по вопросам законодательства²⁰.

Шквал постоянно нарастающих указаний снизу привел к неразберихе, а нередко и противоречиям в законах, к отсутствию всякой дискуссии, тщательного рассмотрения и компромисса, которые присущи законодательному процессу. Прimitивный – «за или против» – характер народных инициатив

не оставляет места для нюансов или соотнесения требований с реальностью. Если в какой-то год на школы было бы разумнее израсходовать 36 процентов вместо зафиксированных 40 процентов калифорнийского бюджета, то это оказывается невозможным.

Еще одним ненамеренным следствием движения за внепарламентские инициативы стало то, что нарушена логика подотчетности, прежде существовавшая между политиками и государственной службой. Выстроив изоцированную систему ограничений на процессы налогообложения и расходования государственных средств, избиратели штата Калифорния во многом лишили себя способности судить о том, насколько политики справляются со своими обязанностями. Если заканчиваются средства на какую-то программу, неясно, происходит ли это потому, что законодатели штата выделили слишком мало денег, или местные органы самоуправления слишком много потратили, или инициативы в масштабе всего штата связали им руки? Нетрудно представить себе вакханалию взаимного перекладывания ответственности, учитывая, что в Калифорнии 58 округов, 447 городов и более 5000 особых административных районов. Недостаток полномочий и ответственности неизбежно приводит к дефициту уважения к власти. В Калифорнии правительство и законодательное собрание имеют один из самых низких рейтингов общественного одобрения среди всех штатов Америки. Основательно ослабив своих избранных руководителей, калифорнийцы теперь изумляются, что те так мало делают для решения проблем штата.

Оценим, например, разницу между усилиями, предпринимающимися в Калифорнии в подходе к нелегальной иммиграции и «утверждающим» действиям* (и то, и другое решалось путем плебисцита), с одной стороны, и реформой системы благосостояния, проведенной федеральным правительством через законодательство – с другой. Бесспорно, путь к реформе системы благосостояния выглядел более долгим и трудным. Ее сторонникам пришлось начать общенациональное обсуждение, привлечь на свою сторону достаточно голосов в обеих

* «Утверждающие» действия – меры, призванные обеспечить более равноправное положение групп меньшинств в обществе. – *Прим. ред.*

палатах Конгресса, а затем убедить президента Клинтона поставить свою подпись (что тот сделал, лишь когда билль был прислан ему в третий раз). Тем не менее, в процессе обсуждений, «перетягивания каната» и достижения компромиссов было найдено решение, устраивающее обе партии и учитывающее озабоченности обеих сторон. Такое решение, помимо прочего, вводилось постепенно, как это и следует делать, когда речь идет о существенных изменениях в законах большой страны. В результате реформа системы благосостояния получила широкую политическую поддержку, воспринималась как справедливая, для ее развертывания имелось достаточно времени и средств, и она осуществлялась таким образом, что не вызвала отрицательной реакции. Сейчас эта реформа повсеместно считается успешной, а республиканцы в Конгрессе и Клинтон дружно ссылаются на нее как на одно из своих самых достойных достижений.

Сопоставим это с судьбой Предложений № 187 (по иммиграции) и № 209 (по «утверждающим» действиям). При поддержке некоторых политиков организаторы соответствующих инициатив вывели эти вопросы за пределы политических партий, законодательства и нормального политического процесса, взамен проведя зрелищную кампанию на телевидении. Они победили, и предложения стали законами. Но поскольку не было законодательного процесса, компромисса или какой-то проверки, оба вызвали массированное сопротивление и неприятие. В случае с Предложением № 187 победа Республиканской партии привела к результатам, совершенно противоположным желаемым. Республиканцев заклеили как людей недоброжелательных, настроенных против иммигрантов и против меньшинств (а это не тот ярлык, который выгодно иметь в Калифорнии и в растущей мере – в остальных штатах). К тому же, соответствующие планы были слабо проработаны, в силу чего многие пункты Предложения № 187 впоследствии были опротестованы в судебном порядке. Главный архитектор Предложения № 209 Уорд Коннерли теперь признает, что отмена «утверждающих» действий должна была проводиться постепенно, что вызвало бы меньшие потрясения в политической системе. Даже если кто-то и поддержи-

вал оба эти плана, то манера, в которой они вводились в действие, была непродуманной и контрпродуктивной. Методы законотворчества через представительные органы штатов уже не одно столетие. Он требует обсуждения и продумывания, при этом в расчет принимаются противоположные точки зрения и вырабатываются компромиссы. Тем самым создаются законы, которые считают справедливыми даже люди, выражающие несогласие с ними. Во времена, когда короли правили путем издания указов, политика не отличалась совершенством. Ситуация ничуть не лучше, когда тем же занимается народ.

Возможно самым крупным парадоксом движения за внепарламентские инициативы и референдумы оказалась его неожиданная связь с деньгами, влияющими на политику. Изначально задуманная для того, чтобы избавить государственную политику от чрезмерного воздействия на нее крупного бизнеса, прямая демократия превратилась в арену, где в игру могут вступить только наиболее состоятельные граждане и группы влияния. И претенденты на занятие того или иного поста, и меры, предлагаемые на общенародное голосование, должны проходить конкурсный отбор. Прежде всего, их нужно правильно оформить, что обычно требует привлечения политических советников, фокус-групп и команды юристов. Затем меры ставятся на голосование. Для этого в течение относительно короткого периода времени необходимо собрать большое количество подписей, для чего почти всегда приходится прибегать к услугам фирм, профессионально занимающихся сбором подписей (их полушутя именуют «инициативно-промышленным комплексом»). Далее, такие меры важно подать обществу с наилучшей стороны, что вновь потребует огромных расходов на рекламу. В итоге суммы, потраченные на продвижение голосуемых мер или их развенчание, сопоставимы по размеру с теми, что тратятся на предположительно более подверженные коррупции избирательные кампании кандидатов на места в законодательных органах. В своей книге «Крах демократии: инициативные кампании и власть денег» Дэвид Бродер привел данные о том, что в ходе законодательного цикла 1997–1998 годов во всей стране на инициативы было потрачено более 257 миллионов долларов. Это составило бо-

лее 1/3 от 740 миллионов долларов, израсходованных всеми кандидатами на избрание в Палату представителей и Сенат, вместе взятыми. В Калифорнии только в 1996 году в связи с различными инициативами было потрачено более 141 миллионов долларов, то есть на 33 процента больше, чем было израсходовано кандидатами на места в конгресс штата (по поводу чего так много злословили).

Последствия привлечения больших денежных сумм в процессы выдвижения инициатив имеют гнетущее сходство с тем, что сегодня происходит в законодательных органах: отлично отлаженные и хорошо финансируемые группы интересов пользуются легким доступом к системе, чтобы обеспечить себе победу. Так, когда бизнес-группы поставили на голосование вопрос о методах выплаты зарплаты, калифорнийские профсоюзы смогли выстроить круговую оборону и провалить эту инициативу. До сих пор профсоюзам учителей удавалось провалить все до единой инициативы по введению школьных ваучеров, в том числе три щедро профинансированные попытки в 2000 году. В штатах Миссури и Орегон бизнес-коалиции, вооружившись наличностью и выдвинув лозунги, соответственно, «Нет передаче собранных налогов политикам» и «Нет подаяниям от налогоплательщиков политикам», с большим отрывом проваливали инициативы по финансированию избирательных кампаний. В то время как уже всем ясно, что в эпоху прямой демократии группы лоббистов, имеющие хорошее финансирование, будут множиться и впредь, процесс выдвижения инициатив вытолкнул на политическую сцену неожиданных игроков: политических предпринимателей-миллиардеров. Финансист Джордж Сорос, один из основателей «Амвэй» Ричард Девос, владелец венчурных фондов Тимоти Дрейпер, один из основателей компании «Майкрософт» Пол Аллен и многие другие воспользовались процессом выдвижения инициатив, чтобы повсеместно продвигать свои излюбленные сюжеты. В каком-то смысле их трудно упрекнуть: как у всякого человека, у них есть свои политические взгляды, и они делают то, что считают правильным. Однако столетие тому назад, когда лидеры прогрессистского движения содействовали распространению прямой демократии как способа выр-

вать власть из рук баронов-разбойников «позолоченной эпохи», могла ли им пригрезиться система, в которой господствуют прочно закрепившиеся группы интересов и миллиардеры с политическими амбициями?

Референдумы и инициативы ускорили процесс изъятия полномочий у политиков и передачи их «народу», причем обязательно при посредничестве постоянно разрастающегося класса профессиональных консультантов, лоббистов, специалистов по общественному мнению и разного рода активистов. Во имя демократии мы вызвали к жизни новый слой чрезвычайно влиятельных элит. Причем, поскольку управление стало делом постоянным, их работа – и влияние – никогда не прерываются. Проигравшими в ходе данной революции оказались институты представительной демократии: Конгресс, политики, партии, органы исполнительной власти, государство в целом. Помимо прочего, новые элиты подвержены меньшему контролю, нежели предшествовавшие им. Старые политические партии базировались на определенной философской традиции, они были более или менее транспарентны, и их можно было призвать к ответственности. Это была квазиобщественная институция. Ее официальные представители были публичными деятелями, они выступали с открытым забралом, и им приходилось беспокоиться о своей репутации. А кто может уследить за консультантами, сборщиками средств, раздатчиками опросных листов и лоббистами, которые ныне заправляют в американской политике? Объявив войну элитарности, мы породили политику, которую проводят теневые элиты. Они ни перед кем не несут ответственности, не отзывчивы на чужие нужды и часто вообще не озабочены общественными интересами. Упадок в Америке традиционных элит и институтов – не только политических, но также культурных, экономических и религиозных – лежит в основе трансформации американского общества. Обратимся к ее рассмотрению.

6

Упадок авторитета власти

Осенью 2000 года произошло слияние банков «Чейз Манхэттен» и «Дж.П. Морган». Как это обычно бывает в случаях слияний, на деле речь шла о поглощении: «Чейз Манхэттен» купил «Морган». На первый взгляд все выглядело просто как обычная корпоративная сделка, хотя и крупная, – то есть как часть происходивших в то бурное время процессов. Однако фактически она стала поворотным пунктом в развитии американского капитализма, после которого произошел окончательный закат старой Уолл-Стрит и победил новый порядок.

В течение большей части XX столетия «Дж.П. Морган» оставался первым по значимости банком США. Во время многочисленных кризисов и паник конца XIX – начала XX века он даже выступал для американской экономики в роли «кредитора последней инстанции». Это продолжалось до тех пор, пока в 1913 году подобные функции не взяла на себя Федеральная резервная система. «Морган» строил свой бизнес на основе тщательного отбора клиентов; он обслуживал только правительство, крупные многонациональные корпорации и очень состоятельных людей. «Личный счет в банке “Морган” был некогда равнозначен пропуску в ряды американской аристократии», – считает автор истории этого банка Рон Черноу. Банк действительно функционировал почти как клуб; и это было вовсе не прихотью, а средством получения солидных прибылей. Банкиры из «Моргана» развивали тесные связи с ведущими фирмами («голубыми фишками»), а также с правительствами, поддерживая прочные личные взаимоотношения на всех уровнях. В 1912 году, когда Джона Пирпойнта Морга-

на спросили в одном из комитетов Конгресса об его понимании сути своего бизнеса, он заявил, что краеугольным камнем кредита является «репутация... Она важнее денег и собственности или чего бы то ни было еще... Во всем христианском мире человек, которому я не доверяю, не получит у меня денег ни по одной закладной»¹.

В банке «Чейз Манхэттен», наоборот, сложилась корпоративная культура, которая, по словам «Нью-Йорк таймс», была «в большей мере позаимствована из уличного воздуха Нью-Йорка, нежели из той изысканной атмосферы, которой дышали в “Моргана”». История «Чейз Манхэттен» также достойна уважения, хотя к 1990-м годам он превратился в конгломерат второсортных и проблемных банков. Его бизнес в основном концентрировался в нижней части рынка: закладные на жилье, займы на приобретение автомобилей, мелкие счета. Однако оказание услуг массе выходцев из «низов» – именно та сфера, где крутятся наибольшие деньги. К 1980-м годам «нарезка» крупных кредитов на мелкие порции с целью кредитования рядовых инвесторов стала способом получения высоких прибылей. «Дж.П. Морган» пытался приспособиться к изменившимся правилам игры, но в конечном счете потерпел фиаско. В новой обстановке клубный подход оказался не слишком выигрышным. По словам «Таймс», он стал «анахронизмом в финансовом мире, где доминировали массы, а не привилегированный класс»². Чтобы получить представление о размахе революции, происшедшей в американских финансах, напомним, что в 1990 году рыночная оценка «Дж.П. Морган» была выше, чем у любого другого банка с Уолл-Стрит, в частности – в десять раз больше, чем у «Ситибанка». Всего через одно десятилетие рыночная оценка «Моргана» стала составлять одну десятую оценки «Ситибанка». Переименованный в «Ситикорп», он вышел вперед благодаря тому, что под руководством президента Сэнфорда Вейля превратился в финансовый конгломерат, способный заниматься не только «высокими» финансами, но и массовым кредитованием.

Объяснение того, как демократизация трансформировала американское общество, выйдя далеко за рамки собственно политической сферы, – что и составляет задачу настоящей

главы, – разумно начать с рассмотрения финансового бизнеса. Революция в данной сфере имела последствия, затронувшие большинство американцев, а также десятки миллионов людей за пределами США. Любой, кто имеет пенсионный счет, знает, что теперь весь финансовый бизнес строится на продаже финансовых услуг таким же среднестатистическим гражданам, как он. Все, кто смотрят передачи кабельной сети «Си-Эн-Би-Си», освещающей финансовые новости как некий вид спорта, осведомлены, что ныне фондовый рынок ориентирован на удовлетворение нужд рядовых инвесторов. Сегодня крупнейший в мире портфель акций и облигаций принадлежит не королевской семье Саудовской Аравии или швейцарскому банку, а пенсионному фонду институтских преподавателей и работников некоммерческих организаций США. «Каждый человек – король!», – провозглашал популистский деятель с Юга Хью Лонг. На самом деле это оказалось не совсем так. Тем не менее, в экономической сфере каждый, будь то король или простой смертный, стал капиталистом.

Демократическая волна прошла по всему американскому обществу, захватив бизнес, право, медицину, культуру и даже, как мы сейчас увидим, религию. В конце 1960-х – начале 1970-х годов процесс подобной демократизации ускорился. Как и в сфере политики, в данном случае речь тоже идет об еще только разворачивающейся революции. Тем не менее, уже налицо два явно выраженных социальных сдвига. Первый состоит в открытии доступа во многие сектора американской экономики и в профессиональные сообщества для аутсайдеров, а также в распаде прежних структур власти и контроля. Вторая тесно связана с первой: это снижение значения элитного класса, некогда державшего в своих руках все общественные институты. Мало того, наблюдается закат самой *идеи* элитности (хотя реально элиты сохраняются). Эти два сдвига составляют часть общей трансформации американского общества, суть которой можно определить как упадок авторитета власти. Уместнее даже говорить о «нападении» на него. Хотя в США авторитет власти всегда находился под сомнением, с 1960-х годов он безостановочно подвергается атакам в самых различных формах, причем как справа, так и слева.

Еще одним весомым основанием начать эту главу с денег является то, что это высветит нечто принципиально важное для анализа демократической волны. В весьма многих отношениях демократизация сыграла роль чрезвычайно мощной позитивной силы. Она ломала олигархии, революционизировала предпринимательскую деятельность, выявляла и вознаграждала свежие таланты, создавала новые отрасли экономики и, что, вероятно, важнее всего, наделила властью всех нас. Вряд ли мы захотим вернуться назад к прежнему недемократическому порядку. Однако, решив старые проблемы доступа к власти и отчуждения от нее, демократизация создала новые. Конкурентность, энергичность и динамичность новой, открытой системы привели к эрозии некоторых ориентиров и ограничителей, сдержек и противовесов. Как ни парадоксально, возникшее в результате состояние беспорядка в основном навредило рядовому инвестору – то есть обычному гражданину, менее всего подготовленному к плаванию в бурных водах без обозначенного фарватера. Можно вообразить демократизированную политическую и социально-экономическую систему, в которую встроены определенные формальные и неформальные ограничения, которые, частично ущемляя энергию и динамизм, обеспечивали бы иные добродетели – такие как транспарентность, честность, беспристрастность и стабильность. Однако для ее воплощения придется в какой-то форме воскресить те институты и элиты, на разрушение которых ушло три предыдущих десятилетия.

Деньги на бочку!

«Америка начала меняться в середине сентября 1958 года», – пишет Джозеф Нокера в своей восхитительной книге «Рассматривается дело: как средний класс присоединился к денежному классу». Он имеет в виду тот день, когда «Бэнк оф Америка» «сбросил» 60 тысяч кредитных карточек в городе Фресно (штат Калифорния), тем самым введя в обращение универсальную кредитную карту. Это была новаторская идея: фактически всем без исключения желающим предлагалась кредитная линия без всякого залога. В 1950-е годы американцы

еще только привыкали брать ссуды для покупки потребительских товаров – машин, холодильников, телевизоров. Однако жить в долг еще считалось неприличным. Если человек не мог позволить себе что-то, то нужно было, как белка орехи, прятывать деньги, пока их не станет достаточно для покупки. Помимо прочего, получить ссуду было нелегко. В большинстве банков считали, что предоставление мелких ссуд семьям среднего достатка не стоит затрачиваемых на это времени и усилий. Только в «Бэ́нк оф Америка» придерживались иной точки зрения. Его основатель А.П. Джаннини, сын итальянского иммигранта, хотел сделать денежные средства доступными для «своего народа». Его банк, основанный в 1904 году в помещении бывшей пивной, сначала назывался «Итальянский банк», а в 1928 году был переименован в «Бэ́нк оф Америка». В то время как другие банки спихивали задачу выдачи потребительских ссуд финансовым компаниям, «Бэ́нк оф Америка» взял на себя обслуживание всего среднего класса. В результате банк вырос и к 1970-м годам стал самым крупным в США.

Кредитные карточки открыли массам мир заимствований. Они позволили обычным людям брать аванс в счет своих будущих заработков, как это всегда делали богатые. Сегодня трудно вообразить себе жизнь без кредитных карточек. Однако 40 лет назад о них почти никто не слышал. То, что произошло за эти годы, в особенности за последнюю четверть века, во многих отношениях носило более революционный характер, нежели то, что происходило в любой сравнимый по длительности период современной финансовой истории. Капитализм стал демократическим.

Кредитные карты были только началом. Начиная с 1970-х годов экономическая наука, технические достижения и государственная политика действовали в одном направлении, способствуя отходу от государственного регулирования, децентрализации и демократизации хозяйства. Тогда же появились инвестиционные фонды, работающие с инструментами денежного рынка и сделавшие акции массовым товаром. В 1951 году простыми (без фиксированного дивиденда) акциями владели всего 9 процентов американцев. Акции существовали лишь для богатых. Большинство же американцев клало деньги на

накопительные счета, процентные ставки для которых устанавливались законодательным путем. Это было во многом связано с воспоминаниями о крахе, происшедшем на фондовом рынке в 1929 году, и подкреплялось твердой уверенностью, что для Уолл-Стрит – всей этой системы брокеров и банков – заботы маленького человека мало что значат (что, в сущности, соответствовало действительности). Но в первую очередь, видимо, сказывалось то, что обычный человек просто не ожидал, что накопления принесут ему существенный навар. Его цель состояла в сохранении денег, а не их преумножении. Однако когда в 1970-х годах подскочила инфляция, средний класс убедился, что его банковские накопления – при фиксированных ставках – фактически обесценивались. Люди стали искать способы получения более высоких доходов и обнаружили их в новом финансовом продукте – взаимных фондах, осуществляющих инвестиции на денежном рынке. Используя прорехи в федеральных законах, они позволяли населению покупать ценные бумаги. Первоначально фонды приобретали казначейские векселя, обеспечивавшие большую доходность, нежели сберегательные счета. Затем банк «Фиделити» создал фонды, работающие с портфелями акций и позволяющие вкладчикам пользоваться накопленными там средствами так же, как на обычных банковских счетах, выписывая чеки и оформляя депозиты. Внезапно рабочий-сталелитейщик, всю жизнь имевший лишь небольшой накопительный счет, получил возможность владеть акциями компаний из разряда «голубых фишек», таких как «Дженерал электрик», «Форд» и «Ай-Би-Эм».

Добавим сюда решение Конгресса об учреждении индивидуальных пенсионных счетов (ИПС) и пенсионных планов (форм 401 [k]). Население активно поддержало эти начинания, позволявшие еще до уплаты налогов откладывать полученные доходы на банковские счета, проценты по которым не подлежали налогообложению. Появился мощный стимул для вложения личных накоплений в финансовые инструменты, способные приносить более высокий доход. Если вы получали дополнительную тысячу долларов в виде зарплаты, то с этой суммы приходилось платить подоходный налог. Если же на тысячу долларов вырастал ваш ИПС-портфель, то налог на

этот доход не взимался до тех пор, пока вы не забирали свои деньги со счета. Арифметика тут была элементарной: речь шла просто о наращивании дохода до вычета налогов. Однако она побудила десятки миллионов владельцев сберегательных счетов стать инвесторами. Индивидуальные пенсионные счета и формы 401 [k] были введены в действие всего 25 лет назад, однако в настоящее время они служат основными механизмами, с помощью которых большинство американцев выходят на рынки акций и облигаций.

Затем произошло резкое удешевление услуг брокеров. В 1975 году правительство заставило Нью-Йоркскую фондовую биржу перейти к свободному рыночному определению размера комиссионных при покупке и продаже акций. Тем самым пришел конец 183 годам фиксации комиссионных. Вскоре кто угодно мог легко в небольших количествах торговать ценными бумагами. В 1975 году размер комиссионных при торговле акциями в среднем составлял 500 долларов за транзакцию (в пересчете по современному курсу). Сегодня в брокерских конторах, использующих систему скидок, комиссионные не достигают и 20 долларов. Покупка ценных бумаг через интернет обходится всего в четыре доллара. Вследствие подобных изменений к 2000 году свыше половины всех жителей США стали владельцами акций. Одновременно фондовый рынок трансформировался из элитного картеля в бизнес, обслуживающий весьма широкий круг клиентов. Если символом прежнего порядка вещей был клуб на Уолл-Стрит, где обедала горстка влиятельных брокеров, то теперь таким символом стал канал «Си-Эн-Би-Си», на котором топ-менеджеры дерутся за эфирное время, чтобы обратиться к массовой аудитории³.

Этому процессу демократизации поспособствовал не кто иной, как легендарный банкир 1980-х годов Майкл Милкен, занимавшийся инвестициями и в конечном итоге попавший в тюрьму за мошенничество. Именно он придумал «рисковые» облигации, открыв тем самым доступ к кредиту для множества мелких компаний, которые прежде подобной возможности не имели. При расширении бизнеса у начинающих и небольших фирм всегда существовали трудности из-за недостаточности собственного капитала и отсутствия кредитной

истории, которая позволяла бы им брать займы по разумным ставкам. Они оказывались в своего рода ловушке: нельзя было выпускать облигации, раз не было соответствующего прецедента. Милкен сделал для компаний то же, что Джаннини для населения: он сделал ставку на то, что мелкие заемщики в своей массе окажутся столь же надежными получателями кредитов, как и крупные. (Правда, Милкен организовал кое-какие научные исследования, в результате которых и возникла такая гипотеза.) При этом они оба обнаружили, что помогая людям или компаниям, не имеющим кредитной истории, выходить на рынок капитала (естественно, при несколько более высоких ставках), можно очень неплохо заработать. Для молодых компаний «рисковые» облигации Милкена оказались буквально как манна небесная. Они обеспечивали капитал, отсутствие которого зачастую служило единственным препятствием к росту для лучших среди таких компаний. К тому же, облигации выровняли игровую площадку, лишив компании-гиганты одного из их главных преимуществ, защищавших их от конкуренции, — доступа к капиталу. В 1980-е годы родились десятки компаний, подобных «Эм-Си-Ай» или «Си-Эн-Эн». Получив стартовый капитал с помощью «рисковых» облигаций, они превратились в гигантов глобального масштаба. Нововведение Милкена распространилось по всей финансовой сфере, в том числе даже на долги иностранных государств. Поскольку отныне все финансовые инструменты дробились на мелкие части, чтобы их мог купить любой инвестор (при посредничестве взаимных или пенсионных фондов), произошла крупная подвижка в распределении власти. С новым классом кредиторов имели дело не только компании; к ним мог обратиться всякий, кому были нужны деньги, включая государства. Старую модель иллюстрировала история с британским премьер-министром Бенджамином Дизраэли, отправившимся с визитом к лорду Ротшильду за кредитом, который позволил бы правительству Великобритании стать собственником Суэцкого канала. Новая модель представлена в бесчисленных рассказах о том, как министры финансов обзванивают по телефону десятки менеджеров взаимных фондов в надежде поправить финансовое состояние своих стран. Томас Фрид-

ман из «Нью-Йорк таймс» поясняет, что к 1990-м годам государства-должники «вместо того,... чтобы вести переговоры лишь с 20 основными банками, внезапно оказалась в положении, когда нужно было иметь дело с тысячами индивидуальных вкладчиков и взаимных фондов»⁴. Власть действительно перешла к народу – хотя участники акций протеста «эпохи 1960-х» в университетских кампусах стремились отнюдь не к такому результату.

Больше, чем деньги

Как только мы начинаем рассматривать ситуацию под подобным углом зрения, оказывается, что демократическая волна затронула почти все стороны жизни в Америке. Чтобы представить себе масштабы ее распространения, рассмотрим то, что находится дальше всего от денег и политики, а именно – религию. Самым значительным изменением в американской религиозной жизни в последние 30 лет стало ослабление основных церковных направлений – епископального, методистского и пресвитерианского – и рост влияния разрозненных евангелистских групп, имеющих широкий круг прихожан. Еще более важен другой, менее известный, факт: по мере своего роста подобные группы подстроились и приспособились к своим многочисленным последователям. Другими словами, произошла демократизация американского протестантизма.

Традиционные конфессии, в частности – епископальная и пресвитерианская, не смогли адаптироваться к эпохе популизма и потеряли былое значение. Священники утратили те позиции, которые они имели при старом порядке, и оказались лишены какой-либо опоры при новом. Например, раньше глава епископальной церкви имел такое общественное положение, которое сегодня трудно себе представить. Основатель Гротонской школы преподобный Эндикотт Пибоди считался национальным лидером практически наравне с президентами. Высокий статус священников сохранялся до самого недавнего времени. Так, в 1970–1980-е годы глава епископальной церкви возглавлял совет попечителей Йельского университета. Сейчас покажется немыслимым, чтобы столь значительный

пост мог достаться попу. Традиционные священнослужители не обладают ни демократической легитимностью, ни богатством (то есть легитимностью капиталистической), поэтому в глазах многих американцев они – всего лишь эксцентричные персонажи, которыми в каком-то смысле восхищаются, но у кого нет серьезного веса или влияния. Зато власть есть у священников-популистов типа Билли Грэхема. Их расположения ищут президенты, губернаторы и ведущие ток-шоу; они могут претендовать на то, что выступают не столько от имени религии, сколько от имени народа. В данном случае воистину *vox populi vox dei*: глас народа – глас Божий.

Кто-то может не согласиться с тем, что такой сдвиг произошел недавно. Религия в Америке всегда была антиавторитарна. Многие иммигранты прибыли в США из Европы как религиозные диссиденты, спасавшиеся бегством от церковных властей. Еще важнее то, что второе «великое пробуждение» периода 1780–1830 годов привнесло в религию эгалитарный дух Американской революции. По стране скиталось новое поколение проповедников, отождествлявших себя с простым людом в точности по Джефферсону. Конфессии эгалитарного характера (такие как баптистская и методистская) привлекали все большее количество людей, а старые, более иерархически ориентированные (такие как конгрегационалистская) – зачали. В 1775 году прихожан конгрегационалистской церкви было вдвое больше, чем любой иной конфессии. К 1845 году они составляли уже менее одной десятой от численности приверженцев методистской церкви. Сегодня большинство христиан в стране – баптисты и методисты. Путешествуя по Америке в конце 1820-х – начале 1830-х годов, Алексис де Токвиль отметил данное явление, назвав увиденное им там христианство «демократически-республиканской религией».

Впрочем, наблюдение Токвиля касалось в основном политической организации религии. Во многих случаях жители городов избирали священников, и тем приходилось, в общем и целом, держать отчет перед населением за свои действия. Структура церкви отличалась эгалитарностью, в ней практически отсутствовали иерархичность и бюрократия. В то же время в доктринальном плане большинство американских

конфессий имело глубоко авторитарный характер. Часто в высшей степени буквально интерпретируя Священное писание, они нетерпимо относились к соперничающим с ними конфессиями и к отступникам*. Для большинства прихожан цена свободомыслия была весьма высока – обычно она предполагала изгнание, тюремное заключение или даже смерть. Широко известен случай с благочестивой англичанкой Анной Хатчинсон, которая переехала в Бостон в 1634 году и стала выступать с беседами, подчеркивая роль индивида в отношениях с Господом. Ее отлучили от церкви, а губернатор Джон Уинтроп изгнал ее из Массачусетса.

За три столетия, истекшие со времен Уинтропа, христианство в Америке сильно изменилось. Однако до недавнего времени оно сохраняло жесткие требования в отношении доктрины. В конце концов, публикация в начале XX века протестантских «Фундаментальных принципов» (откуда и происходит термин «фундаментализм») представляла собой попытку сохранить библейскую чистоту в противовес тем, кто желал дать индивидам возможность более вольно трактовать религиозные тексты. Спустя несколько десятилетий, в 1925 году, суд по «делу Скоупс», в котором речь шла о местной общине, наложившей запрет на изучение в школе дарвиновской эволюционной теории, продемонстрировал, что фундаменталистски настроенные христиане в большинстве случаев упорно стремились отстоять авторитет своей доктрины – даже если это полностью противоречило умонастроениям, преобладавшим в стране. По мнению фундаменталистов, христианство не могло подвергаться индивидуальному толкованию.

Сегодня мы периодически наблюдаем схватки по поводу преподавания эволюционной теории, но они лишь маскируют тот факт, что вера трансформировалась. За прошедшие 30 лет в религиозной жизни Соединенных Штатов произошли наиболее глубокие изменения со времен «великого пробуждения» XVII века. Последние десятилетия часто считают периодом возросшей религиозности американцев, что спра-

ведливо в том смысле, что увеличилось количество прихожан некоторых традиционных церквей*. Однако еще примечательнее тот факт, что в этот период христианство в Америке, особенно протестантизм, стало плюралистичным в доктринальном отношении и начало внимательно прислушиваться к помыслам, стремлениям и желаниям прихожан. Утратив религиозный стержень, фундаментализм по большей части превратился в политическое явление. Всю полноту власти обрели рядовые верующие; они формируют организацию религии, ее доктрину и обряды. Парадоксально, но эти демократические перемены особенно явно заметны в секте, которую нередко считают реакционной, а именно – в движении евангелистов. Евангелическое христианство стало популистским и демократическим, что явно противоречит его изначальным идеалам. В значительной мере так случилось потому, что это был единственный способ избежать судьбы традиционных конфессий. Рассмотрение трансформации евангелического христианства позволит нам получить более широкое представление об упадке авторитета религиозной власти в Америке.

Моя церковь – ваша церковь

В 1976 году служба Гэллапа шокировала нацию, а, скорее – ее элиты, проживающие на Восточном и Западном побережьях США. Она обнаружила, что 31 процент американцев считает себя «заново рожденными», то есть приверженцами евангелического направления. Позже в том же году во время президентской кампании Джимми Картер открыто заговорил о своей южной евангелической баптистской вере. К 2000 году число «заново рожденных» и приверженцев евангелического направления выросло до 46 процентов населения страны, включая главных кандидатов на президентский пост (они оба

* Фактически опросы службы Гэллапа, на которых основана большая часть подобных утверждений, показывают следующее: доля американцев, посещающих церковь, оставалась примерно на одном и том же уровне (чуть более 40 процентов), за исключением 1950-х годов (когда она поднялась до 49 процентов). Почти по всем иным показателям, включая вопросы, которые задавались респондентам в течение десятилетий, в жизни большинства американцев религия играет сегодня несколько меньшую роль, чем прежде.

* Конечно, всегда отчетливо звучали голоса независимых людей, таких как Томас Пен, Томас Джефферсон, Ральф Вальдо Эмерсон, Генри Дэвид Торо и Уолт Уитмен. Однако такого рода несогласие было светским, элитарным феноменом.

были баптистами с Юга). Джордж Буш особенно точно олицетворяет собой изменения, происшедшие с христианством в Америке за последние несколько десятилетий. Буш стал новообращенным, хотя его отец Джордж Буш-старший (как все предшествующие поколения их семьи) – человек «голубых кровей» и приверженец епископальной церкви. То, что произошло в семье Бушей, характерно для всей страны. Прежняя структура религиозной власти уступила место новой.

В связи с подъемом евангелического христианства возникает вопрос: «Как столь жесткая и традиционная религия смогла получить распространение во времена, пропитанные индивидуализмом и терпимостью?» Ответ, который дают многие люди, в том числе большинство самих церковников, состоит в том, что евангелическое вероучение разрастается как раз из-за своей жесткости, поскольку предлагает радикальную альтернативу современной культуре. Действительно, в сегодняшнем хаотичном мире высокие нравственные стандарты и суждения обладают мощным психологическим притяжением. Однако согласиться с подобными доводами – значит упустить из вида, насколько глубоко трансформировался современный протестантизм.

Пионером этой трансформации стал Билли Грэхем. Выпускник фундаменталистского Университета Боба Джоунса, он начал свою карьеру в 1940-е годы, выступая с наставлениями о грехе и проклятии. Боб Джоунс-старший (1883–1968) был одним из первых фундаменталистов в США. Он считал, что спасение может быть даровано только консервативным протестантам. Все прочие – евреи, католики, мормоны – подлежат проклятию. Католицизм – особо вредоносный культ, а его глава – Папа римский – сравнивался буквально с Антихристом. Такой установки в Университете Боба Джоунса открыто придерживались вплоть до 2000 года, когда сенатор Джон Маккейн привлек к ней широкое общественное внимание в ходе республиканских праймериз в штате Южная Каролина. Еще в 1920-е годы Джоунс полагал, что в своих основных проявлениях американская культура – безбожна и развратна, а вся страна – обречена на гибель. Он основал свой университет в 1927 году, чтобы вызволить «правоверных» христиан

из ада современной Америки. Он не стремился переделать страну или пригласить свои призывы, чтобы привлечь больше последователей. Он истово верил в то, что сам называл «утешающей душу радостью относиться к меньшинству, преданному Священному писанию».

Билли Грэхем начал свою деятельность в качестве проповедника аналогичного толка. Он читал суровые проповеди, осуждая современную жизнь как по большей части греховную. Но по мере того, как с помощью радио и телевидения он приходил в дома рядовых американцев и росла его аудитория, его эпистолы смягчались. В течение нескольких десятилетий он сменил свой облик пламенного проповедника, предрекавшего вечные муки, на имидж милостивого отца для всех американцев. Это было подкреплено его дружбой со всеми американскими президентами, начиная с Ричарда Никсона, которым он к тому же давал советы. Поразительно, насколько Грэхем стал склонен к всепрощению: он не осудил ни Никсона после уотергейтского скандала, ни Клинтона после «Моникагейта». Теолог Ричард Джон Нойхаус отмечал в 1999 году: «Когда Билли Грэхем начинал в 1940-е годы, он без колебаний призывал адский огонь и проклятие на головы тех, кто не принял Христа. Уже весьма долго он ничем подобным не занимается. Говоря без обиняков, можно предположить, что господину Грэхему отлично известно, что хорошо продается, а на что в данный момент нет спроса».

Популярность Грэхема также отразила использование современной техники в целях широкого распространения религиозных призывов. Тем самым техника заменила или оттеснила на второй план личные контакты между членами местных религиозных общин. Все пастыри, последовавшие за Грэхемом в использовании средств массовой информации, действовали в ущерб местным церквям, где священники обычно гораздо внимательнее и требовательнее в отношении своих прихожан. Это был наиболее отчетливый сдвиг от традиционного высокого епископального стиля религиозной власти, при котором местный священник является вашим нравственным наставником, в сторону новой – евангелической – модели, при которой моральные назидания распространяются по-

средством телешоу. Трудно попирать нравственные правила, являясь членом местного церковного прихода, то есть пребывая в кругу друзей и советчиков. Однако когда вы всего лишь смотрите проповедь по телевизору, за вами никто не в силах надзирать.

Если Билли Грэхем был первопроходцем, то Джерри Фолуэлл стал наиболее видным демократизатором евангелической традиции. Как ни странно, репутация Фолуэлла как реакционера в основном сформировалась в последние 20 лет из-за той политической пропаганды, которой он занимался в качестве основателя консервативного общественного движения «Моральное большинство». Взглянув на его карьеру в целом, мы увидим, скорее, оппортуниста, главной целью которого было сделать свою церковь привлекательной для масс. Фолуэлл – предприниматель, мало заботящийся об авторитете религии. В 1956 году он порвал с баптистским руководством и основал свою церковь «Путь Святого Фомы» с приходом в 35 человек. Он испытывал восхищение к деловым людям (его отец был бизнесменом). В 1971 году он заявил, что «церковь проявила бы мудрость, обращаясь за предсказанием будущего к бизнесу». В частности, по его мнению, «величайшей инновацией прошедших 20 лет стало создание гигантских торговых центров... Секрет их успеха – сочетание пары крупных компаний с мелкими дополнительными магазинчиками. Баптистская церковь “Путь Святого Фомы” считает, что объединение нескольких церковных организаций в одном месте способно... привлечь к проповеди массы». Такая стратегия сработала и привела к появлению «мегацеркви». В своей недавней проповеди Фолуэлл объявил о планах строительства новой «Всемирной штаб-квартиры духовников пасторства Джерри Фолуэлла» площадью в 560 гектаров. Среди множества других сооружений на этом участке разместятся университет, несколько институтов, храм на 12 тысяч прихожан, круглосуточный центр для молитв по телефону, центр по приему в члены прихода, курсы по озеленению церквей, детский «мегамир», закрытые и открытые спортивные сооружения, суперсовременная телестудия, рекреационный парк и футуристический молодежный лагерь⁵.

В процессе расширения своей деятельности Фолуэлл и ему подобные обнаружили, что самый легкий способ привлечь массовую аудиторию – это перенять главное направление в культуре и ценностях, давая людям то, чего они хотят, а именно – христианство, не слишком требовательное в религиозном плане, но более дружественное и ориентированное на оказание людям неких услуг. Разумеется, это означало полное отрицание духа первых фундаменталистов, таких как Боб Джоунс-старший и Орал Робертс. Сейчас евангелические церкви устроены так, чтобы легко сочетаться с современной потребительской Америкой. Возьмем «христианский рок». Его часто называют выражением религиозного подъема, хотя, скорее, это признак стоящей за ним пустоты. Христианские звукозаписывающие компании выпускают продукцию во всех стилях поп-музыки – хард рок, тяжелый металл, джаз, легкая музыка, гранж, фанк, а также хип-хоп, который лучше всего продается в настоящий момент. По словам журналиста Никола Давидовфа, «в каждом случае звучание христианской версии практически идентично соответствующему светскому двойнику. То же самое верно в отношении многих внешних атрибутов – от христианских мош-питов (танцевальных площадок) до “Зед-мьюзик” (круглосуточного кабельного канала, по которому транслируют только христианские музыкальные видеофильмы)»⁶. Можно также упомянуть ультраконсервативного евангелистского проповедника Пэта Робертсона с его телешоу «Клуб 700» и круглосуточным «общенациональным пасторским центром», где взят на вооружение широко распространенный в Америке терапевтический подход к человеческим проблемам. Людей хвалят, успокаивают, утешают и никогда не порицают. От Робертсона практически невозможно услышать брань в чей-либо адрес. Не удивительно, что телепрограмма Робертсона теперь выходит в эфир по «Семейному каналу» между детскими передачами и примитивными комедиями.

Если Робертсон использовал веру в качестве терапии, то для евангелистских проповедников-пятидесятников Джима и Тэмми Фэй Баккеров характерна подспудная идея о вере как о наслаждении. «Христианство должно быть радостью и

приносить удовольствие... Спасти свою душу совсем несложно», – провозгласили Баккеры. Чтобы осуществить на практике то, что они проповедовали, Баккеры построили «тематический парк» площадью 10 тысяч гектаров под названием «Наследие США» (также иногда именуемый «христианским Диснейлендом») с отелем на 504 номера, аквапарком, торговым моллом, пасторским центром, высокотехнологичным представлением о страстях Господних в «амфитеатре Наследия» и копией дома, где в детстве жил Билли Грэхем*. В 1986 году «Наследие США» посетили 6 миллионов человек, он занял третье место среди такого рода парков Соединенных Штатов после двух Диснейлендов. «Меня спрашивают, зачем христианскому комплексу понадобился аквапарк, – признался однажды Баккер в газете “Нью-Йорк таймс”, имея в виду свое чудовищное стоимостью 8 миллионов долларов. – В Библии сказано, что мы должны завлекать людей в свои сети, поэтому аквапарк – это всего лишь приманка... Я не вижу ничего дурного в использовании какой-нибудь экстравагантной приманки»⁷.

Социолог из Университета штата Вирджиния Джеймс Дэвисон Хантер тщательно изучал евангелическое движение. В своей работе «Американский евангелизм» он объясняет, что лидеры этого движения поняли, что для привлечения массы последователей важно «не только терпимо относиться к другим верованиям, мнениям и образу жизни; еще важнее не вызывать у людей отторжения. Главная идея состоит в том, чтобы никого не оскорблять... Поэтому надо отказаться от наиболее агрессивных сторон евангелического учения, таких как обвинение всех несогласных с ним в ереси, грехе, идее бессмертия и язычестве, а также от разговоров о божьей каре, божественном гневе, проклятии и аде. Все, что хотя бы намекает на моральный или религиозный абсолютизм и нетерпимость, должно отойти на задний план». Другой исследователь американского христианства – Сьюзен Френд Гардинг из Калифорнийского университета – пишет по поводу «Наследия США» (причем, словами, справедливыми и в отношении большинства современных евангелических церквей), что там име-

* Хотя Грэхем не был пятидесятником, сейчас многие приверженцы евангелического вероучения считают его основателем своего движения.

ла место «постоянная, хотя и скрытая критика фундаменталистских ограничений, логики жертвенности, одержимости властью, иерархией и правилами... Баккеры сулили своим последователям материальное изобилие и благополучие, фактически проповедуя идею божественного всепрощения – или своего рода народную теологию, практически санкционировавшую совершение грехов, поскольку заранее гарантировалось их нескончаемое отпущение со стороны Бога»⁸. Коль скоро власть церкви стало невозможно применять в традиционных формах, единственным способом ее выживания и успеха осталась адаптация к новым реалиям.

Приход фундаменталистов в политику правильнее всего считать реакцией на размывание авторитета и массовой базы религии. Пионером в этом деле стал Фолуэлл, хотя в 1950-е, 1960-е и в начале 1970-х годов он настаивал на своей аполитичности. В 1965 году он опубликовал проповедь, специально посвященную данному вопросу. «Что касается отношения церкви к миру, то его проще все выразить словами, сказанными святым Павлом святому Тимофею: “Поучайте Словом”... Мы никак не уполномочены реформировать внешние обстоятельства. Мы не призваны вести войну против бутлегеров, винных магазинов, картежников, убийц, проституток, вымогателей, коррумпированных чиновников и институтов – как и любого другого существующего зла»⁹. Он неоднократно указывал на нежелательность вовлечения священников в политические баталии.

В 1950–1960-е годы политическая активность подразумевала проведение кампаний в защиту гражданских прав, что мало интересовало Фолуэлла и его паству. Фактически роль протестантских церквей в движении за гражданские права дает прекрасный пример использования традиционной религиозной власти в целях поучения и привлечения прихожан. Фолуэлла это не нравилось. Однако к 1970-м годам его последователи, особенно на Юге, стали политизироваться и по многим социальным вопросам сдвинулись вправо. Они проголосовали за Никсона, покинув традиционную для них Демократическую партию. Тем не менее, Фолуэлл создал свое движение «Моральное большинство» и начал политическую пропаган-

ду и лоббирование лишь в 1978 году, то есть через пять лет после решения Верховного суда по делу «Роэ против Уэйда», которым была обеспечена конституционная защита абортот. Тем самым Фолуэлл вновь навлек на себя глубокое возмущение твердолобых фундаменталистов, не склонных к компромиссам. «Моральное большинство» открыто искало поддержку среди католиков, евреев и мормонов – фактически среди всех, кто соглашался с его программой. За этот грех Боб Джонс-младший (сын и преемник Боба Джонса-старшего) заклеймил Фолуэлла как «самого опасного человека в Америке». Можно утверждать, что Фолуэлл сдвинулся в сторону активного политического консерватизма потому, что религиозный консерватизм (требующий чистоты доктрины, враждебности к другим сектам, осуждения таких грехов, как супружеская неверность, и аскетического отвержения материальной культуры) стало невозможно навязывать массам. От старого протестантского фундаментализма остались лишь вопросы политического характера: отношение к абортот, геям и эволюционной теории Дарвина. Именно эти вопросы связывают воедино большие группы церковных прихожан. Однако и здесь ситуация изменилась, поскольку американцы сейчас более терпимо относятся ко многим общественным табу. Ныне фундаменталистские церкви в большинстве случаев занимают жесткую позицию, скажем, в отношении гомосексуалистов, лишь на словах, но все чаще почти ничего не делают сверх того, опасаясь оттолкнуть от себя рядовых (как выразился один ученый, «неоцерковленных») верующих. Чтобы в наши дни считаться фундаменталистом, требуется лишь смотреть религиозные телешоу, ходить в тематические парки, покупать «христианский рок» и голосовать за республиканцев. Социолог Марк Шибли называет все это «калифорнизацией консервативного протестантизма». Утратив врагов и цели, которые объединяли и подвигали к действию их паству, после событий 11 сентября 2001 года фундаменталисты экспериментируют с новым противником – исламом. Фолуэлл, Робертсон и Франклин Грэхем (сын Билли) – все они начали высказываться об исламе в ядовитых и презрительных выражениях, называя эту религию «порочной», а ее основателя Мухаммеда – тер-

рористом. Язык, который прежде применялся в отношении сторонников абортов, гомосексуалистов и «Американского союза за гражданские свободы», перенесли на мусульман. Посмотрим, окажется ли эта новая попытка разжигания ненависти более результативной, чем предыдущие.

Размывание авторитетов внутри американского христианства становится еще более явным, если мы взглянем на то, что происходит за пределами евангелических сект. Социолог Алан Вульф указывает, что сейчас в США быстрее всего растут церкви так называемой новой парадигмы, отвергающие идею существования у конфессии руководящего штаба. Такого рода движения абсолютно децентрализованы и демократичны. Вульф цитирует слова одного профессора, заметившего, что «Иисуса и его апостолов можно рассматривать как систему “центр и расходящиеся от него лучи”». Сходная модель реализуется сегодня на авиатранспорте, где создана система узловых пересадочных аэропортов, что стало реакцией на условия постмодернити, для которых характерны дерегулирование и интенсивная конкуренция». Еще одно проявление нового лица религии – распространение «духоискателей». Они верят, что религия есть вопрос сугубо персональный; здесь неприменимы требования или приказания, поэтому каждый человек должен сконструировать собственную веру. «Каждый сам себе священник», – сказал бы Хью Лонг. Большинство таких церквей похожи на ту, которой руководит преподобный Джесс Муди в городе Ван Нуйсе (штат Калифорния). Он «обновил свой метод поучения, поставив под запрет в проповеди все ссылки на геенну огненную и муки адовы». У него также отсутствуют некоторые стандартные выражения христианской теологии. «Когда мы прибегаем к таким словам, как искупление или обращение, – говорит Муди, – то люди начинают думать, что мы рассуждаем о погашении или конвертации ценных бумаг»^{10*}.

Для современного общества характерны поиски «духовности» и идентичности. Вероятно, это связано с тем, что таков нынешний способ ответить на вековое стремление людей к

* По-английски игра слов: искупление, погашение – redemption; обращение, конвертация – conversion. – *Прим. ред.*

чувству безопасности и вере во что-то. Однако ключевой чертой всех успешных и растущих массовых христианских сект сегодня является упор на индивидуальный выбор и демократические структуры. Конечно, все религиозные общины пытаются сопротивляться данной тенденции. Тем не менее, новые ортодоксальные группы в совокупности объединяют около 5 процентов американцев. Наиболее примечательна тенденция к демократизации, в результате которой утрачивается то, что Хантер называет «обязывающим посланием», то есть – власть Священного писания, церковных авторитетов и традиций. В последние четыре десятилетия наиболее консервативное общественное движение США – евангелическое христианство – воспряло на фоне современной демократической культуры, но оказалось полностью трансформировано. Пример евангелического христианства высвечивает все более ускользящий и широко распространяющийся упадок всех религиозных авторитетов в жизни американцев. Как бы мы ни относились к данному факту – положительно или отрицательно, не приходится сомневаться, что это именно так.

Лучшее из известного и замысленного

Гарри Шерман был плохим драматургом, но хорошим предпринимателем. После многолетней борьбы со сценариями, в 1926 году он выступил с начинанием, названным им «Клуб книги месяца» (ККМ). Идея была незамысловата: приобщить недавно получивших образование представителей американского среднего класса к радостям великой литературы. Кроме того, как объясняет Дженис Редвей в написанной ею истории клуба, это была попытка «регулировать поступление книг к его членам таким образом, чтобы они не отставали от темпа современного культурного производства, не жертвуя при этом своим чувством прекрасного»¹¹. Выбор книг производился редакционным советом в составе пяти человек, известных как «знатоки». Это были уважаемые писатели; а первый состав совета включал в себя профессора английского языка из Йельского университета, успешного романиста, главного редактора газеты со Среднего Запада и двух эрудированных газетных

обозревателей. В 1930–1940-е годы совет отбирал среди прочих книги Джорджа Оруэлла, Артура Миллера, Трумэна Капоте и Эрнеста Хемингуэя. Тем не менее, нью-йоркские литераторы взирали на ККМ сверху вниз. В своем известном очерке под названием «Массовая культура и культ среднего класса» критик Дуайт Макдональд с издевкой писал, что клуб «с 1926 года снабжал своих членов чтивом, о котором в лучшем случае можно сказать, что оно могло бы быть и похуже». Конечно, могло бы быть гораздо хуже. Никогда не вдаваясь в чрезмерную интеллектуальность или научность, ККМ находил высококачественную литературу, способную привлечь широкую аудиторию. Клуб исходил из веры в демократизацию культуры, а фактически осуществлял ее. Однако это делалось за счет подтягивания вкусов людей вверх, а не за счет снижения планки качества литературы.

Затем наступили 1960-е годы. Крах бывших авторитетов, происшедший во всех слоях общества, затронул и небольшой, но влиятельный мирок книготорговли. «Представление, будто эксперты “Клуба книги месяца” являются своего рода руководящим органом национальной литературы... попросту устарело», – писала о том времени «Нью-Йорк таймс». Удача отвернулась от клуба, и в 1977 году он был приобретен медийным конгломератом «Тайм инкорпорейтед». Вскоре независимость «знатоков» полностью исчезла. Выбор ККМ, оказавшегося под сильным влиянием маркетингового отдела «Тайм», отныне падал на книги, рассчитанные на коммерческий успех. Стивен Кинг, Том Клэнси, Майкл Кричтон и Терри Макмиллан стали привычными именами в этом перечне. Список отбираемых клубом книг заметно расширился. С 1980 по 1998 год он почти утроился. В него помещали все, что люди купили бы скорее всего – поваренные книги, руководства по замужеству, любовные романы. Изначальная идея оказалась вывернута наизнанку. Вместо того, чтобы пытаться формировать массовые вкусы, ККМ давал лишь их зеркальное отображение*.

* Эта стратегия провалилась, поэтому сейчас ККМ предпринимает попытки вернуться к своим истокам. Назначен новый совет «знатоков», куда вошли несколько видных писателей, в частности Анна Куиндлен. Они отбирают литературу для членов Клуба. Тот факт, что эта «новая старая» модель имеет успех, позволяет предположить, что в культурной сфере людям все-таки нужны рекомендации.

История «Клуба книги месяца» – это история всей американской культуры. Джон Сибрук, некогда писавший для журнала «Нью-Йоркер», трактует происшедшее как сдвиг «от ратуши к гипермаркету». Метафора с ратушей подразумевает, что еще несколько десятилетий тому назад в американской культуре доминировали стандарты, устанавливавшиеся элитами, для которых руководящим принципом служило качество. Однако в сегодняшнем «культурном гипермаркете» идеи вкусов, стандартов и иерархии выглядят абсурдно. Все сходит к популярности. Если в ратуше главную роль играли люди, воспитанные по определенным канонам, то гипермаркетом управляет тот, кто способен уловить, что будет популярно, – то есть то, что порождает «молву». Если такие люди, как легендарный редактор «Нью-Йоркера» Гарольд Росс, воплощали собой прежний порядок, то промоутер в сфере поп-музыки Дэвид Гэффен олицетворяет собой новый порядок. Росса нельзя назвать жрецом интеллектуальности; тем не менее, ему было свойственно глубокое понимание культурного контента; Гэффен же хорошо чувствует массовые предпочтения. По словам Сибрука, «на смену старым культурным арбитрам, которым по должности было положено решать, что есть “хорошо”, или “имеет ценность”, пришел новый тип властителя дум, чье умение состоит в определении “хорошего” как “популярного”. Столь грандиозная перемена в нашей цивилизации отразилась практически на всех музеях, библиотеках, университетах, издательствах, магазинах, газетах и телевизионных каналах страны»¹².

Несколько лет назад «Нью-Йоркер» попросил двух наиболее видных директоров музеев США охарактеризовать, что представляет собой крупный музей XXI века. Легендарный директор художественного музея «Метрополитен» в Нью-Йорке Филипп де Монтебелло назвал следующее составляющие: великие произведения искусства; их умная и привлекательная презентация; спонсоры, вдохновляемые идеей служения обществу; финансирование, обеспечивающее цельность музея и его независимость от рынка; преданные искусству попечители; музейные работники, доверяющие своим знаниям и художественному чутью при выставлении произ-

ведений искусства на всеобщее обозрение, и, наконец, «непоколебимая вера в первенство художественного опыта над концепцией музея как общественного пространства». У энтузиаста своего дела – директора Музея Гугенхайма в Нью-Йорке Томаса Кренца – список оказался совсем иным. Он, конечно, начал с реверанса в адрес «собраний шедевров», но затем сосредоточился на «интересной архитектуре, великолепной тематической экспозиции, превосходной второй тематической экспозиции, парочке кафетериев, паре магазинов, высокотехнологичной презентации музея через интернет и экономии расходов за счет участия в глобальной музейной сети». Налицо показательная картина различий между прежним и новым подходами.

Кренц – ведущая фигура в новом поколении директоров музеев, стремящихся любыми средствами организовать шоу, которое создаст рекламу и привлечет в музей толпы людей. Недавно он открыл филиал Музея Гугенхайма в казино-отеле «Венецианец» в центре Лас-Вегаса. Подобные диковины цветисты и нередко затмевают само искусство. Цель состоит не в том, чтобы люди увидели произведения искусства, а чтобы завлечь их в музей. Когда они туда попадут, они, вероятно, воспользуются возможностью посетить хотя бы один из музейных магазинов. По поводу наиболее известного проекта Кренца – эффектного здания нового филиала его музея в Испании, спроектированного Франком Гери, – художественный критик Джед Перл написал в журнале «Нью рипаблик»: «В Музей Гугенхайма в Бильбао ходят не для того, чтобы приобрести к искусству. Находясь там, люди вспоминают о необходимости взглянуть на произведения искусства так, как будто речь идет об утреннем душе или приеме витаминов». В подобных музеях выставляются произведения искусства специфического свойства. Кренц устраивал специальные выставки «искусства мотоцикла» и одежды Джорджио Армани. Можно – и даже следует – включать коммерческие работы в экспозиции современного искусства. Однако, как считает Перл, эти музеи не пытаются определить стиль или период, они просто выставляют для просмотра уже известные и популярные «иконы» масс-культуры: «Они не формируют вкусы, а утверж-

дают те, что преобладают в настоящее время, какими бы они ни были. Они не демонстрируют идей, которые дизайнеры-графики или продюсеры «Эм-Ти-Ви» могли бы позже вынести на суд широкой публики [и которые могли бы стать – или не стать – популярными]; они дают буквальное отображение того, что культуре уже известно, и хвалят публику за то, что она уже знает это»¹³. Короче говоря, они не ведущие, а ведомые.

Упомянем еще один нюанс. Выставку мотоциклов финансировала кампания «БМВ», и образцов ее продукции там было представлено больше всего. Выставка Джорджио Армани открылась лишь восемь месяцев спустя после того, как он пообещал выделить Музею Гугенхайма 15 миллионов долларов. Искусство и коммерция всегда шли рука об руку, но нынешняя коммерциализация искусства имеет специфический характер: ее отличают популизм и потакание потребительским вкусам. Веками покровители искусств собирали то, что нравилось им самим, и то, что их научили любить специалисты. Они редко задумывались о том, понравится ли их коллекция широкой публике. В этом частично состояло удовольствие от обладания богатством. Однако сегодняшние корпоративные спонсоры совсем иные. Они оказывают поддержку искусству только в контексте своей бизнес-стратегии. Социолог и остроумный исследователь маркетинга в Америке Джеймс Твитчел указывает, что современные корпоративные спонсоры в основном руководствуются «критериями, далекими от эстетики; в результате экспозиции отличаются политкорректностью или, по меньшей мере, не вызывают полемики». Твитчел подчеркивает, что в наши дни содержание выставок во многом определяется интересами корпораций. Музею Гугенхайма пришлось отказаться от планов провести выставку «Пикассо и железный век», поскольку ни одна компания не захотела, чтобы ее брэнд ассоциировался со столь старомодной материей, как железо. «БМВ» отказалась спонсировать шоу «Шедевры из Мюнхена», сославшись на то, что «Мюнхен не отличается особой чувственностью». Выставка работ представителя классицизма XVII века Гвидо Рени, прокладывавшего новые пути в искусстве, была отменена, так как ни одна фирма не считала коммерчески выгодным поддержать ее. Если бы подобное от-

ношение было присуще спонсорам прежних времен, история искусств оказалась бы совсем иной.

Можно сослаться на то, что «чувственность» и «привлекательность» обуславливаются такими подспудными характеристиками, как новизна или оригинальность; однако фактически это всего лишь выразители популярности, обращаемой в прибыль. Данная тенденция в культуре высвечивает важный факт, а именно – взаимосвязь между демократизацией и всеобщей коммерциализацией. Ныне люди по большей части существуют в качестве потребителей; именно это определяет их власть, поэтому коммерциализация стала обратной стороной демократизации. Это силы-двойники, продвигающие демократическую волну вперед. Двойственная природа демократизации – наделение людей властью как граждан и как потребителей – позволяет объяснить, почему мало кто осмеливается критиковать происходящую в обществе трансформацию. С позиции левых, трудно осуждать культуру среднего человека. Правые не могут признать, что капитализм способен привести к дурным последствиям – даже в сфере культуры. И те, и другие не хотят согласиться с тем, что без авторитетного руководства или применения власти люди могут сделать неправильный выбор. Конечно, для такого руководства недостаточно, чтобы люди были готовы ему подчиняться. Требуется также, чтобы кто-то желал стать лидером.

Американская аристократия

В 1967 году президент компании «Си-Би-Эс ньюс» Билл Леонард дал задание молодому продюсеру Дону Хьюиту запустить в эфир новостной тележурнал под названием «60 минут». Хьюит попросил сориентировать его относительно того, что руководство телекомпании желало бы получить от этой передачи. Требования Леонарда были просты. «Сделайте так, чтобы мы гордились ею», – сказал он. Вспоминая состоявшийся тогда разговор, Хьюит – все еще продюсер теперь уже легендарной передачи – полагает, что это был «последний случай, когда на телевидении вообще произносились такие слова: “Мы хотим гордиться”».

Множество подобных историй существует и в других профессиях – журналистике, издательском деле, праве, бухгалтерии, медицине и так далее. Это не просто ностальгические байки ветеранов. Речь действительно идет о существенном изменении роли элиты в американском обществе. Три десятилетия назад люди, публиковавшие книги, готовившие телеНовости, работавшие в юридических фирмах и руководившие больницами, считали необходимым заботиться как о прибыли, так и об оказании услуг обществу. Руководители на телевидении, например, всецело осознавали, что должны обеспечивать выпуск высококачественных передач, раз уж они имеют доступ к общественному эфиру. Эти люди считали себя не столько бизнесменами, сколько профессионалами – то есть сообществом людей, которые, по словам английского интеллектуала Р.Х. Тауни, «выполняли свою работу согласно определенным правилам и стандартам, призванным обеспечить как защиту членов данного сообщества, так и оказание более эффективных услуг обществу в целом»¹⁴. В течение большей части XX века профессионалы составляли своего рода современную аристократию. Имея прочное социальное положение, они заботились о благополучии страны и общенациональных интересах. Вместе с другими социально активными гражданами профессионалы брали на себя определенные общественные обязательства. Большинство крупных музеев, концертных залов, оперных театров, общественных парков и библиотек в американских городах построено не государством, а гражданственно настроенными людьми. Имея надежный доход и прочное общественное положение, эти граждане обычно проявляли долговременный – пусть даже эгоистический – интерес к благополучию своих городов и страны в целом. При всей своей исключительности и привилегированности, американская элита была проникнута духом гражданственности и хорошо послужила делу демократии.

Одной из отличительных характеристик англо-американского общества было то, что в нем частные элиты и ассоциации нередко выполняли общественно значимые задачи. Это не вполне обычная практика; большинство стран использует франко-континентальную модель, когда за все аспекты эконо-

мической и общественной жизни отвечают государственные органы и чиновники. Вспомним о разнообразных способах регулирования финансовых рынков в Америке – через Нью-Йоркскую фондовую биржу, региональные банки Федеральной резервной системы. Мы заметим, что многие из подобных институтов по своему происхождению являются частными, но выполняют некие общественные функции. Приведем пример меньшего масштаба: обоими крупнейшими парками Манхэттена – Центральным и Риверсайдом – заведуют смешанные частно-государственные организации. Невозможно вообразить, чтобы в Париже парки находились в ведении частных лиц. Или вспомним Американскую ассоциацию адвокатов и Американскую медицинскую ассоциацию. Они являются регулирующими органами по отношению к соответствующим профессиям, а соответствующие полномочия предоставлены этим частным группам государством.

Такого рода партнерство имеет глубокие корни в англо-американской истории. Оно получило развитие в связи с появлением в Англии слоя джентри, которые – как мы показали в первой главе – стали выполнять управленческие функции на местном уровне, а затем и в более широких масштабах. Подобная практика была перенесена в американские колонии и затем в Американскую республику, где состоятельные люди шли в политику и органы власти, не стремясь сделать это своей профессией. Вернувшись на личную ферму по завершении двух сроков президентства, Джордж Вашингтон следовал традициям своего класса. По происхождению он принадлежал к землевладельческой элите штата Вирджиния, представителям которой приходилось без оплаты служить членами приходского управления, мировыми судьями, начальниками местного ополчения и делегатами городского собрания. Эта традиция была развита такими людьми, как Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон, Джеймс Монро, Уильям Генри Харрисон, Джон Тайлер, Бенджамин Харрисон, Теодор и Франклин Рузвельты. Возможно, еще более важен тот факт, что служение обществу составляло часть образа жизни не только этих исторических деятелей, а всей американской аристократии. Ее представители постоянно подключались к работе

органов власти как на высшем, так и на местном уровнях. Кое-кто из них был богат от рождения, но большинство составляли адвокаты и банкиры. В континентальной Европе, напротив, государственное управление стало уделом профессионалов, а высшие посты доставались только карьерным госслужащим. Например, во Франции бюрократы с хорошей репутацией часто переходят в частный бизнес, но совершенно неслыханно, чтобы бизнесмена ввели в правительство.

В Америке профессионалы всегда имели особый статус. Александр Гамильтон предвидел такую ситуацию еще в момент основания США. Он писал в «Федералисте», что министры, адвокаты и профессора должны стать нейтральными, то есть «высшими арбитрами» в отношениях между различными отраслями и общественными группами. Только так можно было обеспечивать соблюдение интересов всего общества. Однако сегодня свободные профессии выглядят лишь тенью своего прошлого. Они оказались зажаты в своего рода тисках: с одной стороны – нарастание рыночной конкуренции, а с другой – переход многих профессиональных и частнопредпринимательских функций к государству. «Джентри спасли Англию от бюрократизации, которая стала уделом всех континентальных государств», – писал Макс Вебер в 1905 году в работе «Протестантская этика и дух капитализма». Ныне разница между англо-американской и континентальной моделями просматривается гораздо менее четко. В последние четыре десятилетия государство перехватило у профессиональных ассоциаций большинство регулирующих и судебных функций – как и большую часть того огромного авторитета, которым пользовались в жизни общества частные компании, благотворительные заведения и отдельные личности. Эндрю Карнеги был предан образовательной идее и поэтому помог выстроить в Америке систему публичных библиотек. Сегодня любое подобное предложение увязло бы в бумагах и канцелярщине, так как соответствующий процесс полностью бюрократизирован. Во многих отношениях подобная экспансия государства была весьма позитивной, обеспечив оказание большего числа услуг более широкому кругу людей. В итоге американцы пришли к выводу, что именно государство является наи-

более подходящим орудием общественной деятельности. Сделав свой вклад в жизнь общества путем уплаты налогов, люди считают, что это освобождает их от обязанности участвовать в его жизни и служении ему. В континентальной Европе подобное отношение распространено еще больше. Хотя уровень благосостояния там сравним с американским, население уделяет гораздо меньше времени и средств частной благотворительности. Да и в Америке реальное служение обществу в виде участия в местных органах власти или хотя бы советах общин все чаще воспринимается как занятие для профессиональных политиков, а не заинтересованных граждан. Этот сдвиг во взаимоотношениях элиты и общества отражается на способности правительства к успешной деятельности. По сообщениям из основных школ права и бизнес-школ, в последние 30 лет все меньше их наиболее одаренных выпускников выражают намерение идти в сферу государственного управления.

Возможно, юриспруденция является наилучшим примером частной профессиональной деятельности, у которой исторически сложилась общественная функция. Даже сегодня юристы считаются «служащими суда», и это не просто вычурная фраза. Подобный статус точно отражает тот факт, что у них есть некие обязанности и что они несут ответственность за функционирование правовой системы. Государство требует, чтобы юристы соответствовали установленным профессиональным стандартам и в обмен на предоставление им лицензии на ведение юридической практики выполняли определенные задачи. Эта профессия накладывает на тех, кто к ней принадлежит, много других ограничений и нагрузок. От них требуется соответствие не только правовым, но и этическим стандартам. Кодексы профессионального поведения, устанавливаемые такими организациями, как Американская ассоциация адвокатов, имели целью сформулировать набор внутренних норм, благодаря соблюдению которых адвокатов считают уважаемыми и достойными доверия профессионалами, а не обычными дельцами. Исторически адвокаты играли в отношении своих клиентов роль старших советчиков и советников, стоя на страже их долговременных интересов. Это зачастую предполагало, что они советовали своим клиентам не

втягиваться в требующие длительного времени тяжбы или судебные манипуляции, хотя подобного рода действия принесли бы адвокатам щедрые гонорары. Глава Нью-Йоркской коллегии адвокатов Элиу Рут, в начале XX века занимавший посты государственного секретаря, военного министра и сенатора от штата Нью-Йорк, однажды заметил, что «практика приличного адвоката наполовину состоит в том, чтобы внушать клиенту, что тот чертовски глуп и должен отказаться от самостоятельных действий».

В американском обществе адвокаты занимали исключительное положение¹⁵. В стране, где отсутствовала земельная аристократия, адвокаты составляли привилегированную, однако вдохновляемую общественными заботами касту. Во всех городах Америки они были наиболее уважаемыми гражданами. Они помогали строить музеи и больницы, формировали общественные организации, а также регулярно занимали ответственные посты на всех уровнях власти. Вспомним, например, видного нью-йоркского юриста конца XIX века Джеймса Картера. Он участвовал в основании Нью-Йоркской коллегии адвокатов и сыграл ключевую роль в движении за реформы как в городе, так и в штате, работал в Комиссии Тильдена, Антикоррупционном комитете, Национальной муниципальной лиге, Союзе граждан, Городском клубе и Клубе эффективного правительства. Иными словами, общественная деятельность занимала изрядную часть его трудовой жизни. И он не был исключением. Не только в Нью-Йорке, но и в любом американском городе можно было найти десятки таких же энтузиастов. Один из протеже Рута по юридической линии Генри Стимсон, впоследствии занимавший посты военного министра при Теодоре и Франклине Рузвельтах, а при Герберте Гувере – государственного секретаря, отмечал в своих воспоминаниях, что «американским адвокатам следует считать себя потенциальными служащими правительства... Если наступит такое время, когда исчезнет эта традиция и члены коллегии адвокатов станут лишь прислужниками бизнеса, то будущее гражданских свобод действительно окажется под вопросом». Стимсон не без оснований видел связь между деятельностью юристов и свободой. Когда де Токвиль метко заметил, что ари-

стократию в Америке можно найти «за барьером для адвокатов или на судейской скамейке», он имел в виду не только то, что на вершине пирамиды власти в Соединенных Штатах находились правоведа. Его больше всего беспокоило, что Америка станет «тиранией большинства», поскольку ее социальная структура отличалась от европейской, а именно – не было класса аристократии, способного поддерживать общественную стабильность. Токвиль опасался, что вследствие отсутствия подобного класса страна станет добычей демагогов, популистов и других нелиберальных сил. Он считал адвокатов «естественными аристократами». Как и Гамильтон, он верил, что они ни от кого не зависели и потому могли заботиться об общественном благе. Тем самым, писал он, создавалась «[такая] форма публичной ответственности, которая была способна помочь сохранять дары демократии, не допуская развития присущих ей пороков».

Это было несколько идеализированное видение юриспруденции, но оно действительно сильно влияло на поведение большинства американских юристов – вплоть до некоего момента, наступившего около 30 лет назад. Писатель Майкл Льюис вспоминал партнеров, работавших в фирме его отца в Новом Орлеане: «Их образ жизни покоился на откровенно элитарной идее: поверенные стоят выше драки. Они обладают специальными знаниями и соблюдают жесткий кодекс поведения... Самое важное для них – их общественный статус. В то же время, насколько об этом можно судить со стороны, они никогда не беспокоились по его поводу – ведь он был не причиной, а следствием того, как они выстраивали свою жизнь». Этот уединенный мир права начал распадаться с приходом в профессию множества новичков после решения Верховного суда 1977 года, которое позволило адвокатам давать объявления о своих услугах в газетах, а также из-за возрастания конкуренции за деньги клиентов среди ведущих юридических фирм. Право «уступило двум главным американским инстинктам – демократизации и коммерциализации (которые зачастую совпадают)», – писал Льюис¹⁶. Для предыдущего поколения юриспруденция была занятием, организованным почти как картель. В каждом городе имелось ограниченное число

юридических фирм, и на этот рынок было трудно внедриться. Те, кто туда попадал, хорошо зарабатывали, но не пытались набавлять цену за свои услуги. Юриспруденция давала возможность жить прилично и в высшей степени достойно, но не была способом разбогатеть. Адвокаты ценили стабильность своего рынка, получая постоянный и предсказуемый доход. Организация этого профессионального сообщества по типу картеля гарантировала, что у адвокатов было достаточно свободного времени, чтобы реализовывать свои общественные устремления. Престарелый партнер одной юридической фирмы в Нью-Йорке как-то сказал мне:

Вокруг роятся юнцы, пытающиеся совместить юриспруденцию и служение обществу по примеру Дина Ачесона и Сайруса Вэнса. Однако это им не удастся. Во-первых, адвокат, занимающийся чем-то подобным на стороне, не сумеет найти себе партнеров. Во-вторых, юрист, вовлеченный в политику, не поработает достаточно часов, чтобы партнерство с ним считалось стоящим делом. Еще будучи начинающим юристом, Вэнс месяцами работал над государственными и политическими вопросами. Ныне это стало совершенно невозможно. Теперь юриспруденция – это бизнес, к тому же чертовски конкурентный.

От сторожевых псов к комнатным собачкам

Сказанное в отношении юриспруденции в той или иной мере характерно для большинства других профессиональных сообществ. Американская медицинская ассоциация некогда была, по-видимому, наиболее мощной современной гильдией. Она обеспечивала врачам социальные статус, гарантии и влияние. Подразумевалось, что в ответ врачи ставят заботу о здоровье своих пациентов выше всех прочих соображений. Представители медицины всегда стремились убедить пациентов, что тем ни о чем не следует беспокоиться: доктор назначит процедуру или выпишет таблетки, руководствуясь лишь самыми высшими медицинскими соображениями. (Ведь в клятве Гиппократова ничего не говорится о том, как выписывать счета за лечение.) Однако в последние несколько десятилетий вра-

чи утратили привилегированное положение, поскольку основную роль в сфере здравоохранения стало играть государство. Страховые компании и организации, финансирующие медицину, стремятся сократить свои расходы. Одновременно набрали вес прочие профессиональные сообщества, связанные с охраной здоровья. Сегодня доктор – такой же предприниматель, как и все остальные. Его рабочий день заполнен заботами о сокращении расходов, выполнении правительственных предписаний, суетой по поводу судебных исков и борьбой с конкурентами. В итоге прежние, исключительные по характеру, связи между врачом и пациентом более не существуют; они сохранились только в среде особо состоятельных людей, для кого деньги – не проблема. Как и в случае юриспруденции, прежний облик врачебной профессии сейчас несколько приукрашивают. Однако это не отменяет того факта, что за минувшие 30 лет в области медицины произошли сдвиги колоссального масштаба.

Приблизительно то же самое можно сказать и об аудите. В 1933 году во время слушаний в Конгрессе член Палаты представителей от штата Кентукки Олбен Баркли спросил главу одной из крупнейших на тот момент аудиторских фирм полковника Артура Картера, можно ли доверять тому, как аудиторы контролируют состояние дел своих клиентов. «Кто проверяет вас?» – спросил Баркли. «Наша совесть», – ответил Картер. Дело, конечно, не только в этом. В сфере финансовой отчетности действовали жесткие стандарты, а специалисты старались не запятнать свою профессиональную репутацию. Раньше считалось, что бухгалтеры – зануды, но заслуживают доверия. Совершенно иная картина обнаружилась при проверке бухгалтерской отчетности компании «Энрон». Пытаясь понять причины развала гигантской аудиторской фирмы «Артур Андерсен», газета «Уолл-Стрит джорнэл» в 2002 году проинтервьюировала ряд экспертов по счетоводству, и они объяснили, сколь сильно изменилась их профессия за последние 20 лет. Если в области юриспруденции знаковым событием стало разрешение юридическим фирмам публично рекламировать себя, то в аудиторском деле аналогичную роль сыграло соглашение 1989 года между Федеральной комиссией по тор-

говле и Американским институтом сертифицированных аудиторов. По данному соглашению последние получили возможность увязывать свои гонорары с результатами проделанной работы, а не придерживаться лишь почасовых ставок. Это означало, что отныне они могли получать огромные деньги за консультации общего характера. Цель реформ состояла в том, чтобы сделать отрасль более открытой и конкурентной (опять-таки коммерциализация и демократизация шли рука об руку). Однако главным результатом проведенных реформ стало то, что аудиторы начали изобретать для компаний схемы уклонения от налогов в обмен на часть сэкономленных выплат. «Уолл-Стрит джорнэл» приводит слова сотрудника фирмы «Эрнст & Янг» Энтони Райдера, вспоминавшего, как его заставляли предлагать клиентам новые виды услуг: правовых, страховых, консультационных, плановых – любых, способных вытряхнуть из них доллары. «Это было примерно то же самое, как если бы репортеров принуждали распространять подписку, – утверждал он. – Я не был способен делать это и знал, что моим клиентам это на самом деле не нужно». Райдер оказался уволен, однако большинство его коллег подчинилось новым правилам. Со временем аудиторы стали изощряться самыми немыслимыми способами, чтобы выполнить все пожелания своих клиентов. В результате принципиально изменилась их собственная роль. По словам «Уолл-Стрит джорнэл», «из сторожевых псов они превратились в комнатных собачек»¹⁷.

Подобное смещение сфер компетенции стало обычным делом на Уолл-Стрит. Раньше существовала определенная ответственность банкиров и брокеров по отношению к инвесторам. В частности, имело место четкое разграничение между бизнесом аналитиков, оценивавших положение отдельных компаний, и банкиров, ведущих дела с этими компаниями. Бывший глава исследовательского отдела инвестиционного банка «Саломон бразерс» Генри Кауфман вспоминал, что вплоть до 1980-х годов подобное различие соблюдалось, а анализ состояния дел в бизнесе был действительно независимым. К концу 1990-х годов соответствующие правила стали быстро размываться, а энтузиазм по поводу интернета привел к их полной ликвидации. Аналитики выпускали абсурдные докла-

ды, в которых активно рекламировались акции компаний, работавших в области новых технологий, а банки получали крупные комиссионные за размещение этих акций. Большая часть происходящего вполне укладывалась в рамки законности. Действительно, процесс дерегулирования обеспечивал немало преимуществ, а именно – он делал рынок более конкурентным, привлекал на него новых игроков, благоприятствовал технологическим и управленческим инновациям. Однако этому сопутствовали новые проблемы: извращались стимулы для бизнеса, создавался конфликт интересов и возникали опасности для общества в целом – хотя подразумевалось, что именно оно должно было выиграть от всех этих перемен. Финансовые рынки стали более оживленными, энергичными и открытыми – но одновременно и более подверженными внезапным изменениям из-за ложной информации, мошенничества и неразумного поведения. Вслед за волной банкротств интернет-компаний многие политики и чиновники стали шумно требовать более пристального надзора и регулирования, чтобы выявить и поставить вне закона то, что прежде лишь подразумевалось как не отвечающее этическим нормам. Если соответствующие законы будут проведены в жизнь, ими будет отмечен еще один, вероятно неизбежный, шаг в переходе от англо-американской модели неформального регулирования к системе государственного регулирования, принятой в континентальной Европе. Не исключено, что лучшим, более гибким и более разумным решением было бы дать подобным профессиональным сообществам возможность самим контролировать себя, восстановив некоторые ограничения, отброшенные в последние несколько десятилетий. Но это было бы равносильно попыткам собрать назад рассыпавшегося Шалтай-Болтая.

Самоубийство элит

Центральное изменение общекультурного характера, составляющее основу всех отмеченных выше тенденций в сфере отдельных профессий, связано с ролью элит. Американцы не любят думать и говорить об элитах. Само это слово отдает снобизмом и звучит явно не по-американски. Тем не менее, в США

всегда были элиты, а именно – небольшая часть населения страны, фактически руководившая большинством ее основных институтов. Старые элиты представляли собой закрытые сообщества, основанные на кровных, семейных и этнических узах. Новая система более демократична. В ней люди восходят наверх благодаря деньгам, уму и известности, то есть в целом процесс отбора стал значительно более эффективным и открытым. Однако другое существенное отличие состоит в том, что прежние элиты отличались высокой социальной ответственностью, – отчасти в силу исключительной прочности своего положения. Новые же элиты действуют в гораздо более открытой и конкурентной среде. Сегодня президенты крупнейших компаний обладают огромной властью, но не чувствуют себя в безопасности. На них оказывается давление со всех сторон, и они вынуждены постоянно заботиться о выживании, опережать соперников и демонстрировать свою эффективность. Вследствие этого их интересы не отличаются широтой, горизонт мышления не простирается вдаль, а ограничен завтрашним днем. К сожалению, такие люди мыслят и действуют не как элита, хотя фактически составляют ее.

Один из наиболее отчетливых признаков подвижки в состоянии элит – характер целей, которые они поддерживают. В начале XX века такие люди, как Роберт Брукингс, создавали институты для изучения публичной политики, призванные служить стране, невзирая на политические пристрастия и различия в партийной политике. Брукингский институт, основанный в 1916 году, – первый и наиболее выразительный пример. Брукингс хотел видеть институт, «свободный от задач преследования какого-либо политического или материального интереса... при сборе, толковании и представлении в связанной форме вниманию общественности фундаментальных экономических фактов»¹⁸. Национальное бюро экономических исследований, учрежденное в 1920 году, предназначалось для достижения таких же целей беспристрастности и объективности. Между тем начало XX века не было, как думают многие, временем меньшей, чем сейчас, идеологизации. На деле, причем, возможно, как раз вследствие столкновений, сопровождавших каждый вопрос в те годы, – будь то предоставле-

ние женщинам права голоса, внешнеторговые тарифы, регулирование деловой активности, участие в Первой мировой войне или Лиге Наций – люди стремились к созданию институтов, которые рассматривали бы государственную политику, находясь вне арены жестоких межпартийных баталий. Например, Совет по внешним сношениям (СВС) был создан демократами и республиканцами в 1921 году, чтобы обе партии совместно оказывали содействие выработке подхода Америки к международным делам. Все это звучит столь замечательно и возвышенно, что в нынешний ироничный век кажется невероятным. Тем не менее, тогда люди действительно верили, что для обеспечения демократии важно иметь «площадки» для общегражданского дискурса по важнейшим вопросам публичной политики. Первым почетным председателем СВС был Элиу Рут – видный деятель республиканской партии, а первым председателем – Джон Дэвис, в 1924 году выдвинутый кандидатом на президентский пост от Демократической партии. Совет стремился организовать в стране дискуссию по внешнеполитическим проблемам, которая велась бы с соблюдением приличий и беспристрастно. Главный редактор и основатель журнала СВС «Форин афферс» однажды сказал своему заместителю, что если одного из них публика стала бы считать приверженцем Демократической партии, то другому следовало бы немедленно развернуть кампанию в пользу республиканцев.

Сегодня, когда элиты включаются в решение каких-то вопросов, они делают это исключительно с эгоистических позиций, причем обычно только тогда, когда это их непосредственно затрагивает. Почти все институты и мозговые центры, созданные в последние 30 лет, глубоко идеологизированы. Отчасти это следствие активных усилий американских консерваторов по созданию противовеса тому, что олицетворяли собой Брукингский институт и Совет по внешним сношениям. Последние, по небезосновательному мнению консерваторов, в 1960–1970-е годы уклонились влево. Однако вместо того, чтобы выправить этот уклон путем создания большего числа независимых институтов, консерваторы решили учредить такие организации, которые проводили бы их собственную

партийную линию. Подобные действия консерваторов неизбежно вызовут ответную реакцию либералов, что еще больше поляризует мир публичной политики в Вашингтоне. Ныне в большинстве институтов, где изучают государственную политику, ученых берут на работу за их взгляды, а не профессиональные знания (хотя и остаются важные исключения из этого правила). Во всяком случае, ученым заранее известно, к каким выводам они должны прийти. Речь не идет об открытом навязывании определенной точки зрения. Однако они понимают, что на работу в соответствующие мозговые центры их приняли отнюдь не в качестве свободно мыслящих интеллектуалов. Как открыто признавал руководитель исследовательских программ Фонда наследия Бертон Пайнс, «мы присутствуем здесь не в качестве ученого совета по защите диссертаций, где каждому предоставляется равное время на изложение своей позиции. Наша роль состоит в том, чтобы обеспечить деятелей, проводящих консервативную публичную политику, убедительными аргументами»¹⁹. В век, когда старые идеологии не позволяют решать новые проблемы, подобный подход делает исход большинства споров заранее предсказуемым и не оставляет места для серьезного анализа.

Во многих отношениях ведомственные исследовательские организации приносят меньше хлопот, нежели создававшиеся в чисто научных целях, а не для продвижения идеологии. Многие новые «институты» и «фонды», расположившиеся в Вашингтоне, по существу представляют собой передовые группы по обеспечению особых интересов корпораций, профсоюзов и даже иностранных правительств. Они производят гору «исследований», чтобы доказать, что их спонсоры заслуживают субсидий или иных льгот со стороны государства. Под гнетом партийных интересов и патронажа почти исчезло пространство для подлинно независимой оценки публичной политики. Теперь Вашингтон поделен между двумя идеологическими лагерями, и в конечном итоге каждый человек так или иначе оказывается в одном из них. Не будем впадать в ностальгию: публичная политика никогда не велась в вакууме, а партийная политика и группы интересов неизбежно влияли на процесс ее выработки. Однако любой из тех, кто на-

блюдал за Вашингтоном на протяжении последних 30 лет, должен признать, что там произошла заметная перемена, а именно – резко усилилась агрессивная пропаганда узких интересов, которую ведут и интеллектуалы, и лоббисты. Вместо того, чтобы стремиться – хотя бы в качестве отдаленной цели – к выходу за рамки неприкрытых политических пристрастий, новые элиты просто используют их к собственной выгоде.

В американском обществе в роли посредника остается один институт – пресса. Она объясняет и истолковывает мир своим читателям, а своих читателей представляет миру. Больше, чем какой-либо другой из современных институтов в США, пресса определяет действительность и политическую повестку дня. Вместе с тем – в отличие от других посредничающих групп, которые исторически играли роль примирителей общественных страстей, – в наше время средства массовой информации часто разжигают их. Они повседневно муссируют сенсации и драматизируют новости. Подобная тенденция присуща большей части журналистики, хотя особенно заметна на телевидении и в бульварных газетах. Ее причины не в чьих-то кознях. Журналистику поразили те же факторы демократизации и коммерциализации, которые воздействуют и на все остальные виды профессиональной деятельности. Так, вплоть до 1980-х годов три традиционных телевизионных сети функционировали наподобие картеля и понимали, что фактически господствуют над зрительской аудиторией. В сочетании с определенными государственными предписаниями относительно содержания вещания подобное положение заставляло руководство телекомпаний считать, что информационные блоки нужны для придания респектабельности, хотя и убыточны. На зарубежные новости, документальные фильмы и культурные программы выделялись необходимые средства.

Затем произошла информационная революция, что снизило затраты, открыло новые рынки и обострило конкуренцию. Расцвет кабельного телевидения означал конец монополии трех телесетей. Сегодня традиционные сети буквально поминутно конкурируют с десятками станций, выходящих с новостными, развлекательными и дискуссионными программами. Такая конкуренция породила ряд ярких личностей и

злободневных программ. Порой она придает остроту скучным шоу. Однако общий результат – снижение стандартов качества. Если вы не в состоянии развлечь или напугать аудиторию, чтобы заставить ее смотреть ваш канал, то зрители переключатся на другой. Один ветеран вещательной журналистики однажды сказал мне: «Подразумевалось, что появление альтернатив будет благом для зрителей, дав им возможность выбора. Но проблема в том, что людей легко привлечь передачами, где демонстрируют секс и драки. Качественное же вещание, как и хорошие книги, требует несколько большего от самого зрителя. Однако сегодня не найдешь менеджера, который рискнул бы наскучить зрителю в течение хотя бы одной минуты. Всех терроризирует пульт дистанционного управления телевизором». Конечно, существуют серьезные новостные программы, не поддающиеся влиянию этой тенденции. Большинство из них имеет долгую историю существования, и за десятки лет они постепенно завоевали себе постоянную аудиторию.

Мир печатной журналистики также пострадал от появления массы альтернативных способов получения новостей. Многие некогда крупные газеты прекратили свое существование; другие превратились в бледные тени своего бывшего величия. В то же время печатная журналистика процветает в том смысле, что по-прежнему существует ряд высококачественных газет и журналов. И «Нью-Йорк таймс», и «Уолл-Стрит джорнэл», и «Вашингтон пост» сегодня даже лучше, чем в прошлом. Причина состоит в том, что они ориентируются на заметно меньшую аудиторию, чем телевидение, обслуживая весьма избранный круг читателей. Но эти три издания не способны выполнять ту общегражданскую роль, которую играли тысячи мелких газет, выходивших по всей Америке. Другой, причем решающей, причиной сохранения ими высокого качества является то, что все они относятся к разряду изданий, находящихся в семейном владении. Ими руководят ориентированные на общественные нужды собственники, которые видят в них не просто бизнес-корпорации, а общенациональные институты. Все крупные газеты, начиная с «Лос-Анджелес таймс» и заканчивая «Филадельфия инкуайерер», проданные семейными владельцами большим корпорациям, пережили резкое

падение качества. Многие газеты вообще закрылись. Несколько серьезных журналов, таких как «Нью-Йоркер» и «Атлантик мансли», процветают, хотя имеют еще меньше читателей, чем уважаемые газеты. Это опять-таки вызвано тем, что их владельцы готовы платить за совершенство*. Однако таких людей становится все меньше и меньше; и это крайне прискорбно. Сохранить функционирующую либеральную демократию можно и без высококачественной журналистики с широкой аудиторией, однако подобная ситуация далека от идеала. В конце концов, средства массовой информации – единственная сфера, четко защищенная Конституцией США. Впрочем, ее трудности не уникальны; другие профессии не менее важны для успеха демократии, и их упадок также вызывает беспокойство. Писатель Джеймс Фоллоуз полагает, что «есть некоторые блага и услуги, общественная ценность которых не может быть полностью реализована в рамках чисто коммерческой модели, – вспомним здравоохранение, образование, журналистику и юриспруденцию. Обществу не пойдет на пользу, если их содержание и формы предоставления будут целиком определяться свободным рынком. Вы сами не захотите, чтобы ваш ребенок посещал колледж, в котором учебный план полностью построен на основе рыночных факторов. Аналогичным образом, качественная журналистика приносит не только прибыль, но и общественное благо». Сказанное не означает, что для защиты этих отраслей необходимо государственное регулирование. В исторической ретроспективе решение проблем юриспруденции и журналистики было фактически обеспечено существованием элит, настроенных на служение обществу. Однако как быть, когда подобных элит становится все меньше?

Воодушевляться государственными делами проще, когда ваш социальный статус не подвергается сомнению, как в случае с протестантским истеблишментом – изначальной элитой США. Со времен основания нации и до 1960-х годов команд-

* «Ньюсуик», где я работаю, представляет собой одно из немногих массовых изданий, по-прежнему дающих серьезное и глубокое освещение новостей. Это возможно главным образом благодаря тому, что журнал принадлежит семейству Грэхем, также владеющему «Вашингтон пост».

ные высоты в американском обществе занимали белые ангосаксы протестантского вероисповедания (по-английски сокращенно – WASP). Президенты, государственные секретари и ректоры университетов – все они относились к этой категории. К тому же они были связаны между собой узами семей, школ, колледжей и клубов, то есть составляли не просто сообщество привилегированных индивидов, а общественный класс – американскую версию европейской аристократии. К членству в нем допускались и некоторые аутсайдеры, если те выглядели, одевались и разговаривали соответствующим образом. («Думайте на идиш, но одевайтесь по-британски», – гласил еврейский девиз успеха.) Вместе с общественным классом появился и определенный набор ценностей. Ценности белых ангосаксов-протестантов не отличались интеллектуализмом или академичностью. Газетный обозреватель Джозеф Олсоп, сам выходец из старой аристократии, вспоминал об эпизоде, происшедшем, когда он поступал в Гротон – частную школу в Новой Англии, которая в лучшие свои годы служила стартовой площадкой для подготовки WASP-элиты. В разговоре с легендарным директором школы Эндикоттом Пибоди мать юного Джо упомянула, что мальчика интересуют книги и идеи. «Мы выйдем из него это», – отвечивал преподобный Пибоди. В Гротоне стремились возвращать не яркие умы, а «мускулистых христиан» – людей, играющих жестко, но честно, соблюдающих моральный кодекс и верящих в общественное служение как ответственность, которая приходит вместе с властью. Лозунгом Гротона были слова *cui servire est regnare* (служить – значит властвовать)²⁰. Конечно, было немало людей никчемных и недалеких, кто получал посты, продвижение по службе и другие привилегии из-за принадлежности к определенной этнической группе. Однако в целом руководители протестантского истеблишмента практиковали и проповедовали общественное служение – начиная с поста президента и кончая местным самоуправлением.

По мере того, как в XX веке Америка становилась все более разнообразной, открытой и готовой воспринимать новых людей, ангосаксонско-протестантский истеблишмент столкнулся с дилеммой: сохранить власть за собой, отказав нович-

кам в доступе к своим святыням, или же раскрыть свои ряды для выходцев из иных слоев общества. Четко выдержать ту или иную линию не удалось. Сначала, на заре столетия, аристократия превратилась в своего рода касту, которая ограничивала членство в закрытых клубах и отказывала одаренным евреям в поступлении в лучшие колледжи Северо-Востока США, составляющие так называемую «лигу плюща»²¹. Однако со временем оказалось, что такого рода закрытость невозможно сохранять. Отчасти этому мешали сложившиеся к тому времени общественные настроения; отчасти дело было в том, что для участия в капиталистической конкуренции требовались самые лучшие и способные люди, независимо от их этнического происхождения. В конце концов, WASP-элита все-таки открыла двери своих клубов. В конце 1960-х – начале 1970-х годов практически все институты, контролировавшиеся протестантским истеблишментом, оказались доступными для аутсайдеров. Так было положено начало его саморазрушению. Движение за гражданские права, открытие для всех желающих дверей самых престижных колледжей и ведущих фирм с Уолл-Стрит привело к тому, что в коридоры власти были допущены новые элиты из числа евреев, ирландских католиков, итальянцев, а позднее – женщин, негров, испаноязычных и выходцев из Азии. (Отдельные очаги прежнего мира, в частности – некоторые закрытые мужские клубы, продолжали придерживаться принципа этнической чистоты и в основном именно вследствие этого утратили общественное значение. В Соединенных Штатах и сейчас много привилегированных клубов. Но теперь нежелательные лица отсеиваются из-за недостаточного благосостояния, а не по этническому принципу.) WASP-элита пошла на такие шаги не только потому, что ее к этому подталкивали обстоятельства, но также потому, что считала, что поступить так будет правильно. Столкнувшись с выбором между собственными привилегиями и идеалами, она предпочла последние.

Новая элита Америки представляет собой компанию талантливых выпускников колледжей. Это гораздо более разнокалиберная, меритократичная и динамичная элита, нежели прежняя. Составляющие ее люди не осознают своего

элитного статуса, а, скорее, даже отрицают его. В течение многих лет после того, как Билл Гейтс стал одним из богатейших людей мира, он все еще считал, что относится к верхнему сегменту среднего класса. Сейчас богатство и влияние Гейтса, как и всей представляемой им новой породы магнатов, стали слишком велики, чтобы не замечать этих людей. А ведь до недавнего времени страна воспринимала их как рядовых граждан, у которых просто оказалось много денег. Однако подобное представление неверно и вредно. Относительно небольшая группа граждан – быть может, 1 миллион, или 0,5 процента населения страны, – руководит большинством основных институтов Соединенных Штатов или обладает иного рода влиянием. Подобная ситуация имеет серьезные негативные последствия для страны*. По сравнению со средними американцами, эти люди сосредоточили в своих руках громадную власть и фактически составляют элиту. Однако раз ни они сами, ни остальные не осознают данного факта, то невозможно правильно определить их роль. Элиты отнюдь не окажутся без власти лишь из-за того, что кто-то их не замечает. Они все равно будут располагать ею, но это будет, по словам Редьярда Киплинга, «власть без ответственности, что на протяжении столетий оборачивалось развратом»²².

Во время первой «позолоченной эпохи» конца XIX века кричащая потребительская роскошь и выставление богатства напоказ могли соперничать со всем, что делают сегодняшние толстосумы. Но тогда состоятельные люди – возможно, благодаря религии или пережиткам пуританства, – заботились о том, чем обернется их богатство. Обратим внимание на то, как за последние три–четыре десятилетия изменились школы, по-

* Власть бывает не только финансовой или политической. Средневековая теория о сословиях и гильдиях основывалась на представлении, что те, кто обладает специальными знаниями, несут особую ответственность. Если это звучит старомодно, поразмыслим над словами, которые мне сказал один из ведущих биологов Северной Америки: «Тех, кто знает, как приготовить действительно опасный состав или вещество, способное убить десятки тысяч людей, всего несколько десятков. Поэтому я чувствую себя не в своей тарелке. Я не знаю, что делать с такой властью». Ни он, ни общество не продумали, как ему следует поступать со своим знанием. С повседневной точки зрения, он просто ученый из лаборатории, а не аристократ. Тем не менее, он располагает большей властью (правда, потенциальной), чем когда-либо было у любого из европейских князей.

добные Гротону. До 1970-х годов в наты с голыми стенами, без дверей, минимальными бытовыми удобствами или телевизоров. Мальчи́жкам, в 1920-х годах, происходившим из бедных семей и росли в огромных семьях. Тем не менее, в школе их жизнь проходила в лучших условиях. Как писал журналист, «цель «состояла в том, чтобы подготовить мальчиков в плебейские или слуга преуспевающим (никто не сомневался, что они преуспевают), а добродетельными и полезными»²³. Сегодня средние школы, как Гротон и Андовер, и университеты, подобные Гарвардскому и Йельскому, учат своих выпускников преуспевать или, по крайней мере, сделать благополучную карьеру. А воспитание в духе добродетельности и общественной полезности считается вмешательством в личную жизнь, назидательностью и излишней требовательностью. Один давний выходец из Гротона так вспоминал посещение родной школы в наше время: «Спальни выглядят похоже, но теперь там стоят стереосистемы и телевизоры, полно всяких удобств, каких только можно пожелать. По сравнению с теми днями, которые провел там я, общая картина напоминает питомник для фазанов. Нам сознательно отказывали в роскоши, а им выдают ее сполна». Мы не говорим о том, что школы типа Гротона, утратили прежнее качество. Но, как и общество в целом, они в основном сосредоточены на успехе и гораздо меньше – на формировании характера*.

Легко насмехаться над англо-американской элитой за ее надменный патернализм, возникший из чувства культурного превосходства. Тем не менее, она была носителем определенных идеалов – честной игры, порядочности, свободы и протестантского понимания своей миссии, – которые помогали ус-

* Такая тенденция, вероятно, еще более четко проявляется в других конкурентоспособных средних школах. Но в случае с известными школами Новой Англии, где готовят к поступлению в колледжи, можно наблюдать такой сдвиг в сравнении с их же собственным прошлым, когда там делали прямо противоположное – чрезмерно нажимали на формирование характера и слишком мало уделяли внимания развитию стремления к успеху.

Глава шестая
танавливать
были иску
ными. И
рушение
историч
ции

элитного статуса, а, скорее, даже отрицают его. В течение многих лет после того, как Билл Гейтс стал одним из богатейших людей мира, он все еще считал, что относится к верхнему сегменту среднего класса. Сейчас богатство и влияние Гейтса, как и всей представляемой им новой породы магнатов, стали слишком велики, чтобы не замечать этих людей. А ведь до недавнего времени страна воспринимала их как рядовых граждан, у которых просто оказалось много денег. Однако подобное представление неверно и вредно. Относительно небольшая группа граждан – быть может, 1 миллион, или 0,5 процента населения страны, – руководит большинством основных институтов Соединенных Штатов или обладает иного рода влиянием. Подобная ситуация имеет серьезные негативные последствия для страны*. По сравнению со средними американцами, эти люди сосредоточили в своих руках громадную власть и фактически составляют элиту. Однако раз ни они сами, ни остальные не осознают данного факта, то невозможно правильно определить их роль. Элиты отнюдь не окажутся без власти лишь из-за того, что кто-то их не замечает. Они все равно будут располагать ею, но это будет, по словам Редьярда Киплинга, «власть без ответственности, что на протяжении столетий оборачивалось развратом»²².

Во время первой «позолоченной эпохи» конца XIX века кричащая потребительская роскошь и выставление богатства напоказ могли соперничать со всем, что делают сегодняшние толстосумы. Но тогда состоятельные люди – возможно, благодаря религии или пережиткам пуританства, – заботились о том, чем обернется их богатство. Обратим внимание на то, как за последние три–четыре десятилетия изменились школы, по-

добные Гротону. До 1970-х годов в общежитиях там были комнаты с голыми стенами, без дверей или подвесных потолков, с минимальными бытовыми удобствами, без всяких стереосистем или телевизоров. Мальчики, поступавшие в Гротон, скажем, в 1920-х годах, происходили из чрезвычайно состоятельных семей и росли в огромных особняках с десятками слуг. Тем не менее, в школе их заставляли жить в чисто спартанских условиях. Как писал журналист-историк Николас Леман, цель «состояла в том, чтобы предотвратить превращение богатых мальчиков в плейбоев или слюнтяев. Их учили быть не преуспевающими (никто не сомневался, что они-то будут преуспевать), а добродетельными и полезными»²³. Сегодня такие средние школы, как Гротон и Андовер, и университеты, подобные Гарвардскому и Йельскому, учат своих выпускников преуспевать или, по крайней мере, сделать благополучную карьеру. А воспитание в духе добродетельности и общественной полезности считается вмешательством в личную жизнь, назидательностью и излишней требовательностью. Один давнишний выходец из Гротона так вспоминал посещение родной школы в наше время: «Спальни выглядят похоже, но теперь там стоят стереосистемы и телевизоры, полно всяких удобств, каких только можно пожелать. По сравнению с теми днями, которые провел там я, общая картина напоминает питомник для фазанов. Нам сознательно отказывали в роскоши, а им выдают ее сполна». Мы не говорим о том, что школы типа Гротона, утратили прежнее качество. Но, как и общество в целом, они в основном сосредоточены на успехе и гораздо меньше – на формировании характера*.

Легко насмехаться над англо-американской элитой за ее надменный патернализм, возникший из чувства культурного превосходства. Тем не менее, она была носителем определенных идеалов – честной игры, порядочности, свободы и протестантского понимания своей миссии, – которые помогали ус-

* Власть бывает не только финансовой или политической. Средневековая теория о сословиях и гильдиях основывалась на представлении, что те, кто обладает специальными знаниями, несут особую ответственность. Если это звучит старомодно, поразмыслим над словами, которые мне сказал один из ведущих биологов Северной Америки: «Тех, кто знает, как приготовить действительно опасный состав или вещество, способное убить десятки тысяч людей, всего несколько десятков. Поэтому я чувствую себя не в своей тарелке. Я не знаю, что делать с такой властью». Ни он, ни общество не продумали, как ему следует поступать со своим знанием. С повседневной точки зрения, он просто ученый из лаборатории, а не аристократ. Тем не менее, он располагает большей властью (правда, потенциальной), чем когда-либо было у любого из европейских князей.

* Такая тенденция, вероятно, еще более четко проявляется в других конкурентоспособных средних школах. Но в случае с известными школами Новой Англии, где готовят к поступлению в колледжи, можно наблюдать такой сдвиг в сравнении с их же собственным прошлым, когда там делали прямо противоположное – чрезмерно нажимали на формирование характера и слишком мало уделяли внимания развитию стремления к успеху.

танавливать нормы для всего общества. Бесспорно, эти кодексы были искусственными, этноцентричными и подчас лицемерными. Их нередко нарушали и вспоминали чаще в случае нарушения, а не соблюдения. Но что из того? «Лицемерие, – писал историк Джон Люкакс, – это цемент, скрепляющий цивилизацию воедино». Нормы отражают высшие устремления общества, а не его сложную реальную жизнь. Если влиятельные люди признают, что есть известные стандарты поведения, то тем самым они ограничивают собственную власть, пусть даже не непосредственно, и подают обществу сигнал: «Вот к чему мы стремимся».

Наконец, приведем пример, который может оказаться полезным для объяснения того, насколько изменились наши представления об американской элите²⁴. Среди множества отклонений фильма «Титаник» от подлинной истории одно особенно важно. В кино, когда корабль тонет, пассажиры первого класса пытаются забраться в спасательные шлюпки, число которых ограничено. Только решительность закаленных моряков, которые с оружием в руках отгоняют плутократов, цепляющихся за борта лодок, позволяет попасть туда женщинам и детям. По рассказам выживших в той катастрофе, на самом деле представители высших классов практически без исключений соблюдали правило «сначала женщины и дети». Об этом неопровержимо свидетельствует статистика. В первом классе были спасены все дети и почти все из 144 женщин (за исключением пяти из них, причем трое сами предпочли умереть вместе со своими мужьями), а 70 процентов мужчин погибли. Во втором классе, которым также путешествовали хорошо обеспеченные представители различных профессий, были спасены 80 процентов женщин, а 90 процентов мужчин утонули. На «Титанике» мужчины из списка пассажиров первого класса фактически составляли тогдашний список «Форбс-400». Как рассказывают, Джон Джейкоб Астор – по всеобщему мнению, самый богатый человек Америки на тот момент времени – пробился к шлюпке, но отказался занять в ней место, а только посадил туда свою жену, помахав ей рукой на прощание. Бенджамин Гугенхайм также отказался от места в лодке, уступив свое место одной из женщин. Он лишь попросил, чтобы она

передала сообщение ему домой: «Скажите моей жене, что я играл по правилам до конца. Ни одна женщина не окажется оставленной на борту этого корабля из-за того, что Бен Гугенхайм оказался трусом». Иными словами, некоторые из самых влиятельных в мире людей твердо придерживались неписаного кодекса чести – хотя это сулило им верную смерть.

У кинематографистов было веское основание исказить историю: сегодня в нее никто не поверил бы. Мы освободили высшие классы от всякого чувства ответственности, и они с удовольствием пошли нам в этом навстречу. В современном представлении они – такие же обычные люди, как и мы. Мы ведем себя так, как будто общество настолько демократично и динамично, что у него фактически отсутствует управляющая элита. Однако она есть. Богатые и влиятельные люди будут существовать всегда. Мы можем только требовать от них признания того, что их привилегиям сопутствуют обязанности. Социальные условности, профессиональные ассоциации, нравственные суждения, подготовительные школы, кодекс джентльмена – все это было попытками цивилизовать сильных мира сего. В прошлом американское общество ожидало от этих людей, что они будут достойно вести себя и каким-то образом участвовать в публичной жизни страны.

Недалеко от парка «Восточный Потомак» в Вашингтоне стоит запоминающийся памятник – статуя мужчины с распростертыми, как у Христа, руками и надписью на пьедестале: «Храбрым мужчинам с “Титаника”, отдавшим свои жизни за то, чтобы могли быть спасены женщины и дети». Памятник был возведен на добровольные пожертвования 25 тысяч женщин всей Америки. Когда лидеры общества жили в соответствии со своими идеалами, им воздавали почести. Если они не соответствовали идеалам, общество выражало глубокое разочарование. Сегодня мы, напротив, ожидаем от власть имущих очень немногого – поэтому они нас редко разочаровывают.

Заключение

Что делать

XX столетие отмечено двумя важнейшими тенденциями: регулированием капитализма и дерегулированием демократии. Оба эксперимента продвинулись весьма далеко, обеспечив разумное решение проблем своего времени, вызванных «диким» капитализмом и всевластием олигархии. Однако, как отмечал в одной из своих комических новелл Ивлин Во, самая прекрасная идея хороша «лишь до определенного предела».

На заре XX века свободные рынки и свободная торговля казались неизбежным путем будущего развития. Все страны мира торговали друг с другом, раскрывая свои рынки, а фактически – общества. Торговля быстро росла. Однако в годы перед Первой мировой войной, а затем гиперинфляции и Великой депрессии произошел перелом в политике невмешательства в экономику. С тех пор, какая бы ни возникала проблема – экономическая, социальная, политическая, – ее решения искали путем вмешательства со стороны государства. Каждый кризис рождал новые формы регулирования и, соответственно, новую бюрократию. В результате большую часть XX века капитализм находился под бременем налогообложения, лицензирования и контроля, а порой даже сталкивался с угрозой национализации. Еще в 1945 году это позволило выдающемуся английскому историку А.Дж.П. Тейлору утверждать: «Никто не верит в американский образ жизни, а именно – в свободное предпринимательство». В 1961 году во время визита английской королевы Елизаветы Второй в Гану ее приветствовали как «величайшего в мире социалистического монарха», что даже правительство тори восприняло в качестве компли-

мента. Когда в 1971 году консерватор-республиканец Ричард Никсон ввел в экономике США контроль за уровнем цен и заработной платы, заявив: «Теперь мы все – кейнсианцы», он выразил широко распространенное даже в Америке мнение, что капитализм должен находиться под докучливым управлением государства.

Что касается демократии, то она развивалась в прямо противоположном направлении. «Средство от болезней демократии, – писал влиятельный американский философ Джон Дьюи в 1927 году, – заключается в еще большей демократии». Это были пророческие слова. Большинство проблем, с которыми столкнулись демократические государства в течение XX столетия, порождено расширением права голоса, ограничением не прямых выборов, падением влияния элитарных групп и вовлечением в политический процесс все более широких слоев населения. Результаты впечатляют. В США они состоят в следующем: афроамериканцы и женщины получили право голоса, сенаторов стали избирать прямым голосованием, партии начали выдвигать своих кандидатов на основе народного волеизъявления, изменились характер политических группировок и правила их поведения. Политическая история XX века сводится к постоянному расширению участия масс во всех сферах жизни и приобретению им все более непосредственного характера. Успех в той или иной сфере вел к дальнейшему расширению масштабов демократии. Она стала считаться решением всех проблем.

К 1970-м годам регулирование капиталистической экономики превзошло все разумные пределы. Его результатом стали чересчур высокие налоги и запутанная система государственного контроля. На протяжении двух последних десятилетий правительства всех стран мира – от Соединенных Штатов до Франции, Индии, Бразилии – осуществляли дерегулирование целых отраслей, приватизацию крупнейших компаний и снижение таможенных тарифов. По мере того, как выдыхался экономический бум конца 1990-х годов, возникла необходимость в пересмотре характера регулирования капиталистического хозяйства и концепции роли государства в нем. Однако возврат к дирижистским методам прежних по-

колений маловероятен. Государство ушло с командных высот в экономике.

Дерегулирование демократии также зашло слишком далеко. Оно породило громоздкую систему, неспособную обеспечить надлежащее управление и внушить людям уважение к себе. Хотя никто не отваживается плохо отзываться о современной демократии, люди подспудно чувствуют наличие проблемы. Во всех развитых демократических странах уважение общества к политикам и политическим системам как никогда низко. Что интересно, когда американцев спрашивают, какие общественные институты они уважают больше всего, во главе списка неизменно оказываются три организации: Верховный суд, вооруженные силы и Федеральная резервная система. Все они имеют одну общую черту: они не подвержены давлению со стороны общества и функционируют недемократическим образом. Судя по всему, американцы восхищаются этими институтами именно потому, что они играют активную, а не пассивную роль. И наоборот, наиболее представительный и восприимчивый к мнениям людей политический институт — Конгресс — занимает последнее место в большинстве опросов общественного мнения. Люди взирают на беспомощность и паралич власти с тревогой и раздражением. Тем не менее процессы, сделавшие подобную ситуацию неизбежной, по-прежнему считаются прогрессивными.

Делегированная демократия

Когда ставки слишком высоки, мы не беремся сами решать вопросы текущей политики. Ни одна из демократических стран никогда не вела войн, определяя их необходимость с помощью еженедельного голосования. Борьбу с терроризмом могут осуществлять только правительства, которым общество предоставляет значительную свободу действий. Ныне налицо не только новые угрозы, но и новые требования к государству. Демократическим государствам необходимо продемонстрировать свою способность эффективно обуздать терроризм, иначе во многих развивающихся странах будет укрепляться авторитаризм. Развивающимся странам, особен-

но в исламском мире, нужно добиться нелегкого компромисса. Государство там должно оставаться достаточно сильным, чтобы противостоять новым террористическим угрозам, но одновременно стать достаточно открытым и демократичным, чтобы не плодить политическую оппозицию экстремистского толка. Иными словами, следует уничтожить терроризм, а не воспроизводить его. Когда все делается правильно, соединение мощи, легитимности и эффективности государства может дать положительный синергетический эффект. В противном случае формируется порочный круг насилия: репрессии порождают экстремизм, который вызывает необходимость еще больших репрессий. Печальную иллюстрацию столь негативного развития событий являет собой подход России к Чечне.

Глобализация породила свой набор проблем. Растущая открытость экономики заставляет правительства придерживаться в своей политике жесткой дисциплины, чтобы поддерживать финансовую стабильность в долгосрочной перспективе. Если какие-то страны поступают иначе, то глобальный рынок наказывает их быстрее и жестче, чем когда бы то ни было раньше, обрушивая национальные валюты и фондовые индексы. Однако подобная долгосрочная экономическая политика имеет негативные последствия в краткосрочном плане, в частности — для избирателей. Изменение демографической ситуации ставит западные правительства перед необходимостью урезать систему социального обеспечения, особенно пенсионного. Это оказывается практически невозможным, поскольку граждане старшего поколения сильны политически, хорошо организованы, делают взносы в предвыборные фонды, имеют могучее лобби и регулярно участвуют в выборах. Однако подлинная реформа будет неизбежно означать урезание их социальных пособий. При разработке долгосрочной экономической политики правительствам нужно принимать трудные решения и находить силы устоять перед искушением угодить всем. Единственно возможный способ достичь этого в современном демократическом государстве заключается в частичном ограждении тех, кто принимает решения, от мощного воздействия со стороны заинтересованных групп,

лоббистов и политических кампаний, иначе говоря – от чрезмерного давления демократии.

Это уже происходит. В последние десятилетия особенно выразительным примером данной тенденции является создание независимых центральных банков, подобных Федеральной резервной системе США. В наиболее развитых демократических странах самые мощные экономические рычаги находятся ныне в руках невыборных органов. И это приносит свои плоды. Несмотря на некоторые проблемы, независимость центральных банков в целом приводит к более ответственной монетарной политике. Благодаря большей финансовой дисциплине деловой цикл, прежде развивавшийся скачкообразно и стремительно, становится все более сглаженным. Спад 2000–2002 годов, последовавший за самым продолжительным за последние полвека бумом, до сих пор (на момент написания книги) не столь глубок, как многие опасались.

Центральные банки – не единственный пример этого явления. В Европе сейчас нередко паникуют по поводу недемократической сути Европейского Союза, а «евроскептики» часто приводят его в качестве наиболее яркого образчика недемократического способа осуществления политики. Однако неудобная правда заключается в том, что ЕС эффективен именно потому, что огражден от политического давления. К 1970-м годам огосударственная экономика европейских стран стала плохо функционировать, поскольку правительства были парализованы давлением мощных групп интересов, причем большинство из них выступало за протекционизм и абсолютно все – против каких-либо изменений. В последнее десятилетие Европа смогла провести важные реформы – налоговую, денежную, в области государственного регулирования – исключительно благодаря мощи ЕС. Когда же Союзу не удавалось изменить свою политику, это происходило по вине демократически избранных правительств стран-членов. Ни у одной из основных политических партий Европы не хватало мужества защищать структурные реформы, хотя всем было известно, что они необходимы для процветания континента в длительной перспективе. «Европейский Союз является главным, а фактически – единственным, фактором рыночных реформ на континен-

те, – заявляет главный редактор немецкой газеты “Ди цайт” Йозеф Йоффе. – Без Брюсселя мы не дерегулировали бы ни одну из основных отраслей». Если бы не опасение выйти за рамки маастрихтских критериев, такие страны, как Италия, никогда не продвинулись бы в направлении снижения бюджетного дефицита. Без Брюсселя не было бы подвижек в реформировании расточительной европейской системы субсидирования.

В англо-американском мире Европейский Союз часто представляют в карикатурном виде. Если американцы и британцы (сейчас мучающиеся над вопросом, присоединяться ли им к общеевропейской валюте евро) и имеют какие-то мнения на сей счет, то они вульгарны и наивны. ЕС якобы слишком велик, раздут, недемократичен и сводит на нет чарующее разнообразие европейской жизни. (Шутка ли: «Невыборные бюрократы из Брюсселя указывают английским пивоварам, как варить эль!» Однако стоит напомнить, что многие из своеобразных местных традиций фактически являются протекционистскими барьерами, ограничивающими конкуренцию.) В Великобритании и США Европу чаще всего критикуют те, кто горячо поддерживает капитализм и свободу торговли. Однако на европейском континенте (то есть там, где ЕС реально действует), его противниками являются люди противоположных убеждений. Своим скептицизмом в отношении Европейского Союза и евро известна Дания. Ее бывший премьер-министр, экономист по образованию, Пауль Нироп Расмуссен объяснил, что большинство датских оппонентов Союза – «это люди, опасющиеся глобализации, а именно – низкоквалифицированные рабочие, женщины, государственные служащие. ЕС представляется им всего лишь частью новой системы глобального капитализма и свободных рынков». Вот почему существуют Европейский Союз и аналогичные ему организации. Несмотря на всю их критику, реальность такова, что в сегодняшнем мире ни одно государство не может устанавливать процентные ставки или проводить антитрестовскую политику путем плебисцита. Во многих странах (в том числе в Великобритании и Соединенных Штатах) то, за что несет ответственность Брюссель, а именно – регулирование,

торговая, денежная и антитрестовская политика, в основном также ограждено от политического давления

Институты типа Европейского Союза нередко обвиняют в чрезмерных полномочиях и безответственности, но на деле это не так. Начнем с того, что компетенцию ЕС сильно преувеличивают. Бюджет, которым распоряжаются в Брюсселе, составляет немногим более одного процента совокупного ВВП стран Союза. Один из лучших американских специалистов по Европе Эндрю Моравчик указывает, что без учета переводчиков и канцелярских клерков в Европейской Комиссии работают всего 2,5 тысячи служащих – то есть «меньше, чем в муниципалитете любого среднего по размерам европейского города, и менее одного процента численности государственных служащих в одной только Франции». Что касается недемократической природы ЕС, то для прохождения там любого нового закона необходимо более 71 процента голосов [с учетом квот национальных правительств] – то есть «больше, чем требуется для принятия поправки к американской конституции». Моравчик убедительно доказывает, что Европейский Союз следует воспринимать в качестве скорее международной организации, нежели супергосударства. Как и большинство подобных организаций, ЕС отражает пожелания стран-участниц. Его полномочия в последнее время не расширяются, а наоборот, в большинстве случаев сокращаются с целью оптимизировать распределение властных функций между Европейской Комиссией и странами-членами, а также внести ясность в их взаимоотношения. Современная тенденция заключается не только в расширении Союза, но и в его реорганизации для более эффективного решения уже заявленных задач.

Проблема легитимности

Тем не менее, тревоги по поводу Европейского Союза высвечивают центральную проблему развитых демократических стран. Возрастают требования к улучшению системы управления, хотя в эру демократии бюрократия возникает в результате неизбежного недостатка легитимности. Такие популисты, как Жан Мари Ле Пен во Франции, Пэт Бьюкенен в

Соединенных Штатах и Йорг Хайдер в Австрии выступают против власти наднациональных институтов. Они напевают на реальное и понятное чувство отчужденности. В условиях, когда растут процентные ставки, заключаются торговые соглашения, осуществляется дерегулирование отдельных отраслей, популисты протестуют против того, чтобы все это делалось некими бесконтрольно действующими органами. Однако эти институты функционируют эффективно именно в силу их удаленности от повседневной политики. Они приносят огромную пользу рядовым гражданам благодаря повышению темпов экономического роста, производительности, стабильности налоговой среды и расширению экономических возможностей. Как же решить возникающую проблему и получить эффективные, но одновременно легитимные органы управления?

Не стоит искать ответа у теоретиков демократии. В настоящее время сотни невыборных органов заняты оказанием помощи демократически избранным правительствам в принятии решений. Тем не менее, большинство политических философов, пишущих сегодня на тему демократии, активно выступают за всеобщее и неограниченное народовластие. По-видимому, они не осведомлены о проблемах, делающих необходимыми невыборные институты, и не замечают того факта, что эти органы чутки к пожеланиям своих демократически избранных хозяев. Наши теоретики с удовольствием присоединяются к уличным протестам против мирового правительства. Они поют хвалебные гимны народу и настаивают на его еще более прямом участии в политическом процессе (правда, за исключением университетов, система управления которыми до сих пор напоминает средневековую). Иначе говоря, политическая философия мало связана с реалиями нашего времени.

По большому счету, проблему демократической легитимности также усугубили политики. Охотно передав решение сложных проблем невыборным органам, они затем театрально обличают их. Так, французские политики с удовольствием пользуются всеми выгодами, связанными со снижением дефицита государственного бюджета. Однако, когда им необходимо еще урезать бюджетные расходы, то они напоминают своим избирателям, что эта неприятность – целиком на совести

злонамеренного Европейского Союза. «Не осуждайте нас, этого требует Брюссель», – вот популярное извинение правящего класса Европы. Не следует удивляться, что результатом становится углубление кризиса легитимности ЕС.

Эта проблема будет обостряться и дальше. В плеяде важнейших организаций, имеющих обширные полномочия и находящихся вне непосредственного влияния рядовых граждан, Всемирная торговая организация одной из последних навлекла на себя «девятый вал» критики. Хотя программы антиглобалистских группировок разношерстны и нередко противоречивы, все они сходятся в том, что органы типа ВТО таят в себе опасность. Частично эта обеспокоенность обоснованна: деятельность таких органов следует сделать более открытой. Однако в действительности Всемирная торговая организация функционирует эффективно именно в силу того, что ограждена от давления со стороны широкой публики. Как мы уже показали, быть открытым «людям» на практике означает подверженность воздействию организованных политических интересов, обычно представляющих различные меньшинства. Если бы внешнеторговые переговоры велись только на основе принципов демократии, то они были бы застопорены исключениями, оговорками и уступками в пользу политически влиятельных групп. Сельское хозяйство стран Запада – одна из сфер, в которой так и не достигнуто крупных соглашений на основе принципов свободной торговли, – остается чрезмерно дорогим и неэффективным именно в силу того, что небольшие группы богатых фермеров поставили демократическую систему себе на службу. В торговой политике принцип «больше демократии» будет означать расширение таких экономических мер, как субсидии сельскому хозяйству.

Современная система ВТО и предшествовавшего ей Генерального соглашения по тарифам и торговле обеспечила исключительно положительные результаты. Расширение международной торговли – главное экономическое достижение последних 50 лет, обеспечившее резкое снижение нищеты и болезней на нашей планете. За эти полвека мир добился большего экономического прогресса, чем за пять предыдущих столетий. Неужели мы действительно хотим разрушить систему,

обеспечившую такой прогресс, заставив ее функционировать по образу и подобию законодательных органов Калифорнии?

Западным политикам следует проникнуться духом ВТО, ЕС, Федеральной резервной системы и иных подобных организаций, а не идти по пути их ослабления или отказа от них. Эти организации следует защищать от хулы, указывая на то, что они являются глубоко демократическими именно в том смысле, который вкладывал в это понятие Мэдисон. Можно по-разному относиться к рецептам Джеймса Мэдисона, однако он и его сподвижники-федералисты провидчески – еще в 1789 году! – указывали, что самая сложная проблема общенародного правления будет связана с частными интересами. Мэдисон признавал, что по сути дела такие интересы представляют собой одну из форм проявления свободы самовыражения, и понимал, что не существует простого способа запретить их. В конечном счете, наибольшие надежды Мэдисон стал возлагать на структуру самой системы власти в США. По его мнению, наибольшая сила Америки заключалась в том, что страна была республикой, а не демократией в чистом виде. Это означало, что выработка государственной политики осуществлялась не напрямую, под воздействием эмоций или чьих-то узкогрупповых интересов. Путем «делегирования власти» группе граждан, выбранных остальным населением, становилось возможным «фильтровать и расширять общественные взгляды, пропуская их через орган управления, избранный из числа граждан, чья мудрость помогает наилучшим образом разглядеть истинные интересы страны, чьи патриотизм и приверженность справедливости не будут принесены в жертву временным или каким-либо частным соображениям».

Его слова могут прозвучать старомодно, но в них заключена абсолютно современная идея: делегирование полномочий. Чем более специализированной становится наша жизнь, тем больше полномочий мы делегируем. Прежде всего, именно таков способ управления современным бизнесом. Акционеры владеют компаниями, но передают управление ими в руки людей, которые могут посвятить этому время и энергию, будучи специалистами в своей области. Акционеры сохраняют за собой конечный контроль, но признают, что сами не в

состоянии управлять корпорациями. Это не значит, что некоторые высшие должностные лица не злоупотребляют предоставленными им полномочиями; однако в таком случае акционеры могут наказать их – что происходит весьма часто.

По мнению отцов-основателей США, делегированная демократия должна была обеспечить большую эффективность управления, поскольку его осуществлением занимались бы люди, заинтересованные в конечном результате, опытные в публичных делах и вместе с тем подотчетные народу. Помимо прочего, для Мэдисона это был механизм, посредством которого сдерживалось бы давление узкогрупповых и недалеко-видных интересов на политику; то есть речь шла именно о той проблеме, с которой мы сталкиваемся сегодня. Однако несмотря на возрастание специализации и акцент на делегирование полномочий во всех других сферах жизни, в политике развивается противоположная тенденция. Если в сфере бизнеса вы начнете доказывать, что большой компанией может управлять любой дилетант и что для этого необязательно наличие делового опыта, вас сочтут чудаком. Сказав то же самое о правительстве, вы прослышите мудрецом. Получается, что хотя мы не способны самостоятельно заполнять свои налоговые декларации, писать завещания или отлаживать свои компьютеры, принимать законы мы можем сами.

Меньше – значит больше

Сегодня нам необходима такая политика, в которой демократии было бы не больше, а меньше. Под этим я подразумеваю не то, что следует опираться на сильные личности или диктаторов, а скорее то, что надлежит задаться вопросом: «Почему отдельные институты нашего общества, такие как Федеральная резервная система и Верховный суд, функционируют эффективно, а другие, такие как законодательные органы, – столь плохо?». Именно этот вопрос в 1997 году рассмотрел в своем интереснейшем эссе в журнале «Форин афферз» профессор Принстонского университета Алан Блиндер¹. Блиндер дважды работал в правительстве – вначале в Белом доме (в Совете экономических консультантов), а затем в Федераль-

ной резервной системе в качестве вице-президента. В своем эссе он отметил, что политику Белого дома определяют, скорее, краткосрочные соображения, тогда как решения, принимаемые Федеральной резервной системой, основывались на оценке социально-экономических и правовых аспектов политики. Этим различием в большой степени объяснялось неизменно высокое качество принимаемых ФРС решений.

Блиндер доказывал, что решения, принимаемые Федеральной резервной системой, ограждены от влияния политиков по трем причинам. Первая заключается в том, что процентные ставки являются предметом узкопрофессионального интереса; в их регулировании разбираются только специалисты, но не дилетанты. Вторая причина: монетарная политика проводится с расчетом на долгосрочную перспективу и, следовательно, требует настойчивости и последовательности. Наконец, негативные последствия борьбы с инфляцией в форме более высокого уровня безработицы сказываются значительно раньше, чем приносимые этой борьбой выгоды в виде снижения себестоимости товаров, более низких ставок процента и так далее. В результате, эффективную политику процентных ставок невозможно выработать в атмосфере господства соображений краткосрочного характера. И далее Блиндер признается, что «в голове вертится противная мыслишка: доводы в пользу независимости ФРС точно так же убедительны и в отношении целого ряда других сфер управления. Принятие многих решений требует профессионального комплексного подхода, поскольку их последствия проявятся лишь в будущем». В качестве конкретных примеров он ссылается на здравоохранение, охрану окружающей среды и налоговую политику.

Рассмотрим федеральный подоходный налог, существующий в США. Впервые появившись в 1914 году, американский Налоговый кодекс целиком уместился на 14 страницах, а для сведений о личных доходах, подлежащих обложению, хватало одного листа бумаги. В настоящее время Кодекс составляет свыше 2000 страниц, его дополняют 6000 страниц инструкций, а также десятки тысяч страниц правил и их разъяснений. Служба внутренних доходов публикует 480 налоговых форм

и 280 образцов с пояснениями к ним. Точных данных по поводу того, во что американцам обходится выполнение этих запутанных правил, нет; некоторые оценки зашкаливают за 600 миллиардов долларов ежегодно, однако большинство ученых останавливается на цифре около 100 миллиардов долларов, то есть приблизительно 15 процентах совокупных поступлений от подоходного налога (порядка 375–450 долларов на человека ежегодно). Декан экономического факультета Гарвардского университета Дэйл Йоргенсон считает, что переход к плоской шкале налогов на потребление позволил бы собирать в казну государства столько же доходов, как и при нынешней системе обложения, одновременно обеспечив рост ВВП более чем на 200 миллиардов долларов в год.

Налоговый кодекс стал трудоемким, сложным и дорогим по одной простой причине: из-за демократических процедур. Для политиков они предоставляют прекрасную возможность финансировать излюбленные программы, группы и компании, не привлекая излишнего внимания. Прямая субсидия будет замечена общественностью; небольшое изменение в налоговом законодательстве – нет. Корпорации с очень похожими балансовыми отчетами могут платить очень разные налоги в зависимости от того, есть ли у них эффективные лоббисты, способные подвигнуть Конгресс переписать Налоговый кодекс в их пользу. Нередко новые законы готовятся в интересах столь узкого круга субъектов, что фактически оборачиваются субсидированием конкретных компаний. Хотя каждая отдельно взятая налоговая льгота может показаться незначительной, общие затраты поражают воображение: по итогам 2001 года они составили в совокупности более 550 миллиардов долларов недополученных федеральным правительством доходов. Некоторые из этих «налоговых расходов» предназначены для поддержки программ, имеющих широкое общественное значение; однако другие (типа узкоспециализированных налоговых льгот отдельным отраслям) могут быть охарактеризованы лишь как «социальное обеспечение для корпораций».

Все американцы, независимо от политических взглядов, согласны с тем, что существующий Налоговый кодекс громоздок, неэффективен и несправедлив. Кроме того, никто не ве-

рит, что он когда-нибудь будет реформирован, поскольку соответствующие вопросы решаются путем демократических процедур. Блиндер указывает на тот факт, что все три причины, по которым Федеральной резервной системе предоставлена независимость, не менее справедливы применительно к налоговой политике. Он предлагает создать независимый федеральный налоговый орган, похожий на ФРС. Конгресс будет определять лишь общие направления и принципы его деятельности, а на этой основе будет разрабатываться налоговое законодательство. Затем Конгресс будет ставить законы на голосование без права вносить в него поправки. Вряд ли такую систему можно считать безукоризненной, но, несомненно, с ее помощью удалось бы разработать более эффективный Налоговый кодекс, нежели существующий в настоящее время.

Правительство Соединенных Штатов уже пробует делегировать полномочия в некоторых сферах. На президента обычно возлагаются полномочия по заключению внешнеторговых соглашений, которые затем представляются на рассмотрение в Конгресс в качестве единого пакета. Конгресс ставит закон на голосование без права внесения поправок. Конгресс воспользовался подобной же процедурой в начале 1990-х годов, когда по окончании «холодной войны» страна встала на путь демобилизации и потребовалось закрыть дюжины военных баз. Попав в патовую ситуацию, законодатели осознали, что единственный разумный путь ее разрешения заключается в выводе всего процесса за рамки политических процедур. В противном случае все конгрессмены выступали бы за закрытие военных баз – но только не в собственных избирательных округах. Поэтому они перепоручили решение относительно того, какие базы следует закрыть, надпартийной комиссии. Окончательный список был представлен в конгресс для пакетного голосования – принять или отклонить – без права изменения. Подобный процесс хорошо зарекомендовал себя, сочетая эффективное управление с демократическим контролем.

Делегирование полномочий является современным эквивалентом стратегии, которой воспользовался странствующий герой Гомера Одиссей, проплывая мимо острова сирен, чьи песни заставляли людей бросаться в море. Одиссей велел сво-

ей команде залепить уши воском с тем, чтобы они не могли слышать призывы сирен. Что касается Одиссея, то он хотел услышать музыку, поэтому сам он крепко привязался к мачте корабля, а спутникам сказал, чтобы они несмотря ни на что не отвязывали его. Когда путешественники вступили в коварные воды, зов сирен подействовал на Одиссея и он начал требовать освободить себя. Однако его спутники придерживались первоначального приказа и оставили Одиссея связанным. В результате корабль и вся команда вышли из испытания невредимыми. В настоящее время политикам все чаще следует «привязывать» себя к государственному кораблю, чтобы миновать бурные политические воды.

Цена вопроса

В развивающихся странах потребность в делегировании полномочий еще острее из-за более высокой цены вопроса. Там правительства должны постоянно демонстрировать последовательность и дисциплину, иначе рынки быстро утратят к ним доверие. В долгосрочной политике необходимо акцентировать внимание на вопросах городского развития, образования и здравоохранения, иначе общество постепенно впадет в стагнацию или даже в анархию. Политика, нацеленная на перспективу, обеспечивает громадные дивиденды, а забота лишь о текущих потребностях оборачивается колоссальными издержками.

В целом, диктаторы не смогли добиться лучших результатов, чем демократы. Скорее, наоборот. Большинство диктаторов превратили свои страны в руины с целью личной наживы. Ученые задавались вопросом, в каких случаях демократия помогает, а в каких наносит вред экономическому росту бедных стран. Несмотря на многочисленные исследования, окончательного ответа не найдено². Однако на протяжении последних 50 лет практически все «истории успеха» в развивающемся мире происходили при либеральных авторитарных режимах, будь то на Тайване, в Южной Корее, Сингапуре, Чили или даже в Китае. Правительства, сумевшие сделать правильный выбор в пользу долгосрочных целей, добивались интен-

сивного роста экономики, а также повышения уровня грамотности, продолжительности жизни и образованности населения. Трудно предположить, что с помощью демократии в «третьем мире» можно было добиться столь же устойчивых темпов роста, как демонстрировали перечисленные страны. Государства, свернувшие с пути реформ, быстро попадают в безвыходное положение из-за необходимости субсидировать политически мощные группировки. Индия оказалась не в состоянии заниматься стратегическими преобразованиями в основном из-за того, что ее политики не хотели причинять своим избирателям неудобств, пусть даже временных. В результате, несмотря на все свое демократическое величие, страна скатывается все ниже практически по всем показателям человеческого капитала: продолжительности жизни, младенческой смертности, здоровья, грамотности, образования. В настоящее время (по состоянию на 2002 год) по «индексу человеческого развития» ООН она располагается на шокирующем 124 месте (из 173) – позади не только Китая, но даже Гватемалы, Боливии и Сирии и, причем намного, Кубы. Западные интеллектуалы часто восхваляют такие страны, как Индия. Однако уместно спросить: «А действительно ли демократия работает там на благо народа?».

Решение проблемы заключается не в отказе от демократии в «третьем мире». Демократия имеет колоссальные достоинства независимо от того, к каким результатам она приводит в области развития и роста. Ей присущи реальные экономические преимущества. Она не обязательно приводит к успеху, но обычно оберегает от наихудшего развития событий. Выборы не гарантируют, что на вершине власти окажется человек типа Ли Куань Ю; тем не менее, там не окажется тиран, подобный Мобуту Сесе Секо. И все же само по себе упование на демократию не является решением проблем. Должен существовать способ заставить демократическую систему работать таким образом, чтобы она не приводила к печальным результатам из-за превалирования в политике краткосрочных целей. В бедных странах цена вопроса слишком высока.

Одним из способов решения проблем может стать та или иная форма делегирования полномочий. Центральные банки

должны обладать большими полномочиями, и соответствующий процесс уже идет. Аналогичным образом, суды должны быть независимыми. С целью усиления судебной власти и борьбы с коррупцией министерствам юстиции и правоохранительным органам также следует предоставить большую самостоятельность. Во многих американских институтах, таких как Федеральная резервная система, Комиссия по ценным бумагам и биржам, Федеральное бюро расследований, руководителей назначают на длительные сроки (7–10 лет), что не совпадает с избирательным циклом. Это сделано сознательно, чтобы несколько дистанцировать их от политики.

Ключевой сферой, где могут быть достигнуты новые креативные решения, является экономика. Процесс принятия решений на этом поприще следует отделить от повседневной политики. Министр финансов в стране «третьего мира» должен иметь возможность представлять ежегодный бюджет в едином пакете, в который нельзя вносить поправки и который может быть либо одобрен, либо отклонен целиком. (Благодаря своей парламентской системе и жесткой партийной дисциплине Великобритания осуществляет такой подход без излишних формальностей и в результате имеет репутацию страны, способной проводить эффективную фискальную политику). Можно пойти еще дальше и позволить министру экономики занимать свой пост дольше обычного срока (как в случае с главой Федеральной резервной системы), чтобы отставка правительства из-за политического кризиса автоматически не означала провала экономической реформы. Ни одна из предлагаемых мер полностью не удалит политику из экономического процесса. Этого и не нужно. Политика жизнеспособна, в ней люди утверждают себя демократическими средствами. Любая политика – реформаторская или наоборот – нуждается в поддержке. Однако в сложных условиях стран «третьего мира» важно ослабить чрезмерное давление политики на деятельность государства и изменить соотношение сил таким образом, чтобы система работала лучше. Конечно, это не гарантировано. Некоторые министры и бюрократы будут злоупотреблять возложенными на них полномочиями. Другие будут проводить нелепую политику, пусть и исходящую

из лучших побуждений. Однако, возможно, предлагаемая система будет работать эффективнее, чем ныне столь широко распространенная в большинстве развивающихся демократических стран и приносящая так мало благ их народам.

Важно подчеркнуть, что подобные изменения полностью совместимы с демократией. Благодаря им полномочия делегируются тем или иным институтам, однако высшая власть через систему выборных представителей остается за населением. Такой контроль следует усиливать. Законодатели должны иметь возможность квалифицированным большинством в 2/3 голосов отменять практически любые протекционистские меры, о которых говорилось выше. Парламентские комитеты должны регулярно наблюдать за работой всех невыборных органов власти. В определенном смысле, эти новые решения являются просто продолжением методов работы некоторых органов государственного управления в Соединенных Штатах. Например, министерство здравоохранения и социального обеспечения формулирует и проводит политику, основанную на общих принципах, выработанных Конгрессом. Законодательная власть осуществляет конечный контроль, но сохраняет за невыборными чиновниками многие конкретные функции. Если этот механизм доказал работоспособность в вопросах социального обеспечения, почему это невозможно в налоговой сфере? Подавляющему большинству политиков следует защищать эти механизмы перед обществом, объясняя, что процесс делегирования может создать разумный баланс между эффективным управлением и демократическим контролем. Учитывая высокую репутацию (по крайней мере, на Западе) судов и центральных банков, люди наверняка примут такую аргументацию.

Делегирование полномочий – явление, существующее не только в политической сфере. Во многих других областях мы сталкиваемся с аналогичным выбором. Что делать: развиваться дальше, теряя контроль, обходя посредников и ломая старые стандарты (например, в экономике и культуре), или сохранить и придать новую форму некоторым руководящим принципам и социальным амортизаторам, традиционно являвшимся неотъемлемой составной частью нашего общества?

Технология объединилась с идеологией, предлагая нам заманчивую перспективу мира без посредников. Вы можете стать своим собственным биржевым маклером, редактором газеты, адвокатом и врачом. Но желаете ли вы этого? Позиции по этому поводу сейчас менее легкомысленны, чем во время экономического бума 1990-х годов. Люди начали признавать, что, возможно, есть веская причина тому, что на протяжении многих столетий в различных сферах жизни существовали посредники. Оказывается, большинство инвесторов охотно согласятся платить чуть более высокое вознаграждение за надлежащее исполнение транзакций с ценными бумагами, за финансово-инвестиционные консультации и даже за старомодное рукопожатие. Люди, которым необходимо решить свои юридические и медицинские проблемы, поняли, что самодиагностика с помощью обращения к интернет-сайтам и общения в интернет-чатах не слишком полезна. В мире журналистики создание собственных веб-сайтов (именуемых «блогами») превозносилось как замена традиционных средств массовой информации. Однако получилось иначе. Лучшие из персональных интернет-сайтов (а некоторые из них очень толковые) стали отнюдь не альтернативой газет и журналов, а путеводителями в них, открывающими читателям новые источники информации и дающими оценку существующих. Для интересующейся публики они стали новыми посредниками. Создатели персональных веб-сайтов считают себя демократами высшей пробы, а на самом деле являются элитой в понимании де Токвиля. Значительная часть Всемирной сети эволюционировала именно в таком направлении: чем более она становится неуправляемой, обширной и хаотичной, тем больше людям требуется помощь, чтобы ориентироваться в ней.

Вперед и вниз

Несмотря на некоторые обнадеживающие признаки, основная тенденция по-прежнему состоит в продолжении демократизации общества. Политики все больше и больше оказываются под влиянием внешних воздействий, в европейских странах общество американизируется, старые институты ста-

новятся более открытыми, профессии и профессиональные гильдии вымирают, а новые технологии вытесняют всяких посредников. Как и в прошлом, все это принесет немало пользы, однако одновременно частично разрушит существующую общественную культуру. Институты и подходы, сохранившие либеральный демократический капитализм Запада, создавались веками. Уже в течение нескольких десятилетий они приходят в упадок. Однако если мы от них откажемся, восстановить их будет трудно. Мы являемся свидетелями их разгрома, но не в силах его остановить – ведь это было бы недемократично. Однако это будет сказываться на политике, экономике, культуре: везде в растущей мере будут доминировать краткосрочные интересы и тенденции. В свое время Эдмунд Берк изобразил общество как единство ушедших, живущих и будущих поколений. В развивающейся системе трудно найти тех, кто высказывался бы от имени будущих поколений.

Между тем общественное разочарование последствиями всех происходящих изменений будет нарастать. Проблемы будут усугубляться, поскольку люди в конечном счете станут отождествлять демократию с тем, во что она превратилась: в систему, теоретически открытую для всех, но на практике управляемую организованным меньшинством богачей или фанатиков, приносящих наше будущее в жертву своим сиюминутным интересам. Это в корне отличается от идей приверженцев прямого демократического правления, считающих, что освобождающийся новый мир, в котором мы будем жить, вновь превратится в города-государства Древней Греции. Оставим на суд читателя правомерность сравнения сегодняшней калифорнийской политики с афинской демократией в период ее расцвета. Однако нельзя забывать, что прямое демократическое правление пытались ввести лишь в ряде некрупных городов античной Греции, где избирательным правом были наделены несколько тысяч человек. Следует также напомнить, что всего через какую-то сотню лет все эти демократии оказались ввергнуты в пучину тирании или хаоса, а нередко и того, и другого одновременно.

Подобное уныние может показаться преувеличенным. Однако если будут развиваться современные тенденции, де-

мократия непременно столкнется с кризисом легитимности, который может привести к ее несостоятельности. Легитимность – это эликсир политической власти. Жан-Жак Руссо заметил, что «наисильнейший никогда не бывает настолько силен, чтобы стать господином, до тех пор, пока не обратит силу в право, а покорность ей – в обязанность». В сегодняшнем мире необходимой властью обладает только демократия. Однако и она может лишиться своей опоры – нашей лояльности. Главная опасность неограниченной и плохо работающей демократии таится в том, что это может поставить под сомнение само понятие о ней как таковой и бросить тень на идею народного правления. Прецеденты тому имеются. Прогресс в развитии демократии сменялся неудачами, когда демократическая система казалась неподходящей, а амбициозные лидеры предлагали иные, альтернативные пути развития, которые горячо принимались разочарованными людьми. Последний из таких периодов разочарования – годы между двумя мировыми войнами в Европе – был использован демагогами, многие из которых эксплуатировали разочарование общества демократией. Следует помнить, что коммунизм и фашизм 1930-х годов не казались тогда столь безумными, как сейчас. Пока демократические страны пребывали в состоянии депрессии и уныния, авторитарные государства спланировали свои общества и маршировали вперед.

Современные демократические государства столкнутся с новыми трудными вызовами – терроризмом, необходимостью приспособления к глобализации, старением населения – и должны будут заставить свою политическую систему работать эффективнее, чем сегодня. Тут подразумевается создание условий для более эффективного демократического принятия решений, новое внедрение конституционного либерализма в практику демократического управления, возрождение разрушенных политических институтов и гражданских организаций. Возможно, самое сложное требование заключается в том, чтобы люди, облеченные в нашем обществе властью, честно выполняли свои обязанности и были настоящими лидерами, соблюдающими не только юридические, но и моральные нормы. Без такого внутреннего содержания демократия превра-

тится не просто в негодную, а в опасную пустую оболочку. Результатом станет эрозия свободы, манипулирование ее идеалами и упадок публичной жизни.

Такой оборот дела стал бы трагедией, потому что при всех своих недостатках демократия представляет собой последнюю надежду человечества. Однако в наше время она нуждается в углублении и защите. 80 лет назад Вудро Вильсон ставил перед Америкой, вступавшей в XX век, задачу сделать мир безопасным для демократии. Вступая в XXI век, мы должны сделать демократию безопасной для мира.

Послесловие

51-й штат

С моей точки зрения, наиболее примечательный эпизод войны в Ираке относится к апрелю 2003 года, когда войска коалиции вступили на территорию страны. Победоносная 101-я воздушно-десантная дивизия входила в город Наджаф, имеющий громадное значение для глубоко религиозного населения юга Ирака – вотчины мусульман-шиитов. Один из жителей города, наблюдая за проходившими мимо войсками, танками и бронетранспортерами, приветственно махал им рукой. Завидев это, репортер «Нью-Йорк таймс» спросил его, почему он приветствует американские войска? Что, по его мнению, принесут они Ираку? Ответ состоял из всего нескольких слов: «Демократию, виски и... секс». Так кто сказал, что «американская мечта» мертва?

Обеспечить Ирак виски и сексом несложно – если этого там действительно не хватало. Однако принести демократию в страну, никогда не знавшую ее, будет крайне трудно. Основная часть этой книги была написана мною за несколько лет до того, как возможность войны против Ирака стала рассматриваться всерьез. Тем не менее, развернутые в книге сюжеты непосредственно затрагивают проблемы этой страны.

На следующий день после формального окончания войны аналитики и политики начали хором повторять: «Теперь наступает самое трудное». В определенном, причем весьма существенном, смысле дело обстоит наоборот. Америке не составит большого труда наладить жизнь в Ираке, установив там правопорядок. Это будет прогрессом по сравнению с тиранией Саддама Хусейна, установившей власть террора, использо-

вавшей против своего народа тюрьмы, пытки и отравляющие газы, систематически истреблявшей шиитов и курдов, а также направлявшей львиную долю национальных ресурсов на укрепление армии и тайной полиции. Если новое правительство Ирака не станет действовать такими же методами, жизнь в стране будет гораздо лучше, чем в предыдущие три десятилетия.

Опасности и возможности

Однако перед США стоит гораздо более фундаментальная задача: построить в Ираке прочную и подлинную демократию. Это важное начинание, дающее шанс избавить арабский мир от чудовищных диктаторов и создать здесь новую политическую модель. Основная идея моей книги сводится к тому, что добиться такой цели будет крайне нелегко. Фактически, содействие построению нового Ирака станет крупнейшим из когда-либо предпринимавшихся Америкой внешнеполитических проектов. В настоящее время профессионализм американской армии позволяет довольно легко добиваться победы в военных действиях. Однако построение демократии, изменение политической культуры и создание нового типа мышления – задачи не менее сложные, чем раньше. Если в военной сфере происходит революция, то становление демократии остается старомодным процессом, требующим постепенности. Чтобы добиться желаемых результатов, Америке следует осознать тот факт, что Ирак стал ее 51-м штатом.

Президент Дж. Буш часто заявлял, что Соединенные Штаты стремятся помочь установлению демократии в Ираке. От также говорил, что США как можно скорее передадут власть самим иракцам. Бесспорно, это политически правильные заявления. Вашингтон не хочет выглядеть оккупантом, поэтому начнет процесс передачи власти иракцам. Тем из них, кто захочет править страной, придется проявлять ответственность и отчитываться за свои действия. Однако мировой опыт политических и экономических реформ подсказывает, что установление в Ираке демократии потребует там значительно американского (или международного) присутствия в тече-

ние многих лет. Америка или быстро уйдет из Ирака, или будет возвращать там демократию – одновременно сделать и то, и другое невозможно.

Проблема не в том, что иракцы не хотят демократии или не способны воспринять ее. Сцены, происходившие в освобожденном Багдаде (как и в Кабуле после афганской войны), свидетельствуют, что нигде в мире люди не хотят подвергаться угнетению. Никакая культура и религия не заставят людей отказаться от своих основных прав. Однако желание иметь демократию и ее реальное обеспечение – разные вещи. В прошедшее десятилетие развивающиеся страны дали множество примеров быстрого перехода к демократии, но затем сбивались с правильного пути.

Конечно, можно провести в Ираке выборы, передать власть иракцам и уйти из страны. Однако главный тезис моей книги состоит в том, что выборы сами по себе не обеспечивают демократии. Взгляните на Россию, где Владимир Путин выигрывает на выборах, но правит автократическими методами. Он вывел из игры своих политических оппонентов, ослабил остальные ветви власти и заставил почти полностью замолчать некогда свободные средства массовой информации. А ведь это один из немногих успешных примеров. В Венесуэле же избранный на пост президента демагог Уго Чавес превратился в диктатора, загоняющего богатую страну в нищету.

Британский политик Пэдди Эшдаун, назначенный «правителем» Боснии, признавал, что система управления там была построена неверно: «Мы считали демократию наивысшим приоритетом, измеряя ее количеством проведенных выборов. В результате, даже спустя несколько лет жители Боснии выказывают усталость от голосования. Кроме того, упор на выборы ослабил наши усилия по обузданию организованной преступности и коррупции, которые препятствуют налаживанию нормальной жизни и притоку иностранных инвестиций. Оглядываясь назад, можно утверждать, что упор надо было делать на обеспечении прежде всего верховенства закона, от чего зависит все остальное: функционирование экономики, свобода и справедливость политической системы, развитие гражданского общества, доверие общества к полиции и судам».

Нефтяное богатство

Вице-президент США Ричард Чейни заявляет, что нефтяные запасы Ирака (вторые по размерам в мире) станут существенным подспорьем для построения там демократии. Это широко распространенное мнение, повторяемое многими не только в администрации США, но и вне ее. К сожалению, справедливо, скорее, обратное. За исключением Норвегии, практически во всех нефтедобывающих странах мира правят диктаторы. И это не случайно. Как и другие природные ресурсы, нефть не способствует построению капитализма, гражданского общества и, следовательно, демократии. На практике нефть тормозит соответствующие процессы. Причины этого объяснены в моей книге. Я называю богатые нефтью страны «государствами-паразитами», поскольку легкие деньги делают необязательной тяжелую работу по построению современного общества.

Вряд ли кто-то из иракцев, ознакомившись с моим анализом, сделает вывод, что стране следует заглушить свои нефтяные скважины и отказаться от использования природных ресурсов. Конечно, делать этого не следует. Тем не менее, стоит задаться вопросом: каким образом максимально ограничить негативные политические и экономические последствия обладания той или иной страной нефтяными богатствами? Главное – вывести эти богатства из-под неограниченного контроля государства. Это может означать приватизацию нефтяной индустрии. Однако в Ираке нефтяные запасы в основном расположены в районах, населенных шиитами, курдами и тюркскими племенами. Приватизация может привести к этническому конфликту (как это произошло в Нигерии). Кроме того, она скорее всего обогатит горстку людей, близких к власти, и создаст коррумпированных олигархов (как это произошло в России). Поэтому, возможно, стоит использовать в качестве образца эффективно действующие государственные нефтяные компании – например, малайзийскую «Петронас».

Наилучшим решением могло бы стать создание общенационального трастового фонда с прозрачной бухгалтерией, находящейся под международным контролем. В нем аккумулировались бы все доходы от нефти, тратить которые разре-

шалось бы только на строго определенные цели, например – на здравоохранение и образование. Всемирный банк осуществлял подобный эксперимент в Чаде – африканском государстве, обладающем немалыми нефтяными запасами. Другим примером успешного использования подобной модели является штат Аляска. Стивен Клемонс из Фонда «Новая Америка» указывает, что на Аляске нефтяные доходы распределяются непосредственно между ее жителями. Поэтому там нет коррупции, обычно возникающей в тех случаях, когда такие доходы попадают в руки государства или олигархов. Здесь можно увидеть сходство с земельной реформой, когда происходит всеобщее распределение богатства (что сыграло решающую роль в становлении демократии в Японии и практически всех остальных феодальных обществах). На мой взгляд, с помощью нефтяных денег предпочтительно создавать пенсионные счета, чтобы побудить иракцев делать сбережения, а не пускать все доходы на текущее потребление.

Другим крупным препятствием на пути Ирака к демократии (но одновременно и значительным преимуществом) является его этническое и религиозное многообразие. В современной истории есть два наиболее успешных примера перехода к демократии – Германия и Япония. Спустя всего десять лет после Второй мировой войны в этих странах сложилась вполне зрелая демократическая система. Правда, это были промышленно развитые и, что еще важнее, этнически однородные государства. Ирак же раздирают национальные и религиозные распри. Из 25 миллионов его населения 15–20 процентов составляют курды, еще 15–20 процентов – арабы-сунниты, 60 процентов – арабы-шииты, а остальные – турки, ассирийцы и христиане.

Более того, в последние годы религиозные, племенные и этнические различия дают о себе знать в Ираке с особой силой. На протяжении последних десятилетий жители этой страны считали себя прежде всего иракцами и лишь затем – шиитами или суннитами. Социалистически настроенная партия БААС стремилась снизить значение принадлежности к той или иной религии или этнической группе, считая это признаками отсталости. Однако в последние десять лет Саддам Ху-

сейн стал поощрять приверженность религии и племенным отношениям. Из светского лидера он превратился в строителя мечетей и инициатора племенных сборищ. На таких мероприятиях он танцевал вместе со всеми и стрелял из винтовки в воздух, выражая свой истинно племенной дух.

В какой-то мере таким путем Саддам пытался обрести легитимность. Это отражало общий подъем в арабском мире «политики идентичности». Крах режима Саддама Хусейна и ему подобных – тех, кто изначально ориентировался на западную модель, светские и социалистические идеалы, – привел к тому, что люди стали видеть спасение в исламе, обратились к поискам своих племенных и этнических корней. Как показано в книге, молодые демократии малоэффективны в деле разрешения этнических и религиозных конфликтов.

Выборность власти означает, что политикам приходится конкурировать за голоса избирателей. В обществах, где нет прочных традиций терпимости и мультиэтничности, самым простым путем получить поддержку электората является обращение к его наиболее низменным устремлениям – расовым, религиозным, этническим. Победившая группировка обычно не допускает к власти остальных. Оппозиция радикализуется, а нередко становится на путь вооруженной борьбы. Это нежелательно, но случается весьма часто.

При правильном подходе многообразие Ирака могло бы стать его серьезным преимуществом. Власть необходимо распределять и контролировать. Конституция нового Ирака должна создать федеративное государство со значительной автономией регионов, причем их границы нельзя устанавливать по чисто этническим или религиозным признакам. Выборная система не должна привести к эффекту «победитель получает все», когда политическая власть целиком оказывается в руках партии, получившей 51 процент голосов. Надо позволить проигравшим на выборах также участвовать в управлении. Одним из способов обеспечить представительство разных групп во власти является распределение постов главы государства (президента) и главы правительства (премьер-министра). Так, премьер-министром мог бы стать шиит, президент-курд – формальным главой государства, а суннит – министром иностранных дел.

Власть и легитимность

Если все пойдет гладко, администрация Буша будет считать, что сможет очень быстро восстановить в Ираке инфраструктуру, наладить функционирование основных служб и передать власть иракскому правительству. Однако подобный сценарий вряд ли удастся реализовать. Практически везде, где Соединенным Штатам приходилось осуществлять вмешательство, – в Боснии, Косово, Афганистане – вооруженным силам и политическим советникам приходилось оставаться гораздо дольше, чем предполагалось. В Афганистане администрация США рассчитывала быстро и малыми средствами установить порядок. Ей пришлось изменить свои планы, но, как выясняется, это сделано слишком поздно.

Передача власти иракцам – прекрасная идея, на практике же речь идет о ее передаче вполне определенным, неким образом отобранным представителям иракского народа. Но тогда остальные окажутся вне игры и могут не согласиться со своим уделом. Начнутся соперничество, вражда, сведение счетов и политиканство. Мир в стране может сохраняться, только если его будет поддерживать какая-то неоспоримая власть. Она должна обладать двумя качествами: силой и легитимностью. США сконцентрировали свое внимание на первом, забыв о том, какое значение имеет второе (воплощаясь через международные институты либо более дипломатичные способы действий). В результате США получили удар с неожиданной стороны, когда выяснилось, каким авторитетом пользуется в стране аятолла Систани. Выказав всего несколько четко выраженных возражений против американского плана передачи власти, он сорвал его. Систани – всего лишь проповедник, он не располагает ни деньгами, ни военной силой. Но поскольку он является самым уважаемым богословом в Ираке, у него есть чудодейственный источник власти – легитимность. И когда он в одиночку выступил против могущественных американцев, тем пришлось отступить.

Соединенные Штаты пришли в Ирак с уверенностью, что, освободив страну, решат проблему легитимности. Такой подход неисторичен. Ведь США и их главный союзник Великобритания приходят на Ближний Восток отнюдь не в образе

ангелов. Так или иначе, на протяжении прошлого века эти страны господствовали в регионе, осуществляли селекцию местных лидеров, контролировали нефтяные поставки, поддерживали государство Израиль. Самое главное, речь идет о наиболее могущественных державах мира, что неизбежно подогревает национализм в Ираке.

Крупнейший модернизатор на Ближнем Востоке – турецкий лидер Кемаль Ататюрк – смог радикально изменить свою страну в значительной мере благодаря тому, что имел прочную репутацию националиста. Он выступал против западных держав, хотя и осуществлял вестернизацию страны. Пока неизвестно, кто будет править Ираком, но это несомненно будет тот, кто сможет воспользоваться национализмом иракцев.

Вполне возможно, что уже через один–два года в Ираке заработают демократические механизмы и будет сформировано новое правительство. Проведение выборов создаст атмосферу всеобщей надежды. Но вовсе не обязательно, что в Ираке надолго утвердится демократия. Ее упадок часто происходит через несколько лет после возрождения. Это важно предотвратить, и США должны приложить к тому всяческие усилия. Ведь в конечном итоге только сами иракцы могут построить новый Ирак.

Важнейшей силой любого общества является целеустремленная реформистская элита. В странах Центральной и Восточной Европы ее наличие послужило главным условием успеха реформ, испытывавших свои спады и подъемы. Магической формулы создания такой элиты не существует. Однако Ирак обладает важным преимуществом – памятью о временах Саддама Хусейна. Так же, как страх возвращения коммунизма подстегивал реформы в странах Центральной и Восточной Европы, в Ираке память о длительном кошмаре прежнего режима придаст его лидерам решимость порвать с прошлым. Испытанные иракским народом беды, мемуары, комиссии по выяснению правды и примирению, устные истории – все это будет способствовать поддержанию и пополнению национального самосознания. Несмотря на все возможные проблемы, большинство иракцев наверняка постарается, чтобы их страна больше никогда не испытала ужасов трех предыдущих десятилетий.

Примечания

Предварительные замечания

Моя книга – не историческое исследование. Если она и вносит какой-то вклад в обсуждение затронутых проблем, то он состоит в содержащихся в ней идеях и аргументах. Поэтому в примечаниях, помещенных в конце книги, в основном представлена дополнительная информация или же приводятся неординарные цитаты. Я следовал такому правилу: если мне казалось, что читатель может задаться вопросом: «Откуда взяты эти данные?», я готовил ответ. Когда в том или ином случае я опирался на некий вторичный источник информации, то обычно ссылался на него непосредственно в тексте, хотя он может быть упомянут и здесь.

Многие из использованных мною трактовок сложных исторических явлений можно отнести к категории традиционных или общепринятых. Так, для объяснения успешного развития либерализма и парламентской системы правления в Англии я избрал то, что иногда называют «виговской интерпретацией истории»*. Я сделал так не потому, что напрочь отрицаю возможность ревизии истории (я искренне считаю работы Э. Хобсбаума крайне ценными для моего исследования). Тем не менее, я полагаю, что такой пересмотр не должен сводиться к простому переименованию традиционной точки зрения. Гарвардский историк (и крупный специалист по России) Ричард Пайпс однажды заметил, что «ревизионизм плох тем, что своими отступлениями и оговорками представляет угрозу [пониманию] не каких-либо нюансов явлений, а их сути». Другой историк, Дж.П. Кейнон согласен с тем, что, несмотря на некоторые возможные недостатки

* Речь идет о концепции, представлявшей историю как безусловно прогрессивный процесс, которому может быть придано нужное направление. Популяризовавшаяся в середине XIX века лордом Макалеем (Lord Macaulay) и другими лидерами партии вигов, отождествлявших распространение британских политических институтов, британской культуры и английского языка по всему миру с распространением принципов цивилизации, эта концепция стала основой для формулирования принципа мелиоризма, согласно которому человечество может и должно совершенствоваться. Сегодня принцип мелиоризма считается одной из трех базовых составляющих идеологии либерализма. – *Прим. ред.*

«виговской интерпретацией истории», ему нет достаточно обоснованной альтернативы. Пайпс объясняет, что стремление к пересмотру исторических явлений часто подогревается конъюнктурными соображениями: «Любое новое поколение историков стремится завоевать репутацию претензией на оригинальность, отрицанием работ предшественников, удалением исключений и нюансов... И поэтому по многим вопросам истори[ческой науки] последнее слово зачастую совпадает с первым» (Pipes, Richard. *Property and Freedom*, New York: Alfred A. Knopf, 1999, pp. 122 n, 149).

Глава 1

1. Burckhardt, Jacob. *The Age of Constantine the Great*, Berkeley (Ca.), London: University of California Press, 1983, p. 351.

2. См.: Constant, Benjamin. "The Liberty of the Ancients Compared with That of the Moderns" in: Fontana, Biancamaria (ed.) *Benjamin Constant: Political Writings*, Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

3. Asquith, Herbert. "Introduction" in: Barker, Ernest. *The Legacy of Rome*, Oxford: Clarendon Press, 1923, p. VII.

4. Gress, David. *From Plato to NATO: The Idea of the West and its Opponents*, New York: The Free Press, 1998, p. 125. Я чрезвычайно признателен автору этой интересной и важной книги за обсуждение проблем Римско-католической церкви.

5. Gibbon, Edward. *The Decline and Fall of the Roman Empire*, vol. 3, chap. 27, part 4. Еще раз хочу выразить благодарность Дэвиду Грессу за упоминание данной истории и указание источника.

6. См.: Jones, E.L. *The European Miracle: Environments, Economies, and Geopolitics in the History of Europe and Asia*, Cambridge: Cambridge University Press, 1981. Это удивительно сильная книга, побуждающая к размышлениям; правда, автор уделяет вопросам культуры большее внимание, нежели я.

7. См.: Ruggiero, Guido de. *The History of European Liberalism*, Oxford, New York: Oxford University Press, 1927. Это великолепная работа, достойная считаться классической.

8. См.: Baugh, Daniel A. (ed.) *Aristocratic Government in Eighteenth Century England*, New York: New Viewpoints, 1975.

9. Johnson, Paul. "Laying Down the Law" in: *The Wall Street Journal*, 1999, March 10.

10. По словам историка Дж.Х. Памба, «революция 1688 года воплотила в себе идеи мелкопоместного дворянства о независимости» (Plumb, J.H. *The Growth of Political Stability of England, 1675–1725*, London: Macmillan, 1967, pp. 29–30).

11. См.: Barzun, Jacques. *From Down to Decadence: 1500 to the Present. 500 Years of Western Cultural Life*, New York: HarperCollins, 2000, pp. 287–289.

12. Shklar, Judith. *Montesquieu*, Oxford, New York: Oxford University Press, 1987, p. 121.

13. North, Douglass and Thomas, Robert. *The Rise of the Western World: A New Economic History*, Cambridge: Cambridge University Press, 1973, p. X.

14. Pipes, Richard. *Property and Freedom*, p. 111.
15. См.: Campbell, Mildred. *The English Yeomen under Elizabeth and the Early Stuarts*, New York: A.M. Kelley, 1968 (цит. по: Moore, Barrington. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*, Boston: Beacon Press, 1966).
16. Moore, Barrington. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*, p. 418. В оригинале говорится о «буржуа», а не о «буржуазии». Однако я употребляю второй термин, который сегодня используется гораздо чаще.
17. Roberts, J.M. *The Penguin History of the World*, New York, London: Penguin, 1993, p. 553.
18. Hobsbawm, Eric. *Industry and Empire*, New York, London: Penguin, 1969, p. 26.
19. Hobsbawm, Eric. *Industry and Empire*, p. 48.
20. Hofstadter, Richard. *America at 1750: A Social Portrait*, New York: Alfred A. Knopf, 1971, p. 131.
21. Wood, Gordon. *The Radicalism of the American Revolution*, New York: Random House, 1993, p. 348.
22. Распределение голосов подсчитано на основе данных, приведенных в: Mitchell, B.R. *Abstract of British Historical Statistics*, Cambridge: Cambridge University Press, 1962, а также в: The Great Britain Historical G.I.S., University of Essex (см: www.geog.port.ac.uk/gbhgis/db) и в: Evans, E.J. *The Forging of the Modern Industrial State: Early Industrial Britain, 1783–1870*, London, New York: Longman, 1983. Интересные замечания содержатся также в: Himmelfarb, Gertrude. "The Politics of Democracy: The English Reform Act of 1867" in: *Journal of British Studies*, 1966, no. 6.
23. См.: Weber, Max. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, New York, London: Scribner, 1958.
24. См.: Pei, Minxin. "Constructing the Political Foundations for Rapid Economic Growth" in: Rowen, Henry (ed.) *Behind East Asia's Growth: the Political and Social Foundations of an Economic Miracle*, London, New York: Routledge, 1997, pp. 39–59.
25. Weiner, Myron. "Empirical Democratic Theory" in: Weiner, Myron and Ozbudun, Ergun (eds.) *Competitive Elections in Developing Countries*, Durham (NC), London: Duke University Press, 1987, p. 20.

Глава 2

1. Описание и анализ деятельности Карла Люгера в основном заимствованы из замечательной книги Карла Шорске: Schorske, Carl. *Fin-de-Siècle Vienna: Politics and Culture*, New York: Vintage Books, 1981.
2. Выборы 1933 года проходили в атмосфере национальной истерии, которую нацисты отчасти создали сами и максимально использовали в своих интересах. Однако нет оснований отрицать, что они действительно располагали поддержкой общественности. Результаты выборов (распределение мест в рейхстаге) выглядели следующим образом:

Партия	1930	1932 (июль)	1932 (ноябрь)	1933
Национал-социалисты	107	230	196	288
Социал-демократы	143	133	121	120
Коммунисты	77	89	100	81
Центристы (католики)	68	97	70	73

3. Snyder, Jack. *From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict*, New York, London: W.W. Norton & Co., 2000, p. 118. О Веймарской республике также см.: Berman, Sheri. "Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic" in: *World Politics*, 1997, vol. 49, no. 3, April.
4. По Франции см.: Nord, Phillip. *The Republican Moment: Struggles for Democracy in Nineteenth-Century France*, Cambridge (Ma.), London: Harvard University Press, 1995. По Великобритании до сих пор непревзойденной остается классическая работа Джорджа Дейнжерфилда: Dangerfield, George. *The Strange Death of Liberal England*, New York: Capricorn Books, 1961. Также см.: Hobsbawm, Eric. *The Age of Empire*, New York: Vintage Books, 1989.
5. Очень убедительной представляется статья: Berman, Sheri. "Modernization in Historical Perspective: The Case of Imperial Germany" in: *World Politics*, 2001, vol. 53, no. 3, April.
6. См.: Dahrendorf, Ralf. *Society and Democracy in Germany*, New York, London: Doubleday, 1969. Политическое развитие Германии – тема обширная и сложная, однако ответ Ральфа Дарендорфа на свой (а также и мой) вопрос – самый лучший и простой. Комплексный анализ развития Германии см. в: Blackbourne, David and Eley, Geoff. *The Peculiarities of German History*, New York: Oxford University Press, 1984.
7. См.: Marx, Karl. "The Bourgeoisie and the Counter-Revolution" in: *Neue Rheinische Zeitung*, 1848, December (цит. по: Marx, Karl and Engels, Friedrich. *Collected Works*, vol. 8, pp. 154–179).
8. Blackbourne, David and Eley, Geoff. *The Peculiarities of German History*, p. 244.
9. Rich, E.E. and Wilson, C.H. *Cambridge Economic History of Europe*, Vol. 5, *The Economic Organization of Early Modern Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, 1977, p. 583.
10. См.: Talmon, Jacob L. *The Origins of Totalitarian Democracy*, London: Secker and Warburg, 1955.
11. См.: Wilson, Woodrow. "The Study of Administration" in: Link, Arthur S. (ed.) *The Papers of Woodrow Wilson*, Vol. 5, Princeton (NJ), London: Princeton University Press, 1968, pp. 365–367.
12. См.: Lilla, Mark. "The Other Velvet Revolution: Continental Liberalism and Its Discontents" in: *Daedalus*, 1994, vol. 123, no. 2, Spring.
13. Lipset, Seymour Martin. "Some Social Requisites of Democracy: Economic

Development and Political Legitimacy" in: *American Political Science Review*, 1959, vol. 53, March.

14. Przeworski, Adam and Limongi, Fernando. "Modernization: Theories and Facts" in: *World Politics*, 1997, vol. 49, no. 2, January. Сопоставления по паритету покупательной способности являются в настоящее время широко распространенным методом соизмерения национальных валют не по обменному курсу, а на основе их внутренней покупательной способности, что более правильно отражает различия в уровнях жизни. В книге Адама Прzewорского и Фернандо Лимоньи паритеты покупательной способности приводились в долларах США в ценах 1985 года. С учетом инфляции пересчитаны в цены 2000 года.

15. См.: Maddison, Angus. *The World Economy: A Millennial Perspective*, Paris: OECD, 2001. С учетом инфляции данные Мэдисона пересчитаны в цены 2000 года.

16. Kagan, Robert. "What Korea Teaches" in: *The New Republic*, 1998, March 9.

17. См.: Pei, Minxin. *Constructing the Political Foundations for Rapid Economic Growth*, pp. 39–59.

18. Nord, Phillip. *The Republican Moment*, p. 8.

19. См.: Sachs, Jeffrey D. and Warner, Andrew D. "Natural Resource Abundance and Economic Growth" in: *Working paper no. W5398*, Washington (DC): National Bureau of Economic Research, December 1995.

20. Цит. по: Lewis, Bernard. *A Middle Eastern Mosaic*, New York: Random House, 2000, p. 225.

21. Тема земельной реформы весьма обширна. Живое и оригинальное введение в нее можно найти в: Smith, Tony. *America's Mission: The United States and the Worldwide Struggle for Democracy in the Twentieth Century*, Princeton (NJ), Oxford: Princeton University Press, 1995. Смит убедительно доказывает, что страны, которые с помощью США больше продвинулись в направлении демократии, достигли этого в огромной степени за счет земельной реформы. Книга Эрнандо де Сото называется: Soto, Hernando de. *The Mystery of Capital. Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*, New York: Basic Books, 2000 [недавно эта работа издана на русском языке (см.: Сото, Эрнандо де. *Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире*, Москва: Бизнес-Олимп, 2001 – прим. ред.)].

Глава 3

1. См.: Caryl, Christian. "Sticking to the Party Line" in: *Newsweek International*, 2001, April 16; Caryl, Christian. "All Putin All the Time" in: *Newsweek International*, 2001, April 16; Caryl, Christian. "Comrade Putin's New Russia" in: *Newsweek International*, 2001, May 7.

2. Информация, полученная в личной беседе в 1999 году.

3. Цит. по: Contreras, Joseph. "Playing Hardball" in: *Newsweek International*, 1999, December 27, p. 18.

4. См.: Swarns, Rashel L. with Onishi, Norimitsu. "Africa Creeps along Path to Democracy" in: *The New York Times*, 2002, June 2.

5. Chege, Michael. "Between Africa's Extremes" in: *Journal of Democracy*, 1995, vol. 6, no. 1. Также см.: Diamond, Larry. "Developing Democracy in Africa" at: democracy.stanford.edu/Seminar/DiamondAfrica.htm.

6. См.: Gall, Carlotta. "Challenge to Azeri's Iron Ruler" in: *Financial Times*, 1998, February 3.

7. "A Survey of the New Geopolitics" in: *The Economist*, 1999, July 31.

8. Цит. по: *Asian Age*, 1998, January 3, p. 12.

9. См.: Schlesinger, Arthur. *New Viewpoints in American History*, Houndsmills, New York: Macmillan, 1922, pp. 220–240.

10. *Outlook*, 1997, November 17, pp. 22–23.

11. См.: Rabushka, Alvin and Shepsle, Kenneth. *Politics in Plural Societies: A Theory of Democratic Instability*, Columbus (Oh.): Charles E. Merrill, 1972, pp. 62–92.

12. См.: Horowitz, Donald. "Democracy in Divided Societies" in: Diamond, Larry and Plattner, Mark F. (eds.) *Nationalism, Ethnic Conflict, and Democracy*, Baltimore (Md.), London: Johns Hopkins University Press, 1994, pp. 35–55.

13. См.: Snyder, Jack and Mansfield, Edward. "Democratization and the Danger of War" in: *International Security*, 1995, vol. 20, no. 1, Summer.

Глава 4

1. Kedourie, Elie. *Democracy and Arab Political Culture*, Washington (DC): Washington Institute for Near East Studies, 1992, p. 5.

2. Lewis, Bernard. *What Went Wrong: Western Impact and Middle Eastern Response*, Oxford, New York: Oxford University Press, 2002, p. 97.

3. *Sahih Muslim*, book 20, hadith 4533.

4. Цит. по: Lewis, Bernard. *A Middle Eastern Mosaic*, p. 246.

5. См.: Lawrence, T.E. *Seven Pillars of Wisdom*, New York, London: Penguin Books, 1976.

6. Цит. по: Said, Edward. *Orientalism. Western Conceptions of the Orient*, New York: Random House, 1978, p. 38.

7. Korany, Bahgat. "Arab Democratization: A Poor Cousin?" in: *Political Science and Politics*, 1994, vol. XXVII, no. 3, September, p. 511.

8. Barakat, Halim. *The Arab World: Society, Culture, and State*, Berkeley (Ca.), London: University of California Press, 1993, p. 23.

9. См.: Heikal, Mohammed. *The Cairo Documents*, Garden City (NY): Doubleday, 1973.

10. См.: Ajami, Fouad. "The Sorrows of Egypt" in: *Foreign Affairs*, 1995, vol. 74, no. 5, September/October.

11. См.: *World Development Indicators*. Washington (DC): World Bank, 2002.

12. Джон Уотербери отмечал, что Ближний Восток отличается «наиболее высокими налогами среди развивающихся регионов». На основе данных Всемирного банка за 1975–1985 годы он показал, что «в ближневосточных государствах налоговые доходы в среднем составляли 25 процентов ВВП, тогда как в странах Латинской Америки – 12 процентов. Это не просто

результат наличия в ряде ближневосточных стран подконтрольных государству нефтяных корпораций, которые легко облагать высокими налогами. На Ближнем Востоке за счет налога на прибыль корпораций формировалось в среднем 19 процентов совокупных налоговых поступлений (аналогичный показатель в африканских странах составлял 20 процентов, в азиатских – 19 процентов), а в Латинской Америке – всего 10 процентов». Правда, Дж. Уотерберри допускает ошибку, не классифицируя арабские государства по типу и объему рентных доходов. Сделав это, он обнаружил бы, что такие нефтедобывающие страны, как Саудовская Аравия и Кувейт, взимают всего несколько налогов или вообще их не взимают. В то же время более крупные арабские государства, не относящиеся к числу основных нефтепроизводителей (такие как Египет и Сирия), вынуждены прибегать к высоким прямым и косвенным налогам. Хотя и там рентные доходы довольно значительны, их недостаточно для покрытия всех потребностей. Большая часть рентных доходов в этих странах направляется на военные цели. Таким образом, отсутствие потребности в демократии на Ближнем Востоке может быть приписано действию двух различных факторов: массовому взяточничеству в богатых странах и массовым репрессиям в более бедных. И то, и другое оказывается возможным благодаря доходам, которые притекают в государственную казну сами собой, не требуя какой-то серьезной экономической деятельности.

13. Пакистанский исламский ученый Абул Ала Маудуди доказывал, что колониальные государства следовало рассматривать аналогично языческим племенам на заре ислама. Точно так же, как Магомет боролся и противостоял язычникам, так и джихад можно считать справедливым средством борьбы мусульман против колониальных поработителей. Аргументацию Маудуди поддержал и развил Саид Кутб, предложив распространить джихад и на светские мусульманские государства. См.: Qutb, Sayyid. *Milestones*, Indianapolis (In.): American Trust Publications, 1990. Самое удачное описание идей С.Кутба см. в: Kepel, Gilles. *Muslim Extremism in Egypt: The Prophet and Pharaoh*, Berkeley (Ca.), London: University of California Press, 1985.

14. О власти средневековых улемов см.: Bulliet, Richard W. *Islam: The View from the Edge*, New York: Columbia University Press, 1994.

15. Lewis, Bernard. "Islam and Liberal Democracy: A Historical Overview" in: *Journal of Democracy*, 1996, vol. 7, no. 2, p. 62.

Глава 5

1. Данные Бюро экономического анализа при Министерстве торговли США.

2. Результаты опросов общественного мнения института Гэллапа можно найти на: www.pollingreport.com.

3. В период 1964–2000 годов число зарегистрированных избирателей увеличилось с 65 до 76 процентов от общего числа избирателей. За тот же период доля голосующих избирателей упала с 63 до 51 процента. В свою

очередь, доля пришедших на выборы среди зарегистрированных избирателей упала с очень высокого уровня 95,8 до 67,5 процента.

4. Putnam, Robert D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, New York: Simon & Schuster, 2000, p. 46.

5. См.: Nye, Joseph S. Jr., Zelikow, Philip D. and King, David C. *Why People Don't Trust Government?* Cambridge (Ma.), London: Harvard University Press, 1997.

6. См.: Burke, Edmund. "Speech to the Electors of Bristol, March 11, 1774" in: Payne E.J. (ed.) *Select Works of Edmund Burke*, vol. 4, Indianapolis (In.): Liberty Fund, 1999.

7. См.: Bumpers, Dale. "How the Sunshine Harmed Congress" in: *The New York Times*, 1999, January 3.

8. См.: Kessler, Glenn. "2003 Budget Completes Big Jump in Spending" in: *The Washington Post*, 2002, April 15.

9. Цит. по: Rauch, Jonathan. *Demosclerosis*, New York: Random House, 1994, p. 135. Новое издание книги вышло под названием: *Government's End: Why Washington Stopped Working*, New York: Public Affairs, 1999.

10. О предстоящем упадке партий было провидчески написано в книге: Broder, David. *The Party's Over: The Failure of Politics in America*, New York: Harper & Row, 1972.

11. См.: Nagourney, Adam and Elder, Janet. "Poll of Delegates Shows Convention Solidly on Right" in: *The New York Times*, 2000, July 31; Clymer, Adam and Connelly, Marjorie. "Poll Finds Delegates to the Left of Both Party and Public" in: *The New York Times*, 2000, August 14.

12. См.: Frum, David. "The Elite Primary" in: *Atlantic Monthly*, 1995, November.

13. King, Anthony. "Running Scared" in: *Atlantic Monthly*, 1997, January; также см.: King, Anthony. *Running Scared: Why America's Politicians Campaign Too Much and Govern Too Little*, New York: The Free Press, 1999. Работа Энтони Кинга просто великолепна; в ее основе лежит сравнительный анализ, которого не хватает большинству исследований других американских ученых.

14. См.: "The People's Revolution" in: *San Francisco Chronicle*, 1998, May 20.

15. Исчерпывающий анализ современного опыта проведения референдумов дан в: Broder, David. *Democracy Derailed: Initiative Campaigns and the Power of Money*, New York, London: Harcourt Brace, 2000.

16. См.: Barnes, Fred. "California Doesn't Matter" in: *Weekly Standard*, 2000, July 31.

17. См.: Fraker, Susan. "The Politics of Taxes" in: *Newsweek*, 1978, November 25.

18. См.: Barnes, Fred. "California Doesn't Matter".

19. См.: Schrag, Peter. "California's Elected Anarchy: A Government Destroyed by Popular Referendum" in: *Harper's Magazine*, vol. 289, no. 1734, 1994, November. См. также его великолепную книгу, которую следует включить в программы по политическим наукам всех высших учебных заведений страны: Schrag, Peter. *Paradise Lost: California's Experience, America's Future*, Berkeley (Ca.), London: University of California Press, 1999.

20. См.: "Voters Keep Rejecting Their Towns' Budgets" in: *The New York Times*, 1990, September 30.

Глава 6

1. Strouse, Jean. *Morgan: American Financier*, New York: Random House, p. 8.
2. См.: Hansell, Saul. "Banking's Big Deal" in: *The New York Times*, 2000, September 13.
3. В написании части книги, в которой рассматриваются изменения на финансовых рынках, мне очень помогла личная беседа с Дональдом Мэрроном, до недавнего времени являвшегося президентом «Пэйн Уэббер».
4. Friedman, Thomas. *The Lexus and the Olive Tree*, New York: Farrar, Straus & Giroux, 2000, p. 50.
5. См.: Falwell, Jerry. "Our Next Century Vision," 1998, July 12 (www.trbc.org/sermons).
6. См.: Dawidoff, Nicholas. "No Sex, No Drugs, but Rock'N Roll (Kind Of)" in: *The New York Times Magazine*, 1995, February 5.
7. См.: Schmidt, William E. "TV Minister Calls His Resort 'Bait' for Christianity" in: *New York Times*, 1985, December 24.
8. Harding, Susan Friend. *The Book of Jerry Falwell: Fundamentalist Language and Politics*, Princeton (NJ), Oxford: Princeton University Press, 2000, p. 260.
9. Falwell, Jerry. "Ministers and Marches" (цит. по: Harding, Susan Friend. *The Book of Jerry Falwell: Fundamentalist Language and Politics*, p. 22).
10. См.: Sargeant, Kimon Howland. *Seeker Churches: Promoting Traditional Religion in a Non-Traditional Way*, New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 2000, pp. 1, 4-5.
11. Radway, Janice. *A Feeling for Books: The Book-of-the-Month Club, Literary Taste, and Middle-Class Desire*, Chapel Hill (NC), London: University of North Carolina Press, 1997, p. 161.
12. Seabrook, Jonh. *Nobrow*, New York: Alfred A. Knopf, 2000, p. 30. В качестве примера приверженца старого порядка Джон Сибрук приводит редактора журнала «Нью-Йоркер» Уильяма Шоуна, а нового – его преемницу Тину Браун. Я использовал более подходящие с моей точки зрения примеры, поскольку в отличие от Сибрука я не вовсе восхищаюсь Шоуном и не думаю плохо о Браун.
13. См.: Perl, Jed. "Welcome to the Funhouse" in: *The New Republic*, 2000, June 19.
14. Tawney, R.H. *The Acquisitive Society*, New York, London: Harcourt Brace, 1920, p. 92.
15. См.: Gordan, Robert. "The Ideal and the Actual in Law: Fantasies of New York Lawyers, 1870-1920" in: Gawalt, Gerard W. (ed.) *New High Priests: Lawyers in Post-Civil War America*, Westport (Ct.): Greenwood Press, 1984; Gordan, Robert. "Legal Thought and Legal Practice in the Age of American Enterprise, 1870-1920" in: Geison, Gerald L. (ed.) *Professions and Professional Ideologies in America*, Chapel Hill (NC), London: University of North Carolina Press, 1983. Также см.: Kronman, Anthony T. *The Lost Lawyer: Failing Ideals of the Legal Profession*, Cambridge (Ma.), London: Harvard University Press, 1993.
16. Lewis, Michael. *Next: The Future Just Happened*, New York: W.W. Norton &

Co., 2002. Майкл Льюис провел интереснейший анализ влияния демократии на интернет, особенно в сфере юриспруденции и финансов.

17. Dugan, Ianthe Jeanne. "Did You Hear the One about the Accountant?" in: *The Wall Street Journal*, 2002, March 14.
18. Judis, Jonh. *The Paradox of American Democracy: Elites, Special Interests, and the Betrayal of the Public Trust*, New York: Random House, 2000, p. 21.
19. См.: Easterbrook, Greg. "Ideas Move Nations" in: *Atlantic Monthly*, 1986, January.
20. См.: Alsop, Joseph with Platt, Adam. *I've Seen the Best of It*, New York: W.W. Norton & Co., 1992. О школе в Гротоне см.: Chace, James. *Acheson: The Secretary of State Who Created the American World*, New York: Simon & Schuster, 1998; Isaacson, Walter and Thomas, Evan. *The Wise Men: Six Friends and the World They Made*, New York: Simon & Schuster, 1986.
21. Часто цитируемая классическая книга: Baltzell, Digby E. *The Protestant Establishment: Aristocracy and Caste in America*, New York: Random House, 1964. Его другие работы также имеют немалую ценность, в частности см.: Baltzell, Digby E. *Philadelphia Gentlemen: The Making of a National Upper Class*, New Brunswick (NJ), London: Transaction Publishers, 1989; а также его увлекательную последнюю работу: Baltzell, Digby E. *Sporting Gentlemen: Men's Tennis from the Age of Honor to the Cult of the Superstar*, New York: The Free Press, 1995.
22. Это высказывание часто приписывают Стэнли Болдуину, но, похоже, первоначально оно было запущено в оборот Редьярдом Киплингом.
23. Lehman, Nicholas. *The Big Test: The Secret History of the American Meritocracy*, New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999, p. 14.
24. Данный пример взят из книги: Wade, Wyn Craig. *The Titanic*, New York: Rawson, Wade, 1979 (см. также: Lord, Walter. *A Night to Remember*, New York: Henry Holt, 1955).

Заключение

1. См.: Blinder, Alan. "Is Government Too Political?" in: *Foreign Affairs*, 1997, vol. 76, no. 6, November/December.
2. По этой теме имеется большая и интересная литература. Хорошей отправной точкой может послужить общее представление, содержащееся в Программе развития ООН (*Human Development Report 2002: Deepening Democracy in a Fragmented World*, Oxford, New York: Oxford University Press, 2002, p. 56). Следовало бы прочесть все книги, упомянутые в этом докладе, но в первую очередь: Przeworski, Adam, Alvarez, Michael E., Cheibub, Jose Antonio, and Limongi, Fernando. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950-1990*, New York: Cambridge University Press, 2000.

Указатель

А

Абдалла (король Иордании), 124
 Абдалла (наследный принц Саудовской Аравии), 124
 аборты, 213
 Австралия, 51 (прим.)
 Австро-Венгрия, 33, 52–53, 83
 Агентство по международному развитию, США, 166
 Адамс, Джон, 36
 Адвокатский совет Бомбея, 114
 Аджамы, Фуад, 141, 149–150
 Азербайджан, 98, 117, 120
 азиатские «тигры», 47
 азиатские ценности, 47
 азиатский финансовый кризис (1998), 85
 Азия:
 демократия, 48–49, 67–68, 69, 71, 75, 77, 84–85, 96, 98–99
 диктатуры, 6–7, 98–99
 капитализм, 47
 экономическое развитие, 47, 84–86, 202
 этнические конфликты, 117–118
 Акаев, Аскар, 102, 167
 «Аксенчер», 15
 Акстон, Джон Эмерих Эдвард Далберг (лорд), 35
 акционеры, 273
 Албания, 44, 65

Александрия, 138, 140
 Алжир, 130, 164
 Алиев, Гейдар, 98
 Аллен, Вуди, 208
 Аллен, Пол, 214
 «Аль-Джазира» (спутниковый телеканал), 7, 125, 162
 «Аль-Каида», 4, 125, 143–144
 Альенде, Сальвадор, 103
 Альрави, Карим, 141
 Американская ассоциация адвокатов, 243, 245
 африканская конституция, 9, 11, 35–36, 179, 257, 270
 Американская медицинская ассоциация, 243, 248
 Американская революция, 17, 35, 36, 41–42, 72, 225
 «Американский евангелизм» (Дж. Хантер), 232
 Американский институт сертифицированных аудиторов, 250
 англиканская церковь, 32
 «антибуржуазная революция», 61
 антиглобалисты, 271
 антидемократические настроения, 4–5
 антисемитизм, 52–53
 Арабиат, Абдул Латиф, 125
 арабские государства, антиамериканизм в, 125, 130, 143–144, 161–162, 165

арабские цифры, 37
 Арафат, Ясир, 10, 123–124
 Аргентина, 98, 102, 137, 167
 аристократия:
 европейская, 26–29, 33–39, 58–60, 258
 ее общественная роль, 243–244, 245–246, 260–262
 как демократическая элита, 197–198, 214–215, 241–248
 как противовес монархии, 26–29, 32–35, 41
 как противоположность среднему классу, 51–58, 69
 местная, 1–2
 Аристотель, 16, 137
 Армани, Джорджио, 239, 240
 Армения, 120
 «Артур Андерсен», 249
 Асквит, Герберт, 22
 Астор, Джон Джейкоб, 262
 «Атлантик мансли», 138
 Атта, Мухаммед, 143
 аудиторские фирмы, 249–250
 «Аутлук», 112
 Афганистан, 127, 131–132, 154, 166
 Африка:
 автократии, 51
 география, 26 (прим.)
 демократия, 44, 97–98, 99, 132
 иностранная помощь, 71
 колониализм, 103
 налогообложение, 299–300 (прим. 12)
 нищета, 44
 этнические конфликты, 117–118
 см. также отдельные страны
 Ачесон, Дин, 248

Б

БААС (Партия арабского социалистического возрождения), 139, 140, 146
 Багдад, 164–165
 Баккер, Джим, 231–232

Баккер, Тэмми Фей, 231–232
 балканские страны, 44, 116–117, 163
 Бамперс, Дейл, 184
 Бангладеш, 131, 158
 Бандар бен Султан (саудовский принц), 124, 125
 банковский бизнес, 37, 164, 220–221, 244, 250, 268, 280
 баптистская церковь «Путь Святого Фомы», 230
 баптисты, 225, 227, 230–232
 Баракат, Халим, 135
 Баркер, Эрнст, 19
 Баркли, Олбин, 249
 Барнс, Фред, 209
 Бахрейн, 125, 164
 бедуины, 142
 Беларусь, 76, 90, 101
 белые англичане протестантского вероисповедания (WASP), 258–263
 Бельгия, 56, 144
 Бен Али, Зин Эль-Абидин, 78
 Бенин, 118
 бен Ладен, Усама, 3–4, 124, 125, 127, 130, 143, 156
 Бергланд, Боуг, 192
 Берк, Эдмунд, 179, 283
 Берман, Шерри, 150–151
 «Би-Би-Си», 6–7
 Библия, 30, 31, 36, 85, 159, 232
 Биден, Джозеф, 181
 бизнес, частный, 13–14
 Билль о гражданских правах (США, 1964), 11
 биологическое оружие, 3–4, 141, 260 (прим.)
 Бисмарк, Отто фон, 55–56
 Ближний Восток:
 арабо-израильский конфликт, 140–141, 161–162
 государства Персидского залива, 140–141, 142, 163–164
 демократические реформы, 50–51, 71–72, 91, 124, 158
 диктаторские режимы, 1, 123, 134–135, 138–142

- исламские страны *см.* ислам
- налогообложение, 299–300 (прим. 12)
- нефтяное богатство, 68–72, 68 (прим.), 84, 96, 144–146, 148, 160–161, 162–165, 166, 263 (прим. 12)
- экономическое развитие, 68–69, 70, 71–72, 143–145, 148, 158, 163, 164
- см. также отдельные страны*
- Блиндер, Алан, 274–275
- «блоги» (личные интернет-сайты), 282
- Блэкстоун, Уильям, 35–36
- «БМВ», 240
- богатство:
- богатые нефтью государства, 68–72, 68 (прим.), 84, 96, 144–146, 148, 160–161, 162–165, 166, 263 (прим. 12)
- за счет рентных доходов, 68–72
- национальное, 64–66, 71–72, 84, 90, 121, 144–145, 163–164, 223–224, 299–300 (прим. 12)
- и социальный статус, 243–244, 245–246, 260–261
- Бок, Дерек, 174, 176
- Болгария, 63, 76
- Болдуин, Стэнли, 303 (прим. 22)
- Боливия, 279
- «Большие младенцы» (Кинсли), 14 (прим.)
- большой бизнес, 202
- Бомбей, 113, 114–115
- Босния, 117, 159–160, 166
- Ботсвана, 97
- Бразилия, 95, 144–145
- «Братья-мусульмане», 149, 150
- Браун, Джерри, 204
- Браун, Тина, 302 (прим. 12)
- Бродер, Дэвид, 213
- брокерские конторы, использующие систему скидок, 222
- брокеры и ценные бумаги, 250–251, 282
- Брукингс, Роберт, 252
- Брукингский институт, 252–254
- Брэдли, Билл, 180, 204
- буржуазия:
- демократические идеалы, 38–39, 69–70
- как деловой класс, 69–70, 81–82, 162–163
- как противоположность аристократии, 58–59, 69
- отличительные черты, 38–39, 57
- политическая власть, 53–54, 57, 68–69
- социальный статус, 259–260
- становление, 37–43, 58–59, 78–86, 89–90, 158–159
- формирование, 67–68, 69
- экономическая мощь, 2, 37–39, 57–58, 61
- Буркхардт, Якоб, 19
- Бутефлика, Абдельазиз, 164
- Буш, Джордж, старший, 63, 186, 187, 195, 228
- Буш, Джордж, младший, 100, 176, 186, 227–228
- Бхаратия Джаната парти (БДП), 109–116
- Бхутто, Беназир, 100
- Быюкенен, Пэт, 270–271
- «Банк оф Америка», 220
- В**
- Вайнер, Майрон, 50
- Валенса, Лех, 65–66
- валовой внутренний продукт (ВВП), 64–66, 84, 121, 144–145, 163–164, 171
- валовой национальный продукт (ВНП), 90, 299–300 (прим. 12)
- Ватикан, 25, 31–32
- ваххабизм, 153–154
- Вашингтон, Джордж, 243
- «Вашингтон пост», 100, 256
- Вебер, Макс, 44–45, 244
- Вейль, Сэнфорд, 217
- Веймарская республика, 53–54
- Великая депрессия, 44–45, 54, 60–61, 149, 169, 176, 181, 186, 264

- Великая хартия вольностей, 9, 28–29
- Великобритания:
- английские джентри, 38–39, 243–244
- аристократия, 27–28, 38–39, 41, 60
- государственная религия, 8
- государственный долг, 223–224
- демократические традиции, 37–38, 42, 54–55, 57, 106, 107–108
- империя, 50–51, 66–67, 92, 107–108, 133–134, 137–138, 140
- индустриализация, 57
- капитализм, 36
- монархия, 31–32, 35–36, 37–38, 264–265
- средний класс, 38, 57
- Парламент, 9–10, 1–12, 32–33, 35, 38–39, 40–41, 42, 60, 280, 295–296
- политические партии, 40, 54–55, 280, 295–296
- юридическая система, 22, 28–29, 35–36, 107
- и Европейский Союз, 269
- «Великое общество», 203
- «великое пробуждение», 225, 226–227
- Вена, 52–53, 54
- Венгрия, 44, 63, 65, 66
- Венесуэла, 7, 68, 71, 95–96, 99–100, 167
- Версальский мирный договор, 61
- Верховный суд США, 10–11, 233–234, 247–248, 266, 274
- Вестфальский мир (1648), 32
- Ветхий завет, 128
- взаимные фонды, 222–223
- Византия, 18–19
- Вильгельм I (кайзер Германии), 25, 56
- Вильсон, Вудро, 60, 285
- Вирджиния (штат США), 243–244
- власть:
- государственная, 4–5, 33, 41–42, 57–60, 67–68, 73–75, 99–101, 103–106
- делегирование, 201–202, 266–270
- злоупотребление, 51, 113–114, 273–274, 283–285

- концентрация, 11, 102–103, 138–139
- местная, 32–33
- ответственность, 257–258, 262–263
- передача, 100
- разделение, 1–2, 67–68
- распространение, 1–2, 12–13, 75–76, 95–96, 102–103, 105–106, 193–198
- роль знаний, 260 (прим.)
- узурпация, 102–106
- централизация, 35–36, 92–95, 104–106, 268–270
- внешняя торговля, 79–80
- Во, Ивлин, 264
- война, 116–120, 172–173, 175, 266
- в Вьетнаме, 171, 174, 181, 196, 206
- в Персидском заливе, 140–141, 146
- Вольтер, 33, 40
- вопрос о методах выплаты зарплат (США), 214
- Восточный Тимор, 166
- врачи, 242, 248–249, 282
- Всемирная торговая организация (ВТО), 80, 82, 163, 272
- «Всемирная штаб-квартира духовников пасторства церкви Джерри Фолуэлла», 230
- Всемирный банк, 131, 167, 299–300 (прим. 12)
- всеобщее избирательное право, 9, 42–43, 53–55, 106–107, 119–120
- Вторая мировая война, 56, 59, 85, 138, 176, 178
- Второй избирательный закон (Великобритания, 1882), 55
- Вуд, Гордон, 41
- Вульф, Алан, 235
- выборы:
- легитимные, 50, 88
- непрямые, 265
- сбор средств, 181–182, 197, 198–201, 233–234
- свободные, 1, 6, 79, 90, 98–99, 167

первичные (праймериз), 195–197
участие в, 8, 9, 42–43, 53, 54, 75–76, 173–174
и диктатура, 5–6, 48–49, 53–54, 165–166, 169
и многопартийность, 13, 94–95, 97–98, 103, 150, 158, 165–167, 178–179, 193–198
выборы (президентские) в США:
в 1824 году, 42
в 1940 году, 196
в 1952 году, 196
в 1960 году, 196
в 1968 году, 196
в 1978 году, 203–204
в 1980 году, 197
в 1992 году, 194
в 1996 году, 195 (прим.)
в 2000 году, 193, 197, 228
в 2004 году, 194
Вьетнам, 192–193
Вэнс, Сайрус, 248

Г

Гавел, Вацлав, 65
Гамильтон, Александр, 244, 247
Гана, 49, 167, 264
Ганди, Индира, 45, 109–110, 113
Гарвардская школа права, 16
Гардинг, Сьюзен Френд, 232–233
Гарриман, Э.Г., 49–50
Гарун, аль-Рашид, 142
Гватемала, 279
Гейтс, Билл, 260
Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), 272
Генрих II (король Англии), 28
Генрих IV (император Священной Римской империи), 25
Генрих VIII (король Англии), 31–32
Георг III (король Англии), 40–41
Гери, Франк, 239
Германия, 44–45, 46–47
Веймарская республика, 53–54, 61, 169

Западная, 56
имперская, 54–55, 60, 69, 83, 139
нацистская, 53–54, 296 (прим. 2)
Геродот, 7
Герцль, Теодор, 52
Гиббон, Эдуард, 24
Бингрич, Ньют, 14, 187
гиперинфляция, 54, 61, 169, 264
Битлер, Адольф, 6, 25, 53–54, 137–137
Блабб, Джон Бэгот, 133
Гладстон, Уильям, 39
гласность, 89
Гоббс, Томас, 23
Голливуд, 208
Голь, Шарль де, 59–60
Гомер, 277–278
гомосексуализм, 234
Гонконг, 10, 115, 146
Горовиц, Дональд, 118
Гор, Альберт, 194
Горбачев, М.С., 87, 89, 98
города-государства, 20, 25–26, 84, 283
государства Персидского залива, 140, 141–146, 163–165
государственный долг, 223
государство:
авторитарное, 1, 5–7, 9, 21, 32–36, 48–51, 54–60, 67–72, 78–106, 118–120, 123–127, 135–142, 148, 149, 266–267, 278–279, 280, 284–285, 299–300 (прим. 12)
большое, 174–175, 185–190, 204, 207–208
бюджет, 182–183, 185, 187–188, 197, 209–210, 271–272, 280–281
бюрократия, 60, 111–112, 140, 243, 244, 264, 270–271
военное, 48–49, 77–78, 84, 95–96, 100–101, 154–155
демократическое, см. демократия, демократизация
диктатура, 1, 5–7, 48–51, 51, 54–60, 68–69, 98–101, 102, 118–120, 123, 135, 138–142, 166, 169, 278–279, 284–285

законодательные органы, 87–88, 102–103, 178–179, 202, 203, 205, 209–213, 281
идеи Просвещения, 33–36
конституционное, 60, 87–88, 90, 95–96, 100, 168, 202
коррупция, 90, 93–94, 96–97, 97–98, 100, 104–105, 111–116, 121, 202, 280–281, 299–300 (прим. 12)
легитимность, 71–72, 101–106, 172–173, 181, 266–267, 270–274, 282–285
местное, 32–33, 87–88, 93–94, 102, 202–215
национальное, 32–33, 102–103, 105, 178–193
недоверие к, 14–15, 171–215, 266, 282–284
неработоспособное, 185–190
общественные программы, 174–175, 197–198, 202, 244–245, 248–249
ограниченное, 104, 104
однопартийное, 48–49, 69–70
олигархическое, 92–93
разделение ветвей власти, 6, 9–10, 35, 58–59, 107
расходы, 70–71, 91, 92–93, 167–168, 174–175, 185–190, 208, 269–270, 276, 299–300 (прим. 12)
регулирование, 243–245, 250–251, 264–266
система сдержек и противовесов, 9, 88, 119–119, 169, 219, 281
субсидии, 185–190, 268–269, 272
теократическое, 1, 6–7, 124–125, 127–128
централизованное, 34–35, 267–270
экономическая политика, 46–47, 70–71, 171, 188–189, 208, 216–217, 265–266, 274–275
эффективное, 73–75, 97–98, 104, 140–141, 200–201, 270271, 281–285

и религия, 8–9, 21–22, 23–25, 155–160
государство благосостояния, 60, 268–269
Гражданская война в США, 118
Греция, 62–63, 64–65
Греческая православная церковь, 25
греческая цивилизация, 20–21, 179, 283
Григорий VII (Римский Папа), 25
Гротон (частная школа, США), 257–258, 260–261
Грузия, 98, 117
группы особых интересов, 172, 176–177, 183–193, 270271, 214–215, 255–256, 268–269, 272, 283
Грэхем, Билли, 224–225, 228–230
Грэхем, Франклин, 233–235
«грязная бомба», 4
Гуанчжоу, 81–82
Гувер, Герберт, 246–247
Гугенхайм, Бенджамин, 262–263
музей Гугенхайма в г. Бильбао (Испания), 239–240
Гусинский, В., 92–93
Эффе, Дэвид, 238

Д

Давид (иудейский царь), 24
Давидовф, Николас, 231
Даймонд, Ларри, 95
дакрон, 185–186
Дамаск, 139–140
Дания, 56, 269–270
Дарендорф, Ральф, 57
движение «демократическая стена» (КНР), 80–81
движение за гражданские права, 10–11, 196–197, 233–234
«Дворец желаний» (Махфуз)
Девос, Ричард, 214–215
Дейтонские мирные соглашения (1995), 165–166
деловой цикл, 268–269
демократизация:

историческое развитие, 56–57
 культуры, 2–3, 231–241, 255–256, 260–261
 последовательность, 50–51
 распределение власти, 1–2, 13–14, 75–76, 92–93, 102–103, 106, 193–198
 распространение, 176–177, 193–217
 религии, 224–236
 экономические факторы, 2, 49–50, 68–73, 78–86
 и авторитарное правление, 9–10, 49–51, 78–101, 278–279, 280–281
 и капитализм, 2, 41, 78–86, 162–165, 217–219, 282–283
 и коммерциализация, 36–39, 248–249, 255–257
 Демократическая партия (США), 196–197
 демократия:
 «бандитская», 111
 делегированная, 264–285
 дерегулирование, 266
 идеальная модель, 43
 конкуренция, 244–245, 247–248, 249–250, 255–256, 258–259
 лидерство, 60–61, 65–66, 178–179, 188, 196, 270–271, 224–225, 266
 нелиберальная, 4–5, 13–14, 58–59, 87–122, 166–167
 непрямая, 178–181, 265
 общественное мнение, 1–2, 172–173, 178–180
 обуздание, 11–12, 16–17
 ограниченная, 16–17, 165–170, 62–63, 89, 106–107, 126, 165–170
 определение, 1–2, 7
 политический либерализм как основа, 11–12, 16–17, 44, 48–49, 56–57, 58–59
 президентская, 87–95, 95–96, 102–106, 166–167
 происхождение, 75–78, 97–98, 165–170

прямая, 1–2, 7, 15–16, 21, 179, 270–271, 201–207, 283
 распространение, 1–2, 3, 66–67, 181–184, 193–217, 250–251, 264–265
 совместная, 40–43, 201–202
 элиты, 197–198, 214–215, 241–243, 257–263, 265
 и война, 116–120, 266–267
 и проблема фракционности, 191–193, 244–245, 273
 и свобода, 6–11, 16–17, 52–53, 82–83, 101–102, 172
 и экономическая реформа, 63–73, 74–86, 89–90, 92–94, 100–101, 107–108, 120–122, 162–165, 280–282
 как идеал среднего класса, 38–39, 69–70
 как народовластие, 1–2, 7, 179
 как противоположность диктатуре, 1–2, 5–7, 49–50, 51, 52–53, 67–68, 97–101–102, 118–119, 123, 134–135, 137–143, 166–167, 169, 278–279, 283–284
 как противоположность коммунизму, 60–61, 283–284, 296 (прим.)
 как противоположность конституционному либерализму, 101–102, 106–107, 117–118, 162–165
 как противоположность республиканизму, 118–119, 272–274
 «Демосклефоз» (Роуч), 174, 185–186
 десегрегация в школах, 10–11
 десегрегация, расовая, 10–11
 Джанини, А.П., 219–220, 222–224
 Джарвис, Говард, 203–204
 «Джей Пи Морган», 216–217
 Джексон, Эндрю, 42–43
 джентльмены, 39, 140, 262–263
 джентри, 39, 243–244, 295 (прим. 10)
 Джефферсон, Томас, 35–36, 226 (прим.), 243–244
 Джонс, Эрик, 26
 Джонсон, Линдон Б., 203

Джонсон, Пол, 28–29, 127–128
 Джоунс, Боб (младший), 233–235
 Джоунс, Боб (старший), 228–229, 231
 Джулиани, Рудольф, 175–176
 Джха, Прем Шанкар, 111–112
 Дидро, Дени, 33
 Дизраэли, Бенджамин, 39, 55, 222–224
 династия Маньчжу, 26–27
 Дойл, Майкл, 119–120
 «Дорожные указатели» (Кутб), 149
 Доул, Роберт, 195 (прим.)
 доход на душу населения, 63–67, 76–78, 79–80, 84–85, 97–98, 99–100, 121, 144–145, 158–159, 171–172
 Дрейпер, Тимоти, 214–215
 Дубай, 163–164
 «духовное стремление», 65–66
 «духоискатели», 235
 Дьюи, Джон, 265
 Дэвис, Джон У., 252–253
 Дэн Сяопин, 81–82
 Е
 евреи, 52–53, 128, 130–131, 228–229, 257–259
 евро, 269–270
 Европа:
 американизация, 282–283
 аристократия, 26–29, 33–41, 58–59, 60, 257–258
 валовой внутренний продукт, 63–66
 Восточная, 44, 62–63, 64–65, 99–100
 география, 25–26
 демократические государства, 43, 52–63, 73–75, 74, 169
 диктатуры, 136–137
 доход на душу населения, 64–65, 76–78
 континентальная, 58–60, 242–243, 243–244, 244–245, 250–251
 либеральные автократии, 9–10

монархии, 24–36, 54–55, 59–60, 264–265
 национализм, 47
 протестантская Реформация, 29–32, 47, 72–73, 155
 сбор налогов, 104
 сельское хозяйство, 74
 см. также отдельные страны
 «европейское чудо», 26
 Европейский Союз (ЕС), 77–78, 132, 267–270, 271–272
 Египет, 137–142
 диктатура, 1, 123, 134–135, 137–143
 исламский фундаментализм, 130, 144–145, 158–159
 колониальный период, 138–140
 налогообложение, 70–71, 299–300 (прим. 12)
 отношения с США, 123, 137–138
 политическая реформа, 158–159, 164
 экономическое развитие, 70–71, 144–145, 144–145, 148–149, 158–159, 163–164
 Екатерина Арагонская, 31–32
 Екатерина II (российская императрица), 33
 Елизавета II (английская королева), 264–265
 Ельцин, Б.Н., 87–89, 92, 105–106, 166–167
 епископальная церковь, 224, 225, 228–229, 230–231

Ж

железнодорожное строительство, 202
 Женева, 31 (прим.)
 женщины:
 в исламе, 124–125, 131–132, 135–135, 148, 154–155, 164–165
 избирательное право, 7–8, 42–43, 124–125, 251–252, 265
 жизненные стандарты, 96–97, 158
 журналистика, 241, 255–257, 281–282

З

Закон о гомстедах (1862), 74–75
 «законы Джима Кроу», 10–11, 173
 «законы о солнечном свете», 183
 закрытие военных баз (в США), 277
 Замбия, 45, 117–118
 здравоохранение, 185, 248–249, 257–258
 земельная реформа, 74–75, 79–80, 261
 Зимбабве, 1, 74–75
 Зия-Уль-Хак, Мухаммед, 154–155
 зулусы, 168–169

И

Ибрагим, Анвар, 77–78
 избирательная реформа в Великобритании (1832), 42
 избирательные права афроамериканцев, 10–11, 42–43, 173, 265
 изобретение печатного станка, 29–30
 Израиль, 46, 125–126, 128, 130–131, 140–141, 160–162, 162
 иммиграция, 212–213
 Империя моголов, 26–27, 114–115
 «инвеститура» монархов, 24–25
 инвестиции, финансовые, 2, 216–224, 242–243, 249–251, 281–282
 «индекс бедности», 171–172
 индекс Джини, 144–145
 «индекс отчужденности», 172–173
 индекс человеческого развития, 278–279
 индивидуальные пенсионные счета (ИПС), 221–222
 Индийский национальный конгресс, 107–109, 114
 Индия, 107–116
 британские колониальные традиции, 66–67, 92, 107–108
 выборы, 107–108, 109–110, 111–112, 113–114
 демократия, 63–67, 72–73, 74–75, 102, 106–107, 281

Избирательная комиссия (Индия), 110–111
 Империя моголов, 26–27, 114–115
 индуистский национализм, 109–111, 110–111, 114–115
 модернизация, 139–140
 мусульманское население, 110–111, 114–116, 131–132, 154–155
 парламент, 102, 107–109, 110–111
 политическая коррупция, 111–114
 христиане, 115–116
 штат Бихар, 74–75, 112–113
 штат Гуджарат, 110, 115–116
 штат Махараштра, 113, 115
 штат Уттар-Прадеш, 74–75, 110–111
 штат Харьяна, 112–113
 экономическая реформа, 46, 48–49, 107–108, 113–114
 юридическая система, 107–110, 113
 Индонезия, 6, 85, 121–122, 131–132, 136–137, 154–155, 278–279
 индуизм, 45, 110–111, 110–111, 114–115
 институты по изучению публичной политики, 252–253
 Институционно-революционная партия (ИРП), 75–76
 иностранные инвестиции, 79–80, 81–82, 167–168
 интернет, 3–4, 15–16, 84–85, 84–85, 161–162, 238–239, 250–251, 281–282
 интернет-компании, 15–16
 инфляция, 54–55, 60–61, 169, 220–221, 264–265, 274–275
 информационная революция, 3–4, 255–256, 281–282
 Иоанн (король Англии), 28–29
 Иордания, 124–125, 134–135, 140, 145, 158–159, 163–164, 167
 Иосиф II (австрийский император), 33
 Иосиф Флавий, 128
 Ирак, 6–7, 132–133, 134–135, 140–141, 144–145, 164–165, 165–166, 167

Иран, 6–7, 76, 130–131, 148–149, 151–152, 156–157
 ирано-иракская война, 145–146
 Иранская революция (1979), 148–149, 151–152, 156–157
 ислам, 123–170
 антиавторитарный характер, 127–133, 151–152, 154–155, 156–157
 базар как традиция, 163
 ваххабизм, 153–154
 влияние на молодежь, 148–149
джихад, 124–125, 130, 154–155, 300 (прим. 13)
 западное восприятие ислама, 127–129, 133–134, 137, 233–235
 исламские теократии, 1, 6–7
 Коран, 128, 129 (прим.), 159
 культурное наследие, 137, 146–147, 150–151, 153–154, 156–157, 158–159, 163
 местные варианты, 151–152
 община верующих (*умма*), 32 (прим.), 130
 правовая система (*шариат*), 127
 реформирование ислама, 155–160
 роль мечетей, 156–157
фетвы, 129–130
 фундаментализм, 30–31, 100, 121, 124–127, 130–131, 143–144, 148–155, 160–161, 300 (прим. 13)
хадисы, 12 (прим.), 156–157
 халифат, 127
 шииты и сунниты, 132 (прим.), 151–152, 156–157
 в арабских странах, 123–127, 130, 132–133, 133–151, 158–159
 в Индии, 110–111, 114–116, 131–132, 154
 в сравнении с христианством, 127–128, 129–130, 155, 156, 159–160
 и автократическое правление, 123–127, 134–143, 149
 и архитектура, 154
 и вестернизация, 137–138, 139–140, 146–149, 154–155

и восточная ментальность, 133–134, 136–138
 и глобализация, 147–149
 и демократические традиции, 124–127, 131–132, 133–134, 155–156
 и женщины, 124–125, 131–132, 135–137, 148, 154–155, 164–165
 и интеллектуальная жизнь, 141, 151–152
 и колониализм, 137–138, 138–141
 и модернизация, 139–140, 146, 154–155
 и политическое развитие, 137–143, 146–148, 149, 150–151, 154–155, 154–155, 157–160
 и рост населения, 144–145
 и секуляризация, 147, 154–155, 156–158
 и социальная структура, 134–136
 и экономическое развитие, 143–146, 158–159, 158–159, 162–165
 исламисты, 130 (прим.)
 Испания, 62–63, 66–67, 66–67, 106, 162
 испанская инквизиция, 23–24
 Италия, 47, 139, 268–269
 иудаизм, 128

Й

Йельский университет, 224–225, 260–261
 Йемен, 155
 Йоргенсон, Дэйл, 275–276
 Йоффе, Йозеф, 268–169

К

Каддафи, Муаммар, 96–97, 134–135
 Казахстан, 11, 98–99
 казначейские векселя (США), 220–221
 Калигула (римский император), 22–23
 Калифорния, 203–215, 272–273, 283
 Кальвин, Жан, 30–31 (прим.)

кальвинизм, 30–31
 кампания за финансовую реформу, 181–182, 194–195, 198–201, 213–215
 Канада, 51 (прим.)
 Кандар, Йенгиз, 77–78
 Кант, Иммануил, 118–119
 капитализм:
 глобальный, 147–149, 167, 268–269, 268–269, 271–272
 государственный, 69–70
 культурное влияние, 240–241
 легитимность, 224–225
 олигархический, 47, 202
 определение, 36 (прим.)
 развитие, 36–39, 67–68
 распространение, 36–39
 регулирование, 265
 и демократизация, 2, 41–42, 78–86, 160–162, 217–219, 282–283
 и индустриализация, 57
 и колониализм, 51
 и коммунизм, 78–86, 89–90
 и либерализм, 36–38, 48–49, 57
 и свободное предпринимательство, 57, 58–59, 74–75, 167, 186, 257–258, 264–266, 268–269
 капиталообразование, 222–224
 Карл Великий (франкский король), 25
 Карл I (король Англии), 37
 Карл V (император Священной Римской империи), 25
 Карнеги, Эндрю, 244–245
 картели, профессиональные, 246–247, 255–256
 Картер, Артур, 249–250
 Картер, Джеймс К., 246–247
 Картер, Джимми, 194–195, 227–228
 Кастро, Фидель, 96–97, 192–193
 Катар, 68–69, 124–125
 католическая церковь, 19–20, 23–25, 29–32, 47, 52–53, 72–73, 127–128, 155, 196, 228–229
 КГБ, 98
 Кедури, Эли, 127–128
 Кейнон, Дж. П., 295
 «Кембриджская экономическая история Европы», 58–59
 Кения, 49
 Кеннеди, Джон Ф., 179–180, 196
 Керри, Боб, 194–195
 Ким Дэ Джун, 65–66
 Кинг, Энтони, 200–201
 кино, 3
 Кинсли, Майкл, 14 (прим.)
 Киплинг, Редьярд, 259–260, 303 (прим. 22)
 Киргизия, 98, 102, 166–167
 Китай, 78–86
 демократические реформы, 15–16, 78–86, 89, 167, 278–279
 древняя цивилизация, 26–27, 139–140
 коммунистический режим, 78–86, 89–90, 192–193
 международная политика, 81–82, 161–162
 экономическое развитие, 45, 47, 78–86, 89, 167, 278–279
 Китайская демократическая партия (Тайвань), 65–66
 Клемент VII, Папа Римский, 31–32
 Климт, Густав, 52
 Клинтон, Билл, 13–14, 123–124, 185, 187–189, 194–195, 211–212, 229
 клуб «Книга месяца», 236–238
 «Клуб 700» (телешоу), 231
 клубы, частные, 258–259
 клятва Гиппократа, 248–249
 кодекс чести, 262–263
 Койе (аббат), 40
 колледж Виктории (Египет), 140
 коллективные действия, 191–192
 колониализм, 51, 137, 138–141, 303 (прим. 13)
 Колония Массачусетского залива, 201
 Колумбия, 144–145
 комиссия за посреднические услуги, 222
 Комиссия по ценным бумагам и биржам, 279–280

комитеты политического действия (КПД), 198–200
 коммунизм:
 китайский, 78–86, 89–90
 крах, 1, 62–63, 98, 117, 171–172
 советский, 137–138, 140–141, 206
 как противоположность демократии, 60–61, 283–284
 Коммунистическая партия Китая, 78–86, 89
 Конгресс США, 11, 13–14, 181–182, 187–189, 266, 276–277, 281
 конгрегационалистская церковь, 225
 Коннектикутская конференция по муниципалитетам (ККМ), 210
 Коннерли, Уорд, 212–213
 Консервативная партия, 55–56
 Констан, Бенжамен, 21
 Константин (римский император), 18–19
 контроль над ценами и заработной платой, 264–265
 конфликт в г. Айодхья (Индия) по поводу мечети, 110–111
 конфуцианство, 46, 47
 Коран, 128, 129 (прим.), 303 (прим. 13)
 Корани, Бахгат, 135
 корпорации, 249–250, 273–274, 276
 Коста-Рика, 74
 Коткин, Джоэль, 45
 Красная Армия, 62–63
 «Крах демократии: инициативные группы и власть денег» (Бродер), 213–214
 кредит, финансовый, 216–217, 219–224
 кредитные карты, 219–220
 кредиты, потребительские, 219–220
 Кренц, Томас, 239–240
 крестьянство, 28–29, 47, 53, 55
 Кромвель, Оливер, 31 (прим.)
 Кромер, Ивлин Бэринг, 133–134
 Куба, 95, 183, 192–193, 278–279
 Кувейт, 68–69, 124–125, 140–141, 142, 145–146, 148, 299–300 (прим. 12)
 Куиндлен, Анна, 237 (прим.)
 курды, 141–142

Кутб, Саид, 148–149, 154–155, 300 (прим. 13)

Л

Ланг, Жак, 116–117
 Латинская Америка:
 валовой национальный продукт, 263 (прим. 12)
 демократические государства, 63, 95–96
 индекс Джини, 144–145
 диктаторские государства, 90, 102–103
 земельная реформа, 74–75, 74–75
 капитализм, 69–70
 см. также отдельные страны
 латынь, 21–22
 Лев III (Папа Римский), 24–25
 Левински, Моника, 229
 лейбористская партия, 55–56
 Леман, Николас, 260–261
 Леонард, Билл, 241
 Ле Пен, Жан Мари, 270–271
 либерализм:
 антимонархический, 54–55
 классический, 8–9 (прим.)
 конституционный, 6, 8–11, 50–51, 58–59, 84–85, 95, 101–102, 107–108, 117–118, 162–165
 и демократия, 11–12, 16–17, 44, 48–49, 56–57, 58–59, 62–63, 89, 106–107, 126, 165–170
 и капитализм, 36–38, 48–49, 57
 и консерватизм, 187–190, 205–206, 208–209, 252–254
 и монархия, 54–55, 59–60
 и популизм, 53–55, 60–61
 Либеральная партия (Великобритания), 54–55
 Ливан, 140–142
 Ливия, 134–135, 167
 Лига арабских государств, 134–135, 143–144
 «Лики мужества» (Д. Кеннеди), 179–180

Ли Куань Ю, 45–47, 84–85, 279
 Лин, Дэвид, 133–134
 Лорен, Ральф, 39
 Лоуренс, Т.Е. («Лоуренс аравийский»), 133–134
 Лилла, Марк, 62
 Лимоньи, Фернандо, 64
 Линд, Джон Уолкер, 143–144
 Линд, Уильям, 127–128
 Линц, Хуан, 103–104
 Липсет, Сеймур Мартин, 63–64
 Лонг, Хью, 60–61, 217–218, 235
 «Лос-Анджелес таймс», 256–257
 Лукашенко, А.Г., 76–77, 101–102
 Льюис, Бернард, 142, 156–157
 Льюис, Майкл, 247–248
 Лэй Чэнь, 65–66
 Люгер, Карл, 52–53, 54–55, 56–57
 Людовик XIV (король Франции), 34
 Люкакс, Джон, 261–262
 Лютер, Мартин, 29–31

М

Мадонна, 2
 «Майн Кампф» (Гитлер), 53
 Макговерн, Джордж, 194–195
 Макдональд, Дуайт, 236–237
 «Макдональдс», 165, 165
 Макиавелли, Никколо, 119–120
 Маккейн, Джон, 228–229
 Малайзия, 46–47, 48–49, 70, 76, 77, 137, 154, 159–160, 167
 Малер, Густав, 52
 Мали, 132
 Мандела, Нельсон, 65–66, 92
 маратхский шовинизм (Индия), 114–116
 Маркс, Карл, 38, 69–70, 85–86
 марксизм, 74–75
 Марокко, 76, 78, 124–125, 134–135, 158–159, 167
 «Массовая культура и культ среднего класса» (Макдональд), 236–237
 Мaudуди, Абул Ала, 149 (прим.), 154–155, 300 (прим. 13)

Махфуз, Нагиб, 135–136, 152–153
 «мегацерковь», 230
 меджлис, 136
 «Медикэйр» (программа бесплатной медицинской помощи престарелым в США), 174–175, 197–198
 медресе (религиозные школы), 153–154
 Международный валютный фонд (МВФ), 120–121
 Мексика, 74–75, 75–76, 162, 165
 Менем, Карлос, 102, 166–167
 методисты, 224, 225
 «Метрополитен» (музей), 238–239
 Милкен, Майкл, 222–224
 Милль, Джон Стюарт, 101–102
 Милошевич, Слободан, 116–117
 министерство здравоохранения и социального обеспечения (США), 281
 Минская династия (Китай), 26–27
 мировое сообщество, 97–98
 Миссури, 214–215
 Мобуту, Сесе Секо, 279
 Модри, Пилу, 45
 Мозамбик, 97–98
 Монтебелло, Филиппе де, 238–239
 Монтескье, Шарль, 35–36, 58–59, 168
 «Моральное большинство», 230, 233–235
 Моравчик, Эндрю, 269–270
 Морган, Дж. П., 49–50, 216–217
 морские субсидии, 186
 Мосли, Освальд, 60–61
 «Моссад», 125–126
 Мубарак, Хосни, 1, 123, 162
 Мугабе, Роберт, 1
 Муди, Джесс, 235
 музеи, 238–239
 Музиль, Роберт, 52
 музыка, популярная, 2
 Мур, Баррингтон, младший, 38
 Муссолини, Бенито, 137
 Мухаммед (пророк), 129, 156 (прим.), 163, 233–235, 300 (прим. 13)
 Мушарраф, Первез, 100–101, 154–155

Мэдисон, Джеймс, 35–36, 48–49, 106–107, 168, 179, 191–192, 243–244, 273–274
 Мэнсфилд, Эдвард, 120

Н

налогообложение:

доходов, 220–221, 276–277
 доходы от, 71–72, 91, 92–93, 208, 276, 299–300 (прим. 12)
 имущества, 23–24, 203
 кодексы, 192, 276–277, 281
 произвольное, 28–29, 37, 40–41
 освобождение от, 192, 220–221
 повышение, 188–189, 264–265
 референдумы по, 202–207, 209–210
 реформа, 183, 276–277
 сбор, 104–105
 и представительная власть, 71–73, 145–146, 244–246
 Наполеон (император Франции), 25, 57, 139–140
 Наполеон III (император Франции), 120
 Насер, Гамаль Абдель, 134–135, 136, 138–140
 «Наследие США», 231–232
 Науман, Фридрих, 57–58
 нацизм, 53–54, 151–152
 национализм, 47, 52–56, 120, 139–140, 146–147
 национальная независимость, 21–22
 Национальное бюро экономических исследований, 252–253
 Национальный фонд за демократию, 166–167
 Наяр, Кулдин, 112–113
 неправительственные организации (группы), 11–12, 102, 103–104, 166–167, 190, 242–243
 Неру, Джавахарлал, 92, 108–109, 111, 113–114
 Нигерия, 68–69, 70–71, 132, 144–145
 Нидерланды, 56

Никсон, Ричард М., 205, 229, 233–234, 264–265
 Новая Зеландия, 51 (прим.)
 «новые» демократы, 194–195
 Нойхауз, Ричард Джон, 229
 Нокера, Джозеф, 219–220
 Норд, Филипп, 67–68
 Норман, Джесси, 2
 Норт, Дуглас, 37
 НТВ, 93
 Ньерере, Джулиус, 136–137
 «Нью-Йорк таймс», 97–98, 217, 222–224, 231–232, 237, 256–257
 «Нью-Йоркер», 302 (прим. 12)
 Нью-Йоркская коллегия адвокатов, 245–246
 Нью-Йоркская фондовая биржа, 220–221
 «Нью стейтсмен», 139
 «Ньюсуик», 204, 207–208, 257 (прим.)

О

обрабатывающая промышленность, 91
 образование:
 государственное, 10–11, 197–198, 208, 209–210, 214–215, 244–245, 278–279
 социальное влияние, 10–11, 68, 69, 140–141, 151–152, 278–279
 частное, 257–258
 общество:
 гражданское, 150–151, 158–159, 164–165, 173
 иерархическое, 2–3, 26–29
 изменения, 2–3, 78–86, 96–97, 146–149, 190, 196–198, 214–215, 219, 239–241
 индивидуализированное, 21, 175
 классы, 11–12, 36, 36–38; см. также отдельные классы
 мировое, 147–149
 неспособное, 6–7, 15–16, 103–104, 121–122, 282–284
 плюралистическое, 93–94

репрессивное, 126
 светское, 147, 154–155
 стабильное, 116–120, 162–163
 успешно функционирующее, 47–48
 этнические конфликты, 117–118, 165–166
 и образование, 10–11, 68, 69, 140–141, 151–152, 278–279
 Объединенные Арабские Эмираты, 68–69, 163–164
 Одиссей, 277–278
 «О духе законов» (Монтескье), 35–36
 ожидаемая продолжительность жизни, 278–279
 «Оксфордская популярная энциклопедия», 36 (прим.)
 Олаварриа, Хорхе, 95–96
 Олсон, Мансур, 185, 191–192
 Олсон, Джозеф, 257–258
 О'Нил, Томас, 165, 176
 опросы Гэллапа, 172–173, 227–228
 опросы общественного мнения, 13–14, 93–94, 172–173, 179–180
 опросы Харриса, 172–173
 Организация Объединенных Наций, 97–98, 278–279
 Организация Освобождения Палестины (ООП), 124–125
 Организация Североатлантического Договора (НАТО), 132
 Орегон, 214–215
 «О свободе» (Милль), 101–102
 «отказ от определенности», 155
 Османская империя, 26–27, 128–129, 139–140

П

Пайнс, Бертон, 253–254
 Пайпс, Ричард, 87, 295
 Пакистан, 74–75, 100–101, 102–103, 131–132, 154–155, 158–159
 Палата лордов, 11–12, 35, 40–41, 60
 Палата общин, 35, 38–39, 60
 Палата представителей (США), 181–183

палестинцы, 10, 123–124, 132–133, 154, 161–162, 161–162
 панарабизм, 139
 папство, папский престол, 19, 24–25, 29–32, 128, 155, 228–229
 парки, публичные, 208
 Патнэм, Роберт, 172–173
 патриотизм, 175, 273
 Пен, Томас, 226 (прим.)
 пенсионные фонды, 3, 217–218, 222–224
 Пенсионный фонд институтских преподавателей и работников некоммерческих организаций США, 217–218
 Первая мировая война, 55–56, 60–61, 64–65, 85, 140, 252–253, 264–265
 перебои с подачей электроэнергии, 208
 перестройка, 89
 Перикл, 20
 Перл, Джек, 239–240
 Перон, Хуан, 136–137
 Перо, Росс, 176
 Перу, 99–100, 102–103
 Пибоди, Эндикотт, 224–225, 257–258
 «Пикассо и железный период» (выставка), 240–241
 Пиль, Роберт, 39
 Пиночет, Аугусто, 94
 «план Маршалла», 143
 «Племена» (Коткин), 45
 «позолоченная эпоха», 49–50, 202, 260–261
 поисковые системы в интернете, 3–4
 политическая философия, 271
 политические деятели:
 обращение к результатам опросов общественного мнения, 13–14, 93–94
 репутации, 172–173, 176, 190, 200–201, 211, 277
 политические партии, 13–14, 90–98, 102–103, 150–151, 154–155, 158–159, 165–166, 178–193, 193–198, 213–214, 254–255

представительная, 27–28, 42–43, 70–72, 118–119, 145–146, 244–245
 революции, 35–36, 60–61, 121–122, 148–149, 148–149
 реформа, 38–39, 53–54, 69–70, 74–86, 89, 90–95, 99–101, 121–122, 202–203, 279–282
 роль масс, 14–15, 55–56, 62, 98–99, 103–104, 151–152, 172, 193–217, 270–271
 служение обществу, 197–198, 215, 242–248, 251–263
 тирания большинства, 106–116, 169, 172, 190, 191–193, 245–247
 характеристики, 7–9
 экономические основы, 45–46, 63–86, 91, 121–122
см. также государство

политические системы:
 англо-американская, 243–244, 250–251, 269–270
 беспристрастность, 252–255, 276–277
 двухпартийность, 212–213, 252–255
 демократическая, *см.* демократия;
 демократизация
 континентальная, 242–243, 243–244, 250–251
 консервативные и либеральные взгляды, 187–190, 205–206, 208–209, 252–255
 легитимность политических институтов, 16–17, 95–95, 120, 172, 176, 176, 214–215, 251–263, 266, 274–275, 281, 282–283
 местный колорит, 165–166
 посредничество, 281–282
 права меньшинств, 11–12, 82–85, 106–107
 Польша, 44, 62–63, 72–73, 94
 популизм, 14–15, 55–56, 62, 99–100, 103–104, 151–152, 172–173, 206, 270–271
 Португалия, 51, 62–63, 64–65, 162

«посредничающие ассоциации», 12, 169
 постколониализм, 51
 постнационализм, 47
 права, социальные, 174–175, 185–186, 197–198
 права человека, 21, 65–66, 82, 107–108, 123, 167, 192–193
 право:
 американское, 10–11, 11–12, 178, 233–234, 244–248, 266, 274
 беспристрастность, 9–10, 280–281
 британское, 22, 28–29, 35, 107–108
 верховенство, 6, 9–10, 21–22, 27–28, 48–49, 58–59, 74–75, 87–88, 89, 93–94, 104, 166–167
 избирательное, 49–50, 87–88
 исламское (*шариат*), 127
 общее, 28–29
 налоговое, 192, 276–277, 281
 плебисциты, 206–207, 212–213
 принятие законов, 269–270
 равенство перед законом, 32–33, 58–59, 93–94
 реформа, 74–75, 78, 82
 римское, 21–22, 27–28
 соблюдение законности, 21–22
 традиции, 10–11, 51, 178, 233–234, 244–248, 249–250, 247–248, 258–259, 281–282
 экономическое, 74–75, 167
 предварительное обсуждение законопроектов (Конгресс США), 182–183
 Предложение № 4, 193
 Предложение № 13, 203–205, 209
 Предложение № 62, 209
 Предложение № 98, 209
 Предложение № 187, 212–213
 Предложение № 209, 212–213
 Предложение № 218, 209
 предприниматели от политики, 214–215
 предпринимательство, 41–42, 45, 57, 69–70, 162–163, 214–215
 «Прекрасная Америка» (гимн США), 16

пресвитерианство, 224, 225
 престарелые, 268–269
 природные ресурсы, 68–73, 91, 96–97, 97–98, 145–146, 167–168
«Проблемы с властью» (Бок), 174
«Прозулка по дворицу» (Нагиб Махфуз), 135–136
 производство, 37, 185–186, 188–189
 пропаганда, 57–58, 91
 просвещенный абсолютизм, 33–34
 протекционизм, 268–269
 протестантизм, 29–32, 47, 72–73, 129–130, 155, 224–236, 260–261
 протестантская трудовая этика, 47
«Протестантская этика и дух капитализма» (Вебер), 244–245
 профсоюзы, 166–167, 214–215
 профсоюзы учителей, 215–216
 процентная ставка, 220–221, 269, 270–271, 275
 Пруссия, 57–58, 60, 106
 пуританство, 31 (прим.), 260–261
«Пути войны и мира» (Дойл), 119–120
 Путин, В.В., 87–88, 92–95, 102, 105–106
 Пшеворский, Адам, 64
 Пэй Миньсинь, 49, 67
 Пэквуд, Роберт, 183

Р

рабочий класс, 53, 55, 62–63, 269–270
 рабство, 10–11, 26–27
 радио, 3–4
 развивающиеся страны, 6–7, 107–108, 144–145, 266–267, 280–281
 Райдер, Энтони, 249–250
 Расмуссен, Пауль Нироп, 269–270
 распродажа индульгенций, 29–30
«Рассматривается дело: как средний класс присоединился к денежному классу» (Нокера), 219–220
 регистрация избирателей, 197–198
 регистрация избирателей при получении водительских прав (США), 173
 Редвей, Дженис, 236–237

Реза Пехлеви (шах Ирана), 151–152
 Рейган, Рональд, 187–188, 194–195, 203–204, 205
 реклама, 247–248, 249–250
 религия:
 демократизация, 224–236
 евангелическая, 224–236
 нетерпимость, 110–111, 114–116
 нравственное руководство, 224–225, 230–231
 терпимость, 21, 23–25
 фундаменталистская, 30–31, 100, 121–122, 124–127, 130, 143–144, 141–150, 151, 207–208, 213–215, 303 (прим. 13)
 эгалитарная, 224–225
 язык, 150
 и государство, 8–9, 19, 24–25, 155–160
 и массовая культура, 230–231
 и свобода, 6, 8–9, 28–29, 29–32, 33–34, 137–138
 см. также отдельные религии
 Рени, Гвидо, 240–241
 Республиканская партия (США), 187–189, 194–195, 195–198, 204, 205–206, 212–213, 233–235, 252–255
 референдумы, 15–16, 200–201, 202–207
 реформа системы социального обеспечения, 212–213, 281
 Риверсайд (парк в Нью-Йорке), 242–243
 Римская империя, 18–19, 21–22, 25, 26–27
 «рисковые» облигации, 222–224
 Ришелье, Арман Жан дю Плесси (французский кардинал), 34
 Робертс, Орал, 231
 Робертсон, Пэт, 127–128, 129–130, 231–232
 Рокфеллер, Джон Д., 49–50
 Росс, Гарольд, 238
 Росситер, Клинтон, 92, 193
 Россия, 87–95
 выборы в, 89, 101, 117, 166–167
 конфликт в Чечне, 87–88, 268–269

парламент, 105–106
 период царизма, 128–129
 президентская демократия, 87–95, 166–167
 сбор налогов, 104–106
 экономическое развитие, 76–77, 89–90
 см. также Советский Союз
 Ростенковски, Дэн, 184
 Ротшильд, Лионель, 222–224
 Роуч, Джонатан, 174, 185–186, 190
«Роэ против Уэйда» (судебное дело в США), 233–235
 Руджеро, Гвидо де, 27–28, 40
 Рузвельт, Теодор, 243–244, 246
 Рузвельт, Франклин Д., 60–61, 175–176, 189–190, 243–244, 246
 Румыния, 62–63, 64–65, 76–77
 Руннимедская конференция (Англия, 1215), 8–9
 Русская православная церковь, 25
 Руссо, Жан-Жак, 283–284
 Рут, Элиу, 245–246, 252–253
 Рыжков, В., 94
 рынок облигаций, 222–224

С

Садат, Анвар, 130, 136
 Сакс, Джеффри Д., 70
 Салазар, Антонио, 62, 136–137
 Салех, Мухаммед, 125
«Саломон бразерс», 260–251
 самоопределение, 21
«Сан-Франциско кроникл», 203–204
 Сартори, Джованни, 51
 Сауд, Абдул Азиз ибн (король Саудовской Аравии), 136
 Саудовская Аравия, 141–146
 валовой внутренний продукт (ВВП), 144–145
 демократическая реформа, 72–73, 92, 124–125
 исламский фундаментализм, 124–125, 125, 144–145, 154–155, 154–155, 158–159

налогообложение, 299–300 (прим. 12)
 нефтяное богатство, 68–69, 68–69, 70–73, 144–145, 146
 отношения с США, 124–125, 130, 141–142, 146, 161
 уровень грамотности, 69
 экономическое развитие, 68–69, 70–71, 72–73, 163–164, 163–164
«Сахавная улица» (Махфуз), 135–136
 сберегательные счета, 220–221
 Св. Амвросий, 24
 Св. Петр, 19
 свобода:
 влияние культур, 44–48
 гарантии, 8–10, 11–12, 16–17, 28–29
 географический фактор, 25–26
 западные традиции, 21–22, 44, 179, 283
 индивидуальная, 21, 40–43, 58–59, 106–107
 история, 18–51, 56–57
 классические истоки, 21–22
 незападные традиции, 45–51
 ограничение свободы, 14–17
 подавление свободы, 6–7, 266–267, 300 (прим. 13)
 революционная, 35–36, 62–63, 121–122, 148–149
 религиозные истоки, 22–23, 23–25
 типы, 6
 экономические факторы, 44, 45–46, 55–56, 60–61, 62–63, 63–73, 76–77, 89–90
 и власть, 21, 30–31
 и демократия, 5–11, 16–17, 52–53, 82–83, 101–102, 172
 и порядок, 16, 48
 и равенство, 32–33, 58–59, 93–94
 и разнообразие, 26
 как неотъемлемое право, 8–9, 11–12
 свобода прессы, 57–58, 65–66, 73, 84–85, 92–93, 102, 103–104, 107–108, 110–111, 123, 150–151, 161, 256–257
 свобода слова, 6, 9–10, 21, 161, 273

свобода собраний, 6, 8–9, 9–10, 21, 191
 свободная торговля, 264–265, 269–
 270, 272–273
 «Свободный Китай» (Тайвань), 65–
 66
 Северная Корея, 21–22
 Североамериканская зона свобод-
 ной торговли (НАФТА), 75–76
 сегрегация, расовая, 10–11
 Седильо, Эрнесто (президент Мек-
 сики), 75–76
 сектор финансовых услуг, 3, 216–224,
 242–243, 249–251, 281–282
 сельское хозяйство, 37, 74–75, 185–
 186, 272
 «Семейный канал» (телеканал в
 США), 231–232
 Сена, Шив, 114–115
 Сенат, 11–12, 180–182, 183–184, 202,
 213–214, 264–265
 Сербия, 44
 Сибрук, Джон, 238, 266 (прим. 12)
 Силиконовая долина (США), 208
 Сингапур, 45–47, 84–85, 114–115, 146–
 147, 163–164, 167, 278
 Сингх, Радхурадж Пратап, 111–112
 Сирия, 132–133, 139–140, 141–142,
 141–142, 279, 299–300 (прим. 12)
 система огораживаний, 37–38
 система счетоводства с двойной за-
 писью, 37
 «Ситикорп», 217
 «Си-Эн-Би-Си», 217–218, 222–224
 «Си-Эн-Эн», 6–7, 125–126, 222–224
 скандинавские страны, 56
 Славная революция (1688), 32–33,
 34–35, 40–41, 295 (прим. 10)
 Словакия, 99–100
 Словения, 44
 «служашие суда», 245–246
 Служба внутренних доходов (США),
 276–277
 служение обществу, 243–244
 смертная казнь, 197–198
 «смешанные режимы», 16
 Снайдер, Джек, 53–54, 120

события на площади Тяньаньмэнь
 (КНР), 78–79, 81
 Совет по внешним сношениям
 (СВС), 252–253
 Советский Союз, 87–89
 бывшие республики, 44, 62–63,
 65–66, 98–99
 коммунистический режим, 137–
 138, 140–141, 206
 крах, 87–89, 104–105
 права человека, 82
см. также Россия
 Соединенные Штаты Америки:
 валовой внутренний продукт
 (ВВП), 171–172
 внешняя политика, 192–193, 252–
 253
 внутренняя политика, 171–172,
 274–275, 279–281, 285
 восприятие в исламском мире,
 137–138, 141–142, 154–155, 165
 выборы, *см.* выборы (президент-
 ские) в США
 высший класс, *см.* аристократия
 группы особых интересов, 172,
 176–177, 183–193, 200–201, 214–
 215, 254–256, 268–269, 272–274,
 284–285
 демократические традиции, 3–4,
 10–14, 40–43, 106–107, 165–166,
 170, 172, 245–246
 доход на душу населения, 171–172
 законодательная власть, 11–12,
 178–181, 181–182, 202, 213–214,
 264–265
 изоляционизм, 46–47
 иностранная помощь, 70–71, 145
 Калифорнийский университет,
 208
 колониальный период, 17, 35–36,
 35–36, 40–41, 72–73, 179, 201–
 202, 224
 культурные нормы, 2, 231–241,
 255–256, 260–263
 общественное мнение, 13–14, 93–
 94, 172–173, 179–181

политические институты, 172–
 173, 176, 176, 214–215, 251–263,
 266, 274–275, 281, 282–283
 политические партии, 178–193,
 193–198, 214–215, 254–255
 политическое разочарование,
 171–215, 266, 281–283
 потребительство, 231–232, 240–241
 правовая система, 10–11, 11–12,
 178–179, 233–235, 244–248, 266,
 274–275
 природные ресурсы, 70–71
 религия, 224–236
 сельское хозяйство, 185–186
 социальные изменения, 148–149,
 196–198, 219, 240–241
 средний класс, 40–43
 финансовые рынки, 216–224, 242–
 243, 249–251
 экономика, 44, 70–71, 171–172,
 188–189, 208–209, 216–217, 264–
 265, 274–275
 южные штаты, 108–109, 173, 196
 как мировая держава, 3–4, 137–
 138, 160–161, 171–172
 как светское общество, 147, 154–155
 Сократ, 21
 Соломон, 128
 Сорос, Джордж, 214–215
 Сото, Эрнандо де, 74–75
 социал-демократы, 53–54, 260 (прим. 2)
 социализм, 53–54, 140–141, 147, 171–
 172, 264–265
 «социальное обеспечение для кор-
 пораций», 276
 социальное страхование, 174–175,
 197–198
 социальные услуги, 150–151
 «сочувствующие консерваторы»
 (США), 195
 Спиро, Дэвид, 118
 средние века, 24–25, 27–28, 31–32, 37,
 154–155
 средний класс *см.* буржуазия
 средства массовой информации,
 241–242, 255–257

степень доверия к правительству,
 172–173
 Стефанопулос, Джордж, 193–194
 Стимсон, Генри, 246–247
 Стокман, Дэвид, 187–188
 строительство автострад, 208
 субсидия на мохер, 185–186, 189–190
 суд по «делу Скоупс» (1925), 226
 Сукарно, 136–137
 Сулейман Великолепный (гурецкий
 султан), 142
 Сухарто, 6, 85, 121–122
 Суэцкий канал, 145, 222–224
 Сюй Венли, 82–83

Т

Таиланд, 48, 69, 85
 Тайвань, 48–49, 65–66, 67, 74, 91, 162,
 278–279
 Тайлер, Джон, 243–244
 «Тайм», 204, 207–208
 «Тайм инкорпорейтед», 237
 «Талибан», 127, 131–132, 143–144,
 154–155
 Танзания, 49, 136–137
 Тауни, Р.Х., 242
 Твитчел, Джеймс, 240–241
 Тейлор, А.Дж.П., 264–265
 телевидение, 3–4, 7–8, 242, 255–256
 терроризм:
 борьба против, 172–173, 175–176,
 266–267
 корни, 143–144
 и оружие массового поражения,
 3–4
 террористические акты 11 сентяб-
 ря 2001 года, 3–4, 100–101, 125–
 126, 143–144, 172–173, 175, 175–
 176, 188–189, 233–235
 Тивари, Хари Шанкар, 111–112
 «Титаник», 262–263
 Тито, Иосип Броз, 6, 136–137
 Токвиль, Алексис де, 11–12, 14 (прим.),
 41–42, 106–107, 169–170, 225–226,
 246–247

Тоledo, Альберто, 102–103
 «толкование вигов», 295
 Томас, Роберт, 37
 Тора, 128
 тори, 40–41, 55
 Торо, Генри Дэвид, 226 (прим.)
 «третий мир», 50–51, 74–75, 74–75, 82, 91, 103–104, 121–122, 131–133, 139–140, 280–281
 «Третья волна» (Хантингтон), 7
 Тридцатилетняя война, 32
 Троцкий, Л., 52
 труд, специализация, 37
 трудовая этика, 47
 Тсонгас, Пол, 194–195
 Тунис, 76, 78
 Турция, 76, 77–78, 132, 158–159, 158–159
 «Тысяча и одна ночь», 142
 Тэтчер, Маргарет, 204
 тюрьмы, 208

У

«Уикли стандарт», 209
 Уилки, Уэнделл, 196
 Уинтроп, Джон, 225–226
 Уитмен, Уолт, 226 (прим.)
 Уиртлин, Ричард, 206
 Украина, 90, 98–99, 102–103
 ультранационалисты, 52–53
 умма (исламская община верующих), 32 (прим.), 130
 Университет им. Боба Джоунса, 228–229
 Уолл-Стрит, 216–217, 249–251
 «Уолл-Стрит джорнэл», 249–250, 256–257
 Уорнер, Эндрю М., 70
 Уотербери, Джон, 263 (прим. 12)
 Уотергейтский скандал, 174–175, 181, 182, 229
 уровень грамотности, 69, 140–141, 151–152, 278–279
 уровень преступности, 148–149
 «утверждающие» действия, 211–213

«Утраченный рай» (Питер Шраг), 208–209

Ф

Фахд (король Саудовской Аравии), 130
 фашизм, 1, 62, 150–151, 169, 283–284
 «Федералист», 48–49, 106–107, 191, 244–245
 Федеральная комиссия по торговле (США), 249–250
 Федеральная резервная система (США), 216–217, 242–243, 266, 268, 273, 274–275, 276–277, 279–280
 Федеральное бюро расследований (ФБР), 279–280
 феодализм, 27–28, 33–34, 36, 37–38, 40, 41–42, 44, 57, 60–61, 72–73, 74–75, 163
 Феодосий, римский император, 24
 фессалоняне, 24
 фетва, 130
 «Фиделити», 220–221
 «Филадельфия инкуайерер», 256–257
 Филиппины, 69, 102–103, 155
 Филмор, Миллард, 176
 Финлей, Джеймс Дж., 210
 Фокс, Висенте (президент Мексики), 75–76
 Фолуэлл, Джерри, 127–128, 129–130, 230–231, 233–235
 Фонд наследия, 253–254
 фонд «Общественное мнение», 93–94
 фондовый рынок, 216–217, 217–218, 220–224, 249–251, 270, 281–282
 крах фондового рынка (1929), 220–221
 «Форин афферс», 252–253, 274–275
 Франко, Франсиско (испанский диктатор), 62, 66–67, 136–139
 Франц Иосиф I (австрийский император), 52–53, 54–56
 Франция:
 аристократия, 34–35, 37–38, 58–59

бюрократия, 243–244, 269–270
 валовой внутренний продукт, 144–145
 Генеральные Штаты, 32–33
 государственные монополии, 7–8
 демократические традиции, 57–60, 68
 колонии, 51, 137–138
 молодежный бум, 148–149
 монархия, 26–27, 34, 54–55, 59–60
 Национальная Ассамблея, 58–59
 Третья республика, 59–60
 централизация власти, 106
 экономический рост, 47
 и Европейский Союз, 270–271
 Французская революция, 34–35, 148–149
 Фрейд, Зигмунд, 52–53
 Фридман, Томас, 3, 222–224
 «Фридом хаус», 126
 Фридрих II (прусский король), 33, 57–58
 Фронт исламского действия, 125
 Фрум, Давид, 199–200
 Фукидид, 119–120
 «Фундаментальные принципы» [протестантизма], 226
 Фундаментальный статут Коннектикута, 9–10
 Фэллоуз, Джеймс, 256–257

Х

Хайдер, Йорг, 270–271
 «Хамас», 124–125, 150–151
 Хантер, Джеймс Дэвисон, 232–233, 235–236
 Хантингтон, Самюэль, 7, 44
 Харрисон, Бенджамин, 243–244
 Харрисон, Уильям Генри, 243–244
 Хасан II (король Марокко), 78
 Хассет, Кевин, 188–189
 Хатами, Мухаммед, 157
 Хатчинсон, Анна, 225–226
 Хейкал, Мухаммед, 137–138
 Хейс, Резерфорд Б., 176

Хельсинский заключительный акт, 8–9, 81–82
 «Хизболла», 150–151
 хлопководы, 186
 Хобсбаум, Э. Дж., 295
 Холбрук, Ричард, 5
 «холодная война», 74–75, 98, 140–141, 171–172, 192–193, 277
 Хомейни (аятолла, Иран), 151–152, 156–157
 Хорватия, 44, 76, 99–100
 Хофstadter, Ричард, 41, 202
 хунты, военные, 49
 Хурани, Альберт, 139–140
 Хусейн, Саддам, 96–97, 134–135, 140–141, 145–146, 164–165
 Хусени, Исхак, 137–138
 Ху Яобан, 81
 Хьюит, Дон, 241

Ц

Центральная Америка, 74–75
 Центрально-Африканская Республика, 102–103
 Центральный парк (Нью-Йорк), 242–243

Ч

Чавес, Уго, 95–96, 102
 Чагла, М.К., 113–114
 Чад, 167–168
 частная собственность, 6, 8–9, 23–24, 37, 41–43, 57, 58–59, 74–75, 74–75, 203–204
 частные школы в США, 257–258, 260–261
 чеболи, 49–50
 «Чейз Манхэттен бэнк», 216–217
 Черноу, Рон, 216–217
 Чечня, 87–88, 266–267
 Чешская Республика, 44, 62–63, 64–65
 Чжао Цзыян, 81
 Чиг, Майкл, 97–98

Чили, 47, 49–50, 70, 74, 94, 103–104,
162, 165, 278–279
Чэнь, Шуйбянь, 65–66

Ш

Шанхай, 81–82
шариат, 127
Шариф, Наваз, 100
Шастри, Лал Бахадур, 113–114
Швейцария, 206–207
Швеция, 7–8, 106

Шеварднадзе, Э., 98
Шерман, Гарри, 236–237
Шиббли, Марк, 233–235
Шиль, Эгон, 52
Шкляр, Юдит, 35–36
школьные ваучеры, 197–198, 214–
215
Шлезингер, Артур, старший, 106
Шницлер, Артур, 52
Шоун, Уильям, 302 (прим. 12)
Шраг, Питер, 208–210
Штраус, Рихард, 52
Шэньчжэнь (КНР), 81

Э

эволюционная теория, 226
«Экономист», 99, 208–209
«ЭксонМобил», 167–168
элиты, 13–14, 16–17, 40, 77–78, 84, 90,
96–97, 138–141, 146–147, 154–155,
197–198, 206, 214–215, 219, 227–228,
238, 241–243, 244–248, 251–263
Элфорд, Уильям, 82

Эмерсон, Ральф Уолдс, 226 (прим.)
«Эм-Си-Ай», 222–224
«Энрон», 249–250
эпоха Просвещения, 32–34
Эразм Роттердамский, 29–30
«эра прогресса», 196, 202, 214–215
«Эрнст энд Янг», 249–250
этические стандарты, 242–251

Ю

Югославия, 5, 6, 116–117, 120, 136–137
Южная Дакота, 202
Южная Каролина, 228–229
Южная Корея, 48–49, 50, 65–66, 74,
85, 91, 137, 146–147, 162, 165, 278–
279
Южно-Африканская Республика, 92,
97–98, 169
юристы, 13–14, 242–243, 243–244,
244–248, 249–250, 257–259, 281–
282
Юсуф (тюркский поэт XIII века), 71

Я

Ядав, Йогендра, 109–110,
ядерное оружие, 118–119
якобинский режим, 58–59
Яков I (король Англии), 39
Япония, 44–45, 74, 128–129, 162, 164
cuius regio eius religio (кто правит, тот
определяет и религию), 32
libertas (свободы), 21–22
Kommerzienrat (коммерческий совет-
ник), 57

Научное издание

Фарид Закария

Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами

Научный редактор
А.И. Антипов

Компьютерная верстка
И.Н. Кузина

Изд. лиц. ИД № 02944 от 03.10.2000

Подписано в печать 30.07.2004 г.
Формат 60х90^{1/16}. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24
Тираж 7500 экз. Заказ № 3801

Научно-издательский центр «Ладомир»
124681, Москва, ул. Заводская, д. 6А

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 5-86218-437-6

9 785862 184372